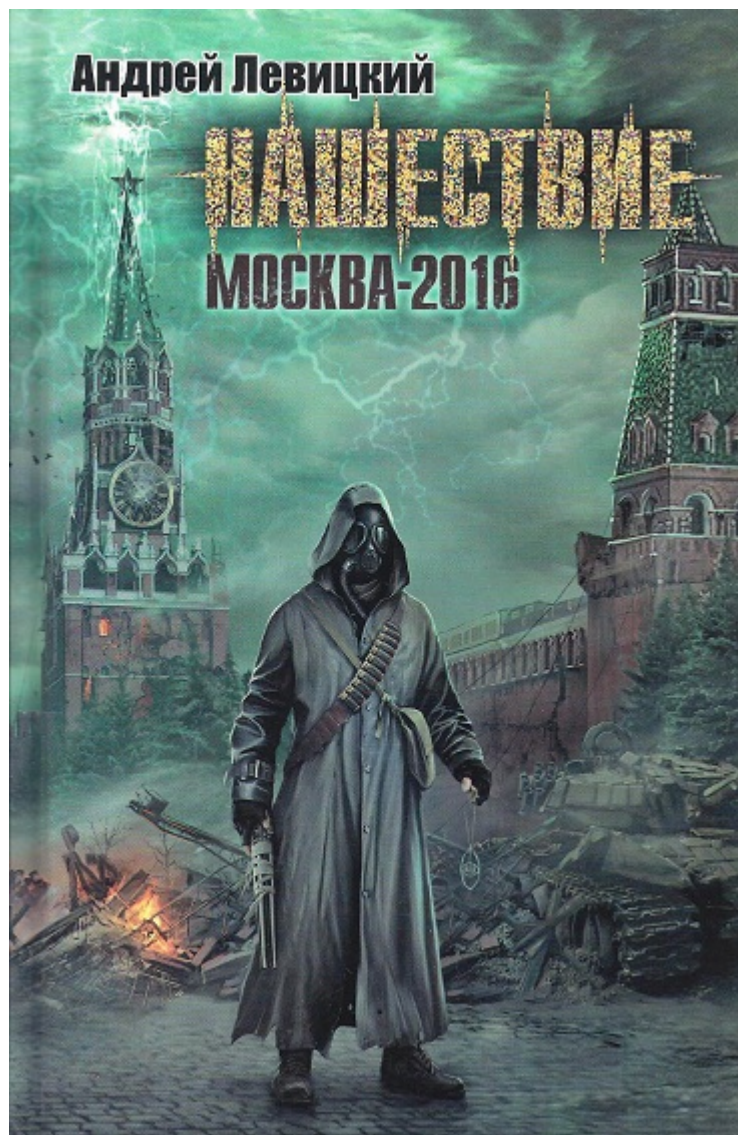

Андрей Левицкий
Нашествие. Москва-2016

Аннотация

Кремль горит. Часы Спасской башни встали. Собор Василия Блаженного превратился в развалины, а Красную площадь топчут подошвы чужих сапог.

Москва под колпаком. Но только ли она в опасности? А может, вся Россия? Или весь мир?

Разрушенные кварталы, брошенные дома, отряды повстанцев и горожане, которые прячутся от вражеских патрулей, — вот что такое НАШЕСТВИЕ.

Врага, подобного этому, не было еще в истории человечества!..

**Андрей Левицкий
НАШЕСТВИЕ
Москва-2016**

Автор благодарит Александра Прохорова, Елену Балову, Алексея Смирнова, Андрея Русина, Сергея Антипенкова, Алексея Бобла, Глеба Острожского, Сергея Ковалева и Кирилла Куприна — эти люди стали настоящими соавторами «Нашествия», придумав много интересных сюжетных ходов и оказав другую труднооценимую помощь.

**ЧАСТЬ I
Вторжение**

ГЛАВА 1

Опоздать было бы катастрофой, и Кирилл все чаще глядел на часы. Надо бросать учебу, размышлял он, вот прямо сейчас встать и уйти из аудитории, и больше не возвращаться сюда. Ну зачем ему этот Экономический факультет? Только время зря теряет... Такая опасная

операция, он столько готовится — и теперь сидит здесь, нервничает и ждет, когда же их отпустят.

Откинувшись на неудобную спинку, Кир вздохнул, и соседка, крашеная брюнетка Анжела в розовой кофточке и юбке длиной сантиметров этак пять-семь, покосилась на него.

С презрением, надо сказать, покосилась. Оно и понятно — Кирилл обычно таскал растянутые футболки или свитера, линялые джинсы и старые кеды. Не стригся месяцами, отчего перепутанные патлы свисали до плеч. Нам, настоящим мужикам, на моду плевать! Хотя для «настоящего мужика» у него были слишком тонкие черты лица, слишком острый подбородок, слишком средний рост и, будем смотреть правде в глаза, а не в какое-нибудь другое место — не слишком крупные мускулы. Он был худым, гибким — из тех людей, кто не отличаются твердостью костяка, зато могут гнуться, как лоза, и не ломаться под ударами судьбы. У Кирилла Мерсера был прямой нос, черные волосы, быстрые плавные движения и раскосые, слегка «японские» глаза неопределенного цвета. Не то зеленые, не то карие, они менялись в зависимости от освещения. За японца Кира не принимали, но все же было в его внешности нечто едва уловимо азиатское.

— Чего сопнешь? — бросила Анжела. — Не мешай слушать.

Кирилл промолчал. Слушает она там кого-то... На самом деле отношение к нему Анжелы было вызвано не старыми дешевыми шмотками и не отсутствием модной прически. Еще в начале семестра первая красавица курса дала понять, что не прочь закрутить с Киром любовь. Удивительно, что она запала на какого-то «лохмача», как обозвал его однажды однокурсник Витечка Сикорский, сын богатого папы из столичной администрации. Кирилл и одевался как начинающий бомж, и держался особняком, и взгляд имел какой-то странный, отсутствующий, вроде он постоянно думает о чем-то своем и видит то, чего не видят окружающие. Людей это в лучшем случае нервирует, а в худшем — вызывает агрессию. Наверняка Витечке, который верховодил на их курсе, носил дорогой модный прикид и приезжал на пары в новенькой иномарке, досадно было, что Анжела, за которой он ухлестывал, предпочла нелюдимого доходягу с тощим бумажником. Видно, было в Кирилле что-то такое необычное, загадочное, что привлекало жадных до романтики девушек... Все бы ничего, да вот только его-то как раз Анжела не привлекала — наоборот, совсем ему не нравилась, не любил он таких вот расфуфыренных самодовольных девиц, похожих на пластмассовые куклы. Поэтому он Анжелу с полным равнодушием к ее чарам отшил. Чем, естественно, вызвал к себе жгучую ненависть.

А теперь вот они за одну парту попали. Просто потому, что Кир опоздал на последнюю перед экзаменами летнюю консультацию, и под укоризненным взглядом препода вынужден был сесть на первое же свободное место.

Он еще раз глянул на часы — если б знал, что все так затянется, просто плюнул бы на консультацию! Да и что за глупость вообще: заявиться перед таким важным делом в МГУ! Хотя дома он нервничал, ходил из угла в угол, деваться было некуда, вот и пошел сюда — пересидеть. По расписанию преподаватель должен был закруглиться еще сорок минут назад, но паникующие из-за близкого экзамена студенты наседавали кучу вопросов, и дело затянулось.

Но вот наконец препод отошел от доски, пожелал всем удачи на экзаменах и стал собирать книги со своего стола в портфель.

Студенты зашевелились, заскрипели партами. Кир поднялся, взяв потертую джинсовую сумку. По всей аудитории зазвучали голоса. Анжела сидела на том же месте, загораживая ему проход. Достала зеркальце и, сложив губы сердечком, стала их с надменным видом подкрашивать.

— Дай пройти, — бросил Кирилл, думая о своем.

Вышло ненамеренно грубо — очень уж он спешил и потому не следил за интонациями.

Девушка резко повернулась к нему, явно собираясь выдать в ответ что-нибудь ласковое, но Киру было не до препирательств. Он вскочил на парту, пробежал по ней, наступив случайно кедом на угол анжелиной тетрадки с розовой обложкой в каких-то гламурных

цветочках и оставив на ней грязный отпечаток подошвы. Спрыгнул и метнулся к выходу, толкая студентов.

— Мерсер, паскуда, ты что делаешь?! — завопила Анжела вслед.

Экие словечки — из уст интеллигентной девушки, студентки третьего курса МГУ!

Кир выскочил в коридор и там вспомнил, что забыл купить энергетик, который ему сегодня ну просто необходим. Пришлось зайти в буфет при студенческой столовой. Сунув в карманы две поллитровые банки «Дикого быка», он снова выбежал в коридор, ссыпался по лестнице, пересек полный голосов просторный холл, шагнул наружу, под небывало жаркое для июня солнце — и наткнулся на высокого, широкоплечего, как всегда тщательно выбритого, в дорожной рубашке и джинсах долларов этак за пятьсот Витечку Сикорского. Да не одного, а с верным его дружкой, таким же гладколицым и зализанным Жорой Падженовым, обладателем огромного торса и выпуклой груди профессионального качка.

Оба были примерно на голову выше Кирилла, перед этими двумя он казался каким-то маленьким, юрким, суетливым — неубедительным, короче. Между ними, немного позади, стояла Анжела и держала Витю за локоть. Так вот оно что... Сикорский, стало быть, добился своего? Или пока еще нет, а только движется к желанной цели, спрятанной у Анжелы под юбкой?

Кир шагнул было в обход, но Витек переместился так, чтобы снова закрыть ему дорогу.

— Почему девушек обижаешь, Мерсер? — презрительно спросил он.

— Место свое забыл в этом мире, — бросил Жора, окидывая Кира таким взглядом, словно тот был мокрицей, только что выползшей из выгребной ямы.

— Что вам? — Кир, успевший уже начисто позабыть про короткую сцену в аудитории, увидел запятнанную подошвой кеда тетрадку в руке Анжелы и сообразил, наконец, чего они к нему пристали. — А! Прошу прощения, я случайно...

Кирилл действительно очень спешил, и все мысли его сейчас были о предстоящей операции, и потому он вообще слабо понимал происходящее. То есть понимал, конечно, но, так сказать, краем сознания, выделив на окружающую реальность лишь незначительные проценты от своей оперативной памяти и мощности центрального мозгового процессора. Алгоритм-то прост: у тебя есть цель, на пути к ней возникло препятствие, значит, это препятствие следует преодолеть наименее сложным и энергозатратным способом... И он просто нырнул мимо Жоржа, чтобы побыстрее сбежать по лестнице.

— Что ж ты невежливо так? — прогудел качок и ухватил его за воротник.

И тут же Витек Сикорский ударил сбоку кулаком в скулу — чувствительно ударил, хотя и не так чтобы очень.

Кир еще успел заметить, как мстительно сверкнули глаза Анжелы, а потом вступила в действие одна из программ, вложенных в него тренером. Так сказать — утилита¹ драки.

Он присел, вывернувшись из-под руки Жоры, и костяшками пальцев врезал Витьку снизу в подбородок — то есть не совсем в подбородок, а в мягкую ложбинку между ним и шеей.

Вообще-то, таким ударом можно и убить. Только у Кира для подобного не хватило бы ни силы, ни умения, все-таки его тренировали в основном с катаной, да и с нею Кириллу до истинного мастерства было пока что как пешком до Тибета. Но даже его не слишком ловкий и точный удар произвел на Витечку неизгладимое впечатление: тот заперхал, как бывалый курильщик ранним утром, захаркал, взмахнул руками и стал валиться на спину.

Он упал бы позорно навзничь прямо на каменных ступенях Университета, в окружении гомонящей толпы студентов, если бы Жора не подхватил его за плечи. Анжела ойкнула. Жора разинул рот. Кир рванул вниз по лестнице — еще немного, и он точно опоздает!

— Э, ты что делаешь? — прозвучало неподалеку. — Витек, что происходит?!

На бегу Кир кинул взгляд через плечо — из дверей Университета вывалили два брата Марковских, дружки Жоры по спортзалу.

¹ Утилита (utility или tool) — компьютерная программа, расширяющая стандартные возможности оборудования и операционных систем, выполняющая узкий круг специфических задач.

После лестницы он сразу повернул влево. На университетской стоянке свою машину Кирилл никогда не ставил — ни ту, старую, ни эту, новую, на которой прикатил впервые. Скула болела... а если там синяк прямо перед операцией появится?! Чертов Сикорский, надо было ему вообще кадык в гортань вбить! Сзади закричали, но Кир больше не оглядывался. Свернув за угол ближайшего дома, obeжал мусорный бак и вдавил кнопку на брелоке, который вместе с ключом зажигания нащупал в кармане. Сигналка пискнула, он распахнул дверцу машины, аккуратно положил сумку на сиденье, залез, завел мотор.

Но вырुлить с асфальтового пятка между баком, газоном и заколоченным ларьком не успел, путь преградила все та же компания: Жора, держащийся обеими руками за горло Витек, братья Марковские и Анжела.

Глаза ее стали большими-пребольшими, когда она увидела «лохмача» за рулем новенькой синей «инфинити», которая стояла... ох и много она стояла — примерно как пять-семь иномарок вроде той, на которой разъезжал Витя Сикорский.

Остальные тоже опешили, кроме Жоры, который для этого был слишком туп. Он шагнул навстречу, заноса кулак.

Кирилл газанул, и джип покатил напрямик на качка.

Анжела снова ойкнула, но теперь с другим выражением — скорее изумленно. Закричал один из Марковских, что-то промычал Витек, а Жорж грузно отскочил и упал, зацепившись за бордюр.

Едва не задев боком мусорный бак, «инфинити» проехал мимо растерянных студентов. Кир круто повернул — и с ходу влился в не слишком плотный поток машин, едущих по Ломоносовскому проспекту в сторону Кутузовского.

Конец, бросаю этот идиотский универ! — сказал он себе, потянувшись к бардачку, где лежали сигареты. Ладно бы, на кибернетику поступил, но экономический... Чего на парах скучать каждый день и с кретинами вроде Жоры или Марковских общаться?

Но он знал, что не бросит. А все из-за мамы. Она всегда была честной и надеялась, что и сын у нее такой же вырастет. Честным, хорошо образованным, получит престижную работу и станет уважаемым членом общества. Банкиром, к примеру. После Экономического факультета как раз в банкиры и дорога. Знала бы мама, чем теперь сын занимается... Вот и получается, что Кир, продолжая учиться, просто исполняет ее мечту, чтоб совесть не мучила.

И нечего было на новой машине туда приезжать. Хотя, с другой стороны, на хрена она тогда вообще нужна, если на ней не ездить? Поставить на стоянку и любоваться? Так лучше уж продать сразу да купить на эти деньги какой-нибудь... да вот домик какой-нибудь купить в горах, в том же Тибете — давняя мечта! То есть «давняя» — это значит уже больше года он о таком домике думает. Скрыться там от глаз Артемия Лазаревича и Лагойды надолго, пока им не надоест искать.

Ему надо было очень быстро доехать до Подольска. Климат-контроль жужжал вовсю, но в кабине все равно было жарковато. Кирилл открыл банку энергетика, сделал несколько глотков, вытащил сигарету из пачки и закурил. Покосившись на сумку, лежащую на соседнем сиденье, протянул к ней руку и похлопал ласково. Скоро ты мне понадобишься. От тебя все будет зависеть. Находящийся внутри лэптоп Кирилл воспринимал как живое существо — вроде любимой собаки, умной и абсолютно послушной. Хотя сейчас в лэптопе, кроме прочего, сидела большая программа, засунутая туда спецами Артемия Лазаревича. А ведь Кирилл свою машинку знал «от» и «до» — любые драйвера, самые простые утилиты проверял, прежде чем загрузить. И эта программа, которую вскоре предстоит запустить, казалась ему... Ну, как большой опасный червяк, глист в желудке любимой собаки.

Хуже всего, что ему было запрещено копаться в проге, и он не мог определить, что это такое и как работает. Хотя догадывался, конечно. Но хотелось бы ясности, — а нарушить указания заказчика Кирилл боялся, слишком уж серьезно глядел на него в последний раз Артемий Лазаревич, и слишком многозначительно улыбался Лагойда, начальник его службы безопасности.

Он повернул, не снижая скорости, перешел в левый ряд, обогнал две машины, ушел

вправо. Впереди показались окраинные дома Подольска. Докурив, Кир смял сигарету в пепельнице, хлебнул еще энергетика и перед первым городским светофором снизил скорость.

Он готовился к этому делу около двух месяцев, потому что тут требовалось не только хакерское, но и обычное, то есть физическое, проникновение на охраняемую территорию. Артемий Лазаревич выдал аванс в виде дорожущего новенького джипа, и уже одно это говорило о важности предстоящей операции — заказчик был не из тех, кто тратит деньги почем зря, именно потому он и стал олигархом. Фамилию Артемия Лазаревича Айзенбаха очень редко упоминали газеты и склоняло телевидение, что необычно, ведь как правило, такие люди на виду. Но Айзенбах умел быть незаметным, оставаться в тени.

После успешного окончания операции он обещал еще и подземный гараж на проспекте Вернадского, где Кир недавно купил большую двухкомнатную квартиру. И вот какой вопрос тут возникал: почему работодатель, раньше переводивший оплату на кипрский счет, изменил привычке, отдал нулевую тачку и посулил дорогой гараж для нее?

Не потому ли, что деньги с чужого счета Артемий Лазаревич назад никак не вернет, а вот машину его охрана может попросту угнать и спрятать на территории московского отделения консорциума «Старбайт», принадлежащего олигарху?

Не потому ли, что заказчик не очень-то верит, что исполнитель останется жив после окончания этого дела? То есть после самого дела, вероятно, останется... но что с ним сделает потом сам Артемий Лазаревич? Что, если он собирается, как говорится, подчистить концы? Стереть, так сказать, ненужный софт?

Хотя Кирилл Мерсер ему нужен, очень нужен. Но на этот раз украденное настолько важно, что Айзенбах даже пустит в расход своего хакера?

Он остановил машину в квартале от нужного здания, возле тенистого скверика. Большой город остался позади, Подольск после столичного шума и суеты казался тихим, спокойным, сонным. Хотя именно здесь находился государственный научный центр «РосТехноКонсалтинг», построенный после того, как правительство наконец сообразило, что мериться с соседями лучше высотой своих технологий, а не длиной своих нефтяных труб.

Не вылезая из машины, Кирилл опустил спинки задних сидений, вытащил из багажника большую сумку и переоделся: синий комбез с желтой молнией и нагрудной биркой «ТЕХНИЧЕСКАЯ СЛУЖБА РТК», синие туфли, синяя кепка. Лэптоп из сумки переложил в матерчатую, тоже синюю, с железной бляхой, такая же надпись сообщала, что обладатель сумки из технической службы. Всем этим, включая тщательно подделанное удостоверение, его снабдили люди Айзенбаха. А вот данные Виктора Мозгового (это имя стояло в удостоверении под фоткой Кирилла) в компьютерную сеть «РосТехноКонсалтинг» он внес сам, перед тем потратив больше месяца на медленное, тщательно законспирированное проникновение в святая святых этого предприятия — локальную сеть внутреннего уровня, состоящую всего из семи компьютеров и небольшого сервера, спрятанного в подвале одного из корпусов РТК.

Проблема в том, что компьютер, где хранились нужные олигарху данные, не был вообще подключен ни к какой сети. У него просто не было ни сетевого выхода, ни вай-фая, ничего. То есть к нему надо подключиться напрямую — воткнуть флешку в порт и переписать из машины информацию.

Собрав волосы в хвост, Кирилл спрятал его под кепкой, которую повернул козырьком назад. Нацепил большие круглые очки в дешевой оправе, вышел и закрыл машину. Перекинув ремешок сумки через плечо, он вразвалочку прошествовал к южной проходной «РосТехноКонсалтинга», по дороге купил мороженое в ларьке. С мороженым, как он решил, вид у него будет свойский, вызывающий доверие.

Было тепло и тихо, солнце расплывалось в больших стеклянных дверях проходной. Негромко играло радио. Дежурная смена состояла из двоих в форме, с кобурами на ремнях, и молодого мужчины в гражданском костюме, сидевшего за компом возле массивного стального турникета. За турникетом начинался проход между тумбой и стеной, а дальше холл с диванчиками и пальмой в кадке. Поверх тумбы шло стекло, отгораживающее место, где

находились охранники.

Кирилл отсалютовал им вафельным стаканчиком, очень надеясь, что выглядит естественно и, как бы это сказать... расслабляюще.

Один охранник вообще не обратил на него внимания — глядел в монитор под потолком, откуда доносился какой-то нестройный шум, — второй окинул взглядом с ног до головы. И нахмурился.

— Покажите удостоверение, — бросил молодой равнодушно.

Кирилл достал «корочку» из кармашка на груди, раскрыл и сунул в щель под стеклом.

Бронированное, похоже. Вообще, у них тут все продумано: проход за вертушкой узкий, в конце его торчит край выдвижной перегородки, наверняка на электроприводе. Нажал на кнопку — и защита выскочила из стены, перекрыв дорогу, и пока злоумышленник будет через нее перелезать, охранники его запросто положат.

— Виктор Мозговой... — негромко произнес мужчина в костюме, перевел взгляд на лицо Кира, сверяясь с фотографией, и защелкал по клавиатуре.

Кир дожевывал мороженое. Поправил кепку. Мужчина удостоверился, что такой человек и правда значится в технической службе РТК в должности младшего наладчика, занес в компьютер данные о времени его прихода на службу и сунул удостоверение обратно.

— Проходите.

— Ага, — кивнул младший наладчик Виктор Мозговой и положил руку на тихо клацнувший турникет.

Толкнув стальную дугу, он шагнул в проход, и тут один из охранников сказал с легким белорусским акцентом:

— Что-то я раньше тебя не видел, хлопец.

Кир с легкой полуулыбкой пожал плечами и бросил развязно, надеясь, что взял верный тон:

— Ну, батя, я тебя тоже раньше не видел.

Охранник навалился локтями на тумбу, и Кирилл, с трудом преодолев желание рвануть вперед, приостановился.

— Я тут сутки через трое по жизни дежурю, — заявил «белорус». — А ты...

— А я, — Кирилл повернулся к нему, — центральной проходной по жизни пользуюсь. Той, что с проспекта Новой России ведет. Это уважительная причина, почему ты меня не видел?

Охранник окинул его взглядом с ног до головы.

— А чего ж сегодня здесь пошел?

Кирилл пожал плечами.

— По другой улице на работу приехал, ну и здесь ближе оказалось.

— А-а, — неопределенно протянул «белорус». — Ну, ясно.

Он распрямил спину, и Кир пошел дальше, про себя переведя дух, но охранник добавил:

— А чего так поздно на работу являешься? Вторая смена уже час как началась. Да и не положено так вообще-то, через разные проходные, мы ж учет ведем. Петрович, а ну-ка передай им, что данный гражданин сегодня через нас появился, да с опозданием. Или нет, погоди, я сам звякну, там же Миша сегодня дежурит, он...

Говоря это, охранник неторопливо зашагал к лежащему на другом конце тумбы радиотелефону, и каждый его шаг приближал операцию к провалу, а Кирилла Мерсера — лучше не думать к чему... «Белорус» взял трубку, прижал к уху, проверяя, есть ли сигнал, и, близоруко щурясь, стал тыкать пальцем в кнопки. Кирилл остановился в конце прохода. Бежать не имело смысла — куда бежать? Его станут искать по всему РТК и обязательно найдут. Но и назад нельзя, пока он дойдет до турникета, охранник успеет заговорить в трубку... Вот он уже и заговорил.

— Мишка! — крикнул «белорус». — Слышишь, Витя беспокоит! Тут у нас хлопец один...

Второй охранник, все это время не отрывающий взгляда от монитора под потолком, заорал:

— Гол!!!

Льющийся от монитора шум плеснулся, и стало понятно, что это приглушенный рев трибун.

— Кому?! — взревел «белорус», бросаясь к нему с трубкой, прижатой к уху.

— «Нашим»!

— А-а-а!

Тут ему из трубки наверное что-то сказали, что-то неласковое, потому что «белорус» прохрипел:

— Звиняй, Миша, это я не тебе! Все, отбой!

Кирилл, покрывшийся потом от макушки до пяток, зашагал дальше. Вот уже тумба позади, и холл, и диванчик, где сидят двое серьезных мужчин в костюмах, положив на низкий столик кожаные «дипломаты»... он толкнул стеклянную дверь, ведущую на территорию РТК, а позади «белорус» со вторым охранником выражали свое авторитетное мнение насчет того, что «наши» нынче уже не те...

А Кирилл был уже во дворе — и закрывшаяся дверь отсекала его от разговора охранников, от холла, турникета с бронированным стеклом, в общем, от первого серьезного препятствия в этой операции.

Таких препятствий оставалось еще четыре: вскрыть другую дверь, скачать необходимые Артемию Лазаревичу данные, закинуть его программу на лабораторные компьютеры и покинуть территорию, не подняв тревоги.

Двор РТК был затейливый, с садиком, аллеями, фонтаном, мостками через канал с весело журчащей водой. Ясное дело, старшему и младшему научному персоналу, создающему на благо страны и ее хозяев нанороботов, трансгенные продукты и новейшие типы вооружений, надо хорошо отдыхать в обеденный перерыв.

Он как раз начался: по аллеям прогуливались люди в костюмах с галстуками, белых халатах или синих комбезах, сидели на скамеечках, глядели с мостков в воды канала и чинно беседовали.

Собственно, именно на обеденный перерыв Кирилл и рассчитывал. А еще на то, что называют человеческим фактором. Ведь это был именно государственный научный центр, а что такое государство? Известное дело: разгильдяйство, лень, халатность, в общем, он самый и есть — человеческий фактор. Именно из-за него иногда тонут ядерные подлодки и накрываются свинцовым тазом саркофага атомные электростанции.

Именно человеческий фактор помог Киру попасть в одно из зданий за каналом, миновать два подземных этажа, пройти три коридора, лестницу — и очутиться перед запертой металлической дверью с табличкой:

ЛАБОРАТОРНЫЙ ЗАЛ
ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ

Над ней была еще одна, световая, с красными буквами: «НЕ ВХОДИТЬ! ИДЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ!», сейчас погашенная.

Вверху остался шум голосов и сияние панелей дневного света, под лестницей было тихо, горела тусклая лампочка в металлической оплетке. На стене возле двери поблескивала небольшая панель с прорезью. Без единой кнопки, зато с четырьмя винтиками по углам, спрятанными под железными колпачками.

Сердце стучало быстро и звонко, будто стальным молоточком по стальной пластине: так-так! так-так! так-так!

Из сумки он достал универсальную отвертку. Снял колпачки с винтов, вытащил сами винты, потом осторожно отсоединил панель от стены. Положил на пол. Обнажились внутренности: микросхема возле щели приемника, куда надо вставлять электронный

пропуск, аккуратно припаянные тонкие проводки, и один, потолще, уходящий в стену. Такими обычно соединяются компы в локалке.

Кирилл хорошо знал структуру команд идентификации пропуска, его форм-фактор и способ хранения информации. Во всяком случае, достаточно, чтобы перехватывать запросы к карточке и отправлять свои «правдивые» данные. Убрав отвертку в сумку, Кир достал лэптоп, с начала поездки пребывающий в спящем режиме, раскрыл и сунул в USB-порт штекер с проводом двухметровой длины, на другом конце которого сверкнули оголенные жилки. Он положил лэптоп на пол рядом с сумкой, вытащил пинцет со скальпелем. Ухватив провод возле приемника электронного пропуска, надрезал изоляцию и подсоединился к нему.

Опустившись на корточки над лэптопом, включил программу, которую писал около месяца, — она должна была симитировать «правильный» пропуск, вставленный в щель приемника.

Программа заработала.

С лестницы донеслись шаги.

Он моргнул. Здесь никого не должно быть сейчас!

Программа раскрыла одно окно, за ним второе, а после и третье — и в каждом бежали столбцы цифр. Голоса стали громче, Кир разобрал фальцет: «Нет, Паша, теперь я настаиваю на немедленном проведении эксперимента! Ну и что, что руководство не поставлено в известность? В конце концов, эта работа находится целиком в моем ведении... Что, что они вам сказали?!» Откликнулся другой голос, глухой и неразборчивый. Шаги приближались. Первый снова заговорил: «Да вы же понимаете, тут дело не в одобрении, какое мне дело до военных? Они вольны назвать установку „Системой защиты нового поколения“, это не мой вопрос, я всего лишь экспериментирую с вероятностями! И не они оплачивали эту работу, чтобы теперь претендовать на ее результаты! Что? Да, я прекрасно понимаю, в каком государстве живу, но есть же пределы... Что там с генераторами, Паша?» Собеседник ответил: «Подключены все четыре. Мне не хотели подписывать ведомость, сказали — перерасход, зачем так много энергии?» Фальцет взвился: «Но я же объяснял: есть вероятность, что при включении установки будут сбои с электрикой, необходимо автономное питание!»

Программа закрыла два окна. В последнем цифры бежали так, что слились в мерцающий столбик. Шаги стали совсем громкими... а потом хлопнула дверь, и они стихли. И тут же мигнул зеленым светодиод возле щели приемника на стене. Стал красным, замерцал — на экране лэптопа вылезло второе окно, Кир щелкнул по клавише «enter» — окно погасло, и диод снова позеленел.

Кирилл выдохнул. Все это время, то есть примерно с минуту, он не дышал, а теперь дыхнул так, что монитор запотел.

Он выпрямился и раскрыл дверь.

Ничего не произошло. То есть она открылась — и всё тут. Ни тебе рева сирен, ни истошно мигающей красной иллюминации, как бывает в фильмах, ни топота охранников с автоматами. Впереди был просторный зал со сферическим потолком. Полутемный, озаренный только льющим с площадки, где стоял Кир, светом.

Он отсоединил контакт от уходящего в стену провода, достал из сумки тюбик, капнул на разрез черным клейким веществом, которое после застывания вполне убедительно имитировало пластик изоляции. Поставил на место панель, закрутил винты, покапал на каждый прозрачным клеем из другого тюбика, быстро приладил защитные колпачки. Все, теперь при поверхностном осмотре фиг определишь, что в приемнике электронного замка кто-то ковырялся. После окончания основной фазы операции Кир еще собирался подключиться к серверу Службы безопасности и убрать все логи, связанные с посещением лаборатории неустановленным лицом... или, скорее уж установленным, но на самом деле несуществующим. На этом особенно настаивал Артемий Лазаревич.

Перекинув через голову ремень сумки, Кир проник в зал и огляделся, поворачивая фонарик, который вытащил из кармана.

В центре круглого помещения была большая неглубокая воронка — пологая, выложенная тщательно пригнанными плитами, кажется, свинцовыми. Посреди стояло необычное устройство: высокая узкая подставка, на ней толстая спираль — то есть согнутая трубка из металла с зеленоватым отливом. Диаметр самого большого витка был около метра.

Кирилл шагнул дальше, прикрыл дверь за собой. Вдоль стены полукругом шла решетчатая площадка, где на столах мерцали экранами, помигивали и тихо жужжали приборы. Были там и компы, вполне современные, с ЖК-мониторами и эргономичными изогнутыми клавиатурами, но не они привлекли внимание Кира. Поднявшись по короткой лесенке на край площадки, Кирилл сразу увидел *его*. Он состоял из допотопного «телевизора» — то есть монитора с электронно-лучевой трубкой, громоздкого, угловатого, — потертой «клавы», «мышки» без «скролла», вороха разномастных проводов и грязно-белого системного блока. Системник приткнулся возле тумбочки на другом конце площадки и жужжал кулером так, будто собирался взлететь. Монитор на тумбочке мерцал в спящем режиме.

Вот он, человеческий фактор в действии! Вениамина Павловича Буревого, главу проекта, сведения по которому Кир собирался украсть, всякие журналы называли новатором научной мысли, смелым прорицателем и открывателем новых горизонтов. И при этом он был полнейшим ретроградом во всем, что касалось компьютерной техники. От ЖК-мониторов у Буревого болели глаза, хотя болеть они как раз должны были от этого допотопного ящика с его частотой в несчастных шестьдесят герц. От новейших сенсорных клавиатур у него сводило пальцы, а от беспроводных лазерных мышек ученый шарахался, как от чумных крыс. Поэтому и стояла здесь эта развалина, не подключенная к сети из-за общей процессорной немочи и, главное, с полным отсутствием сетевой карты на борту. На этом чуде доисторической техники работал Вениамин Павлович Буревой, в ней хранились основные данные по проекту, носящему название «Купол Абсолюта».

Во всяком случае, так говорил подкупленный Артемием Лазаревичем старший лаборант из «РосТехноКонсалтинга», основной источник сведений, которыми для проникновения в этот зал воспользовался Кир.

Он пересек площадку, по дороге подумав, что у этого раритета нету USB-входа. Откуда ему, собственно, там взяться? Да и сидиром если и есть, то не пишущий. Там же даже «флопик» для доисторических дискет, наверное, имеется...

Компьютер стоял позади высокого железного ящика, полного проводов, мотков изолянта, ножек от мебели и инструментов. Обойдя его, Кир сел на табуретку перед монитором, шевельнул мышкой, чтобы вывести мастодонта из сна, и глянул на панель системного блока. Вот она, закрытая пластиковой шторкой щель дисководов. О Великий Небесный Сисадмин, слышишь ли ты меня? Дисковод! Дискеты! Кирилл не пользовался ими давным-давно. В конце концов, сейчас век лазерных дисков и флешек, куда влезают десятки гигабайтов, а не те неполные полтора мегабайта, которые помещались на стандартной дискете.

Монитор так и не проснулся, пришлось стучать по клавишам. Наконец, после того как Кирилл трижды ударил пальцем по «пробелу», комп ожил.

Ни пароля, ничего... Прямо посреди жутко мерцающего экрана в окружении других ярлыков висела папка, озаглавленная «материалы_по_проекту». Внутри оказались файлы с таблицами, графиками, схемами и текстами, которые пестрили всякими словечками вроде «квантовая суперпозиция», «общая теория поля» и «древо Эверетта». Ну что тут скажешь, может, Вениамин Павлович Буревой и выдающийся квантовый физик, но конспиратор из него, как из Кирилла — укладчик асфальта.

Он припомнил фотографию ученого в Интернете, сделанную во время вручения тому государственной премии: всклокоченная седая шевелюра, вдохновенное лицо, нос крючком, какие-то слегка безумные, не от мира сего глаза... Про самого Кирилла, правда, тоже говорят, что он не от мира сего, но Кир в целом человек тихий, самоуглубленный, а Буревой, судя по фотографии, тот еще баламут.

Ладно, пора работать. И без USB с пишущим сидиромом справимся — было бы что красть, а как украсть мы сообразим.

Поставив включенный фонарик на пол, Кир опустился на корточки и полез за системный блок. Вот почему вентилятор так громко гудит — боковой крышки нет. Грабитель достал из кармана спичечный коробок, а оттуда спичку. Коробок положил обратно, спичку зажал в зубах. Взяв фонарик, сунулся в пыльные недра старого системника, будто тяжелый театральный занавес, развел в стороны шлейфы проводов. Глянул на часы — до конца обеденного перерыва двадцать минут, времени хватает, да и не факт, что после перерыва тут кто-то объявится. По словам подкупленного лаборанта, сегодня в зале вообще никого не должно быть, потому что ближайший эксперимент назначен только на следующий понедельник, а глава проекта вместе с двумя заместителями отбыл на встречу в министерство обороны, которое последние месяцы проявляет все более настойчивый интерес к «Куполу Абсолюта».

Итак, «винт» IDE. Ожидаемо. Переходник, чтобы подключить IDE через стандартный USB-разъем, имеется, так что не проблема.

Кирилл отключил комп, выдернул шлейф из «винта» и вставил вместо него шлейф переходника. USB-конец воткнул в лэптоп. Подождал, когда в его машине определился винчестер мастодонта. Старая файловая система — тоже нет проблем, ведь ПО позволяет увидеть содержимое логических разделов.

Копаться в них было некогда, и он приготовился скачать не только папку с рабочего стола, но вообще все содержимое винчестера, поражающего воображение своими невероятными размерами в семь гигабайт.

Сзади щелкнул электронный замок, дверь в зал раскрылась, и включился яркий свет.

Зазвучали голоса, кто-то ругнулся, зашаркали подошвы по площадке, как бывает, если двое людей тащат что-то тяжелое и громоздкое.

У Кирилла в животе все оборвалось, сердце с глухим уханьем подскочило к горлу и заколотилось там, как насмерть испуганная птичка. Но все же он не шелохнулся — сидел в той же позе, неудобно скрючившись и уставившись в лэптоп, где синяя полоска прогресс-бара показывала, как льются байты с одного «винта» на другой. А за спиной его, за высоким железным ящиком с инструментами началась какая-то оживленная деятельность. Там ходили, деловито переговаривались, чем-то стучали, что-то двигали...

— ...А я говорю, что не позволю им забрать мою работу! — взвизгнул уже знакомый фальцет, и остальные голоса почтительно смолкли. — Думаете, они просто хотят перенести эксперименты в ведомственную лабораторию?! Нет! Они меня убьют, всех нас отстранят, и место главы проекта займет какой-то мужлан, не отличающий бомбу от осциллографа! Мы должны успеть получить конечные результаты, поэтому начинаем немедленно!

Перекачка данных шла полным ходом. Народу позади, судя по звукам, прибавилось, теперь там царила настоящая суeta. На Кирилла не обращали внимания — первые из появившихся в лабораторном зале его просто не заметили, потому что были слишком заняты, а вторые решили, что он пришел с первыми.

Несколько раз кто-то прошел прямо за ним. Винчестер древней машины покряхтывал, синяя полоса в шкале росла — байты, мегабайты, гигабайты информации проносились со свистом...

— Ой, а что это вы?.. Чем вы там заняты?

Кир медленно повернулся.

Позади стояла молодая девушка в белом халатике, курногая и розовощекая.

— Это же компьютер шефа! — театральным шепотом поведала она.

За спиной ее около десятка мужчин занимались разнообразными делами: настраивали приборы, подключали к ним кабели, что-то монтировали, считывали информацию с мониторов, спорили на непонятные темы — в общем, осуществляли научную деятельность. Двое техников в синих комбезах — молодой лопухий парень и коренастый мужчина в возрасте — стоя на карачках, подсоединяли пару скрученных спиралями ярко-красных

проводов к краю свинцовой воронки, где поблескивали большие клеммы.

Кирилл улыбнулся девушке.

— Я знаю, чей это компьютер. А в чем вопрос?

— Назаров, я вас прошу: быстрее, пожалуйста! — воскликнул фальцетом мужчина с всклокоченной седой шевелюрой, носом-крючком и немного безумными, не от мира сего глазами — то есть Вениамин Павлович Буревой собственной персоной.

— Да ладно, закончили уже почти, — брюзгливо откликнулся коренастый в синем комбезе. — Не видите, новый помощник у меня, неопытный.

Курносая, быстро оглянувшись на шефа, склонилась к Кириллу и доверительно спросила:

— Вас Паша вызвал?

Он пожал плечами, постаравшись сделать это так, чтобы жест можно было истолковать по-всякому.

— Я сразу так и подумала, — зашептала девушка. — Вениамин Павлович никого к своему компьютеру не подпускает, а ведь там уже винчестер начал сыпаться. Так вы его наладили?

Передача данных закончилась, лэптоп тихо пискнул и погасил шкалу закачки. Кирилл сказал:

— Кто я, по-вашему, такой? Конечно, наладил.

— Ой, это очень хорошо! Только вас Паша предупредил, это так надо сделать, чтобы Вениамин Павлович не заметил, что кто-то в его машине копался? — Девушка сделала большие глаза и оглянулась на Буревую.

Вцепившись в свою шевелюру и яростно ее дергая, ученый заседал на Назарова, который лениво отругивался, в то время как его «новый неопытный помощник» заканчивал монтировать провода.

— Ясное дело, — кивнул Кир, убирая лэптоп в сумку. — Все чисто и аккуратно, хакер носа не подточит.

— Надо вам теперь тихонько отсюда выйти... — начала девушка, и тут лопухий кивнул Назарову, а тот сказал Буревому:

— Готовы мы.

— Ну так начинаем, начинаем! — замахал руками Вениамин Павлович.

— Шеф, какой коэффициент кривизны ставить? — спросил мягкий баритон.

— Давайте кратный шести. Все по местам! Закройте дверь! И маски надеть — всем, всем! Людочка! Где моя маска?!

— Сейчас! — пискнула курносая и негромко затараторила, обращаясь к Кириллу: — Вы тогда уж здесь побудьте, пока мы эксперимент закончим, только тихонько, хорошо? Я вам маску сейчас тоже дам.

Выпрямившийся было Кирилл плюхнулся на табуретку. Высокий железный ящик скрывал его от большинства людей в зале, но оставаться здесь надолго все равно было слишком опасно. Даже с маской, которую ему вскоре украдкой передала Людочка. Состояла маска из овального окуляра вполлица: резиновый ободок и толстое зеленое стекло.

Спрятав в карман очки, Кирилл надел ее вслед за остальными людьми в зале. Большинство уселись за столами, после чего помещение стало напоминать Центр Управления Полетами в миниатюре, хотя маски и портили общее впечатление.

— Назаров! — позвал Буревой.

— Да все, все уже, — откликнулся тот и вместе с лопухим помощником вернулся на площадку.

Теперь вокруг свинцовой воронки никого не осталось. Спираль, венчающая установку, поблескивала зеленоватым металлом.

— Товарищи! — громко заговорил Вениамин Павлович, и другие голоса смолкли. — Мы присутствуем при великом... не побоюсь этого слова — историческом событии! А потому я не буду говорить долгих речей — наша работа сама говорит за себя. Начали!

Кирилл не разглядел, кто врубил процесс, услышал лишь, как установка загудела.

Сначала медленно, но с каждым мигом все быстрее начала вращаться расположенная в вертикальной плоскости над ней спираль. И при этом мигать тусклым светом.

Кир, выпрямившийся во весь рост позади ящика, быстро оглядел присутствующих. Назаров с лопоухим облокотились на ограждение площадки, позади них стояла, теребя воротник халатика, Людочка. Работники лаборатории, сидя за столами, следили за показаниями приборов, глава проекта нервно прохаживался за спинами подчиненных. Дверь в зал была закрыта, хотя светодиод на ней горел зеленым — то есть открыть ее и выйти наружу можно без электронного пропуска, просто нажав на ручку. Но сейчас проскользнуть к двери не удастся, надо ждать.

Установка тихо гудела, спираль вращалась и мигала.

— Запускаем процесс! — крикнул Буревой, обеими руками вцепившись в шевелюру.

Затарактел стоящий на столе большой агрегат, от которого к воронке тянулись красные провода. Спираль сверкнула, погасла на несколько секунд и начала переливаться тяжелым густо-зеленым сиянием. Непонятно было, откуда оно льется — вроде она состоит из металла, так что же там светится? Ко всему прочему, спираль зазвенела... звук был очень чистый, ясный и казался началом какой-то музыкальной темы, одной длинной-длинной нотой.

Кир моргнул, увидев изумрудный туман, возникший вокруг спирали. Внутри клубились тени, перетекали одна в другую. Спираль вращалась с такой скоростью, что стала висющим в воздухе призрачным кругом.

Людочка отступила на шаг, Назаров с лопоухим застыли, навалившись на ограждение. Буревой что-то выкрикнул фальцетом. Внимание всех присутствующих было сосредоточено на установке — судя по лицам, происходило нечто очень важное, кульминация долгой сложной работы. Кирилл бочком пошел через площадку, не отрывая взгляда от того, что творилось вокруг спирали. Круг потерял четкость, стал висющей в воздухе размытой бледно-зеленой воронкой овальной формы. Она пульсировала, испуская волны сияния.

Запотевшая маска мешала, и Кирилл приподнял ее.

И увидел, что установку накрывает купол зеленого света. В нем проскакивали изумрудные молнии.

Спираль теперь напоминала галактику в миниатюре, состоящую из мириад ярко-зеленых искр. Она вращалась с тихим звоном, во все стороны били молнии, впивались в световой купол и таяли.

Люди поднялись из-за столов. Кирилл тихо продвигался к выходу позади них.

— Да! — прозвучало над ухом. — Получилось! Они будут довольны — это начало новой эпохи!

Голос Буревского переполнял восторг. Быстро шагнув вперед, ученый натолкнулся на медленно семенящего через площадку Кира.

— Что? — вскрикнул Буревой. — С дороги! Вы... Ты...

Теперь они стояли лицом к лицу. Буревой поднял маску на лоб, близоруко прищурился и закричал:

— Кто вы такой?!

Несколько человек оглянулись на них.

— Шеф! — пискнула Людочка. — Вениамин Павлович, это наладчик! Компьютерщик! Он занимался вашей машиной...

— Моей машиной? Кто позволил?

— Но она... Но там ведь винчестер...

— Кто позволил, спрашиваю?! — Буревой схватил Кирилла за плечо, не пуская его к двери.

Коренастый техник Назаров нахмурился и зашагал к ним. Помедлив, за ним направился лопоухий.

— Но ведь надо было починить его, — растерянно сказала курносая. — Это... Его позвал Паша...

— В компьютере все данные по проекту! — Бурево́й повернулся к долговязому бородатому мужчине, вставшему из-за ближайшего стола. — Павел!

— Шеф, я никого не звал вашу машину чинить, — возразил тот.

— Нет? Так откуда этот человек? Он шпион из Минобороны! Похитил данные! — Вениамин Павлович вцепился в сумку на плече Кира и дернул к себе.

Кирилл оттолкнул его. Людо́чка завизжала. Бурево́й отшатнулся с криком:

— Остановить! Не выпускать его!

Лопоухий с Назаровым бросились к Кире, с другой стороны появился бородатый Паша, и Кирилл выхватил из сумки шокер. Он присел, низко пригнувшись, и бородач перелетел через него, с удивленным воплем растянувшись на полу. Шокер клацнул, два металлических кружка на тонких проводках, протянувшихся от квадратного ствола, прилипли к морщинистому лбу Назарова. Тот повалился на пол, запрокинув голову и дергаясь.

А лопоухий с разворота ударил Кирилла ногой.

Вышло неожиданно и больно. То есть Кирилл в последний миг успел прикрыться локтем, но тренер его за такой блок не похвалил бы.

Он ударил в ответ. Помощник Назарова подался в сторону, плечом толкнув Людо́чку так, что она с возмущенным писком отлетела к столу с компьютером. Под рукой Кира оказался ворот чужого комбеза, он рванул — и оторвал большой кусок ткани на груди лопоухого.

Под ней обнаружилась пристегнутая ремнями к телу плата с микрофоном и чем-то еще, очень напоминающим шпионскую электронику.

— Идиот! — злобно бросил лопоухий, принимая стойку карате. — Завалил нам операцию!

— Ты кто?! — выдохнул Кир в полном изумлении. Он успел подумать, что противник, возможно, как раз и есть агент Минобороны, или, может, кого-то из конкурентов Артемия Лазаревича Айзенбаха, или — чем черт не шутит? — он из какой-то западной спецслужбы, и тут за спиной шпиона возникла Людо́чка с большим монитором в руках.

Она ударила им по голове лопоухого. Одновременно сбоку на Кира опять бросился Павел и сбил его с ног. Они покатались по полу, врезались в ножку железного стола. Кирилл оттолкнул бородача, вскочил, получил кулаком по колену, охнул от боли — и тем же коленом врезал встающему Павлу по лицу, сломав маску.

Удар бросил бородача назад, прямо на стол. Со скрежетом подломилась ножка, лопнул винт, и стол начал заваливаться набок вместе с большим агрегатом, от которого к свинцовой воронке тянулись два красных провода.

— Осторожно! — выкрикнул Бурево́й где-то за спиной Кира. — Держите трансформатор!

Но было поздно — стол опрокинулся, и агрегат с грохотом свалился на площадку. Один провод порвался, другой натянулся струной, от клеммы на краю воронки посыпались искры.

Звон зеленой спирали превратился в неприятное надсадное дребезжание. Кирилл, растолкав людей, бросился к двери, но увидел прямо перед собой стоящего на коленях лопоухого. Обеими руками тот держал пистолет. Кир нырнул вбок, пуля свистнула над ухом, ударила в железную столешницу упавшего стола и отрикошетила к установке посреди свинцовой воронки.

На поверхности светового купола разбежался круг сияния, словно от шмякнувшегося в воду камня. Купол мигнул — и начал расти. Покатая вершина полусферы утонула в потолке, выгнутая наружу густо-зеленая стена пересекла зал, накрыла площадку вместе с приборами и людьми, осыпая их изумрудными молниями.

И после она прошла сквозь Кирилла, как раз соскочившего с площадки.

Пространство мигнуло, стало плоским и зеленым, но тут же снова вернулось к прежнему состоянию. Подкосились ноги, в голове загудело. Кир упал на колени возле двери.

Изумрудная галактика над установкой взорвалась роем искр. Воздух с шипением и свистом устремился к ней. Люди попадали, их поволокло к воронке.

У Кирилла затрещали брови, в волосах проскочили искры. Он вцепился в дверной косяк. Кричала Людочка, кто-то ругался хриплым басом, истошно голосил Буревой. Кир встал, пошатываясь, зашагал прочь, преодолевая напор ветра. Сумка с ноутбуком хлопала по ребрам, он прижал ее локтем.

Он был уже в коридоре, когда за спиной раздался громкий хлопок, тугий поток воздуха на мгновение ударил в обратном направлении, в спину — и ветер стих.

Поднимаясь по лестнице, Кирилл заглянул в сумку... с виду на ноутбуке никаких повреждений, но не разбилось ли что-то внутри, пока он сражался с этим лопоухим шпионом и бородатым Пашей?

Надо выбраться из здания как можно быстрее. В голове вроде прояснилось, ноги уже слушались, и он побежал. Панели дневного света в коридоре почему-то не работали. Сверху доносились крики. Он так и не стер логи посещений, и не использовал программу, поставленную на его ноутбук спецами Артемия Лазаревича, — а ведь тот говорил, что это даже важнее, чем похищение инфы с компа Бурового!

Из-за спешки Кирилл свернул не туда и очутился в переходнике между двумя корпусами РТК. Посреди коридора лежал пожилой человек в комбинезоне технической службы, дергался, прижимая ладонь к сердцу, разевал рот и хрипел. В другое время Кир остановился бы, чтобы помочь, но сейчас он не мог позволить себе ни секунды задержки. Он пробежал мимо мужчины, скатился по лестнице и очутился в холле вроде того, с диванчиками и пальмой, через который попал во двор РТК.

Здесь тоже творилось черт-те что. Несколько человек склонились над стонущим стариком, импозантный седой мужчина в дорогом костюме неподвижно сидел на диване, откинув голову и вытянув ноги, из уголка рта его текла тонкая красная струйка. У турникета дежурный орал в трубку радиотелефона, а экран монитора под потолком был залит «снегом» и громко шипел.

Турникет не работал, и Кир просто перелез через него. На беглеца не обращали внимания. Миновав проходную, он толкнул дверь и вывалился наружу.

И застыл, уставившись вверх.

ГЛАВА 2

Когда автозак¹ притормозил, Игорь Сотник, прижавшись плечом к металлическому борту, выглянул в узкое окошко с решеткой. Он был крупным мужчиной — на полголовы выше здоровых парней из конвоя, посадивших его в тюремную машину. Русые волосы, широкоскулое лицо, голубые глаза. Подбородок с ямочкой, желто-рыжие брови и пышные, будто у девушки, ресницы. И россыпь едва заметных веснушек вокруг большого, крепкого носа с горбинкой. Тюремная одежда совсем не шла ему, Игорь напоминал такого былинного богатыря, не хватало только русой бороды, меча со щитом да доброго коня.

Сотник отвернулся от окна, за которым катил большой белый «мерседес», и тут в кузов проникли бледно-зеленые отблески. Взявшись за решетку, он снова уставился наружу. Там происходило что-то странное — прямо над обычной московской улицей горело северное сияние. Изумрудные и бледно-зеленые волны катили откуда-то спереди, навстречу машине. «Это что, новый напалм какой-то?» — успел подумать Сотник, и потом самая большая волна накрыла автозак.

По рукам прошел разряд тока, и он отдернул их от решетки. Волосы на голове встали дыбом, затрещали.

Сквозь переднюю стенку кузова донесся удивленный возглас — не то водителя, не то кого-то из конвоиров — потом истошно засигналили. В поле зрения появилась автобусная остановка, где стояли молодая парочка, неряшливого вида старуха со спортивной сумкой, доверху набитой пустыми бутылками, и мальчишка лет двенадцати, что-то сосредоточенно рассматривающий в своих руках.

¹ Автозак — автомобиль для перевозки заключенных.

Громкое гудение проникло в кузов, изумрудный свет пошел рябью. Игорь нахмурился, ничего не понимая. Они катили словно по дну ярко освещенного аквариума, полного зеленоватой воды. Опередивший тюремную машину «мерседес» показался вновь. В салоне его замигал свет, потом вдруг сработала сигналка — переливчатая сирена, гудки, пиканье и свист прорвались в кузов автозак. «Мерс», замигав дальним светом, круто свернул. Молодая парочка и старуха бросились в разные стороны. Мальчишка, судя по всему, переключал треки на своем плеере, от которого к его голове тянулись проводки наушников, и потому не слышал и не видел происходящего. «Мерс», отчаянно сигналив, несясь прямо на него. Стекла в дверцах вдруг опустились, Игорь разглядел перекошенный профиль водителя. Машина, рассекая изумрудные волны, приближалась к остановке и ребенку.

Тот поднял голову, и глаза его стали большими-пребольшими. Он бросился вбок, едва успев спастись; «мерседес» врезался в остановку, а мальчишка оказался прямо перед тюремной машиной. В кабине заорали, автозак круто повернул, мальчишка прыснул к противоположному тротуару. Машину развернуло поперек улицы, которая в результате открылась взгляду Игоря вся, целиком.

Далеко впереди над перекрестком, которым она заканчивалась, висело овальное облако изумрудного тумана. Не очень большое, длиной метров пять и метра три в ширину. Туман завивался кольцами, воронка в центре, где они сходились, быстро кружилась. В нее на глазах Игоря затянуло кошку — шерсть ее вздыбилась и сыпала искрами; дико вопя, кошка пролетела по воздуху и канула в плотном светящемся мареве.

Машина, не только резко свернувшая, но еще и круто затормозившая, начала крениться набок, и перекресток с зеленой воронкой пополз вверх. Она мигнула, испустив кольцевую волну сияния, со всех сторон к ней поволокло людей, киоски, скамейки, машины, урны, словно эта штука была дырой в борту космического корабля, и через нее воздух устремился в открытый космос.

Потом автозак тяжело рухнул на тот борт, где находилось окошко, и в кузове потемнело. Сотник растянулся на стене, превратившейся в пол, вцепился в решетку на окне. Мотор стих, снаружи донесся вой ветра. Машину со скрежетом, от силы которого в замкнутом пространстве заложило уши, потащило по асфальту. Кузов затрясся, Игорь ухватился за решетку второй рукой, зажмурился и разинул рот — стон металла и вой ветра становились невыносимы, от боли сводило судорогой челюсти. Взыло еще громче, автозак дернуло, будто он весил не три-четыре тонны, а несколько килограммов, едва ли не швырнуло вперед, но тут машина наткнулась на что-то. От толчка Игорь покатился по стенке. Темноту прорезали лучики света, вой стих. В машину словно тараном ударили, она качнулась в обратную сторону. Стало светлее, и наступила тишина.

Ее прервал далекий крик — кто-то просил о помощи. Визгливо залаяла собака. Игорь на четвереньках добрался до прорехи в том месте, где передняя стенка смыкалась с потолком. От удара клепаный металл порвался, как бумага, переднюю часть машины выгнуло, трещина бежала по стенам и полу. На потолке она расширялась, и Сотник выставил наружу голову. Огляделся, согнул рваный железный край и полез.

Автозак лежал возле перекрестка. В доме неподалеку находился продуктовый магазин с двумя стеклянными витринами: одна глядела на улицу, другая на перекресток. Машина сломала угловую колонну между ними, острый бетонный угол пробил кузов.

В паре метров над асфальтом висела светящаяся изумрудом овальная воронка, а вокруг громоздились подтянутые потоком воздуха сучья, урны, скамейки и несколько машин. Повсюду валялись клочья бумаги, осколки, разорванный пакет, из которого высыпались мандарины, ярко пламеневшие на сером асфальте.

Борт кузова поскрипывал и прогибался под ногами Игоря. Он перешагнул с него на широкую боковину кабины. Вовремя эта штука над перекрестком утихла — еще немного, и автозак врезался бы в грудь под ней. Судя по всему, часть людей, находившихся здесь, засосало туда, остальные разбежались. В окнах показывались лица, навзрыд плакал ребенок, где-то неподалеку стонали.

В голове не было ни единой мысли. Даже удивления почти не было — мозг словно завис, работала только часть, ответственная за простейшие движения. Не думая ни о чем постороннем, не пытаясь понять, что это за аномалия висит над асфальтом, куда подевались затянутые внутрь нее предметы и люди, что вообще происходит этим жарким летним днем в Москве, Игорь присел на корточки над дверцей, из-под которой доносились стоны, широко расставив ноги, ухватился за ручку...

И, краем глаза заметив нечто очень странное сверху, поднял голову.

Небо было светло-зеленым, с изумрудным отливом, а еще оно как-то... закруглилось, что ли? Будто весь город накрыл громадный купол из дымчатого салатного стекла. Под ним плыли облака, обычные летние облака, похожие на пышные комья сахарной ваты. Солнце из-за купола светило чуть менее ярко, но было тепло... хотя уже не так жарко, как еще совсем недавно — возможно, купол задерживал часть солнечных лучей.

От изумрудного овала над перекрестком вверх ударила зеленая молния — длинный ветвящийся зигзаг впился в купол и распался на сотню молний поменьше, которые дождем просыпались обратно и растаяли в воздухе, не достигнув крыш.

Внизу снова застонали, и Сотник перевел взгляд на дверь. Бронированное стекло от удара не разбилось. Оно было хорошо затонировано — не разобрать, что внутри.

А вот они меня видят, подумал он, снова взялся за ручку и попробовал открыть дверцу. Ничего не вышло — что-то там заклинило или конвоиры заперлись. Он поднатужился, рванул и отшатнулся, когда дверца распахнулась.

В грудь уперся ствол «Калашникова», который держал здоровенный парняга с выпученными покрасневшими глазами.

— Попался, сука?!

С рассеченной губы текла кровь, крупное грубое лицо перекосило — левая скула вспухла после удара обо что-то твердое.

— Ты устроил?!

— Что? — не понял Сотник.

— Назад! Медленно! — Конвоир полез наружу. — Сбежать решил?! Не шевелись, тварь!

Игорь отодвинулся на край кабины, и парень выбрался наверх. В распахнутой дверце было видно, что водитель неподвижно висит на ремне, а второй конвоир провалился в пространство между сиденьями. Он ворочался там и стонал, держась за грудь.

— Степа, как ты? — окликнул первый, сверля Игоря взглядом.

— В груди мне так шибануло! — донеслось из кабины слабо.

— Ребра сломал?

— Вроде нет.

— Тогда вылазь. А Петр?

— Слушай, по-моему... — показалась рука, затем нервное худое лицо. — По-моему, помер он. Башкой сильно ударился... И кровь с виска течет. Боря, это что, побег? То есть эта... попытка побега? Это ж убийца, ему пятнадцать лет дали, он на все способен!

— Ну, тварь поганая! — снова выскочил Боря и стволом автомата врезал Сотнику в скулу.

Игорь упал на спину, конвоиры встали над ним. У одного в руках был «калаш», у другого ПМ.

— Совсем свихнулись с перепугу? — Он сел, отирая кровь рукавом. — Думаете, я это устроил?

— Не ты, так сообщники твои!

— И это? — Он показал на светящуюся воронку над перекрестком.

Степа оглянулся первым, и когда повернулся обратно, лицо его дергалось, а глаза округлились.

— Что... что это? — пробормотал он, облизывая сухие губы. — Что там висит?

Боря молчал, разинув рот, пялился на воронку. Зеленого неба пока никто из них не

заметил.

Глаза Степы вдруг стали совсем дикими, он присел, подняв пистолет.

— Борька, а если засада?.. — невнятно забормотал он. — Если дружки... Сообщники этого... Его вырубить надо, чтоб не рыпался, и...

Не договорив, он шагнул к Игорю и занес ногу, чтобы врезать ему каблуком по голове, но получил подсечку и упал. Вышедший из ступора Боря с матами набросился на заключенного, заехал прикладом в плечо, ногой — по ребрам. Степа вскочил, бешено вращая глазами. Игорь крикнул:

— На небо гляньте, идиоты!

Оба уставились вверх. Игорь опять сел. Стволы пистолета и автомата были направлены на него, хотя оба конвоира стояли, задрав головы. Против ожидания, на Борю небо произвело впечатление обратное тому, на которое рассчитывал Сотник — конвоир нагнулся и упер дуло ему в лоб.

— Не знаю, как ты это сделал... Ну все, щас я тебя завалю — при попытке к бегству!

За спинами конвоиров из зеленой воронки над перекрестком появился темный силуэт. Сотник прищурился.

На человеке был длинный плащ из чего-то, похожего одновременно на кожу и брезент, противогаз необычной формы, сапоги с тупыми носками. На груди ремень, из-за плеча торчит ствол. На рукаве возле плеча широкая красная полоска.

Он огляделся, стоя на вершине кучи обломков. Обтянутое резиной лицо с двумя тусклыми окулярами обратилось к перевернутой машине, и человек стал спускаться, ловко прыгая по выступам.

— Степа, — сказал Борис, — надо с нашими связаться.

— Смотрите, кто там идет, — произнес Игорь. — Он у вас за спиной, и у него ствол.

— Ты нас за идиотов держишь, урка?! Типа, чтоб мы отвернулись...

— Борька, сзади! — заорал Степа.

Он двумя руками вскинул пистолет. Незнакомец прыгнул в бок, мгновенно выдернув оружие из-за спины. Степа выстрелил, но промахнулся. Гость из воронки уже стоял на одном колене, уперев в плечо приклад ружья. Оно сухо треснуло, от ствола к Степе протянулась алая молния, и конвоира отбросило назад. Он врезался головой в спину Бори, который повалился на Сотника, но сразу откатился в сторону.

Незнакомец в противогазе за эти мгновения ухитрился преодолеть расстояние до кабины и даже залезть на нее. На фоне неба возник темный силуэт, в окулярах противогаса отразились два лежащих человека, взметнулся нож с длинным извилистым лезвием. Незнакомец прыгнул к поднимавшемуся на колени Боре, а тот выстрелил и попал ему в ногу.

Человек ударил, Боря машинально прикрылся «калашом». Противник сделал неуволимо быстрое движение. Лежащий навзничь Сотник врезал носком ботинка по тому месту на ноге, куда угодила пуля.

Когда незнакомец упал, Игорь резко сел. Боря лежал рядом на спине и корчился, держась за плечо, из которого торчал нож. Игорь рванул его из раны, конвоир заорал, но Игорь этого не слышал, в ушах его стоял шелест ночного дождя, а перед глазами была совсем другая картина: лужи, окоп, свет прожекторов во мгле далеко позади, он сам — на дне рва, и фанатик-смертник, неожиданно прыгающий на Сотника из темноты с ножом в руках. Короткая схватка, барахтанье в грязи... Игорь тогда просто схватился за лезвие и дернул на себя. До костей рассек пальцы — их теперь «крутит» перед сменой погоды — но завладел ножом, чья грязная, скользкая рукоять вывернулась из руки смертника. Перехватил оружие левой и воткнул ему в горло.

Сейчас хвататься за клинок не пришлось, но ударил Игорь в то же самое место — ткнул извилистым клинком под гофрированный «хобот» из грубой черной резины, непривычно широкий, с железной коробочкой на конце.

После этого ночь, дождь, окоп и смертник пропали, и снова вокруг была московская улица, перекресток, светящаяся изумрудом воронка и зеленое стеклянное небо вверх.

Для того, кто получил удар ножом в горло, человек прожил на удивление долго — ему хватило времени и сил, чтоб снова поднять свое ружье и направить его в голову Сотника. Но не хватило на то, чтобы выстрелить.

Степа лежал на спине, и на грудь его было страшно смотреть. Алая молния разворотила ее, не грудь, а пещера какая-то, красный провал в теле, хотя крови нет — внутри все запеклось, прожарилось... Это что, электроразрядом в него выстрелили?

Боря тоже лежал на спине, но живой, хотя извилистый нож оставил в плече рану очень неприятного вида. Он хрипло матерился и пытался зажать ее ладонью.

А незнакомец упал на бок, ноги его свесились в кабину через проем раскрытой дверцы, руки в легких перчатках с обрезанными пальцами были вытянуты по швам. Правая штанина разорвана под коленом, в дыре виднеется что-то вроде кожаного доспеха — изогнутая коричневая пластинка, скорее всего, как-то закрепленная ремнями на лодыжке. В ней и застряла пуля.

Игорь взялся за «хобот», потянул. С железной коробочки соскочила крышка — внутри была зеленая влажная каша. Она тихо булькала, пузырилась.

Сотник стащил противогаз с головы человека, открыв лицо — серое, очень худое, с запавшими щеками, острым подбородком и продавленным в переносице носом, заросшее щетиной. Коротко стриженные волосы были черными, с необычным металлическим отливом, они казались жесткими, будто иголки. Из горла текла кровь, но не сильно, при такой ране ее должно быть больше. Кровь эта показалась Сотнику слишком темной — темно-красной и жирной, будто ее с мазутом смешали. И противогаз необычный: резиновая маска с окулярами и хоботом крепилась на голове с помощью пары ремешков, крест-накрест сходящихся на затылке.

Услышав вой полицейской sireны где-то вдалеке, он потянулся к оружию незнакомца. Что за странная штука? Обмотана не то полосками кожи, не то плотной тканью, с длинной густой бахромой. Она заколыхалась, когда Игорь поднял ружье. Кожаный ремешок с железной пряжкой. А под стволом что, шомпол?.. Нет, не шомпол — металлический штырь, наискось выходящий из цевья, тянулся вдоль ствола так, что дальний конец почти касался его. В том месте из ствола торчала короткая проволочка, ее и штырь разделяла пара миллиметров, не больше.

Сотник осторожно заглянул в ствол. Тот состоял из столбика металлических катушек с аккуратными рядами тусклой проволоки, катушки были нанизаны на тонкий стержень из голубоватого камня, похожего на мрамор, но с необычным стеклянным отливом. Он, что ли, испускает молнию? Что за минерал такой... Игорь уже не сомневался: это *разрядник*. После нажатия на спусковой крючок между «шомполом» и проволокой проскакивает искра, и тогда из стержня между катушками вырывается алая молния.

Получается, он держит в руках электроружье?

Боря захрипел, и это вывело Игоря из ступора.

Он вскочил, перекинув через плечо ремень оружия.

Звук sireны стал громче. И не одна там была sireна — вторая звучала где-то позади, а третья справа, за домами. Вокруг кричали, плакали, по площади кто-то опасливо шел к зеленой воронке, из магазина выбирались ошалевшие люди.

Сотник знал это место — его квартира была в кварталах в десяти-двенадцати отсюда.

Он сунулся в кабину, быстро осмотрев ее, достал валяющийся позади кресел плащ-дождевик, снова выпрямился. Глянул на мертвого Степу, на дергающегося Бориса, на незнакомца. Посмотрел на изумрудную воронку и на небо, по которому бесшумно скользнула длинная ветвящаяся молния.

Игорь Сотник был человеком приземленным. Никогда не любил фантастику, отродясь не верил в инопланетян, чертей, экстрасенсов, телепатию, сглаз и ведьм — ни во что не верил, хоть немного выходящее за рамки обыденного. И сейчас он не думал о том, что это за серолицый человек в противогазе и откуда взялась светящаяся воронка над перекрестком. Он размышлял о другом: произошло что-то плохое. Скоро начнется паника — да нет, какое там

«скоро», если происшествие на перекрестке и странную воронку видели пока немногие, то небо, этот удивительный зеленый купол заметили все — значит, паника уже началась. А что такое паника в крупных городах? Он видел ее в Батуми и Тбилиси — это было страшно.

Надо бежать домой, чтобы как можно быстрее вывезти своих из Москвы.

Вверху зарокотало, и он поднял голову. Сработали рефлексy: Игорь присел и, схватив автомат конвоира, прицелился в летящий низко над крышами гражданский вертолет. Летел тот как-то криво — так бывает, если реактивная граната попадет в хвостовую штангу и повредит малый винт, но тут граната ни при чем, дыма-то нет.

Корпус под бешено рубящими воздух лопастями начал вращаться, и Сотник вскочил. Вертушка врезалась в жилой дом на высоте пятого этажа, пробила его и застряла наполовину внутри, наполовину снаружи. Посыпались обломки кирпичей, дым и языки пламени поползли вдоль стены, облизывая окна.

На другом краю перекрестка показалась полицейская машина с мигающими огнями на крыше. Игорь повесил автомат за спину, схватил пистолет Степы и вытащил из пенала на кобуре запасной магазин. Надел плащ мертвого водителя автозака поверх «Калашникова» и, локтем прижимая электроружье к боку, спрыгнул с кабины. До квартиры, где находились его жена Тоня с больным отцом, отсюда добираться меньше часа.

ГЛАВА 3

Интересно, какую площадь он накрывает?

Кир остановил «копейку» на краю Садовнической набережной, вышел и поднял лицо к небу, зажав в зубах сигарету. Снизу трудно понять, но кажется, что самая высокая часть купола находится где-то позади — то есть над научным центром в Подольске, правильно? И, судя по изгибу этого зеленого не-пойми-чего, купол закрыл всю Москву с большим куском области в придачу. От Подольска до... ну, скажем, до Пироговского водохранилища, за Шереметьевом, которое, возможно, возле северной границы купола. Говорили ведь ученые перед началом эксперимента что-то про коэффициент, равный шести, — возможно, это значит, что теперь диаметр купола равен шестидесяти километрам? Может, ерундовая догадка, а может, и правильная, все равно точно сейчас не подсчитаешь. Выходит, если взять Подольск за центр круга, а Пироговское водохранилище — за северный его край, то южный... Кир представил себе карту Московской области и решил, что с юга купол простирается примерно до Серпухова. А что с запада и востока? Бронницы, Наро-Фоминск? Черт знает, он не мог вспомнить.

Хваленая дорогушая «инфинити» последней модели просто не завелась, в Подольске пришлось позаимствовать эту жуткую тачку, стоящую на краю тротуара с распахнутой дверцей, — водитель, должно быть, когда все началось, с перепугу чухнул куда-то.

А собственно, что началось? — подумал Кирилл, садясь в машину и трогаясь с места. Что конкретно произошло? Эксперимент пошел наперекосяк после того, как упал трансформатор и порвались провода, выходит, это Кирилл виноват в происходящем? Или виновница — пуля, выпущенная лопухим шпионом?

Слева тянулся Водоотводный канал, справа — невидимая отсюда Москва-река. По набережной между остановившимися машинами катило только всякое старье, вроде той тачки, в которой он сидел, ни одной дорогой иномарки. Вышли из строя все автомобили с более-менее сложной электронной начинкой, так получается?

В другое время года он бы просто не смог доехать сюда — бесполезный транспорт забил бы улицы. Но летом, да еще при такой жаре, Москва наполовину опустела: и людей, и автотранспорта было гораздо меньше, чем обычно.

Прикуриватель не работал, пришлось выуживать зажигалку из заднего кармана джинсов. Кирилл сунул окуроч в пепельницу, зажег новую сигарету. Так или иначе, кто бы ни был виновен в произошедшем, Кирилл ехал обратно, в Москву. А что еще делать? У него было задание, часть его он выполнил, теперь надо доставить информацию Артемию

Лазаревичу. Ну а дальше... Вот что дальше, Кир совсем не понимал. Как-то до сих пор все его планы на будущее не учитывали накрывший столицу зеленый купол, в котором иногда бесшумно проскакивают огромные, длиной в десятки километров, ветвистые молнии.

Хотя, пожалуй, одно все же ясно: после «Старбайта» надо валить из города. Только вот что, если Айзенбах просто не отпустит Кирилла? Может, не стоит к нему теперь ехать?

Он подался вбок, выглядывая в окошко. По улице, быстро обгоняя «копейку», катил бронетранспортер с пулеметом, за ним два тентованных грузовика. Внутри солдаты, наверное? Куда это они? А машины какие-то совсем старые, и где они их откопали...

Что вообще происходит?

Он ничего не понимал. Впрочем, как и все люди вокруг. В Москве царил хаос: большинство машин замерли, иногда Кир проезжал мимо тел на тротуарах, над одними хлопотали прохожие, на другие не обращали внимания. Поначалу он не мог сообразить, кто это там лежит, потом заметил, что большинство — пожилые, припомнил старика в переходнике между корпусами РТК и сделал вывод: это те, у кого сердечные стимуляторы. Их в последнее время по Москве стало много, когда дорогие, но качественные приборы начала выпускать одна столичная фирма, открытая совместно с японцами. А теперь стимуляторы вырубались, как и электроника его «инфинити». Этим же объяснялись неработающие светофоры. То есть некоторые все же работали, но явно сбоили. Мобильник не пашет... и лэптоп, значит, тоже? Кирилл все не решался достать его, проверить. Лучше привести машинку к заказчику, вручить ему и сказать: вся инфа там, а как ее оттуда выуживать, это уж вы сами решайте.

Кирилл гнал автомобиль в сторону Кремля. Дальше, за станцией метро «Проспект Мира», находился офис «Старбайта».

Кроме всяких «копеек», «жигулей» и древних иномарок ездили еще велосипеды да мотоциклы старых моделей. Горожане вывалили на улицы — еще бы, у них ведь небось телики отключились, радио, ксероксы в офисах, сервера, компы... И все равно людей было не слишком много. В другое время года улицы запрудили бы толпы, но не сейчас.

Из подземного перехода, в котором находился выход из метрополитена, вдруг с криком побежал народ. Люди падали, бегущие за ними спотыкались о тела, перепрыгивали... Следом покатались волны изумрудного света, и Кирилл от удивления разинул рот. Это что же получается — «галактика» появилась в переходе?! Ну дела! А ведь метро тоже остановилось, сообразил он, там же сплошная электроника! Но откуда под землей взялась изумрудная воронка? Может, эксперимент привел к тому, что они теперь в разных местах будут возникать?

Между домами показались несколько полицейских, мчащихся навстречу толпе. Форменная рубашка на одном была порвана, подол ее выбился из брюк, левый погон телепался на ниточке.

Переход остался позади, и Кирилл трижды резко повернул, объезжая стоящий джип и два седана. Докурив сигарету, затолкал окурки в пепельницу. Датчик показывал, что топлива в баке на самом доньшке — хватит до «Старбайта» или нет? А может, не ехать все-таки туда, может, сразу к себе на квартиру, взять документы, деньги, а после вон из Москвы?

Он крутанул руль, сворачивая на Садовнический проспект, — и ударил по тормозам, увидев, что посреди него лежит на боку, упершись в асфальт лопастью, большой военный вертолет с подломленными шасси. Спина к нему застыли, подняв оружие, три человека в военной форме. Хвостовая штанга продавила крышу небольшой легковушки, смяла ее в гармошку, рядом на асфальте лежала женщина, над ней присел четвертый вояка. Перед вертолетом стояли с десятков машин — не проехать.

Кирилл газанул, выворачивая руль, и покатил дальше вдоль канала. На другом берегу над крышами поднимался столб дыма — пожар где-то за Овчинниковской набережной. А вон, дальше, еще один, это в районе Пятницкой... И еще, далеко впереди, за Москвой-рекой — да там вообще серьезно горит, вон какой дымяра!

С протяжным гудком мимо, в обратном направлении, пронеслась «ява» с коляской. В

ней сидели двое детей, управлял взъерошенный мужик, за поясницу его обхватила женщина, на багажник позади были навьючены сумки. Следом проехал двухдверный «форд» с открытым багажником и выпирающим из него огромным чемоданом, потом — целое семейство на спортивных велосипедах. Это, наверное, такой инстинкт у людей: в случае опасности бежать из города. Кто порасторопнее, тот уже из Москвы рвется, а он наоборот... Нет, ему к Артемию Лазаревичу точно надо! Тот ведь из-под земли достанет и отбивную с кровью из Кира сделает, то есть не сам Айзенбах, а Лагойда. Полтора года назад тот пристегнул Кира наручниками к трубе и с удовольствием, явно читавшимся на щекастом лице, бил вплоть до появления шефа, делая это так, чтобы не оставлять следов, синяков под глазами или сломанного носа — все больше по почкам да по печени...

Кирилл съезжился на сиденье и втянул голову в плечи, припомнив этот эпизод своей жизни. До того они с матерью ютились в крошечной квартирке в Ногинском районе, мать сильно болела — и ему очень хотелось вырваться из почти нищенского существования, в котором они находились. Когда тебе нет и восемнадцати, добиться чего-то еще очень сложно... Но можно. Надо хоть что-то уметь. А он умел — вернее, только-только постиг азы. Первыми мелкими аферами, связанными с индустрией сетевых азартных игр, всякими интернет-казино и игорными домами, Кирилл заработал денег, чтобы поступить в МГУ. А еще смог покупать дорогие лекарства и нанять сиделку. Мать, уже почти не встававшая, радовалась, что сын нашел хорошую работу в столице, причем такую, которая оставляла время на учебу. Он соврал ей, что устроился программистом в международную фирму...

...И он действительно туда устроился. Но позже, когда мать уже умерла, и Кир, продав квартиру, снял другую, побольше, в Богородском. Решив, что хватит заниматься мелкими хакерскими взломами, он по поддельному паспорту поступил на работу в московское отделение консорциума «Старбайт» на должность младшего программиста в подотделе мониторинга международного рынка ценных бумаг. По его подсчетам, примерно две недели нужны были, чтобы вытащить из секретных недр хорошо защищенной корпоративной локалки нужные коды и увести деньги с одного из счетов консорциума.

Кирилл рассчитывал стать обладателем пяти с половиной миллионов долларов. Как раз были зимние каникулы, и он собирался управиться до начала занятий, а после, как ни в чем не бывало, вернуться к учебе, выполняя предсмертный завет матери, закончить универ.

Но не срослось. Оказалось — вот те на! — что служба внутренней безопасности консорциума следила за ним с того самого момента, как он устроился на эту работу. Что Артемий Лазаревич, видевший за компьютерным шпионажем большое будущее, уже знал про юного московского хакера, что он даже выписал из-за границы двух спецов, которые организовали такой плотный интернет-надзор, что каждый сетевой шаг Кирилла, каждый его клик был теперь известен Айзенбаху. И даже в съемной квартире Кира висели мини-видеокамеры с прочими «жучками».

В общем, его взяли, как говорится, с поличным, после чего Лагойда хорошенько обработал его, а затем Артемий Лазаревич доступно объяснил: либо Кира убивают прямо в подвале московского отделения и там же закатывают в бетон, либо он работает на Айзенбаха. За деньги работает, за хорошие деньги, Артемий Лазаревич своих спецов любого профиля оплачивает щедро. Но — служит отныне Кирилл только ему. Никакого самовольничанья, никаких левых контрактов, олигарху совсем не хотелось, чтобы его человек спалился на попытке выкрасть несколько миллионов из какого-нибудь западного банка и следствие потом установило, что преступник был связан со «Старбайтом».

Вот так все и началось. После первого знакомства с краснощеким Лагойдой Кирилл и стал заниматься катаной, уяснив, что профессия хакера тренирует мозги, но не тело.

Он проехал мимо окруженного толпой полицейского, который что-то кричал людям, тыча пальцем в кнопку ручной радиостанции. Потом — мимо нескольких стоящих машин с включенными сиренами. А ведь та военная колонна, давно укатившая вперед, двигалась в сторону Красной площади. Интересно, как у них броневик завелся? Хотя с виду какой-то неказистый был броневинок, допотопный. Может, вытащили его откуда-то со склада,

списанный...

Старенькое радио в «копейке» шипело и плевалось помехами. Сворачиваем на улицу Балчуг, потом берем влево — на Лубочный переулок, и потом сразу опять вправо. Впереди раскинулся Москворецкий мост, и Кирилл увеличил скорость, рискуя, что «копейка» просто рассыплется от натуги. Этот проезд был свободен, то есть по нему спешили люди, но для машины препятствия не было. Кир еще поднажал. Какая-то женщина бросилась с тротуара чуть не под колеса, размахивая руками и призывно крича. «Копейка» вильнула, объезжая ее.

За домами, в той стороне, куда уехала военная колонна, что-то начало взрываться. Да бодро так, с огоньком. То есть в прямом смысле — далеко впереди мелькнули языки пламени. Съехав с моста, Кирилл притормозил, до середины опустил стекло и выставил наружу голову. И слышал сквозь шум мотора звуки выстрелов. Потом пространство между домами прочертили алые линии — будто тонкие прямые молнии били там.

Вскоре они пропали. Позабыв про «Старбайт» и Артемия Лазаревича, Кир вдавил газ, и древний движок сипло взвыл. Выстрелы стихли, зазвучали снова. По тротуару и по проезжей части навстречу бежали люди. Нарушая все правила, Кир повернул влево — и выкатил на Васильевский спуск.

По правую руку был собор Василия Блаженного, по левую Кремль. А между ними, низко над Красной площадью, висела большая изумрудная воронка — очень большая, гораздо крупнее той, что появилась в лабораторном зале. Составляющие ее дымные кольца вращались. Какие-то силуэты возникали из зеленого марева, сначала расплывчатые, они быстро становились четче — горбатые не то звери, не то машины, еще — фигурки людей, и все это двигалось, выходило из воронки, растекалось вокруг нее.

Ближе к Васильевскому спуску стоял знакомый броневик, башня его дымилась. Рядом горел перевернувшийся набок старый военный грузовик, вокруг лежали тела. Со стороны ГУМа звучали выстрелы. В здании магазина засели солдаты и стреляли по тем, кто появлялся из зеленой воронки, в ответ воздух прошивали алые молнии. Сухой треск и стук выстрелов сливались в шум того, чему до сих пор Кирилл Мерсер еще никогда не был свидетелем, — в шум боя.

ГЛАВА 4

Паника распространилась очень быстро, как Игорь и предвидел. Изумрудный купол кого хочешь напугает, а когда в Москве накрылись телевидение и сотовая связь, ему все окончательно стало ясно. Тем более, в некоторых местах начались пожары. Да еще и пальба, отзвуки которой доносились со стороны реки... В общем, кризисная ситуация налицо. Не иначе — начало войны, враг нанес удар по столице. Наверняка так решили большинство горожан. В подобных ситуациях у немногих людей открываются их лучшие стороны, смекалка, рассудительность, умение принимать верные решения в критических обстоятельствах, у других, наоборот, просыпаются худшие черты, агрессивность и злоба, а три четверти населения просто теряются, не понимая, что делать, паникуют и ждут указания властей.

Игорь бежал всю дорогу и только возле дома перешел на шаг, увидев, что двери небольшого продуктового магазина на первом этаже сломаны. Изнутри донесся визгливый крик, потом там что-то разбилось. Наружу выбежал мужик в драном пуховике явно с чужого плеча, трениках с пузырями на коленях и растоптанных кроссовках без шнурков. Прижимая к груди несколько бутылок водки, он рванул прочь по улице, а следом ломанулся еще один бомж — у этого в руках были палка колбасы и батон.

Из магазина показалась продавщица, а дальше Игорь не видел. Он нырнул в арку возле магазина и во дворе за ней увидел дворника Юсуфа, открывающего двери своей железной будки возле гаражей. На звук шагов Юсуф оглянулся и заморгал на Сотника узкими монгольскими глазами. Что произошло с мужем Тони со второго этажа, все в доме, конечно, уже знали. Дворник удивленно потер ладонью щетинистый подбородок, но ничего не сказал

и снова повернулся к будке.

Миновав два пролета, Игорь плотнее запахнул дождевик, чтобы не напугать Тоню висящим под ним оружием, и потянулся к звонку. Но не нажал — дверь была приоткрыта.

Он сдал рукоять ПМ в кармане. Толкнул дверь и вошел.

Выпавшие из блокнота бумажки на паркете, какой-то мусор, а вон свалившаяся с вешалки куртка... Жена его была аккуратисткой, в доме всегда ни пылинки, каждая вещь на своем месте — что означает этот беспорядок? Здесь что, был обыск?

— Тоня! — позвал он. — Тоня! Леонид Викторович!

Двухкомнатная квартира была пуста. Кровать не застелена, одеяло смято, подушка вообще на полу лежит. Шкафы раскрыты, половины вещей нет. Сотник вошел в другую комнату, где жил тесть, — то же самое. Он поспешил на кухню.

Посреди кухонного стола лежала придавленная стаканом записка. Игорь схватил ее.

Торопливый почерк:

«Игорек! Я не знаю, прочтешь ты это или нет! Что-то плохое началось, не понимаю, что происходит. Папа говорит: война. За нами пришли дядя Миша с Леной. Они нас забирают, едем в Огурцово. Люблю тебя! Целую! Пожалуйста, приезжай, если сможешь. Я не смогла дозвониться до суда, чтобы узнать как...»

Следующее слово неразборчиво, заканчивалось оно продавленной в бумаге кривой линией — и Сотник вдруг отчетливо представил себе, как живущий в соседнем подъезде бывший милиционер дядя Миша, старший брат Тониного отца, еще крепкий, высокий, худой, решительный и донельзя самоуверенный, схватил ее за руку и потащил вон из квартиры вслед за женой, которая выводила его брата.

У Миши старая «тойота». И поехали они в деревню, где дом их отца, покойного деда Тони. Это в двухстах километрах от МКАДа.

Надо за ними.

Но прежде он зашел в комнату тестя и включил телевизор. Отыскал дистанционку в складках одеяла, стал щелкать. Первые пять каналов — ничего, мертвый черный экран. По шестому шел «снег», белая шипящая пелена.

Снаружи донесся слабый крик, возгласы и звуки ударов. Во двор выводило окно кухни, и Сотник бросился туда. Выглянув, побежал на лестницу, даже не заперев дверь. Слетев по ступеням, выскочил во двор — там трое наголо бритых парней в камуфляжных штанах и майках били Юсуфа.

Дворник, успевший раскрыть будку, где стоял старый «Иж», лежал на боку, коленями прикрывая живот, а руками — голову. Парни молотили его довольно умело, двор наполняли неприятные чавкающие звуки, сопение и стоны.

— Прекратить! — гаркнул Сотник, шагая к ним.

Бритые оглянулись.

— Отвали! — бросил через плечо самый здоровый, с большой серебряной цепью на шее. На цепи висел православный крест такого размера, что еще немного, и на нем действительно можно было бы кого-нибудь распять.

Они снова повернулись к Юсуфу, пытавшемуся заползти в дворницкую, и здоровяк врезал ему носком ботинка по затылку.

Откинув полу плаща, Игорь выставил из-под него ствол «калаша» и дал короткую очередь им под ноги. Пули взломали старый рыхлый асфальт. Двое отскочили, здоровяк развернулся, выхватил из кармана телескопическую дубинку, раздвинул.

— Брат, — начал он, приглядевшись к Сотнику — ты же русский, я вижу. Чего за чурку заступаешься? Ты не видишь, что они нам устроили?! — Он ткнул пальцем в бледно-зеленое небо, по которому высоко над крышами бесшумно скользнула изумрудная молния.

Сотник, подняв ствол выше, кивнул:

— Я-то русский, а ты — чмо подзаборное. Пошли вон отсюда!

Здоровяк, ощерившись, качнулся к нему, и тогда Игорь дал одиночный ему в колено.

Когда остальные двое уволокли ревающего от боли, навсегда охромевшего жожака, Сотник подошел к Юсуфу. У дворника на виске была большая ссадина, на затылке волосы потемнели от крови, нос и губы разбиты. Игорь втащил его в дворницкую, посадил под стеной, присел рядом и сказал, заглянув в мутные глаза:

— Извини, не могу тебе сейчас помочь. Мне жену надо найти. Она беременная, ее увезли... Должен их догнать. Поэтому я твой мотоцикл возьму, ладно?

Он выпрямился. Юсуф что-то попытался сказать, подняв руку, потянулся к Сотнику, и тот побыстрее отвернулся, чтобы не видеть этого. Сжал зубы до боли в челюстях. Чем он от тех бритых отличается, если бросает тут раненого старика, мотоцикл его забирает? Вполне возможно, что на смерть бросает, ведь неизвестно, что будет дальше в Москве, а без своего «ижа» Юсуф отсюда, наверное, не выберется...

Тем отличается, что у него жена с послеинфарктным отцом на руках и ребенком в животе.

Подумав об этом, Игорь с ожесточением завел мотоцикл и выкатил из гаража. Повернул в арку, пронесся через нее и снова резко повернул.

Он без приключений миновал несколько кварталов, пока перед ним из арки жилого дома на дорогу не выехала дизельная машина. Что она именно дизельная, можно было судить по черным выхлопам, воняющим солярой. Выглядела машина необычно: сколоченная из досок и листов железа телега с высокими бортами, вместо руля — длинный, изогнутый в виде буквы «Г» рычаг. Сотнику почему-то на ум пришло слово «тачанка».

В дизельной тачанке находились трое: впереди водитель, сзади, за пулеметом с толстым стволом, стрелок, а посередине, в накрытом шкурами кресле, облаченный в меха толстяк. Первые двое были одеты во что-то темное и кожаное, лица скрыты под противогазами вроде того, который Игорь уже видел. А на толстяке — темно-красная маска с большими окулярами и очень толстым коротким «хоботом», напоминающим кабанье рыло. В руках его было электроружье с необычайно длинным стволом.

Игорь, несшийся прямо по середине пустой улицы, начал тормозить. Человек в кресле заметил его, поднял ружье. Стрелок навалился на пулемет, разворачивая его.

И автомат и электроружье остались под плащом, у Сотника не было времени доставать их — выжав рукоять газа, он резко повернул. Прямая алая молния прошла воздух у плеча, он пролетел мимо тачанки и нырнул в арку, из которой она появилась.

Сзади донесся глухой возглас, застучал пулемет, но Игорь уже преодолел арку и снова повернул.

Он пронесся через большой двор, выскочил в просвет между домами на другой стороне и увидел впереди хвост большого отряда. Замыкала его пара животных размером с быка, с короткими кривыми рогами и тремя горбами на спинах. Между горбами сидели люди в противогазах, передний держал вожжи, привязанные, насколько смог разглядеть Игорь, к концам рогов. Чуть впереди ехала почти точная копия дизельной тачанки, только накрытая покатым железным колпаком с прорезями, из которых торчали стволы. Между животными и машиной шли, растянувшись большим полукругом, люди в темной коже, и гнали перед собой толпу москвичей.

Игорь поднажал. Несколько чужаков оглянулись. От толпы отделился молодой парень в джинсах и майке, рванулся в сторону, под прикрытые растущих на краю улицы деревьев. И тут же в спину ему впилась алая молния, показавшаяся Игорю более слабой, тонкой и бледной, чем та, которой выстрелил в него толстяк на тачанке. Беглец рухнул лицом вниз. Несколько чужаков направили стволы на Сотника, и он снова повернул.

После этого люди в противогазах на глаза ему долгое время не попадались, зато он дважды проезжал мимо изумрудных воронок, причем одна висела далеко вверх, над крышей шестнадцатиэтажного дома, а вторая, совсем небольшая, приткнувшаяся над тротуаром возле пешеходного перехода, подернулась мутной рябью, свернулась в клубок и пропала прямо на глазах Игоря.

Свернув в очередную арку, он увидел двух бегущих навстречу парней в камуфляже,

бронежилетах и касках, с автоматами. Один, веснушчатый, тащил на спине катушку, разматывая провод, другой нес телефон, старый добрый армейский ТА-57. Игорь резко затормозил, соскочил с мотоцикла.

— Стой, боец! — он схватил конопатого за рукав. — Что происходит? Кто напал?

Они подняли автоматы, и Сотник сильно хлопнул по одному стволу ладонью.

— Кто нас атакует?! — повторил он. — Доложить по уставу!

Командирский тон сработал. Связисты опустили оружие, подтянулись.

— Ты, — Игорь ткнул пальцем в телефониста, — на улицу! Наблюдать! А ты докладывай. Кто на Москву напал?

— Не знаем... Мы связь тянем. Радио отрубилось.

— А коммутаторы? Коммутаторы между частями! По Москве их столько...

Конопатый мотнул головой. Видно было, что ему не до того, и он докладывает лишь потому, что у незнакомого мужика армейские замашки — вдруг окажется какой-нибудь подполковник, если сейчас послать его, потом проблем не оберешься.

— Не пашут! Бронетехника — и та встала, не заводится!

— Кто противник? Численность, как действует?

— Неизвестно... — начал связист и запнулся. Сглотнув, ссутулился, весь как-то сморщился, будто воздушный шарик, из которого вышел воздух, и тогда стало видно, как на самом деле напуган и растерян боец. — Никто ничего не знает. Противник... эти... они первым делом военные объекты зачищают. Мы из части еле прорвались. Они нас окружили, мы оборону заняли согласно боевого расчета... Посыльные командиров не вернулись — никто! В части только дежурный командует, он вообще голову потерял...

— Серега! — позвал телефонист с улицы.

— Товарищ... э...

— Капитан, — машинально ответил Сотник, пытаясь переварить сбивчивый доклад связиста.

— Товарищ капитан, у нас боевая задача. Нам в генштаб надо, мы провод туда тянем. Связь нужна!

— Свободен! — Игорь махнул рукой, и боец кинулся на улицу, придерживая на задку бряцавшую катушку.

Игорь снова уселся на мотоцикл. После этого были кварталы, станции метро, парк, бегущие люди, аварии, паника, хаос... Когда уже начало вечереть и стало ощутимо прохладней — хотя температура понизилась еще раньше, вскоре после появления купола — он увидел канал, мост и «тойоту» дяди Миши под ним.

Дорога впереди поворачивала, наклонно сбегая по гребню длинной кривой насыпи, и достигала моста, который находился сейчас внизу слева от Игоря. Чтобы попасть туда, надо было либо спуститься по крутому земляному склону, либо ехать по асфальту, следуя плавному изгибу дороги.

«Тойота» стояла поперек нее с раскрытым капотом, преградив путь древнему «икарусу», в окнах которого маячили лица людей. Дверь со стороны водителя раскрыта, перед ней — дядя Миша с ружьем в руках.

Игорь привстал, увидев это. Ну да, Миша ведь охотник, имеет разрешение на оружие. Мотор у него перегрелся, и он не долго думая тормознул автобус, под прицелом ружья заставил водителя принять новых пассажиров.

А вот и Лена ведет под руку отца Тони...

Потом появилась и она сама — выскочила из-за автобуса им навстречу, должно быть, переносила сумки из «тойоты». Округлившийся живот ее был виден даже отсюда. Тоня бросилась к тетке, подхватила отца с другой стороны.

Игорь поднажал. За мостом, возле березовой рощи, что-то мигнуло зеленым, и он уставился туда. Раньше овальная воронка была скрыта деревьями, а теперь предстала взгляду — как и отряд чужаков, что приближался к противоположному концу моста. Некоторые шли пешком, другие ехали на горбатых животных.

Лена и Тоня с отцом почти обогнули автобус.

— Стойте! — заорал Сотник. — Миша! Тоня! Стойте!!!

Троица исчезла из виду. Игорь, не прекращая орать, до предела выжал газ. Дядя Миша оглянулся, поднял голову, и он замахал рукой, приподнявшись, — нет, не увидит, дядя близорукий, но носить очки считает ниже своего достоинства.

Погрозив водителю ружьем, дядя Миша побежал вокруг автобуса.

За каналом отряд чужаков достиг дороги. Две пары животных, но не таких здоровых, как те, что шли позади толпы москвичей, у этих было по два, а не по три горба. Примерно с десяток пеших и тачанка-броневик, то есть телега, накрытая железным колпаком. Над ним выступала квадратная башня, из которой торчал ствол.

Автобус тронулся с места и стал объезжать «тойоту».

— Подождите!!!

Сжимая рулевую вилку одной рукой, Игорь расстегнул плащ и выставил автомат из-под полы.

Миновав брошенную машину, автобус поехал по мосту, и тогда Сотник резко сменил направление. Слетев с края дороги, мотоцикл понесся по крутому земляному склону — напрямик к мосту, подпрыгивая на кочках. Ветер засвистел в ушах, все вокруг закачалось, затряслось.

Когда он вырулил на мост, автобус уже достиг его середины.

Игорь не увидел, что произошло. До него лишь долетел раскатистый звук, как бывает, когда издалека слышишь орудийный выстрел. Автобус круто свернул. Вдоль его бортов поток воздуха распластал языки дыма.

Пробив ограду, автобус тяжело перевернулся через край и упал в воду.

Игорь с криком повернул за ним. Такая машина не утонет за несколько секунд, внутри воздух, и пока он выйдет наружу...

Мелькнула алая спица, заднее колесо мотоцикла взорвалось.

За спиной металл заскреб по асфальту, взлетел фонтан искр. Игорь оттолкнулся, чтоб не придавило ногу, мотоцикл упал набок, и он покатился в сторону. Вскочил, услышал звук выстрелов и снова упал. На локтях подполз к мотоциклу, прикрываясь им, выставил автомат, дал очередь. Надо прыгать за автобусом, но до края моста несколько метров, а он здесь, как на ладони!

Патроны в магазине закончились. Скинув плащ, Игорь передвинул из-за спины электроружье и попробовал подняться, но воздух вокруг прошили пули. Так у них не только электрическое оружие, но и обычное! Он снова приподнялся, но тут алая молния ударила в мотоцикл, и кожаное сиденье разлетелось ворохом обугленных лепестков.

Автобус тонет! Вместе с Тоней и ребенком!

Он вдавил спусковой крючок чужого оружия, которое все это время висело под плащом на левом плече, — курок оказался непривычно тугим, а выстрел произошел с задержкой примерно в секунду. Алая молния вонзилась в бок горбатого животного, и тот прорвался, как слишком туго набитый мусорный пакет. Какая-то влажная бурлящая каша вывалилась из него. Животное глухо замычало, передние, потом задние ноги подогнулись. Сотник вскочил, подняв мотоцикл, поволок его к краю моста, пригнувшись, прячась за машиной. Переднее колесо исправно крутилось, сзади крыло скрежетало по асфальту. Мотоцикл содрогнулся, когда в него попали сразу два разряда, и рассыпался под его руками, но Игорь был уже на краю и прыгнул.

Автобус почти затонул, из воды торчал только край кузова. Он оказался прямо под Сотником.

В последний момент он поджал ноги — и врезался в металл коленями. Боль прострелила бедра, позвоночник, добралась до черепа, взорвалась перед глазами фейерверком искр. Взбурлил воздух, и автобус пошел на дно. Игорь закричал, захрипел, ударяя по воде руками. Мир потемнел, он тоже начал тонуть. Быстрое течение понесло его прочь от моста.

ГЛАВА 5

Про Артемия Лазаревича он больше не думал — слишком невероятные события происходили вокруг.

Стемнело, на Красную площадь прибыли еще военные, а вышедшие из «галактики» люди заняли круговую оборону. Чтоб не схлопотать шальную пулю, Кирилл укрылся в подъезде многоэтажного дома, откуда выглядывал сквозь разбитое окно в двери.

Ночью зеленый купол пригас и цветом стал напоминать влажную тину. Молнии изредка вспыхивали вверху, похожие на колоссальные деревья с толстыми извилистыми стволами, которые распадались на пышные кроны разрядов и осыпали московские крыши дождем изумрудных стрел.

В темноте овальная воронка над Красной площадью мягко светилась, волны сияния пробегали по мостовой и по лагерю появившихся из зеленой «галактики» чужаков. Про себя Кир окрестил воронку порталом, потому что... ну, в конце концов, потому что смотрел же он голливудские фильмы и читал какие-то фантастические книжки, пусть и не очень много. И понимал: сейчас фантастика вторглась в реальность, прямиком в его жизнь.

Чужаки действовали слаженно, будто проделывали подобное уже много раз. Кириллу показалось, что даже порядок их прохождения через портал был неслучаен и отработан заранее.

Вначале, насколько он смог понять, хотя произошло это еще до его появления на Васильевском спуске, из портала возникли несколько небольших машин, издаലെка напоминающих телеги с высокими бортами, но без лошадей. На каждой стоял пулемет. Вместе с телегами появились пешие, они рассыпались вокруг воронки, защищая ее от атаки военных, прибывших на грузовиках.

Под прикрытием этого мобильного отряда выехали броневики — те же телеги, но побольше и накрытые железными колпаками. Броневики поставили вокруг портала, из бойниц в железных бортах началась стрельба.

К тому времени появились еще солдаты. Кир подумал, что если бы электроника действовала, тут налетели бы уже вертушки, а то и самолеты, и от лагеря чужаков осталась бы дымящаяся дыра в мостовой. Но отсутствие тяжелой техники было пришельцам очень на руку.

Между броневиками они быстро расставили квадратные щиты на подставках. Ночь накрыла Москву, над городом гремела канонада. Обычная иллюминация на площади не работала, и видно было плохо. Отдельные вспышки озаряли место сражения, по Ильинке подтянулись новые грузовики с солдатами, и вдруг по лагерю чужаков начали вести огонь со стены Кремля и из Спасской башни. Может, какой-то внутренний кремлевский гарнизон? Кирилл не знал, как там охраняется Кремль и сам президент.

Хотя ведь президент сейчас не здесь, вспомнил он. Вместе с премьер-министром и кем-то там еще из правительства укатил с визитом... черт его знает, с каким-то визитом куда-то укатил — он отродясь политикой не интересовался и новостей по телику не смотрел.

И тут из портала появилось нечто новое.

Сначала на фоне изумрудных волн показалась пара приземистых машин, явно не броневиков... Вскоре стало ясно, что это не машины, а животные. Кир даже голову выставил в окно, наблюдая за происходящим. Твари походили разом на лошадей, быков и верблюдов: длинные ноги, кривые рога, горбы на спинах... Шли они на расстоянии метра три друг от друга, между ними висело выгнутое книзу коромысло, на нем покоился конец длинной балки. Животные, которых вели на поводу двое чужаков, уже шагали по Красной площади, а дальний конец балки все еще оставался в портале.

Наконец из зеленого тумана показалась вторая пара «быков», несущих такое же коромысло, на которое опиралась задняя часть балки. За ними возникли еще несколько упряжей, которые везли другие массивные части — вот только части чего, Кирилл пока что

понять не мог.

Да это же катапульта! Да еще и с двигателем! Чужаки очень сноровисто собрали ее на уложенной прямо на мостовую массивной раме. Взревел мотор, из толстой выхлопной трубы ударил дым, медленно согнулась кривая балка, в глубокой чаше на конце которой лежало нечто большое, угловатое...

Вспыхнул огонь, мотор стих, труба снова выплюнула клуб дыма, и балка с протяжным стоном распрямилась.

В сторону Кремля полетел ком огня размером с мусорный бак. Что это было, Кирилл не понял, но, ударившись о вершину Спасской башни, прямо в окаймленный золотым кругом черный циферблат, ком расплескался липкой жгучей субстанцией. Башня загорелась.

Еще три выстрела — и горело уже на стене Кремля, а потом вспыхнуло и за ней.

Любишь или не любишь ты правительство, как ни относишься к текущей политике, к коррупции и прочим прелестям неразвитой демократии, Кремль остается для тебя центром российской державности, сердцем государства. И пожар в нем, и вид Спасской башни, ставшей огромным факелом, в огне которого едва проглядывает медленно кренящийся набок силуэт звезды, вызывает оторопь, переходящую в ужас, — ощущение конца мира, вселенского Апокалипсиса.

Кирилл был так заморожен этой картиной, боем на Красной площади и пожаром в Кремле, что не сразу обратил внимание на звуки, доносящиеся с другой стороны.

В зеленом тумане проступил массивный угловатый корпус, но он не успел разглядеть, что это там еще пожаловало из портала, — когда к топоту ног и шуму двигателей добавились крики ужаса, повернул голову в другую сторону. От моста бежали люди, за ними катили три «телеги» и «броневик», с них по беглецам стреляли.

Люди падали. Одни, ничего не соображая от ужаса, неслись прямо по середине улицы, другие сворачивали к домам.

Выходит, пришельцы появляются не только из портала на Красной площади. Кирилл ведь видел изумрудные волны, льющиеся из подземного перехода... Значит, через эти небольшие, возможно — временные порталы чужаки тоже могут проходить.

К подъезду, где он прятался, устремились трое: женщина, мальчик лет двенадцати и высокий старик. Следом повернула телега. Кирилл раскрыл дверь и призывно замахал рукой. С телеги выстрелили.

В сражении на Красной площади он видел прямые алые молнии, вылетающие из лагеря захватчиков. Они стреляли какими-то непонятными разрядами, но и не только ими — обычное, «пулевое» оружие у них тоже было, и сейчас чужак воспользовался им.

Вскрикнув, старик упал лицом вниз. Женщина завизжала, споткнулась, мальчишка схватил ее за руку, и они влетели в подъезд.

Тачанка неслась следом. Кирилл захлопнул дверь. Перед ним стояла довольно молодая, хорошо одетая гражданка с массивными серьгами в ушах и ярким макияжем. Тушь потекла, помада смазалась. Ее сын был в костюмчике, белой рубашке и галстук-бабочке.

— Вы кто?! — крикнула женщина.

— Прохожий просто, — поспешно успокоил ее Кирилл. — Вы в этом доме живете?

— Мы на третьем, — ответил мальчик.

— Другой выход есть? Во двор? Да быстрее, эта штука за вами едет!

— Нету, нету!

Кирилл снова выглянул. Телега быстро приближалась. В передней части ее торчал треугольный таран, сваренный не то из рельс, не то из толстых железных «уголков».

Застучали ноги по ступеням; когда Кирилл обернулся, женщина с мальчиком уже бежали вверх по лестнице. Не зная, куда деваться, он бросился за ними и догнал только на третьем этаже, когда женщина трясущимися руками пыталась открыть дверь. Она дикими глазами глянула на Кира и выронила ключи.

— Мама, дай я! — закричал мальчик, оттолкнул ее и поднял связку. Кирилл, тяжело дыша, остановился рядом.

— Уйдите отсюда! — взвизгнула женщина, и тут по лестнице покатился грохот — телега вломила в дверь.

— Быстрее открывай! — зашипел Кирилл мальчишке, который тыкал ключом в замочную скважину. — А вы — молчите! Ни звука! Они могут по лестнице за нами...

Мальчик раскрыл дверь, женщина взвизгнула:

— Не входите! Прочь отсюда!

Оттолкнув ее, Кирилл прыгнул внутрь, пихнул мальчика перед собой, развернувшись, схватил женщину за плечи, втащил в квартиру и закрыл дверь. Не захлопнул, а именно закрыл, тихо щелкнув замком.

Снаружи донесся звук шагов. Что-то клацнуло. Еще раз — немного громче. Наверное, оружейный затвор... Пятясь в темный коридор, Кир оглянулся. Большая квартира, трех- или четырехкомнатная, отсюда он видел край просторной кухни, дорогую ковровую дорожку в гостиной, на стене — ходики под старину.

— Тихо все! — шепотом сказал Кир. — Они рядом!

Женщина прижалась спиной к стене, а мальчик зашептал:

— Мы видели, как они людей хватали и бросали в свои машины.

— Бросали в машины? — переспросил Кирилл, отступая вслед за ним в гостиную.

Женщина оставалась на месте и глядела на непрошеного гостя так, словно боялась его больше непонятных людей снаружи. Казалось, она едва сдерживается, чтобы не упасть на пол и не забиться в истерику.

— Идите за нами, — шепотом позвал ее Кир, но она помотала головой и закусила губу. — Послушайте, я такой же человек, как вы, спасаюсь от этих... Вы не меня, а их бойтесь.

Из глаз ее потекли темные от туши слезы, она закусила губу и мелкими шажками пошла вслед за Кириллом и сыном, которые остановились посреди гостиной. Доносящиеся снаружи звуки стихли на площадке третьего этажа.

— Что это значит? — спросил Кир у ребенка. — Зачем они их в машины свои бросают? Малыш, а ты не перепусти...

— Сам малыш! — оскорбился мальчик и насупился: — Брат с отцом на рыбалке сейчас, а то бы они этим надрали задницы.

— Костя! — пискнула его мать.

— Я правду говорю! Эти, которые на машинах, они тетюшку одну схватили и в машину на дно бросили. И там другие люди лежали. Они их в плен берут!

На лестнице стояла тишина, шум на улице под домом тоже стих, но с Красной площади по-прежнему доносились звуки сражения.

— Что с нами будет? — прошептала женщина.

— Мне их цель непонятна, — тихо сказал Кир. — Говоришь, в плен берут? Зачем?

— Чтоб сожрать, — уверенно объявил Костя.

Мать в ужасе уставилась на него.

— Что ты говоришь?!

— И кто это, по-твоему, такие? — уточнил Кирилл.

— Сталкеры, — сказал мальчик.

— Кто? Почему?

— У них же противогазы. Это Темные Сталкеры, мутанты из Зоны.

— Из какой Зоны? — еще больше удивился Кирилл.

— Вы что, «Сталкера» не читали? Они — мутанты, фанаты Черного Монолита. Они сюда попали через эти... через тоннели в пространстве — прямо из Зоны, из Чернобыля!

— Костя... — слабо начала мать.

Ручка входной двери задергалась, громко застучала.

Кирилл подался к женщине, вытянув руку, чтобы зажать ей рот, но не успел — она завизжала.

— Бежим! — Оттолкнув их в разные стороны, он бросился к балконной двери.

Распахнув, выскочил наружу и глянул через ограду из литых чугунных столбиков.

Двор, аккуратные ряды кустов, асфальтовые дорожки, гаражи. Третий этаж — невысоко... Можно перелезть, схватившись за столбики ограждения, повиснуть, чуть раскачаться — и спрыгнуть на балкон второго этажа. Потом на первый, а дальше уже во двор.

Во входную дверь ударили, и снаружи донесся глухой голос. Что-то очень странное он говорил — вернее, странным казался сам язык. Половину слов Кир вроде бы узнавал, но другая была незнакомой, да и те, что знакомы, смешивались в такую кашу... Голос за дверью напугал его больше всего остального — от этой тарабарщины, включившей в себя, как он решил, сразу несколько земных языков вроде русского, английского, немецкого и кого-то не то итальянского, не то испанского, мороз шел по коже и подгибались ноги.

Дважды снаружи прозвучало нечто вроде «вархан» или «варханы», а потом новый удар сотряс дверь.

— Сюда идите! — позвал Кирилл, перебрасывая ногу через ограждение.

— Мама, наружу давай! — приказал Костя.

Мальчик показался на балконе, таща женщину за собой.

— Константин, я на нижний балкон спрыгну и там твою мама приму, а ты за ней лезь, понял?

— Хорошо, только вы ее крепко держите, чтоб не упала!

— Костя, я не полезу! — закричала женщина. Кирилл уже висел, раскачиваясь, недалеко под ним серел прямоугольник другого балкона. — Я не могу, Костя, прекрати!

— Мама, лезь!!

— Нет!!!

Донесся скрежет замка, в котором проворачивали что-то металлическое, а потом и стук двери, когда она, распахнувшись, жახнула ручкой по стене прихожей.

Женщина снова завизжала. Кирилл прыгнул, ударился о бетон ступнями и опрокинулся на задницу. В копчике хрустнуло, он вскрикнул от острой боли, но заставил себя подняться и заорал: «Вниз!», вытянув руки над головой.

Костя таки заставил мать перелезть, она повисла, сверху возникла голова мальчика, но он тут же с испуганным криком пропал из вида, а женщину рывком втянуло вверх, мелькнул подол юбки, ноги в туфлях с тонкими каблуками — и она исчезла вслед за сыном.

Кирилл полез через ограду. Вверху появились три темных головы, лиц он не разглядел, зато увидел ствол, блеснувший в отблесках пожара, льющихся с Красной площади.

Из ствола вниз ударила молния, врезалась в балкон. Он обрушился, следующий тоже, и Кирилл очутился на гряде обломков на земле. Куски бетона и оплавленная арматура посыпались на него, Кир покатился в сторону. Оказавшись на земле, встал на четвереньки. Озаренная багровыми всполохами ночь качалась и гремела набатом. Кир поднялся, шатаясь, побрел вдоль стены, с каждым шагом двигаясь все быстрее. Побежал. Перепрыгнув через кусты, сообразил, что на плече его больше не висит сумка с ноутбуком. Сбившись с шага, упал. Наверное, это его спасло — протянувшийся с балкона алый разряд ударил в землю прямо перед ним, и Кира осыпало горячей землей. Снова поднявшись, он пробежал еще немного и нырнул за угол дома.

Кирилл не помнил, где оставил сумку — то ли положил ее на пол в подъезде, наблюдая за событиями у Кремля, то ли забыл на балконе, когда перелезал через перила. Он оглядел темную улицу. Фонари не горели. И реклама погасла, и вывески. Во тьме, наполнившей Москву, нарушаемой лишь отблесками пожаров да редким светом фар, слышались выстрелы, крики, шум моторов, стоны раненых...

И голоса, говорящие на чужом, пугающем языке.

Иногда в небе бесшумно проскальзывали огромные молнии, и призрачно-зеленый свет облизывал крыши домов. Кир побежал по краю улицы, готовый при любом намеке на опасность нырнуть в подъезд или во двор. Надо домой, за деньгами и документами, но главное — за рюкзаком, продуктами, за ножом, фонариком и за своей катаной. А после... Пироговское водохранилище ничем не хуже других направлений. Кирилл несколько раз там

бывал и знал местность. Значит, он направится туда, чтобы выйти из-под купола.
Если выход есть.

ЧАСТЬ II ВЫХОДА НЕТ

ГЛАВА 6

Он часто представлял себе окружающий мир в виде кода, компьютерной игры, под текстурами которой скрыты сложные формулы. И сейчас там что-то нарушилось, пошло вразнос. Что-то в большой игре под названием «Москва» сбило.

Глядя из окна на темную улицу, он хорошо это чувствовал. Слышались отзвуки далекой канонады — казалось, бои идут сразу в нескольких местах, со всех сторон, — вспышки зарниц высвечивали силуэты домов.

Фонари, реклама, вывески ночных заведений — все погасло. Изредка во тьме внизу Киру чудилось быстрое движение, словно там пробегал одинокий перепуганный прохожий, торопясь покинуть враждебную улицу. Иногда стены домов отражали эхо далеких криков.

Отвернувшись от окна, Кирилл шагнул к столу с компьютером и включил галогенный фонарик. Возле клавиатуры валялись обрывки бумаг, пробки из-под пивных бутылок, сломанные спички — он имел привычку их грызть во время работы — и цветные карандаши. Посреди всего этого красовалась пепельница, набитая окурками. Серебристую раму монитора облепили стикеры с наспех нацарапанными надписями. Присев на край кресла, он вдавил кнопку на системном блоке, вспомнил, что электричества нет, чертыхнулся и полез в ящик за вторым ноутбуком. Зевнув, широким движением руки сбросил со стола мусор. Отодвинул клавиатуру, поставил на ее место ноутбук, раскрыл и включил... Да только тот не включился — накрылся ноутбук, как и большинство более-менее сложных электронных приборов. Кирилл оттолкнул его, хмурясь. Встал и, освещая дорогу фонариком, направился в кладовку возле кухни.

Но по пути остановился, когда из-за входной двери донеслись шаги. Послушал пару секунд — и перевел дух. Нет, эти звучат совсем не так, как те, что они слышали с Костей и его мамой. Те казались опасными, а эти — торопливыми и напуганными.

Зазвучал женский голос, ему ответил мужской. Щелкнул замок, женщина заговорила громче: «Павел, я не хочу уезжать!» Мужчина ответил пренебрежительно: «Ну и сиди тут, сам поеду». Кир признал голоса соседей, молодой зажиточной пары. «Но ведь машина не завелась!» — уже громче, истеричнее сказала женщина. Теперь интонациями она напоминала маму Кости. «Разберемся» — прозвучало в ответ. Дверь в их квартиру захлопнулась, и дальше он не слышал.

Поставив фонарик на пол кладовки так, чтобы тот светил вверх, Кирилл присел на корточки возле полок и вытащил с нижней рюкзак, который купил когда-то, собираясь отправиться в поход на Урал, куда так и не уехал: Артемий Лазаревич запретил, решив,

наверное, что его хакер может не вернуться. Из кухни Кир притащил табуретку, положил на нее рюкзак и стал собираться.

Первым делом он достал испанский нож, тяжелый и солидный. Весил тот с полкило, имел черную алюминиевую рукоять, где прятались всякие полезные штуки: иглы, пинцет, рыболовный крючок с мотком лесы, пластинка-огниво, жидкость от комаров, карандаш, лезвие, зеркальце и резиновый жгут, который можно было использовать и при ранениях, и для рогатки — ее стальные «усы» выдвигались из торца рукояти. Был на ней еще оселок для заточки, а внутри пустое отделение для обеззараживающих таблеток. Назывался нож «Jungle King», Кирилл купил его вместе с рюкзаком и поначалу жутко им гордился, повсюду таскал с собой, рискуя нарваться на неприятности с полицией (хотя нож и был сертифицирован как разделочный, то есть не относился к боевому оружию), а после охладел и сунул на полку, где «Король Джунглей» с тех пор и лежал, позабытый хозяином.

Кир положил нож в боковой карман рюкзака и потер подбородок, скользя взглядом по полкам. Устал он, спать очень хочется, поэтому мозги плохо соображают. Захватив из неработающего холодильника жестянку с пивом, вернулся в комнату и сел в кресло.

Как плохо, что лэптоп не включается! Некоторые коллекционируют марки, пивные этикетки, спичечные коробки, автомобили, произведения искусств или любовниц, а Кирилл Мерсер собирал информацию. Любой сайт, который казался ему хоть чем-то полезным, сохранял в лэптопе, в папке под названием «Кубышка». В квартире его вечно царил бедлам, вещи валялись не на своих местах, мебель была покрыта пылью, но во всех компах был идеальный порядок, и в «Кубышке» тоже все тщательно рассортировано по тематическим папкам. Сейчас бы очень пригодилась одна из них, озаглавленная: «Конец света/Выживание». Там хранилась инфа с сайтов вроде guns.ru, ufology.ru, world.en.cx...

Когда-то, во время мирового экономического кризиса, озаботившись проблемой выживания, Кирилл прочел много статей вроде «Вещи первой необходимости», «Малый справочник сталкера», «Как вести себя во время вторжения инопланетян» и «Как горожанину прожить за городом». Что там было полезного? Пытаясь вспомнить, он закурил, хлебнул пива... и тут за окном бабахнуло. Да так гулко, оглушающе, что весь дом дрогнул и стол затрясся. Едва не перевернув пиво, Кир вскочил и бросился к окну.

В здании напротив начался пожар — на последнем, девятом этаже. Газ там, что ли, рванул? Языки пламени вместе с дымом выплескивались из пролома на месте одного из окон.

На улице закричали, кто-то побежал, потом, жутко тарахтя, проехала колымага с одной тусклой фарой, но не дизельная тачанка чужаков, кажется, древний «москвич».

Когда Кир отвернулся от окна, взгляд его упал на темную, слегка изогнутую полоску на фоне светлых обоев. Он шагнул к стене, снял катану в ножнах и поспешил к шкафу. Положив катану на пол, стащил с себя джинсы, отыскал в шкафу купленные для путешествия на Урал черные брюки с кучей карманов, надел и опять пошел в кладовку, припоминая на ходу содержимое статьи «Вещи первой необходимости». В рюкзак отправились: две зажигалки, газовый и бензиновый баллончики к ним, моток веревки, два ножа — большой охотничий и маленький раскладной, — фонарь и пачка батареек, удачно завалявшаяся на верхней полке. Потом вместе с рюкзаком Кир отправился на кухню. Палка колбасы, три пачки печенья, тушенка, шпроты, сардины, упаковка крабовых палочек... Ее Кир вскрыл и тут же на месте четыре палочки слопал. Водой из-под крана он только мыл посуду, что случалось нечасто, а пить предпочитал пиво, газировку либо привозную воду из пластиковых бутылей. Одна такая, наполовину полная, стояла на холодильнике. Кир нашел за мусорным ведром три литровые бутылки из-под минералки и наполнил их. Закрутив потуже, сунул в рюкзак; на ходу допивая пиво, вернулся в комнату. Упаковал лэптоп — пусть тот сейчас не работает, но его же можно починить, наверное, — сверху положил несколько смен белья, четыре пары носков, рубашку, запасные штаны и полотенце. Хотел еще сунуть свитер — не влез. Эх, надо было большой рюкзак покупать!

С верхней полки шкафа он достал длинную брезентовую куртку, где карманов было даже больше, чем на штанах. Хорошая куртка, только теплая для такой погоды, ну да ладно.

Хотя сейчас не так уж и тепло, из-за купола в городе стало заметно прохладней.

Пора идти? Ему смертельно хотелось спать, веки слипались, гудело в голове, и всякие странные образы — рожи в противогазах, горящие башни Кремля, дизельные тачанки и зеленые «галактики» — всплывали в полутьме вокруг, исчезали и появлялись снова. Вспомнив, что забыл погасить фонарик, Кирилл сходил в кладовку, выключил его и сунул в карман на бедре. Завернул в ванную, взял бритву с полки, достал из ящичка возле унитаза рулон туалетной бумаги. Заодно проверил кран — тот зафыркал, закашлял, вода не пошла. Рулон в рюкзак тоже не влез, пришлось отмотать кусок побольше, свернуть и сунуть в карман. Вспомнив про лекарства, взять которые настоятельно советовала статья про вещи первой необходимости, он открыл аптечку над холодильником, выгреб все, что там было, замотал в пакет и кое-как запихнул в боковое отделение рюкзака, рядом с носками и бритвой.

Вернувшись в комнату, сел в кресло, положил ноги на рюкзак, снова закурил и достал мобильник. Тот, конечно, не включился. Кир нашел в шкафу старый, еще мамин будильник с ручным заводом, выставил время по наручным часам — хорошо, что они у него механические, — и перевел стрелку так, чтобы будильник зазвонил через сорок пять минут. Потом прикрыл глаза и вырубился.

...И проснулся не по звонку, а из-за того, что на улице закричали, а после там раздался глухой удар, будто что-то большое врезалось в стену. Кир вскочил, догоревшая до фильтра сигарета выскользнула из пальцев на пол. Он бросился к окну.

По улице мимо перевернутого ларька двигалось что-то большое, угловатое, издающее тяжелый гул. Кирилл протер глаза и прижался лбом к стеклу. На вершине этой штуки был стеклянный колпак, под которым клубился мертвенно-синий светящийся дым. Да что же это там такое ползет? Раскрыв окно, он высунулся и глянул вверх. Из-за купола звезды стали размытыми блеклыми пятнышками. Иногда в глубокой, давящей черноте над головой бесшумно проскальзывали зеленые молнии.

Навалившись животом на подоконник, Кир снова уставился вниз. Гудение стало тише, синий колпак передвинулся к повороту улицы слева, и стал виден большой квадратный силуэт под ним. Позади ехала дизельная тачанка, фар у нее то ли не было, то ли они не работали, рядом шли несколько чужаков. Киру показалось, что снизу доносятся совсем тихие голоса, произносящие слова чужого языка.

Что бы там ни возглавляло процессию, вскоре оно скрылось за поворотом, а следом исчезла и тачанка с чужаками. Кирилл подождал еще немного, но больше никто не показывался, и он закрыл окно. И тут же звонко затарахтел стоящий на столе будильник. В тишине звук прозвучал так неожиданно и пронзительно, что Кир вздрогнул, перед глазами полыхнули яркие звездочки. Чертыхаясь, он выключил будильник. Тот показывал без пятнадцати четыре.

Кирилл взял катану в ножнах, просунул их под клапан рюкзака. Надел куртку, рассовал по карманам три пачки сигарет, найденные в столе, еще пару спрятал в рюкзаке, накинул на плечи лямки рюкзака. Освещая путь фонариком, прошел на кухню, заглянул в кладовку, в ванную. Выпил воды из бутылки и направился в прихожую. Раскрыл дверь, но вышел не сразу, на пороге остановился и окинул взглядом квартиру.

Прощай, квартира! Почему-то у него было чувство, что в это место он больше не вернется. Вообще никогда.

Закрыв дверь, он поправил рюкзак, отвел руку назад, нащупал ножны катаны, закрепленные под клапаном так, чтобы рукоять торчала над левым плечом, сунул в зубы спичку и пошел вниз по темной лестнице. В левой руке его был фонарик, а в правой — нож.

* * *

Горело где-то справа, недалеко, и горело сильно — облако дрожащего багрового света висело над соседним кварталом.

Выплюнув спичку, Кирилл приостановился и втянул воздух ноздрями. Непривычный

запах — вроде, карбид, а еще соляра, и какое-то масло и... сырая нефть, что ли? Хотя он понятия не имел, какой запах у сырой нефти.

Что может давать этаким букет? Зажигательная смесь — вот что. Смесь, с помощью которой эти «варханы», или как там они себя называют, и устроили пожар. Кстати, если он пройдет еще метров сто и свернет, то напрямик к пожару и выйдет. Только вот стоит ли?

На улице было тихо и пусто. Кир закурил, пряча огонек в ладони, и зашагал дальше, размышляя: могут эти парни в противогазах называть сами себя варханами или нет? Как тогда было... Они с мальчиком Костей и его мамой стояли в темной квартире, затаив дыхание, а с лестничной клетки доносились тихие-тихие звуки, и потом раздался глухой голос, который говорил на незнакомом — и в то же время знакомом, поэтому особенно пугающем — наречии. Голос этот сначала произнес нечто вроде «варханы», а потом «вархан» — и тут же входную дверь сотряс удар. Так, может, «вархан» значит что-то типа «бей»? Ломай, тарань, круши? Или это все же самоназвание захватчиков? Но как-то странно — вся фраза, стало быть, означала нечто вроде «Открыфай, бапка, фашисты пришли!» Ну то есть зачем им самих себя в обычном разговоре как-то называть?

Или нет, вдруг понял он, всё не так! На самом деле это слово для захватчиков может означать не фашисты или там русские, а, скорее, братья или люди... Пиплы, то есть. Граждане, товарищи, господа. Естественное обращение к одному или к группе, то есть фраза могла переводиться примерно как «Братва, а ну-ка раздолбаем дверь!»

Сделав еще несколько шагов, Кир остановился. Из-за поворота, заглушая гудение пламени, донесся шум мотора.

Кирилл швырнул сигарету, растоптал, лихорадочно оглядываясь, и кинулся назад, к просвету между магазином и жилым домом. Но добежать не успел.

На передке выкатившей из-за угла тачанки тускло горела круглая выпуклая фара, она часто помаргивала, пригасала и снова разгоралась. Когда тачанка поворачивала, луч неприятного бледно-желтого света веером скользнул над улицей, выхватывая из темноты стены домов.

У бордюра напротив прохода между домами стояла урна, и Кирилл не нашел ничего лучше, как упасть позади нее. Рукоять катаны брякнула об урну, он немного отполз назад и замер, касаясь пальцами кармана, в котором лежал «Король Джунглей».

Тачанка медленно приближалась. Сколько в ней варханов, Кир из-за своего укрытия разглядеть не мог, но в желтом свете фары видел, что перед машиной бегут две пары существ с вытянутыми мордами и уродливыми наростами на поросших темной щетиной спинах. Твари, похожие на горбатых гиен, были пристегнуты к передку тачанки длинными ремнями.

Когда они поравнялись с урной, Кир затаил дыхание. Раздалось фыркание, громкое сопение, потом одно существо громко затывало.

С тачанки донесся гортанный окрик, что-то заскрипело, и машина встала.

Вскочив, Кир бросился назад, в проход, забыв про оружие в кармане куртки, пытаясь вытащить из ножен катану.

Он не знал, что происходило сзади, но вскоре слышался мягкий стук лап по асфальту.

Пожар бушевал где-то впереди, двор был озарен отблесками пламени. Стоянка, деревья, скамейки, детская площадка... Подбегая к «горке», Кирилл слышал злобное фыркание совсем близко и спинным мозгом ощутил: сейчас на него прыгнут. Катана была в правой руке. Кир взлетел по ступенькам, едва не завалившись назад из-за веса рюкзака, на вершине «горки» присел и развернулся, обеими руками сжимая катану перед собой.

Гибкое тело прыгнуло на него снизу. Он рубанул — наискось, сверху вниз перечеркнул клинком узкую морду. Что-то хрустнуло, чавкнуло... «Гиена» врезалась ему в грудь. Кир успел разглядеть еще трех — они как раз вбежали на площадку — и полетел спиной назад, задрав ноги. Тварь осталась где-то вверху, а он скатился с «горки» и въехал головой в небольшую кучу песка под ней.

Плюясь, Кирилл перевернулся и вскочил. Увидев меч у своих ног, подхватил его, бросился дальше. Три твари обежали «горку», а по ней, злобно твякая и приседая на задние

лапы, съехала четвертая.

Впереди была двухметровая железная ограда. Кир с разбегу прыгнул, подтянулся и уселся верхом.

Твари засновали внизу, подпрыгивая, когти клацали по металлу, глаза светились желтым. Он сунул катану в ножны. С другой стороны был двор, небольшие постройки и светло-бежевая трехэтажная стена за ними... Торговый центр, сообразил он. Вернее, торгово-развлекательный, кажется, он даже бывал здесь. «Аладдин», что ли? Или «Сим-Сим»?

Запах горючей смеси стал острее — пожар бушевал на улице прямо за торговым центром, хотя с этой стороны было пусто и тихо.

Двор с детской площадкой озарил свет фары — в него между домами въезжала тачанка. «Гиены» побежали к ней, когда один из сидящих в машине варханов окликнул их. Прищурившись, Кирилл разглядел силуэт, который выпрямился на задней части машины. Вархан поднял оружие с длинным стволом. Кир перекинул через ограду вторую ногу и спрыгнул.

Пригибаясь, он перебежал двор. Слева была почти пустая стоянка — только большой междугородний автобус на ней, и всё. Туда Кирилл повернуть не рискнул, потому что в той стороне было гораздо светлее, гудящее на улице за торговым центром пламя озаряло расчерченный асфальтовый прямоугольник, иногда длинные тени перечерчивали его. Варханы ходили где-то за углом комплекса, хотя отсюда Кирилл не видел их, но был уверен, что это тени захватчиков, а не москвичей — очень уж неторопливо, уверенно, по-хозяйски они двигались.

Кир пересек двор и залез на выступающую далеко из стены здания одноэтажную пристройку. Глянул назад — в метре над крышей пристройки в стене торгового центра темнело приоткрытое окошко.

Снизу снова донеслись голоса, потом звук приближающихся шагов, а за ним — тихий шорох прямо под той стеной, где было окно с решеткой.

Проваливаясь локтями в изгибы шифера, Кир развернулся на спину, упершись в крышу рюкзаком. Подошвами ткнул в стекло, открыл окно шире, сунул внутрь ноги, потом залез целиком, цепляя ножами за раму.

В темноте он едва разглядел узкую лестницу. Спрыгнув на ступени, закрыл окно, повернул шпингалет и на корточках поспешил вниз, но сразу остановился — где-то там раскрылась дверь, на лестнице зазвучали гортанные голоса.

Он стал подниматься. Миновав три пролета, вытащил из кармана фонарик, но не включил — замер, вслушиваясь.

В здании были люди. Нет, громкие звуки не раздавались, но Кирилл ощутил: здесь полно *своих*. Он не слышал, а скорее чувствовал их дыхание, тихие-тихие шорохи, испуганный шепот...

Несколько раз глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Кирилл достал нож, сжал его в правой руке, а левой включил фонарик.

Луч озарил неширокую лестницу, бетонную площадку и дверь, ведущую, насколько он мог сообразить, на верхний, третий этаж здания.

Шум в нижней части лестницы стих, но Кирилл не рискнул спускаться. Он уперся в дверь рукой с ножом, погасил фонарик и толкнул ее.

Дверь тихо скрипнула, открываясь.

За ней было довольно светло — багровые отблески лились сквозь большие, вполстены, окна.

Пригибаясь, Кир сделал несколько шагов вдоль длинной стойки со стеклянными окошками и надписями «КАССЫ». Выше висели рекламные плакаты всяких фильмов. Окна фасадной стены торгового комплекса были впереди, слева — бар, за ним дверь с табличкой. «Зал № 3», прочел Кир.

Гудение пламени стало громче. Не опуская нож, он подошел к ближайшему окну.

Посреди большого перекрестка, возле которого стоял торговый центр, горели машины.

Их там было штук пятнадцать, не меньше — легковушки, джипы и даже пара микроавтобусов... Как их туда стащили? Если предположить, что все это — вышедшие из строя тачки, то их пришлось катить вручную. И зачем, чтобы устроить эту иллюминацию? Или просто из страсти к разрушению?

Машины облили какой-то смесью, а после подожгли. Они плевали желтыми искрами, иногда в гудах почерневшего металла что-то взрывалось, выстреливало сгустками огня. Вокруг стояли не меньше десятка тачанок, три были накрыты железными колпаками с прорезями — такие броневики Кирилл уже видел на Красной площади.

С улицы на другую сторону перекрестка выехала вереница горбатых животных, на каждом, поблескивая оружием в свете пламени, сидели по двое-трое варханов. Чтобы не маячить в окне, Кирилл опустился на колени и навалился грудью на низкий подоконник, упершись в стекло лбом.

Под стеной торгового центра вырос шатер из шкур, вход в него охраняли двое варханов. Из круглого отверстия в центре шатра выступала большая проволоочная рама, над ней торчали два длинных «уса». На глазах Кира между ними проскочила молния, но не зеленая, как те, что иногда посверкивали в небе, а желтая и какая-то влажно-жирная с виду. Он привстал, чтобы лучше видеть. Сквозь отверстие взгляду открывалась часть пространства внутри шатра, озаренного синеватым светом, который лился от колпака из мутного стекла, стоящего прямо на асфальте. Рядом виднелся металлический куб, над которым склонился вархан, облаченный в меховой плащ и шапку. Деталей Кирилл с такого расстояния и под таким углом разглядеть не мог, но ему показалось, что торчащая из отверстия рама соединена с кубом жгутом проводов. Вархан (Кир почему-то обозвал его про себя шаманом) поворачивал какие-то рукояти на устройстве.

Над шатром вновь блеснула желтая молния, снизу долетел приглушенный треск. Шаман выпрямился, снял шапку и принялся стаскивать противогаз. Кирилл уставился во все глаза. Избавившись от маски, шаман снова надел шапку, после чего ушел из поля зрения. Откинулась закрывающая вход шкура, и он шагнул наружу. Охранники повернулись к нему, шаман помедлил — наверное, говорил им что-то — и вернулся. Через круглое отверстие Кирилл его больше не увидел, зато разглядел, как охранники стягивают свои маски. Один так и остался охранять шатер, а второй пошел через площадь, распространяя весть о том, что от противогазов можно избавиться...

У них есть наука. Может, не совсем наука в современном понимании, наверное, она больше сродни алхимии — во всяком случае, с виду как-то похоже — но, так или иначе, захватчики проанализировали местную атмосферу и определили, что она для них не опасна.

Из боковой улицы показались идущие вереницей люди — руки у всех связаны, их соединял длинный ремень, задний и передний концы его были приторочены к двум медленно едущим тачанкам. В каждой сидели по трое варханов, и еще шестеро шли рядом, положив на плечи ружья. Пленные тяжело переставляли ноги, некоторые шатались. Сквозь гудение пламени и треск искр донеслось шарканье подошв по асфальту. Вереница миновала перекресток и скрылась на другой улице вместе с тачанками и охранниками.

Кирилл выпрямился, проводив их взглядом. Ночь подходила к концу, небо светлело. Приехавшие на горбатых животных варханы спешили, снимали поклажу. Некоторые начали разворачивать шкуры — кажется, собрались ставить шатры. Откуда-то появились темные щиты с подставками, которые Кир уже видел на Красной площади, их принялись расставлять вокруг лагеря. Теперь он смог разглядеть, что щиты сделаны из кожи. Машины посреди перекрестка догорали, немилосердно чадя шинами. Шаман в круглом отверстии больше не показывался, желтая молния не проскакивала.

Попытившись от окна, Кирилл повернулся и крадучись направился в сторону касс. Свернув за них, увидел эскалатор впереди, подошел к нему.

Эскалатор, конечно, не работал. Кир спустился на второй этаж, целиком занятый разномастными магазинами, нашел следующий эскалатор и встал на верхней ступеньке.

Почти весь первый этаж занимали два больших помещения, разделенные высокой

перегородкой, упирающейся в эскалатор снизу — поэтому Кир смог окинуть взглядом оба. Слева от него был японский ресторан, а справа — большой зал, над дверями которого висела вывеска:

ВЫСТАВКА-ПРОДАЖА BMW

По всему залу, на помостах и просто на полу, окруженные узорчатыми оградками, стояли автомобили и мотоциклы.

Кирилл присел, поверх поручня осторожно разглядывая ресторан. Столики и столы были свалены в кучу под стеной, посреди зала сидели люди. Человек тридцать-сорок, не меньше — мужчины, женщины, дети... Кто-то плакал, кто-то причитал, лежащий навзничь человек, чья голова была обмотана полотенцем, монотонно стонал.

На стойке, свесив ноги, лицом к залу сидели трое вооруженных варханов, еще трое стояли у стены напротив и двое — под ведущей на улицу дверью. Насколько Кир мог сообразить, прямо за ней был меховой шатер.

Дверь в зал раскрылась. Внутри просунулась голова без противогаза и что-то сказала. Охранники зашевелились, обмениваясь короткими репликами, принялись стягивать маски, сворачивать и класть в сумки на поясах.

Кирилл передвинулся на другую сторону эскалатора, чтобы получше разглядеть второе помещение. Посреди него на круглом помосте красовался черный квадроцикл: большие ребристые колеса, рулевая вилка, решетчатый багажник, широкое длинное сиденье для двоих... Позади машины был стенд, на нем красочный рисунок: мужественный блондин и девушка, обхватившая его за поясицу, мчатся по живописному бездорожью. Под рисунком было написано «ГОРЕЦ-7», а над ним — «ТЕСТ-ДРАЙВ».

Снизу доносились тихие причитания, плач, стоны, иногда — скупые реплики варханов. Зато на стороне выставки-продажи стояла тишина. Поправив рюкзак, Кирилл принялся спускаться на корточках, неловко переваливаясь с одной ступеньки на другую, придерживаясь за поручни и тихо пыхтя.

Что там, в этих квадрах? — размышлял он по дороге. Много электроники, заведется он или нет? Охлаждение двигателя там воздушное, коробка передач механическая, простенькая... Во всяком случае, Кир очень на это надеялся — автомат-то мог и не сработать.

Если заведется, и если в баке есть горючка... Из зала два выхода: центральный, ведущий на перекресток, где разбили лагерь варханы, и боковой — широкие стеклянные двери, за которыми в рассветных сумерках виднеется асфальтированная дорожка, круто изгибающаяся в сторону от перекрестка. По ней можно свалить отсюда. Судя по тому, на что он успел насмотреться ночью, пробираться через захваченную Москву пешком — долго и опасно. А вот проехать ее на этом «горце»... Ну то есть, конечно, тоже опасно, может даже еще опаснее, но, с другой стороны, и гораздо быстрее. Он сможет покинуть город меньше чем за час. Ведь это было бы круто — на ревущем квадроцикле, потрясая катаной, вылететь из-под носа у целого лагеря варханов и раствориться на утренних московских улицах.

Преодолев эскалатор, он на четвереньках обогнул несколько автомобилей, парочку сияющих хромом мотоциклов и круглый помост с квадроциклом. На полу разглядел грязные следы с тупой, будто срезанной передней частью, и решил, что их оставили здесь ноги варханов.

Кир добрался до ведущих наружу стеклянных дверей, толкнул — они легко, без скрипа, открылись. Широко распахнув их, вернулся к помосту, залез на него и присел у покатоного черного борта. Светало, с перекрестка доносился шум шагов, мычание рогатых животных, голоса и гул двигателей. Хлопали на ветру шкуры, постреливали искрами догорающие авто. Пахло гарью, паленой резиной и навозом. А в ресторане было тихо. Варханы совсем рядом, за перегородкой, стоит им услышать шум, как они ворвутся сюда и расстреляют его из своих ружей...

Попятившись на четвереньках, Кирилл стащил со спины рюкзак, положил на

решетчатый багажник квадра и кое-как пристегнул ремнем. Снова проковылял вперед, подняв руки, схватился за рулевую вилку — и приготовился вскочить, чтобы, прыгнув в седло машины, с ходу завести ее и вылететь наружу.

ГЛАВА 7

Первое, что услышал Игорь Сотник, было сопение, а первое, что ощутил, — холод. Несколько секунд он лежал, прислушиваясь и пытаясь вспомнить, что происходило недавно. Зеленая световая волна... авария... люди в противогазах, дизельные тачанки и алые молнии... гонка на мотоцикле, мост, канал... Дядя Миша, вставшая «тойота», автобус, Тоня...

Тоня!

Он сел. Тоня! Она утонула!

Или нет? Игорь тогда прыгнул... прыгнул... Да, прыгнул с моста и ударился о борт автобуса, а после все потемнело, и последнее, что осталось в памяти, — плеск воды и холод.

Издалека доносилась приглушенная канонада. Под Игорем был плащ, который он забрал из кабины автозака. Влажный, воротник почти оторван. А где автомат? Нет его... Сотник огляделся. Он находился под задней стеной полуразваленной кирпичной будки. В стене был пролом, за ним в будке горел костерок. Небо темно-серое, сумрачно — то ли раннее утро, то ли поздний вечер.

У пролома, спиной к костру, сидел, поджав ноги, мальчик в спортивных штанах и клетчатой рубашке явно не по росту — сидел и монотонно раскачивался взад-вперед, тихо посапывая. Коротенький ежик пепельных волос, лицо круглое и какое-то... недоброе, что ли. Из закатанных рукавов торчали грязные тощие запястья.

Когда Игорь повернулся к нему, мальчишка не перестал ни сопеть, ни раскачиваться.

— Ты кто? — спросил Сотник.

Ребенок извлек из-под рубашки большую ржавую флягу и протянул ему.

— Пить будешь, дядька? Батя после неосознанки всегда пить требовал.

Игорь взял флягу, открыл, понюхал и сделал несколько глотков теплой воды. Он никогда не умел вести себя с детьми, не знал, как к ним обращаться, как заводить приятельские отношения, да и вообще — о чем с ними говорить. Рядом с ними Сотник чувствовал себя слишком большим, неловким, угловатым, грубым... Педагогика не была его жизненным призванием.

— Как тебя зовут? — спросил он, закрывая флягу.

— Хорь.

— Что? — удивился Игорь. — Почему Хорь?

Мальчик передернул плечами.

— Батя так называл.

Будка стояла на краю редколесья, рядом из земли торчал угол бетонной плиты, поросший мхом. Игорь поднялся на колени, похлопал по карманам — пистолета тоже нет. Он снова повернулся к Хорю.

— Где мы? Как я сюда попал?

Мальчишка махнул рукой влево, откуда доносился едва слышный плеск волн:

— Ты по реке плыл. Такой... дохлый.

— Дохлый? — переспросил Сотник.

— В корягу вцепился, глаза закрыты. К берегу поднесло, я вытащил. Еле руки твои разжал, как деревянные. Сюда притащил, положил...

— Как же ты меня дотащить смог? Не ври!

— Не вру! — вспыхнул мальчишка. — Сам ты... Я сильный!

— А я — тяжелый.

— Тяжеленный, ага, — серьезно кивнул ребенок. — Кабан такой. Я тебя волоком, так потихоньку, по полметра...

— До канала вон сколько, — Сотник все же сомневался, что мальчик мог вытащить его в одиночку.

— А покати, как бревно, — пояснил Хорек. — Потом послушал: сердце бьется. С виду — мертвяк, а бьется. У бати тоже так раз было, как перепил на юбилее на заводе, пришел, брык — и вроде мертвяк! Я соседку позвал, поглядела, кричать стала: умер, умер! А я послушал — бьется сердце. У тебя лицо такое ж было, как у бати тогда.

— А где батя твой?

— Так рылы убили.

— Рылы? Это еще кто... — тут он понял: так это замызганное создание именует чужаков в противогазах.

— Эти, с мордами резиновыми! — в голосе ребенка прорезалась такая придушенная, не находящая выхода ненависть, что Сотник удивленно пригляделся к нему.

Мальчишка, подавшись вперед, сжимал грязные кулаки и щерился. Зубы у него были необычные, редкие и немного суженные к концам, отчего казались острыми. Он вдруг напомнил Игорю маленького злого хорька. Значит, Хорь? Любящий, наверное, был у него родитель, раз родного сына так прозвал.

— А может, и не убили его! — просипел Хорек. — Забрали только! Батя с кирпички пришел, со второй смены. На улице кричат, бегают! Мы вышли, я и он... А там эта... телега, как у бабки нашей в деревне, но с мотором. И на ней рылы. Стреляют...

Хорек ссутулился, кулаки разжались. Уставившись в землю, мальчик добавил сумрачно:

— Рылы батю схватили и в телегу бросили. Двое за мной побежали, я от них... Спрятался. Теперь здесь.

Игорь слышал его как сквозь вату, и самого Хорька он сейчас видел смутно — перед глазами стояло лицо Тони. Утонула! Она утонула! — мысль билась в голове, как рыба в сетях. А может, все-таки нет? Что, если нет? Она же хорошо плавает... Что делать? Надо вернуться к мосту, осмотреть все вокруг! Как далеко от него мальчишка выловил Сотника? Сколько, в конце концов, времени прошло?!

— Сколько я здесь лежу? — спросил он, поднимаясь на ноги. — Сейчас вообще вечер или...

— Утро щас, — сказал мальчик. — Ты ночь целую...

— Что?!

Сотник качнулся к нему — Хорек отпрянул, в его руке возник знакомый ПМ.

Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, Игорь сказал:

— Он в реке был. Его теперь надо разобрать, просушить и смазать.

— А может, и так выстрелит? — спросил Хорек.

— Может, и выстрелит. Отдай мне.

Он шагнул вперед, протягивая руку, и мальчишка сорвался с места. Вскочив, запрыгнул в пролом, оттолкнулся — и вдруг каким-то чудом оказался на крыше будки.

— Не-е, дядька, — сипло сказал он, покачивая оружием. — Пистолет я тебе не отдам.

— Меня зовут Игорь. Игорь Сотник. Ты знаешь, далеко отсюда мост? Я свалился с моста через канал, мне надо туда. Ночь! Я что, целую ночь провалялся?! — Он до сих пор не мог поверить в это. — Уже светает... Где мост, говори!

— Там вечером взорвалось что-то, — отвечивал Хорек, не слезая с будки.

— В какой стороне?

— Да в той, где мост твой.

— Куда идти?

Мальчик поразмыслил, глянул на светлеющее небо. В роще застрекотала птица, ей ответила другая. Зашелестела листва в порыве зябкого утреннего ветерка.

— Страшно днем ходить, — сказал он. — Рылы вокруг. Ночью можно, днем не надо. Слышь, Сотник, давай лучше в будку эту. Пересидим день, а вечером...

— Там моя жена, — перебил Игорь. — Автобус упал с моста, она в нем была, понимаешь? Я следом прыгнул, но ударился сильно. Мне к мосту надо, найти ее!

Игорь говорил это и понимал: никого он не найдет. Тони больше нет, как и дяди Миши с Леной, автобус вместе с пассажирами лежит на дне канала, и внутри него...

Лицо жены встало перед глазами так ясно, что он зажмурился, схватившись за голову, опустил на корточки и замер. Некоторое время было тихо, потом в глухой, наполненный мрачной тоской мирок, которым стало сознание Игоря, проник стук, шелест травы, тихое сопение...

На плечо ему легла ладонь.

— Ну ладно, дядька, — произнес Хорек над ухом. — Сотник, слышь? Ну, эй!

Мальчишка схватил его за руки, потянул, отнимая их от глаз. Игорь поднял голову — Хорь стоял перед ним.

— Давай отведу тебя к мосту. Он близко, только ты все равно тихо, ладно? Ну, давай, вставай.

Когда Сотник выпрямился, острозубый мальчишка ухватил его за руку и потащил через рощу, где все громче звучали птичьи голоса, в сторону, откуда доносился плеск воды.

* * *

Мост был взорван — лишь огрызки свай торчали из воды.

— Дядька, эй... — начал Хорек, но Сотник не слушал. Скинув туфли и раздевшись, он бросился в воду.

Он нырял, пока перед глазами не поползли огненные точки и сердце не начало биться гулко, быстро и тяжело — но так и не смог добраться до ушедшего на дно автобуса, хотя бы коснуться его. Игорь выбрался наружу, уселся на землю и уставился перед собой остановившимся взглядом. Все было кончено. Прежняя жизнь ухнула под откос, еще когда его забрали в предварилровку, а теперь... теперь исчезло последнее, что связывало Сотника с прошлым. Тоня. Она была единственным близким ему человеком.

А может, жена выплыла? Она ведь учитель физкультуры, у нее даже разряд по плаванию какой-то...

Игорь окинул взглядом быстро бегущую воду. Не ври самому себе — ее больше нет.

Хорек опустил на корточки рядом.

— Ну что? — спросил он жалостливо. — Что дальше делать будем?

Ответом ему были звуки выстрелов, донесшиеся из-за рощи.

Хорек обернулся, Игорь вскочил.

— Что там? Похоже на...

Мальчик охнул:

— Рылы! У них батя мой! — он рванул к роще.

— Стой! — крикнул Сотник, хватая брюки. — погоди!

Размахивая пистолетом, Хорек бежал прочь. Сотник запрыгал на одной ноге, потеряв равновесие, упал, наконец, натянул брюки и схватился за рубашку. Когда он поднял плащ, Хорек уже исчез между деревьями.

Солнце взошло — сквозь купол оно светило не так ярко, как вчера. Светло-зеленое стеклянное небо раскинулось над Москвой во всей своей пугающей красе. Иногда по нему пробегала рябь, часто купол прочерчивали изумрудные молнии, распадалась на короткие отростки, которые дождем сыпались вниз и таяли.

В роще всюду щебетали птицы. Миновав ее, Игорь ничком упал на землю позади валявшейся в траве автомобильной шины.

Вдалеке виднелись серые пятиэтажки какого-то спального окраинного района, из-за крыш торчала труба — может, той самой кирпички, где трудился родитель Хорька. А за рощей, прямо на берегу канала, который, как оказалось, полого огибал ее, была небольшая свалка. Там треугольником стояли проржавевшие контейнеры, доверху забитые всякой гадостью, — один у рощи, другой подальше, последний примерно между ними, но ближе к каналу. Рваные пакеты, бумага, ветошь, мокрый картон и гниющие доски пестрым ковром

накрыли землю. У дальнего контейнера не было бортика, но слежавшийся мусор не высыпался наружу, образовав ровную стену.

В этом месте чужакам и устроили засаду.

Игорь увидел крупное животное с тремя горбами и кривыми толстыми рогами, сидящего между горбами чужака, а за ним — второго, не то мертвого, не то бесчувственного, пристегнутого к заднему горбу ремнем. Впереди ехала пара дизельных тачанок, в первой маячили три силуэта, во второй два. Разъезд, или патруль, или как еще назвать эту мобильную бригаду, двигался мимо свалки, когда на него напали трое, спрятавшиеся за контейнерами.

Их выстрелы повредили колесо передней машины. На глазах Игоря тачанка свернула — и въехала напрямик в стоящий дальше других контейнер, тот самый, без бортика.

Со своей позиции он мог наблюдать и за чужаками, и за теми, кто атаковал их. У двоих в форме полицейского патруля были пистолеты, молодой здоровяк в камуфляжных штанах и черной майке держал кусок ржавой трубы. Один патрульный стрелял молча, другой хрипло вопил, раз за разом посылая пули в бок рогатого животного, которое вроде бы и не замечало этого.

Когда тачанка въехала в дальний контейнер, тот дрогнул, и стена мусора обрушилась — прямо на великана с трубой. В этой тачанке были трое чужаков (Игорь понял вдруг — теперь они без противогазов!), и водитель с ходу прыгнул на контейнер, откуда нырнул в засыпавший здоровяка мусор. Остальные, соскочив на землю, тоже бросились в бой. Грохнул выстрел, блеснуло пламя.

Прятавшийся ближе к роще полицейский, выскочив из-за укрытия, выпустил последнюю пулю в лицо чужака, который сидел на передке второй тачанки. Двигался патрульный как-то не очень ловко, спотыкался и пошатывался... Да он пьяный, сообразил Сотник.

Водитель тачанки откинулся, затем повалился вперед, сдвинув телом рычаг и на что-то нажав. Машина резко увеличила скорость, сворачивая к каналу по крутой дуге, и чужак позади убитого водителя полез через него, чтобы добраться до управления. Патрульный с криком отпрянул, ноги заплелись, он упал. Тачанка переехала его и пронеслась между контейнерами, разбрасывая колесами мусор.

Когда она мчалась мимо, второй патрульный, пригнувшийся за тем контейнером, что находился ближе к каналу, выстрелил и попал в бок чужака, пытавшегося остановить машину. Взметнув фонтан воды, она въехала в канал. Задымилась, потом вода накрыла ее, и тачанка встала. Над поверхностью торчал лишь рулевой рычаг да край заднего бортика, в грязной мути расплывалось пятно крови.

Патрульный рванулся к рогатому животному.

У того чужака, что был пристегнут к заднему горбу, голова свесилась на грудь, а руки безвольно покачивались — судя по всему, он был мертв, и в седле его удерживали лишь ремни крест-накрест. Животное остановилось; сидящий впереди нагнулся вбок, вцепился патрульному в плечо и занес нож с извилистым лезвием. Полицейский схватил его за кисть, молотя стволом пистолета по ребрам, стараясь отвести руку противника в сторону, а тот, нависая сверху, пытался сломить сопротивление. Дальше, возле контейнера без одного бортика, происходило что-то непонятное, там клочьями взлетал мусор, там громогласно матерились, рычали и орали...

Патрульный закричал, рука с ножом медленно пошла вниз. Вскочив, Сотник бросился к ним. На ходу нагнувшись, выхватил из мусора остатки настольной лампы: тяжелую железную подставку с изогнутым штырем, на конце которого болтался «патрон». Перехватив лампу за штырь, Игорь занес ее над головой.

Когда он подскочил ближе, нож впился в грудь полицейского. Чужак повернул голову, и Сотник что было сил врезал подставкой по узкому серому лицу.

Штырь сломался. Чужак отпрянул, оставив нож в груди упавшего на спину патрульного, и, чтобы не свалиться, схватился за горб животного, которое замычало и

медленно зашагало прочь. Удар рассек лоб прямо над бровью, густая темная кровь залила глаз, скулу.

Только сейчас Игорь разглядел кожаный колпак, надетый на передний горб. На колпаке был патронташ, какие-то инструменты, лопатка, фляга, ножны и чехол, в котором находилось большое, с длинным стволом электроружье. Все это крепилось сложной системой ремней — и, кажется, в неподходящий момент пара их перепуталась, из-за чего всадник, не сумев быстро достать оружие, был вынужден действовать ножом.

Высвободив ногу из стремени, чужак соскочил на землю. Нагнулся, протягивая руку к груди патрульного, но Сотник не позволил схватиться за нож — сдвинул широкими ладонями голову противника и рванул.

Чужак зашипел, нагнул голову к плечу и вырвался из хватки. Это было невероятно, немыслимо — такая змеиная гибкость, шейные позвонки должны были превратиться в кашу, но они выдержали. Присев у ног Игоря, боком к нему и спиной к животному, противник схватился за нож.

У дальнего контейнера что-то выкрикнули на незнакомом языке, раздались выстрелы.

Сотник с громким выдохом опустил кулак и, словно молотом по наковальне, врезал чужаку по темени. Тот гортанно выругался, то есть прокричал нечто вроде: «Бака кров!», выдернул из тела патрульного нож и не глядя полоснул им. Извилистое лезвие вспороло штанину. Игорь схватился за электроружье, провернул его вместе с чехлом, скрипнув ремнями, нащупал под мягкой кожей спусковой крючок и вдавил.

В первую секунду ничего не произошло. Чужак начал выпрямляться, занося нож для второго удара, и тут ружье выстрелило. Ствол торчал из отверстия на конце чехла — оттуда ударила прямой тонкая молния, пробила тело чужака. Пыхнуло жаром. Через мокрые туфли Игоря ударило током — дернуло так, что он с криком подскочил. Молния погасла, чужак повалился лицом вперед.

Рогатое животное шло прочь, скорбно мыча. Игорь шагнул за ним, попытался выдрать оружие из чехла, но ничего не вышло — мешали перепутавшиеся ремешки. Прыгнув назад, он подхватил извилистый нож и бросился к третьему контейнеру.

Впрочем, там его помощь уже не была нужна. Когда Сотник подбежал, молодой здоровяк в пятнистых брюках и порванной черной майке стоял над двумя неподвижными телами, сжимая кусок железной трубы. Третий чужак лежал ничком, раскинув руки, в паре метров от контейнера, и сзади к нему, подняв ПМ, мелкими шажками приближался Хорек. Он был еще грязнее, чем раньше, к щеке прилипла луковая шелуха, штаны мокрые — наверное, добежав до свалки и увидев, что происходит, мальчишка упал и пополз вдоль ее края, по самому берегу канала. Глаза Хорька были дикими, бисеринки пота блестели на лбу, палец раз за разом вдавливал спуск, но разряженный пистолет лишь тихо клацал.

Великан дернулся, завидев Игоря, присел и выхватил из руки мертвеца пистолет необычной формы.

— Не стрелять! — гаркнул Сотник, подбегая.

До парня доходило туго — он прицелился, но тут подскочивший сбоку Хорек, бросив ПМ, вцепился в толстую как бревно волосатую ручищу своими острыми зубами и чуть ли не повис на ней. Здоровяк взвыл. Сотник ударил его по руке, выбив пистолет, крикнул:

— Отставить! Я свой!

— Да отцепись ты! — заорал парень и тряхнул рукой.

Взвизгнув, будто волчонок, из пасти которого вырвали кусок мяса, Хорек отлетел и покатился по мусору. Вскочил. Пригибаясь, вытянув перед собой руки со скрюченными пальцами и скаля зубы, он с тихим сопением пошел на парня. Глаза Хорька сверкали злобным огнем. Кажется, его совершенно не волновало, что противник может одним щелбаном снести ему голову с плеч.

— Во! — тот покрутил пальцем у виска. — Совсем псих малой!

— Хорек... Хорь, отставить! — приказал Сотник. — Всем успокоиться! Ну!

За контейнером рокотала двигателем остановившаяся тачанка. Мальчишка, сделав еще

пару шагов, опустил руки.

— Ты чего на меня бросился? — спросил у Хорька здоровяк, и Сотник ощутил идущий от него перегар.

— А чего ты в Сотника стреляешь?

— В кого? Какого еще...

— В дядьку этого!

— Так, они все мертвы? — Игорь наклонился над лежащим ближе «серым». У того была разбита грудь и голова — явно не обошлось без трубы в руках здоровяка.

— Да че там — сдохли! — Великан вонзил трубу в мусор и принялся чесать лоб. — Двоих я отоварил, в третьего этот шкет из пистолета...

— Я Хорек! — перебил мальчишка, подходя к ним.

И вдруг ударил ногой по голове мертвого чужака. Перепрыгнул через него, развернулся — и вмазал в бок другому.

— Говорю ж — псих! — утвердился в своем мнении здоровяк. Он поднял выбитый Игорем пистолет, оглядел и принялся стволом счищать прилипший к груди мусор. — Хорек, ёксель-моксель! Ну и кликуха! А по-нормальному тебя как звать, шкет?

Поскольку тот не ответил, парень переключился на Сотника, который отодвинул мальчишку от мертвецов — смотреть на ребенка, самозабвенно пинающего трупы, было, мягко говоря, неприятно, — и присел над одним, чтобы разглядеть получше.

— А ты? Сотник — это фамилия такая?

— Игорь Сотник. — Подняв голову, Игорь окинул быстрым взглядом крепкую фигуру, камуфляжные штаны, ежик темных волос. — Капитан запаса, разведроты сухопутных войск.

Здоровяк выпятил челюсть, встав по стойке смирно, бросил руку к виску и отрапортовал:

— Павел Багрянов, курсант четвертого курса академии МЧС...

— Спортсмен? — уточнил Сотник, выпрямляясь с электроружьем в руках, которое он взял у мертвеца. — Клешню-то опусти, мы ж не в форме.

— Так точно! Победитель соревнований...

— Всё понял, победитель. Хорек, дай сюда ПМ. Где он?

— Да вот... — мальчишка подобрал с земли пистолет. — Только в нем патронов теперь нема.

— Там же семь штук было. Конвойный тогда один раз выстрелил, а я так и не перезарядил, запасной магазин потерял... — он запнулся, решив, что новым приятелям незачем знать, что с ним было недавно.

— Ну — семь, и что? — пробурчал мальчишка. — Этот, с рожей серой, он же... Я в него все выстрелил, пока он упал! Они бессмертные!

— Был бы бессмертный — не упал бы, — заметил Павел Багрянов, курсант четвертого курса и победитель соревнований.

Потом он вдруг хлопнул себя по лбу, пробормотал: «Генка! Жорик!» — и бросился через свалку.

— Те двое мертвы! — крикнул Сотник вслед. Он забрал у Хорька ПМ и пояснил мальчику: — У людей этих какая-то броня, кажется, под одеждой, кожаная, поэтому много стрелять пришлось. Давай проверим.

Они проверили — у одного, в которого палил Хорек, под курткой оказалось нечто вроде твердой кожаной кирасы, у другого были кожаные подштанники. Третий — его, судя по налившимся синевой шее и лицу, Павел Багрянов попросту задушил — обходился без брони.

Стягивая с мертвеца кирасу, Игорь подумал, что убийство серого прошло для него как-то очень легко. На войне всякий раз, отправив на тот свет вражеского бойца, он не мог отделаться от мысли — как того звали? Сколько ему было лет, что он делал раньше? Есть ли у него близкие, есть ли мать, жена или невеста, которые заплачут, узнав о том, что сына, мужа или жениха больше нет... и что бы они сказали Игорю, если бы встретили его, и как бы он оправдался перед ними, сказал бы: если не я его, то он бы меня убил? Но эти серые... А

ведь он лишил жизни уже двоих — но если тогда, на перекрестке, все завертелось слишком быстро, Игорь просто не успел толком что-то подумать или ощутить, то сейчас время осмыслить ситуацию было... и он понял, что не испытывает ничего, кроме тихой мстительной радости.

Счет открыт, — подумал он. — Вас уже двое — и я сделаю все, чтобы эта цифра стала больше. Как можно больше.

Павел вернулся, качая головой, присел на корточки и уставился перед собой.

— Мертвы они. — В голосе курсанта было скорее недоумение, чем скорбь. — Слышите, а? Обоих завалили!

— А животное где? — спросил Игорь.

— Какое еще... а, корова та...

— Какая ж корова? — зло перебил Хорек. Он все еще относился к здоровяку настороженно. — У бабки в деревне корова — так то корова! У ей вымя! А это не корова, это, может...

— Кто? — спросил курсант.

Хорек замолчал, шевеля губами, и сказал уже с меньшим напором:

— Ну, может, бык.

— Какой же бык? Ноги, не видел, какие? А горбы?

— Ну так и не корова тоже! Где ты у коровы горбы видел?

— Значит — верблюд, — заключил курсант и скривился, ожесточенно расчесывая прыщавый лоб. — Бык-мутант, ёксель-моксель. Замучила эта чесотка. Всегда летом начинается, нет бы — весной, а то летом почему-то.

— Прыщавый! — осклабился мальчишка. — Прыщ!

Багрянов на это не обиделся.

— Да уж, — сказал он. — За то меня в училище Багрянцем прозвали. За лобешник да за фамилию... А ты — зубастый!

— Хорек я!

Пока они пререкались, Сотник снял свою рубаху и стал облачаться в кожаную броню. Состояла та из двух половин, соединенных тонкими ремешками, по пять с обеих боков.

— Помоги, — попросил он Хорька. — Застегни здесь, под мышкой... И здесь. А ты, как тебя... боксер — приведи сюда эту корову. У нее к рогам вожжи примотаны, за них притащи.

— Да она ушла уже, — ответил великан.

— Так догони.

— Да зачем тебе та скотина...

— Боксер! — повысил голос Игорь. — У скотины на горбу оружие! Выполнять!

Он уже понял, что хотя на них двоих нет формы, командирский тон и отданные решительным голосом приказы вызывают у Багрянца нужную реакцию — курсант тут же задеревенел лицом, козырнул и поспешил через свалку.

Хорек помог Игорю затянуть ремни кирасы.

— Не видел раньше таких шкур, — пробормотал он, трогая ремень. — Таких... в конопушках.

Застегивая рубашку, Сотник ощупал броню. Кожа была грубая, твердая, в крупных пупырышках, и он подумал, что это может быть шкура той самой рогатой скотины, то есть животного из их породы. Ведь стрелял же в зверя патрульный, и с такого расстояния да по такой крупной цели вряд ли он промахнулся, — а твари хоть бы хны, шла себе дальше. Наверное, шкура у нее повышенной твердости...

Осмотр тел ничего особого не дал. Строение у чужаков было такое же, как у людей, отличия имелись, но не принципиальные, а скорее такие... Ну словно между домашней собакой и волком. Все трое — очень худые, поджарые и жилистые, с тонкими костями, впалыми щеками и глубокими глазницами. Лица у них и правда были какие-то волчьи, хищные. У одного борода, двое просто небриты. Кожа серая и нездоровая с виду, шершавая и будто крупнозернистая. Темные узкие глаза. Черные волосы с легким металлическим

отливом; двое стрижены почти наголо, у третьего, который с бородой (он вообще казался намного старше спутников), короткая косичка, перевязанная черным шнурком. Одеты примерно одинаково: во все кожаное, но материал отличался от того, из которого состояла кираса. Мягкий, шелковистый на ощупь, прошит толстыми серыми и черными нитями. Свободные штаны, рубахи и куртки. Это на тех, что помоложе, а у бородатого плащ с красной полоской на каждом рукаве, и еще — пояс, где висел круглый кисет с какой-то травой вроде табака, но непривычно пахнувшей, и широкие ножны, а в них нож с волнистым лезвием. В карманах курток и плаща ничего интересного, кроме нескольких мятых гильз без маркировки производителя да сухих стебельков травы. Левое запястье каждого чужака украшал железный браслет, на котором болтался медальон с изображением: глаз, вместо зрачка овальная спираль. На правых запястьях с тыльной стороны была зеленая татуировка — такой же глаз со спиралью.

Игорь снял медальон с руки бородатого и продолжил осмотр. Больше всего его удивила рубашка одного из молодых. Не кожа, похоже на шелк, но непривычной фактуры — блестящая тонкая ткань, искристая и какая-то склизкая на ощупь. Подол рубашки был нежно-розовым, чем выше, тем цвет становился насыщеннее, темнее, и в конце концов, миновав алый и густо-вишневый, переходил на воротнике в черный. По рубашке шли геометрические узоры — строгие квадраты, ромбы, призмы и круги. Игорь даже поморщился, так четкость этих узоров не соответствовала мягким переливам оттенков, очень плавно перетекающим один в другой, и так вся рубашка не сочеталась с остальной одеждой, простой и очень практичной. Будто они в разных местах сделаны или, может, в разные времена...

— Это такие монголы, — объявил Хорек. — Нам училка в школе рассказывала: орда. Они по степи скакали и всех убивали.

— Почему монголы? — удивился Сотник. Повесив на плечо электроружье и сунув ПМ за ремень, он направился к тачанке, так и стоящей позади контейнера. Хорек пошел рядом.

— Потому что глаза узкие.

— Не такие уж и узкие. Хотя да, узковаты. Все равно на монголов не похожи...

— Но они ж по-монгольски говорят.

Замерев перед тачанкой, они увидели идущего к ним Багрянца.

— Ты монгольский язык, что ли, знаешь? — спросил Игорь, перегибаясь через борт.

— Не знаю монгольский, — Хорек поставил ногу на колесо и полез в тачанку. — Они такое кричали, пока с этим прыщавым дрались: башибузук всякий, харык-балык...

— Мне показалось, я и русские слова расслышал, и какие-то еще вроде немецких... Ну что, где скотина?

Подошедший курсант развел руками:

— Ушла.

— Как она могла уйти?

— А ногами. Я за ней — а она оглядывается и быстрее только... Я побежал — и она побежала. Я тогда в нее из пистолета этого, а он не стреляет. Вот так и ушла... скотина! Да вон, сами глядите.

Он махнул рукой с пистолетом. Далеко от свалки рогатое животное трусило к маячившим на другой стороне поля пятиэтажкам.

— Надо было догнать, — сказал Игорь, залезая в тачанку.

— Да ну, бегать еще, — Багрянец тоже полез в машину, и она сильно просела правым бортом. — У нас стволы и так есть теперь.

— У нее на горбу висело ружье, длинноствол. Это, — Сотник показал ружье, которое взял у мертвеца, — короче гораздо. Мне кажется, у такого оружия все от длины стержня и количества катушек зависит... Видел, что в стволах у них?

— Заглядывал уже, — кивнул Багрянец. — Хотя пистолет вот обычный, пулями стреляет. Вроде дробовика такого, на один большой патрон.

В тачанке были три лавки — обитые грубой кожей доски от одного борта до другого; пол покрыт листами жести, изнутри на бортах висят широкие кожаные сумки. Впереди из

пола торчит рулевой рычаг и педали, сзади — железный горб, под которым находился двигатель, а бак прятался под днищем.

Игорь, усевшись на передней лавке, первым делом проверил сумки. Там лежали два пистолета-дробовика, полтора десятка пузатых патронов, моток лохматой веревки и котомка, где была всякая снедь — краюха темно-серого, очень сухого с виду хлеба, ломти вяленого мяса и несколько сморщенных клубней, похожих разом на луковицы и яблоки. Хотя в животе давно урчало от голода, Игорь не рискнул их попробовать.

Еще он нашел большую серебряную флягу, которая разительно отличалась от всего остального — как цветастая рубашка одного из мертвецов отличалась от другой одежды. Искусная работа с тонким, мастерским орнаментом, очень изящным, настоящее произведение искусства: вьющиеся лозы, а между ними звезды и полумесяцы. От крышки к скобке на боку фляги шла серебряная цепочка. Игорь отвинтил крышку, понюхал.

— Что там? — поднял голову Багрянец, тупо разглядывавший содержимое другой сумки. — Опохмелиться б мне...

Игорь протянул флягу над головой Хорька. Мальчишка, забравшись в тачанку, стал на удивление молчалив — сидел пригорюнившись, ссутулился и свесил руки между острых коленей, обтянутых драными штанами.

— Не, ты не думай, капитан, я не алкаш какой, пью редко, — поспешил оправдаться курсант, принимая флягу. — Редко — но метко, ёксель! Так...

Он приставил горлышко фляги к носу и шумно втянул воздух.

— Это че? Вроде кефира, что ли... Или, может, этот, как его, кумыс? Может, молоко этих... рогатых? Ну, подкисшее...

Он хлебнул, потом еще раз. Облизнулся и сделал несколько больших глотков.

— Нормально, капитан! Пить можно!

Хорек громко шмыгнул носом.

— Что? — спросил Игорь.

— Мы там жили, — мальчишка показал в сторону домов за полем. Над одним поднимался дым. — Я и батя.

— А у нас общага неподалеку, — бодро кивнул Багрянец и снова принялся чесать лоб. — Ты это, капитан... Может, растолкуешь мне, что произошло-то? А то мы с ребятами... Ну, Генка да Жорик — одноклассники они мои. Мы из Люберец вообще-то. Они в ментовку поступили, я вот в училище... Ну, я так насчет учиться не очень, по боксу больше выступаю, вот и взяли меня.

— Это я понял, — согласился Сотник. — Перегаром почему от тебя несет?

— Так встретились мы случайно вчера вечером, они после дежурства... Ну вот, ко мне в общагу завалили, втихаря я их провел мимо КПП, нажрались, ночью я их домой пошел провожать.

— Они даже форму не сняли, прямо в ней напились? Идиоты.

— Это да, — легко согласился Багрянец. — Не великого ума пацаны. Ну так пошел я их провожать, а на улице шум, бегают. Потом глядим — а в небе-то молнии зеленые! Потом напали на нас, эти, на телегах. Только они еще тогда в противогазах были, а одна телега с колпаком железным. Ну, мы дрались... Убежали, еще водки нашли... Заснули прям в поле, проснулись... И, короче — утром уже увидели этих, и решили засаду им сделать. Но сейчас! — он решительно махнул кулаком. — Сейчас протрезвел я. И, понимаешь... Ну, удивительное ведь дело! Не въезжаю совсем, — голос курсанта стал жалобно-просительным, — что все это значит, капитан? Как это такое может быть, чтобы... ну, ты понимаешь, о чем я!

Сотник, нахмурившись, некоторое время молчал. Хорек с Багрянцем глядели на него.

— Это нашествие, — произнес он наконец. — Вторжение. Экспансия, — как хотите, так и называйте. По всему городу открылись такие... дыры. Из них полезли эти серые.

— Так наши их всех задавить давно должны были! — воскликнул курсант. Хорек согласно закивал, сжимая и разжимая кулаки. — Почему самолеты не летают? Мобильники у

пацанов отрубило, я-то свой потерял вчера, а у них даже рации ручные не действовали толком! Где танки, ёксель им в дуло, где вертушки наши?! Истребители! Ведь это ж не Зажопинск какой занюханный — Москва!

— А купол ты видишь? — спросил Игорь. — Откуда он, почему? Может... может, он не пропускает к нам теперь никого? Я так понял, что когда он только появился, все электроприборы заколдобило. Ну, кажется, не совсем все, но большинство вырубилось. Потому и техника не действует, кроме старой.

— Но кто же они такие? — Павел через борт плюнул в сторону контейнера, за которым лежали три мертвых тела.

Сотник покачал головой:

— Я не знаю. Может, прав Хорек — орда это. Орда, которая Москву захватить хочет. Только откуда они пришли? И зачем, что им надо... Не знаю. Но выясню обязательно.

— Ладно. — Багрянец тяжело полез через борт. — Надо пацанов моих похоронить. Я с ними никогда не... Ну, мы дрались в школе всю дорогу, они с соседнего двора, так мы стенка на стенку... Врагами были. Но тут вот встретились, напились, понимаешь. Надо закопать их теперь, чтоб по-людски. Хоть бы и в мусоре... а, они ж и сами-то, а? Ха, капитан, чуешь, какая эта... ирония, ёксель? Только доску найду — и закопаю.

Он пошел через свалку. Хорек с Игорем глядели ему вслед. Сделав несколько шагов, Багрянец остановился, ссутулившись, постоял немного и обернулся к ним.

— Так ты куда шас, капитан?

— В свой клуб поеду, — ответил Сотник. — Отсюда до него не очень далеко.

— Какой еще клуб?

— Был у меня клуб, стрелковый. Я ж в запасе капитан, бизнесменом после армии стал. В клубе оружие... Должно быть, по крайней мере. За ним поеду.

— Я с тобой! — заявил Хорек таким тоном, что возразить ему Сотник не решился.

— А ты что думаешь делать, боксер? — спросил он. — Если из Люберец... к родителям пойдешь?

— Да они давно ту квартиру продали, в деревню обратно перебрались, там сытнее, — ответил Багрянец. — Далеко, под Новгородом. Никого у меня в Москве нету. А в общагу... ну, что там делать? Если, говоришь, нашествие это, если орда... Я тогда с тобой — за оружием. Со стволами оно как-то спокойнее, когда вокруг серые эти шастают, а? Помогите мне только ребят закопать — и поедем.

ГЛАВА 8

Увидев обоз, Кирилл начал подтормаживать.

Небольшую кавалькаду возглавлял трактор с прицепом — открытым кузовом, полным людей; за ним ехала какая-то невообразимая тарантайка в пятнах ржавчины и частично облезшей краски, следом двигались две запряженные лошадьми телеги, несколько мопедов и мотоциклов. Весь этот раздолбанный автопарк дребезжал, рычал, хрипел и сипел на разные голоса, пукал вонючими выхлопами и раскачивался из стороны в сторону, но безостановочно катил вперед — в том же направлении, что и Кир.

Человек двадцать, прикинул он. А может, и больше. Наверное, из поселка какого-то. Деревенские друг друга знают лучше, чем соседи в многоквартирном городском доме, потому им легче быстро сбиться в кучу и организовать совместное бегство.

До водохранилища оставалось всего ничего, и он поднажал. Купол теперь выглядел иначе — впереди он стоял огромной покатой стеной, совершенно подавляющей своими размерами. Что находится за ней, отсюда было не разглядеть, но, судя по тому, что солнце стало бледнее и холоднее, а звезды ночью казались немного более расплывчатыми, тусклыми, чем обычно, сквозь стену эту видно примерно как сквозь мутно-зеленое толстое стекло.

Удерживая рулевую вилку одной рукой, Кир потер глаза. Спать хотелось невероятно, за сутки он всего пару часов дрых, да к тому же столько событий уместилось в эти сутки,

столько всякого нового, необычного, что голову теперь распирало от впечатлений, вот-вот взорвется — и разлетится во все стороны меховые шатры, горящие машины, варханы с ружьями, твари с горбатыми спинами, тачанки и броневики...

Женщина, сидящая в коляске последнего мотоцикла, оглянувшись, увидела Кирилла и толкнула в бок мотоциклиста, к багажнику которого был пристегнут большущий коричневый чемодан и брезентовый сверток. Мужчина кинул взгляд через плечо, привстал на подножках и заорал. Впереди, услышав крик, тоже стали оборачиваться.

Кирилл съехал ближе к обочине, чтобы на полном ходу миновать обоз. Присоединяться к этим людям, даже просто притормаживать, чтобы поговорить с ними, он не собирался — Кир вообще не очень жаловал то, что в рекламе мобильных телефонов именуется «радостью общения», не любил пустые разговоры, новые знакомства, тусовки и прочее в том же духе. Лучший друг хакера — монитор, лучшая подруга — клавиатура...

Он уже поравнялся с задним мотоциклом, когда на телеге, следующей за пятнистым автомобилем, выпрямился во весь рост бородатый мужик в свитере и ватных штанах. С ружьем в руках. Кирилл не успел ничего сделать — грохнул выстрел, и правое колесо «горца» отозвалось шипением.

Машину качнуло, вилка под руками дернулась. Квадроцикл сильно вильнул, едва не вылетев на обочину. Кир машинально вывернул в другую сторону, его швырнуло обратно на дорогу — прямо к мопеду, на котором девчонка в спортивном костюме и цветастом платке обхватывала за поясицу тощего парня с развевающимися на ветру буйными рыжими кудрями. Тот газанул, сумев избежать столкновения с квадроциклом, но едва не врезался в телегу бородатого стрелка. Только после этого Кирилл смог остановиться. Вот она, радость общения с людьми! Переполненный праведным гневом, он вскочил на сиденье и заорал:

— Дебил! Идиот! Ты чего стреляешь?! Ты не видишь — я свой!! Совсем офигел!! Тупой!!!

Замыкающие машины обоза катили мимо, женщина из коляски, мотоциклист, рыжий парень с девчонкой в спортивном костюме, дети с задка телеги — все смотрели на Кирилла. Тяжело дыша, он спрыгнул с квадра и пнул ногой спущенное колесо.

— Шину пробил, урод! Как теперь ехать?!

Плюнув, Кир присел рядом с «горцем», постучал кулаком по колесу, а когда выпрямился, обоз уже тормозил. Заржала лошадь, рыкнула мотором тарантайка. Дети полезли с телеги, но бородач прикрикнул на них, сел на краю, свесив ноги, и принялся заряжать ружье, хмуро поглядывая на Кирилла.

— Глеб, ну что за привычка сразу стрелять! — донеслось из тарантайки. Дверца начала со скрипом раскрываться, но вдруг перекосилась, словно у нее отлетела верхняя петля.

Из кабины трактора вылез небритый коренастый мужик в сапогах, брюках-галифе и полосатом пиджаке. Одернув его, зашагал к «горцу». Когда он проходил мимо тарантайки, из нее выбрался толстенький коротышка с венчиком седых волос вокруг лысины.

— Да что же это! — всплеснув руками, он бросился вслед за коренастым. — Модест, сколько раз говорил: приструни Глеба, агрессивный он, представляет опасность для общества!

Коренастый, не обращая на него внимания, подошел к Кириллу, а перезарядивший ружье Глеб угрюмо бросил:

— Себя приструни, агроном.

— Но ты же чуть человека не убил!

Бородач пожал плечами.

— А чего он за нами... Да еще на машине такой ненашенской.

— Это квадроцикл, — угрюмо сказал Кирилл. — Сам ты... ненашенский. Квадроцикла никогда не видел?

— Вы не сердитесь на него, — агроном первым оказался возле Кирилла. — Просто ночью у нас такое было... Все взбудоражены, взвинчены. Я — Яков Афанасьевич Людозоля, так прозываюсь, а вы...

— Кирилл, — буркнул Кир, не очень-то понимая, зачем ему знакомиться с этим агрономом. — Кирилл Мерсер.

Коренастый Модест встал рядом, разглядывая его.

— Из Москвы? — коротко бросил он.

Кир кивнул.

— И что там происходит?

— А это — Модест Борисович Калюшник, директор нашего сельскохозяйственного кооператива, — представил Яков Афанасьевич. — Он у нас за главного. Я агроном, и еще, по совместительству, изобретатель, а человек, который в вас стрелял, — Глеб, механиком он у нас. Ну и остальные...

— Помолчи уже, — бросил Модест Борисович. — Что в Москве?

Кирилл пожал плечами.

— Плохо там.

Директор с Яковым Афанасьевичем переглянулись. К ним подошел рыжий парень, из-за которого робко выглядывала девушка в спортивном костюме и белом платке с ромашками. Другие люди, оставив свои машины, тоже приблизились — теперь со всех сторон Кирилла окружили настороженные и испуганные лица.

— А что военные? — спросил Модест. — Власть?

И снова Кириллу ничего не оставалось, как пожать плечами.

— Да ничего. Власти не осталось, по-моему. А военные... электроника же почти не действует, поэтому они не могут толком сопротивление оказать. Может, я ошибаюсь, но, по-моему, так.

— Ага! — произнес Яков Афанасьевич, со значением оглядывая присутствующих. — Ведь я говорил — это ЭМИ! Вражеское оружие! Электромагнитным импульсом НАТО сначала вывело из строя...

— Погоди со своим импульсом, — перебил директор и снова обратился к Киру: — Значит, город подавлен?

— Ну... можно и так сказать. Подавлен, да. Кто может, пытается уехать...

Кир не договорил — вдоль купола над ними скользнула молния, распалась десятками бешено извивающихся тонких хвостов и пропала. Сверху долетел сухой неприятный треск.

Модест сморщился, весь скривился, присел даже слегка, исподлобья глядя в небо. В глазах его отразился целый букет чувств: недоумение, растерянность, страх...

Остальные тоже уставились вверх. Девушка в платке прижалась к рыжему парню. На телеге захныкал ребенок, и бородатый Глеб — кажется, единственный в обозе взрослый, кто не покинул свое место, чтобы поглазеть на Кирилла, — принялся успокаивать его таким замогильным голосом, что дитё заплакало еще громче.

— А здесь молнии ниже, — отметил Кирилл. — Наверное, я таки правильно рассчитал.

— Что вы рассчитали? — немедленно заинтересовался агроном. — Мне это крайне интересно — вы кажетесь образованным человеком, как вы думаете...

— Оружие? — перебил Модест, в упор глядя на Кирилла. — Имеется?

— Нет, у меня только...

— А вон сабля, — подал голос рыжий, махнув рукой на багажник «горца».

— ...катана, — заключил Кирилл. — Еще нож.

— Нож, м-да, — директор качнул головой, развернулся и зашагал обратно к трактору. — Всем садиться! А ты, парень, можешь с нами, раз уж Глеб колесо тебе...

— Ко мне, ко мне можно, — засуетился агроном. — И рюкзак свой не забудьте, у меня места хватит.

Люди стали расходиться. Кирилл, совсем не уверенный в том, что ему хочется присоединиться к этой компании, отстегнул ремень багажника и взялся за рюкзак.

Вверху снова блеснула молния. В городе они вспыхивали неслышно, но здесь купол был гораздо ниже, и до земли долетал сухой треск. Модест, не успев забраться в трактор, остановился и замер, склонив голову, ссутулившись... и все вокруг остановилось, с

непонятным Кириллу выражением глядя на директора. Тот постоял немного, оглянулся и спросил:

— Так что ты там рассчитал, парень?

— По-моему, диаметр этого купола где-то сто двадцать километров, — пояснил Кир, натягивая лямки рюкзака на плечи. — И граница его на севере проходит в районе водохранилища. Может, прямо по воде. Или за берегом, точно трудно сказать.

Модест кивнул и, скрипя сапогами, полез в кабину.

— Ну вот сейчас и узнаем, — Яков Афанасьевич Людозоля, ухватив Кира за рукав, повлек его за собой. — Садитесь, Кирилл, а то в мой «хаммер-мини» почему-то никто больше не захотел, хотя места хватает...

Места в чудо-машине агронома хватило ровно для того, чтобы сесть, упершись коленями в дребезжащую железную «торпеду», и кое-как засунуть рюкзак себе под ноги. Пока Яков разводил пары, Кир огляделся и прикинул, что «хаммер-мини» склепан из древней «победы», при участии «чайки» и еще как минимум двух-трех моделей, причем все они были чуть ли не сталинских времен. Колеса казались чересчур велики для такого небольшого салона, а задние сиденья отсутствовали — прямо за спинками передних начинался открытый багажник, забитый всякой рухлядью. В потолке был криво прорезан люк, закрытый круглой крышкой из-под большой кастрюли, в народе именуемой «вываркой», на единственной петле.

Издав серию неопишуемых звуков, «хаммер-мини» покатиł вслед за трактором. Из прицепа на Кира глядели дети и взрослые, первые — с любопытством, вторые — с плохо скрываемой растерянностью и страхом. Зевнув, Кирилл оглянулся на запряженную пегой кобылой телегу Глеба. Только сейчас он понял, что там, кроме бородатого механика и троих детей, больше никого нет — то есть нет никаких женщин. Он уже открыл рот, чтобы задать вопрос агроному, но тот заговорил сам:

— Вы, Кирилл, не думайте, что в какой-то цирк-шапито попали. Мы все нормальные люди, просто сейчас очень уж напуганы.

— А вот директор ваш... — начал Кир.

— Заметили, как Модест из-за молний дергается? Он, понимаете, такое в свое время пережил... У него сестру младшую молния убила. Год назад это было, в поле за деревней нашей, в грозу сильную. Прямо у него на глазах — бах! — и нет Маши. — Агроном махнул рукой, «хаммер-мини» дернулся, и Кир стукнулся коленями о «торпеду». Щелкнув, сама собой откинулась дверца «бардачка». Внутри лежал большой огурец и нечто, завернутое в промасленную бумагу. В кабине запахло копченой колбасой. — Маша, сестра Модеста, женой Глеба нашего была, — продолжал Яков Афанасьевич, захлопывая «бардачок». — Остался он один с тремя детьми... Но Глеб-то — что... Глеб такой барсук по жизни, угрюмый тип, неразговорчивый, а вот Модест... Вы не поверите — он весельчаком был, говорливым, с огоньком мужик, а теперь вот тоже молчуном стал. И молний боится. Но я не о том поговорить хотел. Кирилл, вы скажите, вот это вот, — агроном ткнул пальцем вверх, — что оно, по-вашему, такое?

— Купол, — сказал Кир. Глаза у него слипались, голова сама собой то клонилаь на грудь, то откидывалась на спинку.

— Но откуда он взялся? Ведь это я так при народе говорю, что, мол, НАТО, чтоб привычное для них что-то было, чтоб паники поменьше, но на самом деле...

Уловив в голосе Якова Афанасьевича новые интонации, Кирилл через силу раскрыл глаза и глянул на него. И понял, что первое его впечатление было, обманчиво — толстый агроном совсем не так прост, как казалось.

— На самом деле, — продолжал Яков Афанасьевич, — я не знаю, что думать. Это второй раз в моей жизни, когда я просто не знаю, что думать. Иногда словами нельзя описать... Их просто не хватает, нет таких слов. Сейчас как раз подобный случай.

— Вы видели варханов? — спросил Кир.

— Варханов?

— Мне кажется, они так себя называют, но могу и ошибаться. Люди в противогазах.

Хотя теперь они их сняли.

— Противогазы, — кивнул агроном, поворачивая вслед за трактором, и вдруг витиевато выругался на английском. — Конечно, мы их видели, Кирилл! Они же напали на наше Жаково!

— Когда это произошло?

— Посреди ночи. Началось что-то несусветное... Никто не спал, мы ведь видели купол. Модест собрал всех в клубе, сказал, что пытается поговорить с городом, с администрацией, но связи нет. Мобильные не действовали. Потом за деревней, то есть за нашим полем, возникло что-то такое зеленое, вытянутое, ну вроде воронки дымчатой... — Преодолев поворот, Яков Афанасьевич повернул голову к пассажиру. — В Москве вы наблюдали подобные явления?

— Видел несколько, — Кир снова прикрыл глаза, откинувшись на спинку. — Одно прямо на Красной площади. Очень большое. И оттуда вышла целая армия.

Агроном после этого надолго замолчал, и Кир уже начал уплывать, звуки стали тягучими и далекими, но тут Яков Афанасьевич заговорил вновь:

— Так что же, Кирилл, значит, Кремль тоже... А?

— Да, — ответил Кир. — В смысле — нет больше Кремля. Я так думаю.

— М-да...

— А что у вас в Жакове случилось?

— Когда мы были в клубе, появились эти, как вы говорите, варханы, на необычных машинах. С них открыли огонь. Убили несколько человек, другие разбежались. У меня сложилось впечатление, что к нам заехал какой-то патруль, и они не стремились захватить поселок, не планировали уничтожение всех гражданских. Скорее это была такая... мимоходная акция устрашения.

Кирилл, приоткрыв левый глаз, снова искоса глянул на агронома. Сколько тому лет? Лицо гладкое, молодежавое, но волосы-то седые. И фразочки у него проскакивают... «уничтожение гражданских», «акция устрашения». Кем он раньше был, этот Яков Афанасьевич Людозоля? Говорит, что это второй случай в его жизни, когда у него нет слов для описания происходящего. Второй, а?..

Хотя какая разница, какое Киру дело до этих людей? Ему бы доехать до купола, а там он с ними распрощается.

Агроном тем временем продолжал свой рассказ:

— В общем, когда варханы уехали, мы кое-как пришли в себя. Собрались, повытаскивали всякое старье из гаражей и сараев, нормальные-то машины отказались заводиться, и утром выступили. У Модеста авторитет среди жаковцев, он смог все быстро организовать. Теперь вот едем... Так, говорите, граница купола где-то в районе водохранилища?

— Мне так кажется, — проямлил Кирилл, вновь уплывая куда-то в тихие сонные дали. — Разбудите меня, когда подъедем.

* * *

Стволом ружья механик Глеб ткнул на восток.

— Если объезжать, километра три-четыре, — буркнул он. — И дорога паршивая.

— Правильно! — пискнула девушка в платке и спортивном костюме, которую все называли Аленкой. — Мы туда ходили этим летом.

— А вот там, — ружье обратилось на запад, — плотина, за нею Клязьма начинается. Через плотину трасса идет. По ней и двинем.

Машины обоза выстроились на краю пляжа. Справа в березовой роще виднелись домики базы отдыха, а слева на воде, кормой к берегу, стояла небольшая баржа с пришвартованными лодками, выкрашенными ярко-синей краской. Среди них был один катер с подвесным мотором.

Директор, Яков Афанасьевич, Глеб, Кирилл с рюкзаком за спиной и тощий рыжий парень со своей Аленкой прошли на середину пустого пляжа, чтобы осмотреться. Остальные жаковцы ходили между машинами и телегами, явно плохо представляя, что дальше. То и дело кто-нибудь поворачивался к водохранилищу и надолго замирал, глядя на мутно-зеленую стену, высящуюся над дальним берегом.

— На лодочной станции кто-то должен дежурить, — подал голос рыжий парень, которого звали Веней. — Почему там никого нет?

Ему не ответили. Кирилл окинул взглядом березовую рощу с домиками, пляж, баржу и лодки. Нигде никого — куда все подевались? Но, с другой стороны, и следов варханов нет, что не может не радовать. Прищурившись, он посмотрел на другой берег водохранилища, густо заросший деревьями. Что это плавает возле него, такое белесое? Отсюда невозможно понять, там вроде светлая рябь...

С сухим треском по стене густо-зеленого светящегося тумана скользнула молния. Модест, вздрогнув, отвернулся.

— На дамбу надо, — объявил Глеб, и Аленка закивала. — И дальше по трассе.

Модест вопросительно глянул на Якова Афанасьевича. До сих пор Киру казалось, что директор не обращает на него особого внимания, но тут стало ясно, что в особых случаях он предпочитает советоваться с агрономом.

— Что скажешь?

Приставив ладонь козырьком ко лбу, Яков повернулся к дамбе.

— Если трасса, — задумчиво произнес он, — то там варханы могут заградительные посты устроить. Трасса — это такое место...

— Какие еще варханы? — скривился Глеб.

— Молодой человек, — агроном кивнул на Кирилла, — так их называют. Говорит, вроде слышал от них это слово.

— Вроде! — Глеб хмуро сплюнул.

Что собой представляет механик, Кирилл уже понял. Поначалу тот казался сильным, уверенным в себе мужиком, но если приглядеться к насупленному лицу да прислушаться к интонациям, становится ясно, что не такой уж он и самоуверенный, настоять на своем не умеет и быстро подчиняется любому авторитету.

— Значит, по трассе не рекомендуешь ехать? — прямо спросил Модест у агронома и, когда тот кивнул, добавил: — Ладно, а как тогда быть?

— На лодках, — предложил Яков. — Вон их сколько. И катер даже, гляжу, стоит.

— А лошади-то?! — вскинулся Глеб. — Телега моя... А-а! — он махнул рукой, мол, делайте, что хотите.

— Прямо по воде... — протянул Модест. — Так ведь машины придется бросить. Телеги, опять же, лошадей.

— А много толку с них? Во-первых, горючего у нас мало. Во-вторых, трактор твой совсем медленный, как и мой «хаммер», в случае чего от погони не уйдем. Да и клячи Глеба и Вити, сам понимаешь...

Модест возразил:

— Дело не в погоне, а в том, что как дальше-то? Дети, бабы-далеко они пройдут?

— Модест, мы вообще не знаем пока, куда движемся и что всё это означает. Сейчас у нас одна цель, из-под купола этого выйти, вот я и предлагаю варианты. Но вообще, ты прав, конечно, долго идти дети с женщинами не смогут. Стало быть, надо разведку провести.

— Разведку на воде? — уточнил Кирилл. — Или послать кого-то на разведку к плоти...

Он не договорил — со стороны плотины донесся грохот.

Аленка вскрикнула, между машинами заплакал ребенок, запричитала женщина.

Кирилл, как раз повернувшийся лицом к плотине, хорошо все разглядел. Перед тем как там рвануло, с купола в нее ударила молния. Или, возможно, не в плотину, а в машину на ней. Ему показалось — взорвался какой-то очень большой автомобиль. Может, бензовоз? Даже, наверно, с прицепом...

Когда прокатившиеся над водой раскаты смолкли, все разом заговорили. Киру эта болтовня уже надоела, и он молча зашагал к барже. Еще несколько секунд позади спорили, потом замолчали.

— Кирилл! — окликнул Яков Афанасьевич.

Не оглядываясь, он махнул им рукой. По деревянному настилу перешел с берега на корму баржи, миновал будку с вывеской «ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ „ЧЕМПИОН“», мимоходом заглянул в пыльное окошко — за ним был стол, сейф, койка и тумбочка с электрочайником, но ни одного человека — и остановился на середине баржи. Лодки тихо покачивались на волнах. Подвесной мотор на катере был наклонен так, что виднелся винт в налете ржавчины.

Позади заскрипели доски. Скинув с плеч лямки, Кир положил рюкзак на лавку, стоящую возле низкого ограждения, достал из кармана нож и присел над люком в палубе. Ковырнул лезвием шляпку одного из гвоздей, которым деревянный засов с большим навесным замком крепился к крышке люка. Услышав дыхание над собой, поднял голову.

Рыжий Веня с Аленкой остались на берегу, остальные подошли к нему.

— Открыть надо, — Кирилл ткнул ножом в люк.

Модест, кивнув Глебу, зашагал на нос баржи, где был пришвартован катер. Яков Афанасьевич присел рядом с Кириллом.

— А ну, подвинься! — Глеб оттолкнул Кира и схватился за дужку замка.

— Ты его так не оторвешь, — сказал Кирилл.

— Эх-ха! — Глеб рванул.

Хряснуло, скрипнуло — и засов отлетел вместе с гвоздями, которые механик просто вырвал из досок.

— Глеб у нас сильный, — пояснил агроном. — Подковы гнет. Ну-ка, ну-ка, что там...

Они с Кириллом открыли люк. Под ним оказался неглубокий отсек, где лежали легкие пластиковые весла.

— Вот так! — удовлетворенно сказал Яков, доставая сразу несколько. — Правильно мыслите, Кирилл. Модест! Можно теперь и на разведку, если у катера мотор не заведется...

Тут как раз мотор и завелся — взревел на весь пляж. Присевший на лавке в катере директор повернул рукоять, заглушая его, когда с берега донеслись крики.

— Ох ты! — воскликнул Глеб.

К пляжу, на краю которого стояли машины с телегами, приближались вытянувшиеся клином тачанки, впереди двигался броневик с клепаной квадратной башней, из которой торчал толстый ствол.

Бородач бросился к корме, зацепив охапку весел в руках Якова. Весла попадали на палубу. Навстречу механику уже бежали Веня с Аленкой, за ними спешили еще несколько человек, многие метались по пляжу. Кто-то рванулся к роще — и тут же две тачанки, отделившись от клина, повернули следом.

— Назад! — закричал Яков. — На лодки!

Кирилл, схватив два весла, бросился к ближайшей. Спрыгнул в нее, поскользнувшись, упал на лавку. Швырнул весла у борта и выпрямился. По краю баржи между двумя скобами была натянута толстая проволока, от лодок к ней шли цепи, на конце каждой был карабин с замком, надетый на проволоку.

Кир вскочил обратно на баржу, подхватил рюкзак с лавки. Снова взревел подвесной мотор. Люди бежали мимо, одни уже попрыгали в лодки, другие передавали им детей.

— Глеб! — крикнул Кирилл, увидев бородача, который спешил с двумя мальчиками лет пяти на руках. Позади него бежала девочка немного постарше.

— Глеб, скоба! Вон там — вырви скобу из палубы! Слышишь?! Надо проволоку сорвать!

По ошалевшему лицу бородача было видно, что он плохо понимает, что к чему.

— Скоба, иначе не отплывем! — Кирилл показал на одного из ревущих мальчишек, которых прижимал к себе механик. — Давай я их в лодку пока посажу! А ты...

Механик наконец понял. Он поставил детей на палубу и помчался к скобе, вбитой ближе к корме.

— Передавай их мне! — крикнул Кирилл девочке, прыгая обратно в лодку. Там уже сидели Аленка, незнакомая женщина и Веня, который, кряхтя от натуги, пытался голыми руками сломать замок на карабине.

С берега донеслись выстрелы. Двигатели тачанок ревели все громче. Дочка Глеба схватила вопящего от страха брата, протянула Кириллу, тот взял ребенка, передал Аленке, затем подхватил второго. Проволока дернулась — и опала. С победным воплем Веня рванул цепь.

— Прыгай! — крикнул Кирилл девочке, протягивая руку.

Она попятилась, вопя:

— Папка! Папка!!!

Подвесной мотор ревел где-то в отдалении, на берегу гремели выстрелы. Некоторые лодки уже отплыли, весла врезались в клокочущую воду. Кирилл прыгнул на палубу, схватил девочку за плечи и толкнул так, что ей ничего не оставалось, как перескочить в лодку. Она упала между лавками, выпрямилась и с воплем «Папка!» бросилась обратно, но Аленка обхватила ее сзади, прижала к себе, а Веня сильно оттолкнулся от баржи веслом — и лодка поплыла прочь.

Прямо на Кирилла вдоль края палубы бежал Глеб. Вдруг он дернулся и полетел головой вперед, будто получил сильный удар в спину. Когда бородач упал, Кир отскочил, увидев обугленную дыру между его лопаток.

Несколько тачанок ехали вдоль берега, преследуя беглецов, остальные, достигнув пляжа, встали. Варханы спешили к барже, стреляя по лодкам. На барже уже никого не осталось. Подхватив весло, Кир метнулся к носовой части, где покачивалась на волнах последняя лодка. Спрыгнув в нее, швырнул на дно рюкзак и уперся лопастью в борт баржи, чтобы оттолкнуться, — но так и не сделал этого.

Дальше всего отплыла моторка, где кроме Модеста сидели еще пять человек. Она преодолела больше половины расстояния до противоположного берега, когда из высящейся над ним стены мутного света ударила извилистая зеленая молния.

Моторка взорвалась. Фонтан грязно-серой кипящей воды взлетел на том месте, где она была. В этот миг Кирилл и понял, что именно он заметил возле другого берега — там плавала брюхом кверху дохлая рыба.

По палубе мягко застучали подошвы сапог с тупыми носками. Прямая алая молния впиалась в одну из плывущих прочь лодок, сквозь гулкий плеск волн о борт донеслись крики.

Бросив весло, Кирилл сел на носу и ухватился за свисающую с баржи цепь. Он мог бы нырнуть в воду, спрятаться где-то у борта или попытаться уплыть вдоль берега... мог бы, если бы умел плавать.

А еще мог, выхватив катану, взвиться на баржу и пронестись по ней, расшвыривая варханов, как отважный самурай сквозь ряды врагов, оставляя за собой корчащиеся тела и отрубленные конечности, спрыгнуть на берег, захватить броневик с квадратной башенкой, расстрелять из пушки все тачанки с уцелевшими врагами и спасти своих... но это все Кир мог сделать, если бы он был героем.

Вот только Кирилл не был героем. И он не умел плавать. Зато теперь он понимал: купол не преодолеть, глупая была идея, ведь он видел эти молнии — естественно предположить, что накрывший Москву огромный зеленый колпак смертелен для тех, кто приближается к нему.

Из-за всей этой беготни и прыжков и близкой опасности сердце колотилось как сумасшедшее. Палуба была над головой, расхаживающие там варханы пока что не заметили его — но это дело нескольких секунд. Кирилл сидел неподвижно. И размышлял: они не убивают всех подряд, часть людей берут в плен, а значит, возникает один важный вопрос. По-настоящему важный.

Для чего им пленники?

ГЛАВА 9

— А видели, на скотине той еще один серый сидел? Так вот, он уже мертвый был, когда Генка с Жориком стрелять начали. Понимаете? Не мы его завалили, — говорил сидящий позади Багрянец.

Сотник, сжимая рулевой рычаг и внимательно разглядывая извилистую, с горбатым растрескавшимся асфальтом дорогу, ответил:

— Серые еще до вас с кем-то дрались. Может, кого-то из них убили, а того только ранили, и они его везли назад, но он по дороге умер, еще до свалки. Только поэтому у вас и получился наскок... да и то, как сказать, получился или нет — друзья ведь твои погибли.

Пятиэтажки окраинного района остались далеко слева, впереди была заросшая кустарником и деревьями низина между пологими холмами. Через низину шла старенькая однополосная дорога, с которой давным-давно стерлась вся разметка. Солнце перевалило зенит, было тепло и душно, в кустах звенели насекомые.

Мотор тачанки гудел неровно, кряхтел и кашлял. Услышав сквозь шум тихое чавканье за спиной, Игорь оглянулся — Хорек дожевывал яблоко-луковицу, в другой руке его был ломоть мяса.

— Ты что, ешь это? — Сотник нажал на педаль тормоза. — Нельзя, отравиться можно!

— Чего это? — пробубнил мальчишка с полным ртом.

— Мы не знаем, откуда оно. В каком месте росло...

— Я одно яблоко еще в самом начале схавал. И Багрянец тоже. Оно как картоха, тока твердая.

Тачанка встала. Придавливая левой ногой педаль, Сотник перекинул правую через лавку, повернулся и глянул на курсанта.

— Ага, — кивнул тот, хлопая себя ладонью по животу. — Еще пару кусманов хлеба с мясом умял. Сухой хлеб такой, грубый... Кумысом запил, и хорошо.

— И в брюхе не бурчит?

— Не-а. То есть все ж таки бурчит, вроде как непривычное что-то сожрал, но не очень сильно.

Игорь решил:

— Ладно, дайте и мне тогда.

Хорек вытащил из сумки еще один ломоть мяса, клубень, отломал от краюхи кусок и протянул Игорю. Тот положил снесь на деревянную полочку, прибитую к борту тачанки, отпустил педаль — они покатились дальше.

Управление у машины было примитивным. Некоторое время назад, остановившись, он осмотрел колеса, помял их и решил, что внутри нет воздуха — они целиком состояли из резины или, может, каучука. Вращаясь, при трении об асфальт шины громко шипели.

Игорь принялся есть. Мясо оказалось слабосоленым, а клубень действительно напоминал недоваренную картошку, хотя и повкуснее. Невзирая на сильный голод, Сотник отгрызал понемногу, тщательно пережевывал, глотал осторожно, прислушиваясь к ощущениям. Желудок воспринимал незнакомую пищу вроде как с удивлением, опасливо, но без паники.

— Слушай, капитан, — позвал сзади Багрянец. — Я вот спросить хочу — что это за клуб все же?

Сотник молчал. Павел подождал немного и добавил:

— Нет, ну, ёксель, едем же, а толком не знаем куда... То есть ты, может, и знаешь, а мы с Сурком нет.

— Я Хорек!

— Да помолчи ты. Пусть капитан ответит.

— Частный стрелковый клуб, — произнес Игорь ровным голосом, не оборачиваясь. — Большой, с мотелем, с рестораном, двумя тирами и открытым полигоном. Таким... с

имитациями всякими.

— А ты его хозяин, значит?

Игорь снова надолго замолчал.

— Нет, — сказал он наконец. — Я был хозяином на пару с моим сослуживцем, Пашей Вольтовым. Когда уволились в запас, вернулись в Москву... Надо же было чем-то заниматься. Помыкались, а потом Паше пришло в голову организовать такой клуб. Он продал квартиру, я одолжил денег у своих. Родители мои и младшая сестра давно живут в Австралии, отец специалист по оптике, работает там в крупной фирме. Мы с Пашей через армейских знакомых вышли на одного генерала, он помог со всеми разрешениями. Ну и запустили дело.

Дорога плавно поворачивала, следуя изгибу долины. Дальнюю часть не было видно за рощей старых акаций, и Сотник на всякий случай взял лежащее под бортом электроружье, положил на колени. У него еще был заряженный пистолет-дробовик (расковыряв один патрон, Хорек обнаружил внутри крошечные шарики, кубики, острые спиральки из оплавленного металла, короткие штыри и кружки, похожие на шляпки от гвоздей, причем все это было смазано какой-то подозрительной, неприятно пахнувшей густо-желтой дрянью — стараясь не касаться ее пальцами, мальчишка выбросил картечь за борт). Хорьку дали нож, а Багрянец вооружился двумя пистолетами, которые подвесил на самодельных ремешках, вырезанных из плаща мертвого чужака. Великан курсант попытался надеть что-то из их шмоток, но лишь порвал цветастую рубашку в геометрических узорах.

Перед въездом в низину Багрянец решил испробовать один пистолет и, никого не предупредив, стрельнул по вороне, сидящей в кроне молодого дубка у дороги. Пистолет бахнул на всю округу, плюнув языком пламени и дыма. Ворону унесло вместе с половиной кроны, Хорек восторженно заорал, а Сотник чуть не свалился с лавки и в энергичных выражениях сообщил боксеру все, что о нем думает.

— Ты про клуб свой начал, — напомнил Павел. — Что дальше-то было?

— Я все рассказал.

— Не-е, ёксель... Темнишь ты что-то! То говоришь — с другом им владеете, а до того, я же помню, сказал, что ты в клубе теперь не хозяин. А кто хозяин, если так?

— Ростислав, сын того генерала, который помог нам все устроить. Мы его сына взяли на работу, управляющим, в благодарность за помощь. И старшего бухгалтера нам генерал сосватал. А потом...

Он не хотел рассказывать, не хотел ворошить былое, но теперь уже не мог не вспомнить всё, что произошло тогда. Дела с клубом пошли на удивление хорошо. Случается иногда такое — полоса везения, фарт. Спустя полгода после открытия заведение работало вовсю. Москва — город большой, клиентов хватало. Пришлось расширить дело, соорудить мотель на десять номеров и ресторанный зал с кухней, потому что некоторые приезжали на несколько дней. Паша Вольтов купил дом в поселке неподалеку и собрался делать к нему пристройку. Игорь женился и переехал к своей Тоне, учительнице физкультуры из лицея, живущей в «двушке» со стареньким послеинфарктным отцом. У Сотника уже хватало денег на квартиру побольше, но он выжидал, чтобы купить именно то, что хочется и где хочется.

Появились постоянные клиенты, среди них даже иностранцы — вежливые улыбчивые китайцы, раз в пару месяцев прикатывающие в Москву по делам своей сибирской фирмы и неизменно заглядывающие в клуб, еще — бригада суровых дагестанцев, появляющаяся на двух черных микроавтобусах...

И тут Павел Вольтов обнаружил подставу. Генерал с сыном и бухгалтером использовали клуб как прикрытия для торговли оружием. Улыбчивые китайцы, скорее всего, были из какой-то сибирской триады (в тех местах китайцев с каждым годом становилось все больше), ну а дагестанцы, по всей видимости, возили стволы в Грузию с Абхазией — обеим воюющим сторонам. Само оружие генерал через подельников списывал с военных складов.

Паша не сразу поделился с партнером своим открытием, а вызвал на разговор Ростислава. Сказал управляющему, что тот уволен, и предложил в течение суток вывезти с

тайного склада, организованного генеральским сыном в подвале под клубным рестораном, все хранящиеся там для продажи стволы и боезапас. После этого Паша позвонил Сотнику и все ему рассказал. Добавил, чтобы тот не волновался, что Вольтов эту проблему решит сам.

Вечером в дом Паши ворвался спецназ. В его кабинете нашли десять граммов героина, хотя Павел Вольтов отродясь не пил, не курил, а уж к наркотикам и вовсе не прикасался. На ночь его бросили в предвариловку, в одиночку... И наутро нашли повешенным на решетке, закрывающей крошечное окошко под потолком камеры. Откуда самоубийца взял веревку? Следствие мгновенно установило: сплел из собственной рубашки.

На следующее утро Игорю в клуб позвонили из следственного отдела и сообщили о кончине Павла. Сотник ни на секунду не поверил, что тот повесился сам — партнер был не такого склада человеком, самоубийство противоречило его натуре. Игорь достал из тайника трофейный «ТТ», который привез из Грузии, и рванул в Москву, чтобы поговорить по душам с Ростиславом и его папашей.

Когда его «патриот» вылетел с территории клуба, в него врезался большой грузовик. Джип перевернулся и свалился в кювет. Из грузовика выскочили два дагестанца, вооруженные молотком и ножом, полезли добить водителя, — тут-то Сотник и встретил их парой выстрелов.

Ранив одного и убив второго, он сел в их грузовик и поехал выполнять задуманное, но на дороге появился знакомый «мерс» генерала, сопровождаемый джипом с охраной. Следом катила полицейская машина и микроавтобус со спецназом. Охрана сразу открыла огонь, грузовику прострелили колеса, он встал...

Второе «самоубийство» привлекло бы слишком большое внимание, потому Игоря просто обвинили в убийстве. Он сознался — отпираться не было ни смысла, ни желания — и все рассказал про делишки генерала.

Вот только оружия в подвале ресторана не нашли.

Как и других свидетельств этих делишек — вообще никаких. Может, подмазанные следы не слишком тщательно искали, а может, преступники и правда успели замести следы, да и какая разница?

А еще вдруг выяснилось, что клуб не принадлежит Сотнику, что после нескольких хитрых финтов ушами, провернутых управляющим совместно с главным бухгалтером, фирма стала собственностью Ростислава.

Сотника предупредили, что если он станет ерепениться, давать журналистам интервью и откровенничать с адвокатшей, то с его беременной, на пятом месяце, женой может случиться все, что угодно. И не просто может — обязательно случится.

Тоня несколько раз навещала Сотника в тюрьме, а потом у ее отца из-за переживаний случился второй инфаркт, он чуть не умер, она сидела с ним днем и ночью... На суд она не пришла — Игорь запретил.

...Двигатель тачанки зарычал, потом хрипло раскашлялся. Сотник глянул на единственный датчик. Черт его знает, что тот показывает. Короткий железный цилиндр крепился к рычагу передач, на торце циферблат с какими-то значками по кругу и черная стрелка, сломанная на конце. Поначалу Игорь решил, что это спидометр, но вскоре выяснилось, что при смене скорости стрелка не шевелится. Зато позже обнаружилось, что она медленно движется в одну сторону — и теперь почти достигла жирной черной риски в нижней части циферблата.

— По-моему, топливо кончается, — сказал Игорь, остановив машину. — Если...

Слева раздались выстрелы, и он схватился за ружье. Позади засопел Хорек, заворочался Багрянец, ругнулся, вытаскивая пистолет из самодельной перевязи.

По вершине холма, оставляя за собой струю темного дыма, быстро ехал броневик с квадратной башенкой. Впереди бежали несколько фигурок, из броневика по ним стреляли. До тачанки донеслись приглушенные хлопки. Один из беглецов упал.

— Стреляй! — вдруг засопел Хорек. — Стреляй, ты молнией его взорвешь!

— Ничего не выйдет, — возразил Игорь. — Далеко слишком.

Бегущие люди исчезли на дальнем склоне холма.

— Может, батя там! Убегает от них, а ты...

Хорек рванул ружье из его рук, но Игорь не отдал.

— Тебе везде батя мерещится.

— Стреляй же! — мальчишка не слушал. — Ну чего ты не стреляешь?! Батю спасти надо!

Багрянец с Игорем удивленно смотрели на него. Хорька трясло, он сопел, сжимая кулаки. Мальчик снова дернулся к Игорю, но тот встал, подняв оружие повыше, и тогда с криком «Они батю убили!» Хорек бросился к Багрянцу, попытался схватить пистолет. Курсант, недолго думая, толкнул его ладонью в лоб, и мальчишка упал на спину.

— Осторожней! — Сотник склонился над ним, чтобы помочь встать.

— Капитан, а эти, серые, и правда папашу его пришили? — спросил Багрянец.

— Не знаю, он так говорит. Схватили и в тачанку свою бросили, увезли куда-то.

Хорек оттолкнул его руку, сел, повернулся к борту и ткнулся в него лбом. И замер.

Багрянец покачал головой.

— Я ж говорил — псих шкет. Слышь, шкет? Ты псих!

— Сам ты! — невнятно откликнулся Хорек, не оглядываясь.

— Я-то — не, я ж не бьюсь, как ты, и не ору... Ну с чего ты по тачке этой палить вздумал? Совсем дурак!

— Не дурак! Их убивать всех надо! Они Москву захватили, людей в плен берут! — мальчишка повернулся к ним. — Почему вы не стреляли?!

— Да потому что далеко, — рассудительно ответил Багрянец. — Да и вообще, вооружены мы слабовато пока. Сколько до клуба твоего еще, капитан?

— Рядом он. — Убедившись, что Хорек начал успокаиваться, Сотник опять повернулся к холмам. Броневи́к катил прочь, к центру Москвы. Небо в той стороне заволело серым.

— О! — Курсант тоже увидел это. — Гля... Это ж над центром где-то, а? Да там пожарище нехилый, я даже гарь вроде чую. И канонада, слышите?

Горело и впрямь сильно — небо на юге потемнело. И словно приглушенные раскаты грома доносились с той стороны.

— Капитан, так сколько до клуба?

— Километров пятнадцать, наверное, — ответил Игорь. — Может, двадцать. Там заброшенный колхоз, клуб прямо на поле построили. Хотя эта телега не быстро едет, скоро будем.

— Ну так поехали. А то я себя с этими пистолетами неуверенно как-то ощущаю... Какие стволы в клубе? Небось, ружья охотничьи?

Заводя мотор, Игорь покачал головой.

— Автоматы Калашникова, «Макаровы», «грачи», гранаты. Еще — ручные гранатометы и выстрелы к ним.

— Гранатометы, ого! Это ж откуда такое богатство?

— Долгая история. И я гарантию дать не могу — надеюсь, что стволы там, но...

Он рассчитывал, что за время следствия и суда Ростислав с отцом возобновили незаконный бизнес и завезли в тайник новую партию оружия. А почему нет? С тем уровнем коррупции, который был в Москве, они могли ощущать себя безнаказанными. Но все же тайник мог оказаться пустым, и тогда вся эта поездка окажется бессмысленной.

Игорь попытался завести тачанку. Для этой цели серые использовали узкую металлическую пластинку с рядом зубрин на одном конце. Ее надо было вставить в щель, которая находилась в торце рычага переключения передач.

Стартер рычал, но ничего не происходило.

Над ухом засопели, и голова Хорька возникла возле плеча. Мальчишка понаблюдал, как Игорь крутит пластинку-ключ, терзая стартер, и полез через борт. Вскоре донесся его голос:

— Сотник, пустой он! Дядьки, эй, там ничего нет!

Они перегнулись через борт. Горловина изогнутой трубы, через которую топливо

заливалось в упрятанный под днищем бак, наискось торчала из-под днища. На конце трубы была резьба, с которой Хорек свинтил крышку на цепочке.

— Откуда знаешь, что пустой? — спросил Багрянец. — Ты ж не видишь.

— Дурак! Я под дно залез и постучал по нему! Звук такой... пустой.

— Ну ладно, убедил, — Павел тоже слез, присел пару раз, разминаясь. — Капитан, что дальше? Пойдем? Пятнадцать километров — далеко, но что делать...

— Я сначала машиной займусь, — ответил Игорь, — а вы окрестности осмотрите, только осторожно. И быстро.

— Правильно! Шкет, давай на разведку, — согласился Багрянец. — А то неизвестно, кто там за тем поворотом может ныкаться.

— Я Хорек!

— Да хоть Сурок, мне по барабану. Пошли.

Повесив ружье на плечо, Игорь залез под тачанку. Две пары ног — мускулистые, в мятых камуфляжных штанах, и тощие, в синих трениках с обтрепавшимся низом, — удалились в сторону поворота.

— Дай мне пистолет! — донесся требовательный голос Хорька.

— У тебя ж нож, — прогудел в ответ курсант.

— Ну так что? У тебя аж два. Дай один!

— Не дам я тебе пистолет. Тебе сколько лет, Сурок? Не игрушка это.

— Я Хорек!

Голоса стихли. Игорь осмотрел рычаги с трубами и шлангами, идущие под днищем от передка тачанки к двигателю и осям, и улегся навзничь под баком, прикрепленным к двум швеллерам у заднего борта. Постучал по нему костяшками пальцев, прислушался... Да, пустой. Придется теперь до клуба пешком идти, а это долго, они попадут туда уже затемно.

Он полез обратно, и тут за поворотом грохнул выстрел.

Игорь выкатился из-под тачанки, сдвинув ружье на грудь, прыгнул на обочину. Пригибаясь, выставив вперед ствол, нырнул между акациями, миновав через рощу поворот дороги, выглянул. Впереди на асфальте стоял синий «санг йонг» — не то «актион», не то «кайрон», Игорь плохо знал эти корейские джипы-паркетники. Продавленным передком с раскосыми азиатскими фарами машина ткнулась в бетонный столбик. Дверцы раскрыты, рядом топтался Хорек, Багрянец вразвалочку шел по дороге обратно к тачанке.

Увидев, что впереди все спокойно, Сотник выпрямился и шагнул на обочину. Багрянец сперва схватился за пистолет, потом узнал его и махнул рукой. Остановился. Когда Игорь подошел, курсант развернулся и зашагал рядом.

— Чего стреляли?

Багрянец пояснил слегка виновато:

— Да это шкет твой, и где ты его откопал...

— Это он меня откопал, вернее, отловил.

— Да уж, такой все может. От же безумный сурок!

— Так что за выстрел?

— Да он пристал ко мне: дай поддержать, да дай поддержать... Как клещ, вцепился, всю дорогу трывдел, пока шли да тачку эту рассматривали. Ну я дал пистолет. Он тут же возьми, блин, и шмальни.

— Куда?

— Главное, что не в меня, ёксель! В стекло, лобовуху размочалил вчистую. Ты, слышь, капитан, погляди, что это за машина... Она нам кстати попалась, думаю.

Это оказался «актион», причем дизельный, о чем свидетельствовала надпись на крышке топливного бака. Сотник, отодвинув в сторону надутого Хорька с пистолетом в руке, заглянул в салон, потом раскрыл багажник.

— Хозяев не было, когда вы подошли? — спросил он, извлекая десятилитровую канистру.

— Не-а, — ответил Багрянец. — Сбёгли давно хозяева. Или серые их похватали. Что

там? Я через окно канистру вроде видел.

— Правильно, канистра. Но мы не знаем, подойдет топливо для тачанки или нет, даже если это дизель.

— Че там, соляра — она соляра и есть! — пожал плечами великан.

— Не скажи.

— Ну пошли, зальем, проверим. Не подойдет — в этой тачке поедем, она вроде не сильно побитая. Ключа, правда, нет в замке, я глядел. Ну да ничего, панель раскурочим и заведем.

— Думаешь, поедет? Большинство подобных машин встало.

Курсант пожал плечами.

— Ну, можно хотя б попробовать. А нет — пешком.

— Ладно, неси, боксер, — Игорь отдал канистру.

Но они не успели отойти от джипа — Хорек насторожился, подняв голову, схватил Сотника за рукав.

— Что? — спросил Игорь, и мальчишка сипнул:

— Ныкаемся!

Он первый нырнул за машину, Сотник с Багрянцем последовали за ним, услышав звук мотора. Вскоре из-за поворота, где осталась тачанка, показался грузовик с квадратной кабиной и дощатым открытым кузовом. Раскачиваясь на ухабах и дребезжа, он прокатил мимо. В кузове никого видно не было, а в кабине сидели двое, и Сотнику, украдкой выглядывающему сквозь затененные окошки «санг йонга», показалось, что одно лицо ему знакомо... Но слишком быстро оно мелькнуло, чтобы быть в чем-то уверенным.

Грузовик, оставляя позади сизую пелену, миновал низину и скрылся за холмами.

— Ну и старье, — заметил Багрянец, выпрямляясь. — На такой солдат еще во Второй мировой возили, я по «ящику» видел в одном фильме. Куда это они поехали, интересно... И чего ты им вслед вылупился, капитан?

Сотник провел рукой по лицу и повернулся к повороту, за которым осталась тачанка.

— Пошли.

Хорек, по своему обыкновению тихо сопя, первым поспешил обратно.

— Слушай, а че мы их не тормознули? — спросил Багрянец, шагая возле Игоря с канистрой в руках. — Это ж свои. И в ту же сторону двигались — проехали б с ними часть пути, а то и весь.

— Не уверен насчет своих, — ответил Игорь.

— Как это? Я ж заметил, обычные людишки сидели, не серые.

— Павел, «свои» теперь вообще нечасто попадаться будут. Ты дым видишь, канонаду слышишь? Прикинь, какие бои там сейчас и какие пожары, если дымом полнеба заволокло. И еще важный момент: никто снаружи на помощь не спешит. Мы ж из города идем, а ты видел, чтоб навстречу военные шли или ехали? Никого нет — почему? Ладно, пусть под куполом электроника не действует и сюда прилететь не могут. Но почему не идут?

Багрянец недоуменно оглянулся, снова посмотрел вперед. Хорек, кинув на них взгляд через плечо, выпалил:

— Через купол пройти не могут! Он как колючка под током, наверное.

— Колючка под током... — повторил Багрянец растерянно и закивал: — А, точно! Я и не скумекал — вправду, если бы через него пройти можно было, сюда бы уже из области куча военных приперлась.

— Значит, если всё так, как мы сейчас говорим, — продолжал Игорь, — то представь, что сейчас в городе делается. Там уже наверно магазины вовсю грабят, мародеры шастают. Мало ли в Москве отморозков? И местных, и заезжих. Теперь им самая воля.

— Не, ёксель, — возразил Багрянец. — Это серым воля, а нам — хоть отморозкам, хоть нормальным людям... Вон, они с броневигов прям, как за дичью какой, за людьми охотятся. Но так ты, конечно, прав, капитан. Теперь в городе опасно будет. Надо пока втроем держаться, раз нас случай свел. Давай, заливаем.

Топливо подошло — мотор завелся с полоборота, почихал немного, погудел, а после звук его стал даже более чистым, приятным для слуха, чем до заправки. Багрянец, отобрав у Хорька пистолет и зарядив, уселся на привычное место. Когда Игорь забирался на переднюю лавку, его ухватили за рукав, он оглянулся — позади стоял мальчишка.

— Хорошо, что не стреляли по тому броневому, — нахмурился он. — Я понял, надо не так, надо чтоб... хитро. Обманывать рыл и бить их, убивать. В ловушку их заманивать, а не просто раз — и стреляешь. Я буду тебя слушать, Сотник.

Когда он сел на вторую лавку, Игорь, сдвигая рычаг, подумал: сколько парню лет? С виду одиннадцать, максимум — двенадцать. Лицо интеллектом не блещет, иногда по умственному развитию он тянет скорее на восьмилетнего. Рабочий район, соответствующая школа, отец — алкаш-работяга... Но иногда, наоборот, чудится, что мальчишка гораздо старше, будто из-за последних событий враз повзрослел.

— Эй, — позвал Игорь, — а мать где твоя? И как тебя звать, скажи.

— Хорек.

— Нет, мне так не нравится, есть же имя у тебя.

— Хорек я! — едва ли не прокричал мальчик, и голос его задрожал. Это слово будто служило для него ниточкой, связывающей с прошлым, каким бы оно у него ни было — с прошлым и с пропавшим отцом.

— Ну хорошо, Хорек, так где твоя...

— Мамка нас кинула, к хахалю в Тверь уехала, ну и скатертью дорожка! Не буду про нее говорить!

Больше Игорь вопросов не задавал. Низина между холмами вскоре закончилась, как и асфальт. Поехав несколько километров по извилистой земляной дороге, они миновали длинные здания давно заброшенных коровников, колхозную администрацию — и потом впереди открылось поле, где находился стрелковый клуб.

Перед одноэтажным мотелем слева от полигона стоял грузовик с дощатым кузовом.

* * *

— Никого там, — сообщил Хорек шепотом. — Никого нету.

— Нету или ты просто не заметил? — уточнил Сотник.

Мальчишка сам вызвался сходить на разведку, а когда Игорь попытался запретить ему, выдернул руку из его пальцев и убежал, шикнув напоследок, чтобы ждали здесь.

«Здесь» — это за пустой будкой охраны сразу у въезда на клубную территорию, огороженную сеткой-рабицей на высоких бетонных столбах. Оставив тачанку за распахнутыми воротами, они спрятались позади будки, после чего мальчишка умчался на разведку, а теперь вот вернулся и сообщил, что впереди все чисто.

Сотник с Павлом снова выглянули из-за будки. Территория клуба была прямоугольной, въезд находился в одном углу, а стрельбище и большой полигон — по диагонали, на другой стороне участка. Между ними возвышался одноэтажный мотель со стоянкой, рядом квадратное здание, одну половину которого занимали ресторан с кухней, а другую склад и администрация клуба. За рестораном был крытый тир, устроенный в бывшем коровнике.

Грузовик с дощатым кузовом приткнулся на краю стоянки. Игорь видел, как Хорек, возвращаясь к будке, заглянул в кабину, а после забрался на колесо и осмотрел кузов — и теперь спросил:

— В машине пусто?

Мальчик кивнул.

— И в кабине и в кузове?

— Пусто, пусто! Только в кузове кровью заляпано и еще бинты, ну, обрывки, тоже в крови, лежат там.

Сотник с Багрянцем переглянулись.

— Кто к тебе в клуб на такой машине мог прикатить? — спросил курсант.

Недоумевающее покачив головой, Игорь выступил из-за будки, оглядывая здания. Солнце скоро сядет, лучше осмотреться, пока не стемнело. Сняв с плеча ремешок, он протянул ружье, и Хорек дернулся к нему, но Багрянец успел первым.

— Не для тебя это, — пробасил он. — Ты что задумал, капитан?

Игорь показал на мотель.

— Там сзади лестница на крышу. Залезь, ляг с того края, где стоянка, и прикрывай меня. Только учти — ружье с задержкой стреляет, где-то в секунду. Я обойду ресторан, вон тот квадратный дом, внутрь загляну, потом к тире пойду.

— Так ты когда внутрь попадешь — как же я тебя прикрою? И когда обходить станешь, тебя видно не будет.

— Делай, что говорю. Когда махну — слезай и ко мне. Дальше, к полигону, вместе пойдем. Эти люди из грузовика ведь где-то здесь, только непонятно, почему тихо так и почему Хорек их не увидел... Куда они подевались?

— А мне что делать? — спросил мальчик.

— Здесь стоять, — отрезал Сотник. — Если увидишь что-то подозрительное, движение какое-то, которое Павел с крыши прохлопает, беги к нему, залезай и докладывай, где что заметил. Все, боксер, выполняй. Хорек — ты здесь. А я пошел.

Он шагнул из-за будки, в то время как Багрянец побежал к мотелю, забирая вправо, чтобы очутиться позади здания.

Игорь пошел неторопливо, давая время курсанту залезть на крышу. Миновал стоянку с грузовиком — других машин там не было — оглянулся. Хорек смотрел из-за угла; Багрянец появился на крыше, улегся там и выставил ствол. Теперь, если не знать, что на здании есть человек, заметить его не так-то просто.

Пистолет-дробовик был большой, но не слишком тяжелый за счет деревянной рукояти. К ней крепился толстый ствол, который, сдвинув фиксатор, можно откинуть книзу, чтобы зарядить пузатый патрон, похожий на маленький бочонок. В нижней части рукояти, под крышечкой на пружинке, отверстие для запасного патрона. И всё — совсем простое устройство.

На кожаной кирасе, надетой Игорем, было несколько скоб и ремешков. Расстегнув рубашку, он повесил пистолет за кольцо на рукояти, но возле ресторана снял его и взял в правую руку. Опустив ствол к земле, заглянул внутрь. Сквозь окно виднелся знакомый зал со столами, на другой его стороне были стойка бара и дверь, ведущая во вторую половину здания.

Раскрытая дверь.

А вот дверь самого ресторана закрыта — хотя, возможно, не заперта?

Игорь подступил ближе к окну. Вроде внутри никого... Хотя кто это лежит на самом большом столе в центре зала?

Его прошиб холодный пот. Вздвогнув, Сотник толкнул дверь и бросился к столу. Остановился перед ним.

Лицом кверху на столе лежал генерал. Тот самый.

Одетый в гражданское, он глядел в потолок мертвыми глазами, вытянув руки по швам. Торс стягивали бинты, на правом боку они стали черно-красными... В него попали из электроружья, хотя и не очень мощного, короткоствольного.

Тяжело дыша, Игорь попятился. Оглядел зал, медленно поворачиваясь, скользая взглядом по стенам, где висели большие цветные фотографии с полигона, на которых клиенты стреляли в мишени и муляжи; по стойке, шкафу с бутылками за ней, по окнам... На краю зрения что-то сдвинулось, он резко повернул голову — из двери, ведущей во вторую половину здания, с автоматом в руках выходил Ростислав.

Он был в дорогом костюме, остроносых штиблетах и белой рубашке. На скуле ссадина, под ней — корочка подсохшей крови, на лбу пятно гари, пиджак порван, пуговиц не хватает, галстука нет, на шее — глубокая царапина. Все это в первый миг сбило Игоря с толку, слишком уж странно выглядел новый хозяин клуба, и только поэтому они вскинули оружие

одновременно, иначе Сотник успел бы первым.

У Ростислава был АК-74М, с пластиковым прикладом, сейчас сложенным.

Когда два ствола поднялись, из-за двери, через которую Сотник попал в зал, донесся крик и звук падения. Игорь присел, вдавливая спусковой крючок. Ростислав метнулся вбок. Грохот выстрелов наполнил ресторан, вспышка пламени, вырвавшегося из пистолетного ствола, озарила его. Несколько дробинok зацепили отпрыгнувшего Ростислава. Вскрикнув, он скрылся за стойкой. Пули из автомата оставили ряд крошащихся дырок в фасадной стене и разбили два окна.

Сидя на корточках, Игорь сдвинул пластинку фиксатора и откинул книзу ствол. Просунул указательный палец в кольцо на рукояти, рванул, открыв отсек для запасного патрона, и стукнул торцом по ладони, выбив патрон наружу.

Если Ростислав знает, что пистолет однозарядный... Хотя откуда ему знать... Но если все же знает, то сейчас побежит к Сотнику...

Раздались быстрые шаги — Ростислав бежал к нему. Игорь вставил патрон в ствол. В зале стало темнее: кто-то появился за окном. Значит, их двое, сейчас по нему выстрелят с другой стороны...

Что-то промелькнуло над головой Игоря, раздался стук, и Ростислав снова вскрикнул. Выругался. Опять застучали шаги — побежал в другую сторону. Зарядив пистолет, Игорь вскочил, но врага в зале уже не было — нырнул в дверь возле стойки. Сотник кинул взгляд через плечо: за окном маячил Хорек.

— Дядька, я его камнем! — крикнул мальчишка возбужденно. — Камнем в лобешник зарядил!

— Стой там! — прокричал Игорь в ответ. — С той стороны кто-то еще есть?

— Ага, тут хмырь какой-то лежит, его Багрянец с ружья завалил... Ой, у него тоже ствол! — Хорек исчез из виду.

— На месте стой! — Сотник кинулся к двери у стойки.

Он миновал короткий коридор, свернул. Впереди стукнуло, потом закрипело. Сотник плечом распахнул дверь директорского кабинета, увидел раскрытое окно и бросился к нему.

Когда он обогнул здание, фигура Ростислава мелькнула у входа на полигон. На таком расстоянии стрелять из дробовика, тем более — пистолета, не было никакого смысла, и Сотник побежал следом. На ходу оглянулся — Хорька под дверью ресторана не видно, наверное, вошел внутрь. У стены под разбитым окном лежал незнакомый человек. На крыше мотеля привстал Багрянец, и Сотник махнул ему, чтобы слезал.

Полигон был огорожен железными щитами трехметровой высоты. Сразу за входом тянулась полоса земли, где стояла башенка. Оттуда в бинокль можно было следить за всем полигоном, кроме тех участков, которые закрывали постройки. В башню сходились провода от подвижных мишеней, датчиков движения и видеокамер, там отличные мониторы, через которые так же можно было наблюдать за происходящим.

Миновав башенку, Игорь увидел, как Ростислав протискивается через калитку в низкой ограде, идущей по краю земляной полосы. Его шатало, правая рука висела плетью, автомат он держал в левой. В ресторане Игорю показалось, что дробь едва зацепила плечо врага — конечно, рана есть, кровь течет, но как-то слишком уж он ослаб, ведь меньше минуты прошло... Может, не спал всю ночь, не ел, выбился из сил?

Игорь похромал следом. За калиткой Ростислав оглянулся, с трудом поднял автомат и дал короткую очередь. Игорь растянулся на земле, пули прошли выше. Теперь магазин АК пустой или почти пустой, а запасного у Ростислава может и не быть...

Когда он вскочил, враг исчез из виду. На полигоне было много всякого понастроено — деревянные и кирпичные стенки с проемами, извилистые земляные насыпи, площадки на сваях, лесенки, даже горки наподобие детских, с которых можно залихватски съезжать, на ходу стреляя по мишеням, выскакивающим из тайников. Мишени тоже были разными, но по большей части представляли собой вырезанные из железа или дерева силуэты с изображениями всяких мрачных личностей, вооруженных автоматами, пистолетами и

гранатометами. Были и «мирные», за стрельбу по которым начислялись штрафные очки, — девочки с бантиками, мамы с детьми на руках. Все это внезапно поднималось на пружинках, возникая в проемах окон, выпрыгивало из ям в земле и над краем поднятых на сваях площадок, прокатывалось на особых роликах по направляющим штангам...

Но сейчас отключенный полигон был мертв.

В ресторане, падая за стол, Игорь ударился коленом и теперь немного хромал. Подволакивая левую ногу, он вошел в калитку, миновал баррикаду из шин, ряд железных бочек. Остановился, прислушиваясь. Впереди раздался протяжный шорох. Его сменил едва слышный звук шагов, — а потом сзади загудело, и по периметру полигона включились прожектора.

Игорь так и подскочил. Ну да, у них был свой генератор, оборудование с освещением можно включить, даже если извне электроэнергия на полигон не поступает... Но кто его врубил? И зачем?

Хотя, можно догадаться — кто именно, больше ведь просто некому!

Выругавшись, он поспешил вдоль раскрашенной дощатой стены с двумя рядами окон, изображающей фасад офисного здания. Клубный полигон Сотник знал хорошо, сам не раз его проходил, и потому не отреагировал, когда за стеной скрипнуло, и в ближайшем проеме возникла плоская фигура: бородач с жутко злобной мордой держал на руках девочку, приставив к ее голове короткий ствол «ингрэма». Зашипел динамик, террорист что-то прокричал на псевдоарабском наречии. Сотник проскочил мимо, и тут из следующего окна с шипением ударила струя теплого дыма. Очень теплого, почти горячего, но все же не настолько, чтобы обжечь.

Он упал, покатился по земле. Вскочил, тихо матерясь, заглянул в соседнее окно. С другой стороны стенку подпирали наклонные балки, между ними стояли разные механизмы. Мишень, изображающая бородача с девочкой, медленно складывалась обратно, под ней гудел моторчик, сдвигался рычаг. А за тем проемом, из которого выстрелила струя дыма, обнаружился баллон с вентилем и торчащим вбок патрубком. Позади на сваренном из железных «уголков» квадрате тихо дребезжал железный ящик, от него к баллону тянулись провода и трубки. Имитаторы хреновы! Эта штука появилась здесь уже после того, как клуб перестал принадлежать Игорю, — и что она должна олицетворять? Струю напалма? Или сигаретного дыма, выпущенную злобным террористом в лицо врага?

Еще позади стенки была лестница — а вверх, под окнами «второго этажа», тянулась широкая полка с механизмами верхних мишеней. На глазах Сотника одна из них с тихим скрипом распрямилась, и тут же из скрытых динамиков полились звуки выстрелов и взволнованные женские крики.

Игорь залез по лестнице, добравшись до полки, выглянул в ближайший проем.

Ростислав брел, качаясь, как пьяный, через полную воды неглубокую канаву. А с другой стороны в окне под крышей башни наблюдения маячил силуэт. Детский силуэт. Ну конечно, кто же еще мог не послушаться его, пойти следом, забраться в башню и там начать крутить всякие рукояти? Игорь замахал руками, приказывая вырубить систему, но Хорек не отреагировал — может, и не видел его, ведь для мальчишки полигон сейчас превратился в залитый светом прожекторов большой прямоугольник, на котором что-то двигалось, шипело, тархтело, жужжало, плевалось дымом, грохотало и орало на разные голоса.

Ростислав достиг конца канавы. Дальше был бревенчатый настил, а за ним — ограда полигона. В принципе, хорошенько подпрыгнув, с настила можно дотянуться до ее края, перелезть и соскочить с другой стороны... Но беглец не напоминал человека, способного на такие трюки.

Игорь соскочил с лестницы и побежал в обход, хромя сильнее прежнего. Миновал лабиринт узких улочек между домами в восточном стиле, из круглых окошек которых то и дело высовывались террористические рожи. Окруженный какофонией звуков, стрельбой, плачем и невнятными угрожающими выкриками, выскочил с другой стороны лабиринта, двумя руками подняв перед собой пистолет, взбежал по скрипучей лестнице. И увидел

лежащего посреди настила Ростислава.

Автомат отлетел в сторону, когда враг упал, и теперь он пытался дотянуться до оружия, скреб по дереву пальцами и дергал головой. Игорь перешел на шаг. Встав над Ростиславом, направил ствол ему в голову. Залитое смертельной бледностью лицо обратилось к нему.

— Ты! — хрипнул раненый. — Чем... чем ты в меня... Жжет, как огнем...

Игорь опустился на корточки, потом сел, поджав ноги. Дробь разорвала дорогой пиджак на правом плече. Там пузырилась красно-желтая жижа, исходила шипучей пенкой. Он припомнил густую желтую гадость, которой была измазана картечь в патроне. Что это значит... серые начинают пули каким-то ядом?

Раненый почти коснулся пальцами приклада АК, и Сотник стволом пистолета отодвинул оружие подальше. Смирившись с поражением, Ростислав перестал тянуться к автомату.

— Вы втроем сюда приехали? — спросил Игорь устало. — Отец твой в кузове лежал, да? А кто третий?

— Же... Женя. Охранник наш. Отца в городе ранили... Мы... оружие надо, больше некуда... сюда...

— А где такой грузовик нашли? Списанный, наверное, какой-то... И оружие где, слышишь? Тайник в том же месте?

Вместо ответа Ростислав широко раскрыл глаза, выгнулся и схватил Игоря за ногу. Пальцы до боли сжали щиколотку, а потом раненый замер.

И тут же затих полигон — погасли прожектора, стихли звуковые эффекты, скрип пружин и рычагов, гудение и звон.

Игорь снял с запястья Ростислава часы, застегнул их браслет на руке, подобрал автомат, выпрямился и пошел прочь. На него вдруг накатила пустота — ощущение бессмысленности всего происходящего. Он спустился с настила, прошел по краю полигона, вдоль ограды из железных щитов. А когда подходил к земляной полосе с башней наблюдения, плечи распрямились, голова поднялась, взгляд стал яснее, тверже. Смысл есть — большой, важный смысл. Всё ясно и понятно, мир вообще прост, логичен, последователен... Надо разобраться, кто эти серые, напавшие на Москву, и выгнать их отсюда — вот и всё.

Когда он подошел к башне, из нее выглянул довольный Хорек — впервые Игорь видел на его круглой бледной физиономии подобие улыбки.

— Видал, как заверещало? Я только рубильник там, а эти как давай светить со всех сторон!

— Это прожекторы, — ответил Игорь.

— Ну да, прожектора, и дым еще, а потом кричать стали! Только чего оно — взяло и само выключилось. Я рубильник туда-сюда, а оно больше не...

— Нам надо решить один вопрос. — Сотник взял Хорька за плечо, присев на бетонную ступеньку ведущей из башни лестницы, повернул мальчика лицом к себе.

Поняв по тону, что сейчас будет сказано что-то неприятное, Хорек тут же насупился, поджал губы и уставился в землю. Игорь взял мальчишку за подбородок, поднял ему голову и посмотрел в глаза.

— Дальше все будет очень серьезно, — произнес он. — А я не могу тебе доверять.

— Чего не можешь?! — возмутился Хорек. — Можешь! Я тебя предавал?!

— Нет. Но ты не слушаешь, что я тебе говорю. Я воевал, у меня есть опыт. Знаю, что и как надо делать. Когда я приказываю — это надо выполнять. А если я не могу быть уверенным, что ты подчинишься... Значит, нам не по пути. Если согласен — тогда можешь остаться со мной. Нет — ступай куда хочешь, потому что иначе рано или поздно из-за тебя мы оба погибнем. И Багрянец, если с нами пойдет, — добавил Игорь, увидев курсанта, который приближался к полигону, покачивая ружьем. В другой руке его был пистолет.

Хорек всхлипнул. Отвернулся, рукавом вытер глаза и сказал глухо:

— Мамка ушла, батя тоже... Кинули меня. И ты тоже кинуть хочешь?

Лицо его сморщилось, он тяжело задышал, сглатывая, борясь с подступающими

слезами. Если бы Игорь хоть немного умел обращаться с детьми, он бы обнял Хорька за плечи и прижал бы к себе. Но он не умел, и потому просто сказал:

— Нет, не хочу. Я тебя не кину, если ты сейчас поклянешься, что будешь выполнять мои приказы. Как на войне. Потому что это, наверное, и есть война. Ну что?

Хорек повернулся к нему.

— Буду! Буду, буду выполнять! Я серых хочу убивать, они батю забрали, они... я их ненавижу! Ты мне пистолет дашь? Хотя бы один... Ну, потом? А я буду выполнять приказы. Как на войне!

— Потом, — согласился Игорь и встал навстречу подошедшему Багрянцу. — Что там?

Курсант пожал широкими плечами.

— Жмурик под дверями лежит. Такой... в костюмчике. Когда вы там стрелять начали, он из-за угла выскочил и к дверям побежал, ствол перед собой выставил. Ну я в него и шмальнул. От неожиданности, если честно. Видел же, что парень вроде свой, не серый, но ты ж говорил, что теперь по-настоящему своих мало будет... Правильно я сделал?

— Правильно, — кивнул Сотник. — Пошли назад к ресторану, пока совсем не стемнело.

— А кого ж я все-таки завалил? — спросил Багрянец, когда они покинули полигон. — И второй, за которым ты побежал, кто такой?

Игорь ответил:

— Они не «свои», в общем. Отморозки какие-то, вот и все. Забудь про них.

— А, ну да, отморозки, — согласился Павел. — Слышь, а ты не видал здесь таких шакалов тощих, шныряющих?

— Каких еще тощих шакалов?

— А вот тощих-тощих... Спины горбатые, все облезлые...

— Собаки, что ли, бродячие? — уточнил Игорь. — Ты о чем вообще, Павел, я не пойму.

— Да не собаки! Что я, собак не знаю? Короче, когда я на крыше лежал, еще ты в ресторан не зашел, под стеной мотеля пробежала одна. Сверху трудно понять, но... Непохожа она на обычную собаку была. Такая гиена вроде, по «ящику» я их видал. Горбатая только. Быстро так — раз, и нету! Я вроде крысу здоровенную в зубах у нее заметил, но не уверен. Главное — она тихо совсем, твякнула только напоследок глухо так. Я просто чего подумал: если, ты говоришь, серые к нам через «дыры» лезут, так могут через эти дыры и не только они пролезть? Ну, не только люди, я имею в виду, но и твари какие-то неразумные сунуться... горбатые вот эти, к примеру?

Игорь пожал плечами, и Багрянец словоохотливо продолжал:

— Гляжу, «калаш» у тебя. А я вот, «грач» у второго забрал. — Он помахал пистолетом. — Но ты говорил, здесь еще куча стволов, так где они?

— Должны быть в подвале под рестораном, за холодильными установками спрятаны.

— О, а ведь ресторан ежели, так хавка там! — блеснул сообразительностью курсант. — И сигареты, и выпивка... Я курить — страсть как хочу, день не курил!

— Я тоже! — поддакнул сзади Хорек, но на него не обратили внимания.

— И еда, это само собой, — согласился Игорь Сотник, входя в ресторан. — Но первым делом надо вооружиться.

ЧАСТЬ III НЕБО АРМАГЕДДОНА

ГЛАВА 10

Придерживаясь за корму, Кирилл вынырнул и с хрипом вдохнул воздух. Сделать это тихо, конечно же, не удалось, хотя он очень старался. Он фыркнул, отплеываясь. Закашлялся.

Вода в водохранилище была вроде и теплая, но за эти почти пятнадцать минут без движения он замерз. Не думая больше о варханах, которые до сих пор могли быть на берегу, поплыл вдоль лодки, перебирая руками по борту. Добрался до обращенного к барже носа и взялся за цепь, свисающую между шинами. Полез вверх. Мокрые руки заскользили, и Кир шлепнулся обратно.

Он прыгнул в воду уже довольно давно. Перед тем сидел, смирившийся со своей участью, ожидая, когда варханы увидят его... И вдруг подумал: что я делаю? Кто я, в конце концов, такой — мокрица, кролик, мышь дрожащая, или — человек? Если сопротивляться варханам сейчас бессмысленно, то надо использовать любую возможность, чтобы спрятаться, а после уже решать, как поступить дальше. Над головой кричали и стреляли, скрипела палуба. Преодолев боязнь большой воды, естественную для всякого не умеющего плавать человека, он выпрыгнул из лодки.

Теперь, обеими руками вцепившись в уключину, Кир почти с головой ушел под воду и резко вынырнул. Навалившись на борт грудью, тяжело перевалился через него, упал на дно между лавками. Здесь в лужице просочившейся сквозь щели воды лежал рюкзак.

На барже заскрипели доски палубы. Кирилл схватился за рукоять катаны, стиснув ее непослушными пальцами, попытался вытащить из ножен. На фоне неба возник силуэт вставшего на носу баржи вархана. Сейчас чужак выстрелит из своего электрического ружья, алая молния пробьет скорчившееся в лодке тело вместе с днищем, зашипит вода, оборвется короткий крик — и не станет Кирилла Мерсера. Отлетит его душа в Небесный Интернет, но туда душу не пустят, наверняка ведь у них там какой-нибудь ангельский файерволл стоит, который открывает райские врата лишь перед праведными юзерами — и бросят Кирилла вниз, в пламя цифрового ада, где до скончания веков пребывают души всех грешных хакеров...

— Кирилл, да вы совсем замерзли!

Отпустив катану, Кир встал на колени, уперся в лавку лбом, потом кое-как выпрямился.

Присевший на краю палубы Яков Афанасьевич схватил его за плечо и помог вылезти наверх. Рюкзак остался в лодке, агроном спустился туда, накинув на плечи лямки, забрался обратно.

Ближе к корме на палубе лежали тела, ни одно не шевелилось.

— Что ж вы так дрожите? Неужели вода такая холодная, это из-за купола наверно?

— А в-вы п-почему сухой? — Кирилл принялся стаскивать куртку.

— Не поверите, я в отсек для весел спрятался. Спрыгнул, когда они из машин своих повалили, и крышку захлопнул. Узко, но мы ж весла вытащили, места хватило. Затаился... Вверху стучат, кричат, стреляют, а я лежу ни жив ни мертв.

— Д-да... дайте рюкзак. Т-только расстегните.

— У вас там полотенце?

— Ш-шмотки...

— Растереться, растереться надо хорошо, потом уже сухое натягивать. Потом попрыгать, поприседать.

Пока Кирилл переодевался, Яков пробежал по палубе, семена короткими толстыми ножками, приседая над каждым телом, пытаясь нащупать пульс.

Натянув сухую одежду, Кирилл начал притоптывать и хлопать себя по плечам. Ему все еще было очень холодно.

— Борис, Генка, Валя, Николай Валерьевич... Все мертвы, — потерянно пробормотал Яков Афанасьевич, вернувшись к нему. — А других они с собой увели. И детей, всех. Mein Gott, mein Gott!

— Д-детские тела есть?

Агроном потряс головой, пригладил ладонью седые волосы, жестко топорщившиеся вокруг круглой лысины.

— Нет, кажется, нет. Но ведь они несколько лодок своими молниями... В лодках были, думаю.

Он пригляделся к Кириллу, который непослушными пальцами пытался застегнуть рюкзак, и добавил:

— Да вы синий, как... Как, извините, труп. Идите за мной, у Глеба всегда с собой... Ну же, пошли, пошли!

Схватив Кира за локоть, Яков потащил его на берег. Возле сходней лежал убитый выстрелом в спину Глеб.

— Варханы пару минут как уехали, — говорил агроном, подходя к телеге механика. — В отсеке плохо слышно, глухо, но двигатели я уловил все же. Сначала стук ног по палубе стих, и потом укатили они, быстро так... Они вообще быстро действуют, раз-два — с ходу все, вроде уже тыщу раз подобное проделывали. Наскакивали вот так на мирных людей, кого убивали, кого с собой увозили. Ведь это ж не так легко: разобраться хотя бы в самых общих чертах, что у нас здесь к чему, отловить народ, запихнуть в машины... А у них все почти мгновенно — отработано, значит.

Казалось, этой болтовней Яков Афанасьевич пытается отгородиться от ужасной картины, окружающей их, — около десятка мертвых мужчин и женщин на барже и в песке на берегу. Двое, которых выстрелы варханов застигли, когда они пытались нырнуть, лежали на мелководе. У Кирилла, который этих людей не знал, и то голова шла кругом, тошнота подступала к горлу, хотелось лечь на землю лицом книзу, зажмуриться, замереть... А каково было агроному, долго прожившему среди них?

Оставив его возле телеги, Яков побежал к дымящей тарантайке. По ней явно выстрелили из электрического ружья, причем раза так три, не меньше, — «хаммер-мини» теперь напоминал взорвавшуюся изнутри консервную банку.

Возле телеги лежала лошадь — ей картечью из дробовика разнесли череп. Кира совсем замутило, он привалился к борту, чуть не лег на телегу, вдыхая запах сена, которым было устлано днище. На сене между котомками и чемоданами лежала детская кукла в нарядном цветастом платьице, без одной руки.

Яков Афанасьевич появился вновь и забормотал, суетливо роясь в брезентовом свертке:

— У вас озноб до сих пор... Сейчас, погодите... У Глеба всегда припасено, он такой...

Кирилл выпрямился и снова обхватил себя за плечи, стараясь не глядеть на дохлую лошадь, над которой бодро вились жирные летние мухи. На волнах вдалеке от берега покачивались обломки лодок. Зеленая стена вставала над миром, в вышине загибаясь все сильнее и сильнее, превращаясь в гигантский свод, в чужое, стеклисто-зеленое, пугающее небо. Кирилл поднимал и поднимал голову, скользя по нему взглядом, пока чуть не упал на спину. Схватившись за телегу, он потрянул головой. Приди в себя! Совсем раскис, нюни распустил...

Мысли путались, он все никак не мог взять себя в руки и начать размышлять связно,

прикинуть обстановку и решить, что делать дальше. У Кира уже было такое, когда он как-то в январе улетел в Таиланд, из снежной зимы нырнув прямо в тропический зной. Через два дня после того как сугробы сменились пальмами, а «минус двадцать» превратилось в «плюс тридцать пять», организм словно запоздало удивился этому — и Кирилл на сутки слег в тайской гостинице с повышенной температурой и головокружением, непрерывно чихая, потев и трясясь в ознобе. Акклиматизация быстро закончилась, он пришел в себя, но те сутки запомнил надолго. Сейчас началось что-то похожее, хотя климат и не менялся — зато очень серьезно изменилась сама реальность. Психическая акклиматизация к новому миру...

Он отпрянул, когда под нос ему сунули треснувший граненый стакан, наполовину полный чем-то мутно-белым, с зеленоватым отливом.

— Не хочу я твой самогон... — начал Кир, пытаясь отвести руку агронома.

— Немедленно пей! — велел тот и заставил его взять стакан. — Тебя трясет всего! И губы у тебя синие, Кирюша, как у покойника! Пей! Оно на крыжовнике настояно, особый рецепт, крыжовницей называется, — никто так больше не умел, только наш Глеб. Ну, залпом!

Тон Якова Афанасьевича изменился, стал командирским, очень уверенным. Кирилл влил в себя пойло. Поперхнувшись, зажмурился, кулаками потер глаза. Поморгал, тяжело сглатывая. Самогон провалился в желудок, словно большой угловатый камень. Затошнило, но это быстро прошло.

— Нельзя мне пить, — сказал Кир, морщась и потирая горло. — Я отъезжаю сразу... Теперь... Сам теперь... — язык уже начал заплетаться, в глазах двоилось. Крыжовница была крепкой, градусов под шестьдесят. — Сам теперь меня потащишь.

— Постой здесь, — сказал Яков, забирая стакан. Голос его сделался гулким и доносился будто издалека, словно агроном склонился над колодезем и кричит в него, а Кир сидит на дне. — Хочу еще тела на берегу осмотреть. Они все мертвы, я понимаю, но посмотреть должен, иначе потом мучиться буду, вдруг кто выжил, а я бросил его.

Яков зашагал прочь, и Кир, пытаясь усесться на краю телеги, окликнул его:

— Э, самогон куда дел? Слышишь, Афан... фанасьич, дай еще выпить. Мне легче... легче вроде стало.

Потом вокруг что-то происходило, Яков исчезал, возвращался, — Кир слабо понимал происходящее. Он нашел в соломе литровую бутылку, вытащив пробку, сделал несколько глотков из горлышка. Сгреб пятерней солому, сунул в нее нос и долго дышал. Потом взял однурукую куклу и стал бездумно смотреть в выпуклые глаза из ярко-синего стекла на глупом пластиковом личике.

Снова появился Яков Афанасьевич, на поводу он вел лошадь, которая испуганно ржала и шарахалась от мертвецов. После этого они куда-то ехали, телега качалась, скрипели колеса, лошадь фыркала, а Кир все озабоченно спрашивал, где его рюкзак, ведь он не может без рюкзака, там лэптоп и катана, он не может без лэптопа и катаны, они самые близкие ему люди... то есть не люди, а... И потом Киру показалось, что он падает в изумрудную туманную галактику, все быстрее и быстрее. А потом все закончилось.

* * *

Он то проваливался в мутную темноту, то выныривал из нее, и тогда над ним склонялось лицо. Человек говорил что-то неразборчивое, причем на разных языках, подносил к губам Кира чашку, пахнущую травами... И снова темнота, океан темной мути, и колотит озноб, и ничего не понять: где ты, кто ты...

Кирилл проснулся от жажды. Низко над головой был деревянный потолок со щелями, замазанными глиной. Дневной свет лился сквозь квадратное окошко, закрытое драной занавеской на вбитых в стенку гвоздиках. Кир поднял руку. Она была какой-то чужой, казалась очень легкой, невозможно легкой, как перышко, и все равно, чтобы двигать ею, понадобилось приличное усилие.

Позади занавески обнаружилось пыльное стекло в трещинах, заклеенных скотчем. За

окном — заросший травой дворик и густые высокие заросли, над которыми торчали кроны деревьев. Слева поле зрения ограничивал покосившийся сарай без дверей, справа — колодец и снова кусты. Недалеко от колодца, привязанная к колышку, паслась лошадь, а ближе к сараю, посреди выложенных кругом камней и обломков кирпичей, горел костер. Над костром, на четырех вбитых в землю железяках, стоял черный от гари металлический поддон, на нем что-то шкворчало.

Из-за колодца показался Яков Афанасьевич, на плече он нес колесо, кажется, от мотоцикла. Когда агроном достиг середины двора, Кир кулаком постучал по стеклу — Яков остановился и кивнул ему, близоруко сощурившись.

— Как ты? — донеслось снаружи.

— Пить хочу, — сказал Кирилл сипло.

— Только проснулся?

— Да, я...

— На столе погляди. Я скоро буду. Выйти сам сможешь? Утром жара у тебя уже не было.

— Утром, — повторил Кирилл. — А сейчас что?

Яков, отдернув левый рукав, глянул на часы.

— Половина второго.

Когда он зашагал дальше к сараю, Кирилл отвернулся от окна. Изголовье кровати примыкало к печке, рядом стоял низкий столик — вместо одной ножки у него был столбик из кирпичей — на столешнице раскрытый пакет виноградного сока и миска с вялыми сморщенными яблоками, должно быть, всю зиму хранившимися в погребе. Еще там лежал большой тесак для рубки мяса.

Кирилл сел, спустив с кровати ноги, взял пакет и забулькал соком. Одежда лежала на табуретке возле печки. Напившись, он поставил пакет на стол, дотянулся до табурета и стал одеваться.

А где рюкзак? Кир заозирался — и облегченно вздохнул, увидев, что тот притулился под столом.

Кроме кровати да устланной драными одеялами печки в комнате с потрескавшимся глиняным полом и низким потолком была еще газовая плита (только вот баллона Кирилл не заметил), посудный шкаф под стеной и второй, без дверцы, забитый всяким барахлом вроде дырявых ватников и валенок. У потолка висели связки лука и чеснока, в углу громоздилась куча всяких продуктов: упаковки гречки, вермишели, соли, пачки сахара, причем некоторые были разорваны — наверное, успели поработать мыши. На лавке сложены запаянная в целлофан колбаса, пакеты с соками, чай, кофе, печенье. Длинным рядом выстроилась батарея разномастных бутылей — кажется, все с крыжовницей.

Тихо заржала лошадь. В комнате было полутемно и прохладно. Кирилл сунул ноги в кроссовки, опираясь на стол, встал. Накинув на плечи куртку, взял из миски яблоко, из-под клапана рюкзака достал ножны с катаной и побрел к двери.

Когда он присел на прикрытую мешковиной и драным целлофаном поленницу, во дворе снова появился Яков Афанасьевич. Агроном тащил остов телеги: деревянную раму на мотоциклетных колесах. Кирилл встал, чтобы помочь, но Яков замахал рукой:

— Сиди, сиди! Она легкая, это только основа, заготовка...

Кирилл снова сел, догрызая яблоко. Двор между сараем, глиняной мазанкой и зарослями бурьяна наполнял дух жарящегося мяса, которое шипело и постреливало жиром на железном поддоне над костром. Так благоухать и так громко, вкусно жариться может только свежая деревенская свинина, ни разу не замороженная, не подвергавшаяся никакой обработке.

— Кабанчика я соседского поймал, — пояснил агроном, ставя свою «заготовку» возле сарая. — И еще куриный бульон есть. Ну и еда всякая из магазина нашего, и бутылки из дома Глеба притащил. С оружием только плохо — кроме ружья, совсем ничего нет.

— Где мы? — спросил Кир.

Яков подошел к нему, достал из кармана пачку сигарет, протянул.

— Ты ж куришь? Это я из твоего рюкзака вытащил.

Кирилл взял сигарету, прикурил от зажигалки агронома. Высоко над ними в зеленом небе скользнула молния, расцвела сотней змеящихся отростков — и погасла.

— Мы в доме бабки Пани. — Яков, тоже закулив, присел на корточки рядом. — Это наша алкоголичка местная. Совсем вздорная была бабка, дурная, из ума выжившая. Ее варханы ранили той ночью, когда на Жаково наскочили. Но Паня, видишь, не померла сразу, до избы своей добралась... — он повел рукой вокруг. — Изба за деревней, на отшибе совсем. Тут я ее и нашел, мертвую уже, в обнимку, понимаешь, с бутылкой перцовки.

Он невесело улыбнулся и затянулся так глубоко, что уголек на кончике сигареты громко затрещал. Кирилл, наоборот, курил мелкими затяжками, чтобы голова не сильно кружилась, и часто сплевывал на землю горькую от никотина слюну.

— И где она теперь? — спросил он.

— Паня-то? В земле, где ж еще. Похоронил я ее в овраге. Изба эта прямо на краю оврага стоит, видишь, вон там земля уже под уклон идет? А дальше, за бурьянами, — еще круче, там овраг и начинается. Со всех сторон зарос... укромное место.

Они помолчали. Бросив окурок, Кир вдавил его в землю каблуком.

— Я целую ночь валялся, да? И еще полдня... Меня не совсем вырубил, кое-что помню. Как ты меня отваром каким-то поил, или нет, этим...

— Настояем, — подсказал агроном. — Настояем из трав.

— Да. Спасибо. Может, ты мне жизнь спас.

— Может, и так. У тебя вроде гриппа было, только скоротечного такого. Теперь-то как?

— Лучше. — Положив катану рядом, Кир поднялся с поленицы и просунул руки в рукава куртки. — Выздоровел я. То есть трясет еще немного от слабости, но это сейчас пройдет. Что вокруг? Что происходит?

Яков тоже выпрямился, полез в пачку за второй сигаретой, но раскуривать не стал, сунул в зубы и принялся жевать фильтр.

— Ну, давай, глянем, что происходит. Только я мясо переверну. А ты вон можешь туда пойти, — он показал левее сарая, где в зарослях виднелся просвет. — За оврагом трактор заржавевший, на него несложно залезть, только осторожно, не маячь там особо, чтоб не заметил кто не надо.

К дровам была прислонена железная лопатка на длинной ручке — вооружившись ею, Яков зашагал к костру, и Кирилл спросил вслед:

— А кто меня заметить может? Варханы?

— Сейчас в округе никого, — не оглядываясь, агроном махнул лопаткой. — Но вообще — да, варханы. Они на автотелегах своих иногда проезжают. Хотя сюда ни разу не заворачивали, но ты все равно аккуратнее.

Позади громко зашкворчало: агроном стал переворачивать куски мяса. Положив на плечо ножны с катаной, Кир вошел в густую тень между зарослями. Те были высокие, по плечо, да еще и деревья между ними росли. Сразу стало прохладней, он запахнул куртку. Спустившись в овраг, увидел расчищенный участок и сбитый из досок крест с надписью мелом. Читать ее Кирилл не стал — сразу направился вверх по тропинке на другом склоне.

Приглушенный гул достиг ушей. Во дворе ничего такого слышно не было, как и на дне оврага.словно далекий морской прибой... Гул был неровный, иногда в него вплетался частый стук или протяжные ухающие звуки, а иногда он совсем стихал, и наступала тишина, нарушаемая лишь треском сухих веток под ногами. Как и зеленое стеклянное небо, гул этот внушал тревогу, ощущение надвигающейся беды.

За оврагом открылось поле, на краю которого стоял темно-рыжий от ржавчины трактор со спущенными колесами, глубоко ушедшими в землю, без стекол в кабине. Внутри все было раскурочено, из круглой дыры, оставшейся на месте руля, торчал жгут проводов. Кирилл забрался наверх, уселся по-турецки посреди прогибающейся квадратной крыши и уставился на юг.

В том направлении были МКАД, Медведково, Ботанический сад, Останкино и Марьино роща, а за ними — центр Москвы. Огромное плоское облако висело низко над столицей, похожее на светло-серое одеяло, накрывшее город. В разных местах к нему поднимались дымовые столбы, постепенно расширяющиеся кверху. Иногда в мареве проскальзывали вспышки огня, и спустя несколько секунд доносились ухающие звуки. Над облаком вспыхивали зеленые молнии.

Затрещал металл, и на кабину выбрался Яков Афанасьевич с ружьем на плече. Присел сбоку, свесив ноги, протянул Киру сигареты и, когда тот покачал головой, закурил сам. Достал из кармана черный футлярчик, из него выудил маленькие круглые очки, нацепил на нос. У очков, как показалось Кириллу, была золотая оправа, во всяком случае, очень похоже. Необычные очки для простого агронома.

— Вот так, — негромко сказал тот. — Уже сутки вот так. Хотя раньше канонада громче была, и огня тоже больше. Да и дым уже не такой густой, смотрю. А в наших местах тихо. Ну, относительно. Через Жаково варханы минимум дважды проезжали, один раз ночью, я только звук моторов слышал, а в другой раз чуть они меня не изловили. За мылом, понимаешь, в магазин пошел, ну и за продуктами, а тут они как раз, целый отряд на этих рогачах, едва спрятаться успел...

— Рогачах?

— Это я так горбатый скот их называю. Кир, слышал ты про такое выражение: последняя битва? Битва добра со злом...

— Армагеддон, — кивнул Кирилл. — Это из Библии.

— Вот я и думаю: может, это он и есть? Армагеддон?

Кир с легкой опаской покосился на агронома.

— Яков, а ты не верующий часом? Не надо мне только втирать про эти религиозные дела, не люблю, когда с богом своим ко мне пристают...

Собеседник покачал головой.

— Не верующий я, Кирилл. Хотя сейчас думаю — а может, зря? В такой ситуации верующему, наверное, легче, для него это все объяснимо. Ну ладно, осмотрелся ты? Есть еще вопросы?

— Есть, — сказал Кирилл. — Как с электричеством?

— Нет его. У Пани, правда, и так не было, но я в деревню когда хожу, каждый раз проверяю — ничего не работает. И в магазине холодильные установки тоже.

— Радио?

— Только помехи слышно. По-моему, это купол фонит. Мобильная связь не действует.

— А людей каких-то видел?

— Нет, хотя ночью в деревню наведывались. Дом Модеста разграблен совсем, дверь сломана, из магазина все оставшиеся после меня продукты вынесли... Гляди, вон!

Кирилл схватился за рукоять катаны, агроном передвинул ружье из-за спины.

— Не шуми, — прошептал он. — Не нравятся мне эти твари.

По полю, перепрыгивая рытвины, бежала стая горбатых существ, похожих на облезлых тощих гиен. С десятков, а то и больше — они растянулись дугой, постепенно нагоняя крупного грязно-белого зайца, который стремглав неся от них. В середине дуги мчалась самая крупная тварь с большим угловатым горбом, который качался при каждом прыжке.

— Загоняют его, да хитро как, а? — зашептал Яков. — Я уже третий раз их замечаю, но сначала одиночку, потом четверых, а теперь вот стая... Их больше с каждым днем. Вроде как в подкову косоного берут, а потом и окружают. Смекалистые твари. А вчера вечером вдруг крысы из-под пола побежали, ну, из-под Паниной избы. Да с визгом — никогда такого не видел. Ты спал, а я только на печку успел вскочить, ноги даже поджал с перепугу — как ковер серый, весь пол закрыли, и в двери, в двери, они раскрыты были... Что их там, под полом, напугать могло? Это крысы-то — они ж там короли под землей!

Кирилл проводил взглядом стаю, которая гнала зайца в сторону дороги на другом конце поля.

— Откуда они взялись, — спросил он, — гиены эти?

— Оттуда же, откуда и варханы. — Яков полез с кабины. — Ладно, вроде далеко убежали уже. Пойдем назад. Надо решать, что делать, — долго в этом месте оставаться опасно.

ГЛАВА 11

На ночлег Игорь с Багрянцем и Хорьком решили устроиться в здании ресторана, в одной из комнат за стойкой, где можно было запереться. Из мотеля туда перетащили матрасы, подушки. Оружие, найденное в тайнике за холодильными установками, разложили в этой же комнате, на мешковине под стеной. Окно здесь было решетчатое, потому что раньше комната служила кабинетом Паше Вольтову, а после Ростиславу, тут стоял сейф и хранились документы по клубу.

Хорек раскатал свой матрас в углу, рядом с оружием, но Игорь его оттуда отогнал и заставил лечь на сдвинутых вместе столах.

Багрянец улегся под окном, положив рядом автомат, а Игорь лег на место Хорька. Он заснул сразу — сознание выключили, будто телевизор, и Сотника на несколько часов просто не стало. Проснулся же он от того, что его трясли за плечо.

Раскрыв глаза, лежащий на спине Игорь решил спросонья, что над ним склонился чужак — тот, самый первый, появившийся из зеленой воронки на перекрестке. Сотник поднял руку, схватил врага за горло и начал душить. Чужак засипел... и превратился в Хорька.

— Ты чего?! — он стукнул Сотника кулаком в грудь. — Отпусти! Дурак!

Игорь сел, оттолкнув мальчишку.

— Извини. За другого тебя принял.

— За кого за другого? — обиженно пробормотал Хорек, потирая шею. — Чуть горлянку не раздавил!

— Ну, прости. Чего разбудил?

Хорек покосился на Багрянца, во сне прижимавшего к себе автомат, словно любимую девушку, и сказал:

— Там, снаружи... иди посмотри.

Рубашка у него на животе оттопыривалась — за пояс он сунул пистолет, хотя Игорь еще днем запретил Хорьку прикасаться к оружию. Решив не поднимать сейчас этот вопрос, он стал обуваться. Натягивая рубашку, спросил:

— Там что-то опасное?

— Да. Или нет. Но оружие возьми. И за мной иди. Ну, давай же!

Среди найденного в тайнике оружия были два футляра с биноклями, пустые кобуры и несколько ремней, чехлы и ножны без ножей. Игорь подпоясался широким армейским ремнем, надел кобуру, в нее сунул «грач», в пенал на кобуре — запасной магазин на семнадцать патронов. Повесил на шею футляр с биноклем.

Хорек, схватив второй, выскочил наружу. Во всем здании было темно. Мальчишка повернул не в сторону ресторанного зала, а в другую, и довел Игоря до конца коридора, где из люка в потолке торчала пожарная лестница.

— Ты на крыше, что ли, был?

— На чердаке. — Хорек уже лез вверх. — За мной давай!

Просторный, но с низким потолком чердак здания пустовал — подниматься сюда было неудобно, поэтому тут не скапливалась всякая рухлядь. Окно, выходящее на полигон, было раскрыто. За полигоном низко над землей висела сияющая зеленым овальная воронка.

Увидев его еще с середины чердака, Игорь бросился к окну, на ходу доставая бинокль. Опустился на колени, упершись в подоконник локтями, приник к биноклю и стал крутить настройку.

Портал был прямо за оградой клуба. Из него выходили чужаки. Большой отряд... полк,

а то и целое соединение! Они появлялись из лениво кружащего зеленого смерча, темные силуэты дрожали, потом становились четче, чужаки двигались нестройными группами по двадцать-тридцать бойцов. Кроме них из портала выползали машины — тачанки, броневики — и выходили рогатые животные.

Хорек, тихо сопя, пристроился рядом с Игорем и тоже уставился в бинокль.

— Гляди! — мальчишка схватил его за руку. — Выезжает сейчас... Это новое, раньше не было такого! Видишь?

— Вижу, вижу.

Машина напоминала грузовик с цистерной, но сделанной не из металла, а из темной кожи. Кабина — просто большой куб с дверцами и окнами. На подножке за цистерной стоял чужак, еще двое сидели сбоку, свесив ноги. Что можно перевозить в такой емкости... Да что угодно. Воду, к примеру. Топливо или еще что-то.

— Что это? — спросил Хорек. — Там солярка, да?

Игорь молчал. Вслед за первым грузовиком выехали еще три. К тому времени передовые отряды чужой армии уже пропали в темноте, двигаясь в сторону Москвы, а из портала все шли и шли новые.

Эти серые отличались от тех, которых они видели раньше. В какой-то момент Игорю показалось, что они маршируют в ногу, но нет — просто с такого расстояния ритм шагов сливался. Желтые лучи фар покачивались, некоторые чужаки несли длинные факелы, часть их горела красным огнем, часть — синим. На захватчиках были короткие куртки и широкие шаровары с кушаками вместо ремней, на некоторых плащи, а еще Игорь заметил нечто вроде кителей, хотя последних было совсем мало. У одних бойцов были длинные волосы, другие коротко стрижены.

Хорек снова вцепился в его руку, когда один броневик выехал из рядов серых и покатил в сторону клуба. Он остановился, в башенке откинулся люк, высунувшийся чужак что-то прокричал, показывая на полигон.

Три тачанки и две группы бойцов повернули. Люк захлопнулся, на конце торчащего из башни ствола полыхнула красная вспышка, и секция ограды за полигоном опрокинулась вместе с бетонным столбом.

Тачанки въехали в пролом, следом, разбегаясь цепью, поспешили серые. У некоторых на спинах были рюкзаки.

— Нас заметили! — Хорек отскочил назад, едва не выронив бинокль.

Игорь выпрямился, закрыл окно.

— Не могли они нас заметить. Просто решили свернуть сюда, может, местность разведать. Так, а ну давай вниз!

На ходу засовывая бинокль в футляр, он помчался обратно, слетел по лестнице, бегом пересек коридор.

Растолкав Багрянца, крикнул:

— Хватай автомат и в подвал!

— Куда? Что? — боксер сел, протирая глаза.

Сотник дал ему подзатыльник, чтобы привести в чувство.

— Серые сюда едут! Подъем! Берем стволы, какие успеем, и внизу прячемся.

Багрянец ословело уставился ему в спину, когда Игорь бросился к разложенному вдоль стены оружию. Утром они собирались перенести его в грузовик и поэтому вытащили из тайника все, что там было: с десятков АК и АКСУ, семь пистолетов — «Макаровы» и «грачи», — четыре ручных гранатомета и восемь ящиков с гранатами к ним, еще три — с ручными, ремни, подсумки, бронежилеты, десять пар ботинок, аккуратно сложенные, запаянные в целлофан камуфляжные комбезы, разгрузки, два бинокля, пять противогазов и пять больших армейских фонариков.

Когда Игорь выпрямился с двумя гранатометами в руках, Багрянец, повесивший АК за спину, уже стоял рядом.

— Что брать? — спросил он.

— Ящики с выстрелами, сколько сможешь.

Вбежавший в комнату Хорек упал на колени, попытался поднять охапку автоматов. Уронил, схватил два, прижав к груди, выпрямился. «Макаров» его провалился за пояс и выпал наружу через штанину, мальчишка снова присел, взял пистолет, зажав под мышкой АКСУ — но тот, конечно, тоже выскользнул.

— Брось его! — приказал Сотник.

Но Хорек как-то исхитрился вновь подхватить автомат — и побежал в коридор. Игорь и пыхтящий под весом двух ящиков Багрянец поспешили за ним.

Подвальный люк находился в углу кухни за баром. Сотник, спускающийся последним, глянул с верхней ступени в окно и увидел за занавеской желтый свет фар. Судя по направлению лучей, машины чужаков, миновав тир, объезжали полигон. Минута, две — и они будут у ресторана... если действительно двигаются сюда. Но почему именно сюда? Серые просто не могли разглядеть их с мальчишкой в чердачном окне!

Они сбежали вниз, положили оружие на пол, и Хорек бросился назад, но Игорь схватил его за локоть.

— Подожди, не успеешь!

Выдернув руку, мальчик побежал по лестнице.

— Я же сказал тебе, что ты слушаться должен! — крикнул Сотник вслед.

— Я слушаюсь! — прокричал Хорек. — Время еще есть!

Чертов мальчишка! Надо было бросить его еще возле канала... Впрочем, Игорь понимал, что не сделал бы этого. Он направил луч фонаря вглубь подвала.

— Ладно, боксер, давай тайник откроем.

В стену помещения были утоплены четыре больших металлических шкафа холодильных установок. Одна не работала, собственно, ее даже ни разу не запускали: Паша в свое время купил их с большой скидкой, но позже выяснилось, что для ресторанной кухни такое количество продуктов просто не нужно, так что четвертый холодильник остался не у дел.

Позади него и был обустроен тайник. Холодильник легко выкатывался вперед на роликах, а дальше отходил вбок на штанге. За ним пряталось помещение с бетонными стенами и решеткой вентиляционной шахты в потолке.

— Еды взять надо, — заметил Багрянец, кладя ящики у стены. — И воду, куда без воды? Давай обратно, капитан.

— Они совсем рядом. Ну ладно, давай, — но времени у нас не больше минуты.

Когда они бежали по лестнице, навстречу слетел Хорек, волочивший набитую магазинами сумку. На плечи его были накинuty три скрученных толстыми жгутами одеяла.

— Лохи мы, — сказал Багрянец, распахивая большой кухонный шкаф. — Не надо было все оружие наверх тягать. Только кто ж знал, что оно так обернется... Так, здесь посуда только. А там что?

Он бросился к другому шкафу, Игорь в это время выскочил из кухни в зал, к бару. За стойкой был стеклянный стеллаж, где стояло спиртное, внизу — отделения с дверцами. Там обнаружилась батарея пластиковых бутылей: кока-кола, фанта, спрайт, швепс...

За широкими окнами ресторана рокотали моторы, свет фар становился все ярче. Тачанки разъехались, одна двигалась вдоль открытого тира, по ухабам и кочкам, желтый луч качался вверх-вниз, в свете его мелькали силуэты — чужаки рассыпались по территории клуба.

Появился Хорек, успевший избавиться от сумки и одеял, Сотник сунул ему четыре двухлитровых бутылки, схватил еще столько же и вслед за мальчишкой побежал обратно. В этот момент одна из тачанок, подъехавшая совсем близко, повернула, и луч ударил сквозь окно прямо в зал. Из-под ног Игоря протянулась длинная тень. Он нырнул в кухню.

Багрянец шагнул от распахнутого шкафа, сжимая охапку шоколадок, упаковок с орешками и крекерами.

— Заметили?!

— Не знаю! Вниз, запираемся!

Стук входных дверей долетел до кухни, зазвенело разбитое оконное стекло.

— Сюда лезут! — прошептал Хорек.

Игорь толкнул его к люку, стал спускаться следом. Из рук Хорька выскользнула бутылка, покатилась вниз, глухо ударяясь о ступеньки. Сзади Багрянец, пятерней прижав шуршащие упаковки к животу, поднял над головой руку, пригнувшись, закрыл люк в тот самый миг, когда дверь кухни скрипнула.

Засова на люке не было. Тихо ступая, они поспешили вниз, к яркому свету фонаря, лежащего в проеме за сдвинутой холодильной установкой. Хорек на ходу подобрал бутылку. Вбежав в тайник, Игорь повернулся и прошептал:

— Закрывай!

ГЛАВА 12

Приседая, Кирилл развернулся, ударил катаной наискось, распрямился и прыгнул, выбросив клинок перед собой. Сделал несколько быстрых шагов, нанося один за другим рубящие удары слева и справа, от плеча, потом кувыркнулся... и заехал ногой по поленнице. Она затрещала, несколько поленьев выкатились из-под мешковины, прямо на растянувшегося на земле Кирилла. Пришлось откатываться.

Тихо ругаясь, он сел, потер ступню и увидел Якова Афанасьевича, наблюдавшего за ним. Агроном сидел на краю телеги, которую за это время превратил в машину на мотоциклетных колесах, с высокими железными бортами, одновременно и похожую, и непохожую на тачанки варханов. Самое удивительное — у нее был двигатель! И топливный бак, и рулевая система, пусть и совсем примитивная, и принудительный стартер, или как называется эта штука, когда надо вращать пусковую рукоять, которую вставляешь куда-то на передке машины... Каким образом все это агроном ухитрился склепать, из каких запчастей — Кир понятия не имел. Обчистил, наверное, машинный двор родного Жакова, ведь у них там какой-то сельскохозяйственный кооператив был, что ли, а значит, и техника имелась. Тот еще Кулибин...

— Чего ты смотришь? — пробурчал Кир, отходя к колодцу, на краю которого стоял пакет сока. Он не любил, когда кто-то следил за тренировками, исключая, конечно, инструктора в спортзале. И уж тем более ничего приятного нет, когда видят, как ты во время стандартной серии движений спотыкаешься о поленья и хватаешься за ушибленную ступню.

В зарослях бурьяна звенели насекомые. Со стороны деревни иногда доносилось приглушенное тьяканье горбатых гиен.

— Ночью ты бредил, — сказал Яков Афанасьевич. — Вспоминал эту свою катану. Настойчиво так вспоминал. Она тебе, наверное, дорога?

Кирилл выпил сока, поставил пакет на край колодца.

— Ну, может, и дорога. Вообще-то она для меня скорее как символ.

— В смысле? — не понял Яков. — Символ чего?

— В общем... Как бы объяснить...

Он надолго замолчал. Не привык Кир изливать душу, рассказывать о себе, пусть даже на самую малость делиться собою с другим человеком. Зачем? Лучше быть одному, так спокойнее и безопаснее. Ни друзей, ни возлюбленных, есть только ты, одинокий, юркий и быстрый — и безгласная, огромная, лишенная собственной воли и устремлений СЕТЬ. Ты как небольшая хищная рыба в ее бурных водах, ты сам по себе и не зависишь от стаи.

— Короче говоря, я раньше совсем хилым был, — стал пояснять он. — Так сложилось. Все время за компом, или читал. Курил много. Когда кашлять каждое утро стал, пошел в спортзал. С катаной начал работать, ну и просто кунг-фу. Не боевым, а упражнениями всякими, гимнастикой. Не то чтобы накачался как-то особо или бойцом крутым заделался, но окреп. Хотя лень мне, и неинтересно все это. Вот за компом сидеть — это да. Информацию потреблять. Я — информационный наркоман, понимаешь? А физические упражнения — как-

то тупо. Мозг тренировать интереснее, чем мышцы. Но в то же время понятно ведь, что нельзя свое тело совсем запускать, от этого болячки всякие, ну и умрешь рано... И я, хотя и не хотелось, заставлял себя. А потом — полюбил катану. Гантели, эспандеры — это все еще долго для меня оставалось каким-то орудием пыток, а катана еще как понравилась! Стал удовольствие от этого получать. Ну и вот, теперь у меня такое внутреннее ощущение, что если я ее потеряю, оставлю где-то — все, быстро опять в дохляка превращусь. В развалину такую, хоть и молодую, с пузом висячим, с одышкой... Эх, курить бы еще бросить... не получается.

— Es ist die interessante Geschichte, — произнес Яков Афанасьевич.

Кирилл пошевелил губами. Это интересная... интересная Гишихт? «История», что ли? «Это интересная история», как-то так переводится. Откуда простой агроном немецкий знает? Хотя уже давно понятно стало, что Яков — не простой агроном.

— А я и не пытаюсь курить бросить, — добавил тот. — Всю жизнь курю, лет с пятнадцати.

Кирилл уже собрался спросить, чем Яков занимался раньше, до того, как осесть в Жакове, но тот, повернувшись, хлопнул по борту своей машины и спросил с воодушевлением:

— А как тебе моя автовозка?

— Что? — не понял Кир. Захватив сок, он подошел к Якову Афанасьевичу.

— Я ее так назвал! — объявил тот. — Люблю, понимаешь, придумывать названия всякие для своих изобретений. Главное достоинство: она и как телега пашет, и как авто. То есть можно в нее лошадь впрячь, а можно и двигатель врубить, а лошадь сзади привязать, чтобы тюхала следом. Думаю, тачанки варханов устроены по этому же принципу, понимаешь? Чтобы можно было и рогача запрячь — и, если топливо имеется, на движке катить. О чем это нам говорит?

Кирилл ответил, не задумываясь:

— О том, что варханы в дальние походы часто ездят. И в такие места попадают, где горючку не раздобыть.

— Ну да, ну правильно, — согласился Яков, любовно поглаживая борт автовозки. — Так что теперь у нас с тобой есть такое вот средство передвижения.

— Да, но куда двигаться-то? — спросил Кирилл. И добавил, заметив, как странно Яков Афанасьевич смотрит на него: — В чем дело?

— Пойдем в дом, — предложил тот. — Поговорить надо.

Когда Кирилл присел на койку и положил катану рядом, тявканье снаружи стало громче, и он привстал, решив, что гиены направляются к оврагу, но звуки вскоре стихли. Яков подтащил к столу табурет, поставил бутылку крыжовницы, открыл новый пакет сока, быстро нарезал колбасу. Кирилл уже заметил, что простые домашние заботы, которыми, как правило, больше заняты женщины, Якову Афанасьевичу приятны: он любил хлопотать по хозяйству, готовить и убирать не меньше, чем возиться со своей автовозкой.

Помимо сока и настойки, агроном достал пару бутылок пива из большой упаковки, которую добыл в деревенском магазине. Налил себе крыжовницы, подцепил вилкой ломтик селедки из пластиковой упаковки, взял стакан. Кирилл открыл пиво, они выпили. Агроном крякнул, явно с большим кайфом закусил селедочкой, съел еще кружок колбасы. Кир сделал бутерброд, откусывая от него и попивая пиво, откинулся на койке.

— Ночью ты бредил, — сказал Яков, снова наливая себе настойки. — Говорил про свою катану, еще вспоминал маму, а еще какого-то человека со странным именем, дай припомню...

— Артемий Лазаревич, — подсказал Кирилл.

— Да, его. И ты...

— Ладно, не темни. Что я там наговорил, что ты услышал?

Яков Афанасьевич, уже поднесший стакан к губам, не стал пить — поставил его, отодвинул от себя. Подавшись вперед, навалился на стол локтями и уставился Кириллу в глаза.

А тот заметил вдруг, что ружье покойного механика Глеба, которое Яков постоянно носил с собой, стоит рядом, прислоненное к столу. Так стоит, что схватить его собеседник сможет очень быстро. До сих пор повода не доверять агроному у Кира не было, они, можно сказать, даже подружились — настолько, насколько могли подружиться двое с такой разницей в возрасте, и в той мере, в какой Кирилл Мерсер вообще был способен на дружбу. Но вот сейчас ему почему-то захотелось взяться за катану. И даже достать ее из ножен. Хотя бы наполовину.

— Ты замешан в происходящем, — ровным голосом заговорил Яков, и глаза его при этом сделались какими-то колючими, так что стало неудобно. — Все это связано с экспериментом, лабораторией, с человеком по фамилии Буревой и лэптопом. Нет, я не утверждаю, что ты создал купол. Но ты знаешь что-то такое, чего не знают остальные. И я хочу, чтобы ты все выложил мне.

Кирилл молча дожевывал бутерброд. Допил пиво. Яков не сводил с него взгляда. Поставив бутылку на край стола, Кир откинулся к стене и начал рассказывать.

— ...Потом я сел в «копейку» и погнал назад в Москву, — заключил он. — До сих пор не пойму, виноват я в чем-то или нет. То есть по большому счету как бы и не виноват, не я ведь эти эксперименты затеял, не я установку в зале построил. Но из-за меня тогда все пошло наперекосяк. Может, они и так бы рано или поздно портал сгенерировали... А может, и нет. Может, не влезь я туда, не заметь меня Буревой — не было бы теперь никакого купола, и варханы бы по Москве не разъезжали. А может, все бы это и без моего участия случилось. Не знаю.

Он замолчал, полуприкрыв глаза, искоса наблюдая за Яковым. Выслушав рассказ, тот слегка расслабился. Снова взялся за стакан, но пить пока не стал.

— И что ты теперь, когда время прошло, думаешь обо всем этом? — спросил агроном.

Кир открыл вторую бутылку пива.

— Помнишь, еще в «хаммере» своем ты сказал, дескать, бывает, когда просто не знаешь, что думать? Ну вот, я не знаю, что обо всем это думать. Я и стараюсь не думать, хотя для меня это сложно, у меня постоянно в голове всякое крутится.... Но сейчас я просто вижу происходящее: вооруженные люди, облава, повозки эти с моторами, какие-то твари с горбами... вижу угрозу — и как-то на нее реагирую. Но оценить ситуацию не пытался пока, слишком она невероятная.

Яков предположил:

— Может, с тобой так потому, что ты в этом всем, как выяснилось, с самого начала варился. А я сейчас могу на твою историю со стороны взглянуть. И мне кажется... Ну... — Яков опустошил стакан, плеснул в него сока, выпил и заключил: — Мне все это кажется странным.

— Да ты что? — съязвил Кирилл. — Правда, что ли? Вот я думаю: купол, который молниями бьет, над городом, мужики в противогазах с электроружьями, тачанки эти с моторами... Как же это назвать? А ты мне глаза раскрыл, Афанасьевич, — это странно! Ну вот теперь и я знать буду, как это. Странно, да.

— Ладно-ладно, — кивнул Яков. — Я твой сарказм понимаю, но вот ты меня не совсем понял. Купол и прочее — это одно. Это фантастично, удивительно, но не странно. Мне твой рассказ странным показался, потому что... Ну, с чего Айзенбах тем экспериментом заинтересовался? Зачем так спешно тебя туда заслал?

— Ничего не спешно, — возразил Кирилл. — Мы месяца два к делу готовились.

— И все равно, ты ж, извини, мальчишка еще. А тут — такая серьезная операция! Да ее, по уму, с полгода планировали бы, разных людей задействовали... Вон, на проходной, по твоим словам, у тебя чуть не сорвалось тогда из-за случайности какой-то глупой. Нет, такое впечатление, что Артемий Лазаревич твой очень спешил почему-то. Да и вообще, не так что-то, неправильно все это. Вот еще: почему Буревой так сильно не хотел под Минобороны идти? Утверждение, будто его из проекта выкинут, — ерунда. Никто бы его не заменил, на нем ведь, судя по твоим словам, вся работа держалась. Нет, боялся он чего-то. Раскрытия

какой-то тайны, что ли? В общем, есть за всем этим загадка, я такие вещи за сто километров чую, наученный. Какая-то игра там велась, большая игра. И я вот что теперь думаю, Кир... как тебя по батюшке, кстати?

— Иванович.

— Я вот что думаю, Кир Иванович: надо нам твой лэптоп найти. Тот, с данными.

Кирилл Иванович кивнул — потому что и сам над этим думал.

— Надо, конечно, только лэптоп где-то в куче камней под домом, недалеко от Красной площади. Может, его вообще расплющило там... Или он в подъезде лежит. Или варханы забрали. Или сожгли. Или... да все что угодно могло произойти. И потом, Яков Афанасьевич, ты ведь там не был, не видел. Варханы на Красной площади базу стали разворачивать. А дом, где я вместе с балконом наверхнулся, прямо у нее под боком. Совсем рядом, впритык, можно сказать. Даже если лэптоп все еще где-то в том месте — как к нему подобраться?

Вместо ответа агроном в третий раз плеснул крыжовницы, выпил и закусил селедкой. По подсчетам Кира, он влил в себя уже за триста граммов, но пьяным не казался совсем — и это при том, что настойка была крепкой, а закусывал Яков не очень обильно.

Удовлетворенно отдуваясь, он достал сигарету из лежащей на столе пачки, закурил, придвинул поближе пепельницу. Кирилл тоже закурил. Бутылку пива он сжимал между коленей.

— И все равно — надо попытаться вернуть лэптоп, — сказал Яков.

— Даже несмотря на то, что он не работает?

— Точно мы этого не знаем.

Кирилл махнул рукой, и с сигареты на койку посыпался пепел.

— Да ничего же не работает! Я имею в виду, ничего из серьезной электроники.

— Есть военные ноутбуки, — возразил Яков. — Защищенные даже от ядерного взрыва.

— Правильно, то есть на случай обычного электромагнитного излучения. А тут, по моему, что-то еще. То есть и ЭМИ тоже — но и какие-то частицы. Известные науке.

— С чего ты взял?

— Не знаю, мне так кажется.

— То есть ты против поиска лэптопа?

— Этого я не говорил. — Кир бросил сигарету в бутылку с недопитым пивом, и внутри зашипело. — Я просто скептически настроен. Но попытаться его найти — надо, факт. Нужно вообще во всем разобраться. В овраге этом сидеть неуютно как-то, да и что тут вообще делать, дрова катаной рубить? И если из-под купола не выйти, значит, рванем обратно в город. Искать лэптоп, говоришь? Ладно, попробуем поискать. А может, сразу в лабораторию попытаться вернуться?

— Это следующий шаг, — кивнул Яков. — Но лаборатория аж в Подольске, туда далеко, Кремль гораздо ближе. Мы ведь не знаем, что там теперь, в городе. Вроде пожары стихают уже, дыма меньше стало, выстрелов почти не слышно... Что это значит?

Кир предположил:

— Варханов разбили? Ведь это столица, здесь столько полиции и военных! А может, наоборот...

— Значит, завтра все и узнаем, — Яков Афанасьевич хлопнул ладонями по столу и встал. — Ты видишь: военные снаружи не появляются, ни авиации, ни пехотинцев — никого. Стало быть, внутрь они не могут проникнуть, так же, как мы — наружу выйти. Значит, двинемся теперь в обратном направлении, к центру. А насчет того, как к месту, где ты лэптоп оставил, проникнуть... Этот вопрос я решу как-нибудь. Есть способы. Так что, Кир Иванович, сейчас соберем все, подготовимся, поспим немного — и выедем засветло.

* * *

Кирилла разбудил взгляд. Он был пристальный и злобный, и какой-то безумный, а еще кровожадный. Угрожающий. Страшный. Во сне Кира словно кипятком обдало, жар

прокатился по телу, он сел на жалобно скрипнувшей койке — и увидел два желтых светящихся глаза в углу у печки, на которой похрапывал Яков Афанасьевич.

Глаза смотрели не мигая. Затем из угла донеслось пронзительное громкое шипение. Кирилл пробрала дрожь, он взялся за катану, которую на ночь клал рядом, и медленно потянул из ножен. Желтые глаза качнулись вперед, будто их обладатель высунулся дальше из норы.

Что-то было не так. Глаза, этот обливающий жарким страхом взгляд, — в них была неестественная сила. Гипноз, телепатия? Кир словно очутился в глухом холодном подвале, в полном мраке, в котором к нему крадется кто-то большой и темный, он все ближе, он протягивает когтистую руку, вот-вот коснется лица...

Едва не вскрикнув, Кирилл вскочил, пытаясь сбросить чертово наваждение, выставил катану и кинулся, с грохотом перевернув стол, в ту сторону, где были глаза. Нагнулся, метя в них клинком. Вновь шипение, глаза мигнули — и пропали.

— Что такое?! Что случилось, Кирилл?!

Щелкнула зажигалка. Яков Афанасьевич, полностью одетый, сел с ружьем в руках. Зажег свечу в блюдце на краю печки. Тусклый свет озарил стоящего под стеной в одних штанах Кирилл с катаной.

— Чего ты вскочил?

— Яков... Ты говорил, когда я еще валялся, крысы из-под пола полезли?

Голос его слегка дрожал. Агроном прыгнул с печки и стал надевать туфли.

— Было дело. Ну так что?

— Какой-то гость к нам снизу пожаловал. Я проснулся... ну как от кошмара. А он на меня из угла этого глядит. Глаза желтые, светятся. Такие... страшные. — Кирилл говорил отрывисто, его все еще не отпустило, паника накатывала волнами, все более мелкими, слабыми.

— Может, привиделось? — спросил Яков неуверенно. — Приснилось?

— Да брось, мне никогда... Вот, слушай!

Он развернул катану клинком книзу, занес ее обеими руками, будто собирался вонзить в пол.

Яков снова схватился за ружье. Под полом шуршало — тихо, но явственно. Звук сместился к центру комнаты, смолк... и через несколько секунд возобновился уже возле печки, прямо под ногами агронома, который едва не подскочил.

— Не пойму, где это, — растерянно произнес он. — Ведь пол из глины — нет там подпола.

— Значит, ходы крысиные прорыты, — возразил Кир. — А здесь в стене дырка. Но только это не крыса была, точно говорю. Глаза слишком здоровые, да и что это за крыса с желтыми глазами?

Шум стих — кажется, подземный обитатель убрался куда-то за стену. Яков присел на лавку у печки, Кирилл вернулся на койку и стал одеваться.

— Если не крыса, так кто? — спросил агроном.

— Тварь вроде тех гиен. Которая вместе с варханами сюда... Это что такое?!

Снаружи испуганно заржала лошадь, на ночь привязанная в сарае.

— Оно Маруську может укусить! — Агроном бросился наружу с ружьем наперевес, крикнув напоследок: — Фонарик возьми, на столе лежит!

Старая гнедая кобыла Маруська вздрагивала, дергала головой и пятилась, натягивая привязанную к крюку веревку. Больше никого в сарае не было. Кирилл прошелся вдоль стены, направив вниз луч фонарика — и нашел в земле несколько дыр, причем парочка была довольно внушительных размеров, в такие и кошка пролезть сможет. Яков успокаивал Маруську, гладил ее, хлопал по холке, ласково что-то приговаривая. Кир кобылу несколько опасался, боясь, как бы она его не лягнула (он где-то прочитал, что удар копытом может сломать человеку бедро, и с тех пор сторонился лошадей), а Яков, наоборот, очень ее любил и всячески жалел.

— Точно говорю, желтоглазый этот и здесь побывал, — вынес свой вердикт Кирилл, возвращаясь к агроному. — И Маруську твою напугал, как меня перед тем.

Он замолчал, когда Яков поднял указательный палец. Прислушавшись, Кирилл поспешил из сарая, в то время как агроном стал отвязывать кобылу.

Снаружи раздавалось многоголосое тьяканье и завывание. Посреди двора Кир повернулся кругом и замер, уставившись в ту сторону, где за деревьями и зарослями бурьяна было Жаково. Там разгорался пожар, зарево становилось все сильнее. Тьяканье тоже доносилось оттуда. Оно усиливалось.

— Что там? — спросил Яков, выходя. — Горит!

— Да, деревня твоя. И, по-моему, я шум моторов слышу. А гиены сюда бегут.

— Быстрее, тащи вещи наружу! Да не стой ты!

Кир бросился в дом. Еще с вечера, решив, что выедут до рассвета, они запаковали все, что хотели взять с собой; свертки и пакеты аккуратный Яков Афанасьевич сложил на лавке под стеной. Кирилл надел куртку, нацепил рюкзак, но катану в него совать не стал — повесил ножны на ремень слева. Проверив, цел ли «Король Джунглей» в кармане куртки, схватил с лавки сразу три пакета и побежал обратно во двор. Там Яков запрягал тревожно ржущую Маруську. Гиены тьякали совсем близко. Кир бросил пакеты на задок машины, кинулся обратно, схватил два свертка побольше...

— Сюда! — завопил Яков. — Они уже здесь!

Двор был озарен багровым светом, тьяканье оглушало. Кир добежал до автовозки, перебросил свертки через борт. Яков, выпрямившийся на передке, прокричал:

— Кир, залезай! Ну!

Глухо затопали копыта по земле, автовозка поехала. В борту слева агроном сделал дверцу на петлях, с засовом изнутри — Кир нырнул в нее, перевернулся на дне повозки, захлопнув дверцу, сдвинул засов и выглянул.

— Держи! — сжимая вожжи одной рукой, Яков сунул ему оружие, и Кирилл машинально схватил его, хотя стрелять толком не умел.

Маруська вломила в заросли рядом с сараем, пробила кусты и влетела в овраг. Автовозка закачалась, затрещали ветки.

— Но-о-о!!!

Они взлетели по другому склону, едва не зацепив колесом дощатый крест на могиле бабки Пани. Позади в овраге начали появляться гиены. Крупная пятнистая тварь прыгнула на телегу, и Кирилл, выставив длинный ствол над бортиком, пальнул ей в морду.

Он попал, хотя действовал совсем неловко. Отдача вбила приклад прямо ему в лицо, и боль прострелила челюсть. Закричав, Кир выпустил ружье, опрокинулся на спину, вернее, на рюкзак, который не успел снять.

Гиену отбросило. Дико ржущая кобыла выволокла автовозку из оврага и понеслась прямо на ржавый трактор. В последний момент Яков сумел, сильно натянув вожжи, повернуть ее — они покатились вдоль поля. Кирилл сел, держась за нос, из которого текла кровь. Оскалившись, осторожно потрогал зубы — они тоже были в крови.

Яков крикнул:

— Они за нами! Где ружье? Зарядить надо!

— Упустил я ружье! — выкрикнул в ответ Кир, сморщился от боли в челюсти и добавил уже тише: — Выпало.

Спутник дернул повод, снова закричал на Маруську, которая и так уже бежала на пределе своих куцых возможностей. Вытерев кровь рукавом куртки, Кирилл привстал. Гиены нагоняли — стая двигалась клином, впереди бежала кривоногая тварь со сморщенным горбом, похожим на сложившийся стопкой мешок. Некстати пришла мысль: для чего тварям горбы, как у верблюдов? Значит, они из какого-то засушливого места?

Он лихорадочно огляделся. Что делать? Автовозка невысокая, они начнут прыгать через борта...

— Кирилл, догоняют же! — крикнул Яков, не оглядываясь. — Сделай что-нибудь! Я

быстрее не могу!

Встав на колени, Кир отцепил ножны от ремня. Вытащил катану, бросил на дно. Достал из куртки нож и полоснул по одному свертку. Поднял голову — кривоногая гиена была прямо за автовозкой, вот-вот прыгнет. Оторвав от свертка кусок ткани, Кир стал наматывать ее на конец ножен.

— Где настойка?! — крикнул он.

— Что?

— Настойка! Хоть одна бутылка есть? Быстрее соображай!

— Нет, они все в сумке, которую ты не...

— А что есть? Горючее?

— У левого борта ящик, там глян!

В этот момент кривоногая гиена прыгнула. Сделала она это слишком рано и упала на телегу сзади — голова внутри, зад снаружи. Тварь заскребла когтями по металлу и свалилась обратно.

Кир рванул крышку ящика. Внутри были два отделения, в одном лежали инструменты, а во втором, обитом войлоком, несколько больших бутылей, замотанных в тряпки. Он схватил одну, зубами сорвал пробку и плеснул солярку на ножны. Гиена, после неудачного прыжка слегка отставшая, снова начала догонять, быстро опередив товарок. Кир захлопал ладонями по карманам, крикнул: «Зажигалку дай!» — но тут нащупал в кармашке на рукаве свою собственную, бензиновую «зиппо», сунул внутрь пальцы и выудил ее. Щелкнув, поднес к обмотанному тканью концу ножен. Вспыхнуло темно-красное пламя.

Гиена прыгнула во второй раз — теперь она была ближе и легко перемахнула через борт. С разворота Кир саданул ей по башке факелом, тот полыхнул ярче, загудел на ветру. Визг, фыркание, тьяканье... Зверюга покатила по земле, сбивая с ног других тварей.

— Что у тебя?! — крикнул Яков, оглядываясь. В отблесках далекого пожара было видно, что впереди начинается условно-асфальтовая дорога.

— Нормально! — прокричал Кир, взбудораженный и опьяненный скоростью, пляшущими в небе звездами, холодным ветром, гудящим пламенем, искрами, тьяканьем гиен, всей этой ночной погоней. — Гони!

Он перехватил факел левой рукой, правой поднял катану и встал на коленях у бортика, лицом к гиенам, готовый встретить ударом любую, которая прыгнет на повозку.

ГЛАВА 13

— Тихо, тихо! Я вроде слышу... В подвале кто-то есть.

В темноте чиркнула спичка, огонек ее озарил сидящего с поджатыми ногами Хорька.

— Да потуши ты, Сурок, что ты их жжешь всю дорогу? У нас же фонарик.

— Дурак! Фонарик экономить надо!

— Спички тоже!

Багрянец приник ухом к задней стенке холодильной установки.

— Ничего ты так не услышишь, — подал голос Игорь, лежащий на одеяле в углу, и включил фонарик.

— Да говорю тебе — что-то там стучало.

— Мерещится.

— А может, и мерещится, — согласился покладистый Багрянец. — Сидишь в этой темноте — всякое приключиться может. Хотя тогда ведь точно грохнуло над нами, затряслось все, я аж подскочил спросонья. И после этого еще стучало, падало там что-то... пожар, что ли?

— При пожаре в вентиляцию дым бы пошел, и мы бы задохнулись.

— Так дым и был, ты что, не помнишь? Гарью потянуло... Не очень сильно, правда, при пожаре не так было бы. Ну, короче, выходить пора. Вон у нас скоро бутылки закончатся. Куда тогда по нужде ходить? И потом, мне сильно хочется еще...

— И мне! — вставил Хорек.

Сотник молчал.

— Нет, ну правда, капитан, ну сколько тут сидеть можно? — напирал Багрянец. — Ты ж сам понимаешь: ну, доели мы почти это печенье, воду вон через пару часов допьем, потом бутылки все наполним, — а потом что? Все равно ж вылезать. Ты рассуди: если серые в клубе твоём надолго обосновались, значит, они здесь и будут, хоть когда мы ни выйди — через день или через три. А если они так просто свернули, местность разведать, так уехали уже по-любому. Давай, поднимаемся, сил нет здесь торчать уже, я от скуки извелся весь.

— Ты спал почти все время, а не изводился, — возразил Игорь, вставая и перекидывая через голову ремень автомата. — Храпел на весь подвал, Хорек вон даже кедом в тебя кидал.

— Это я от темноты, — ухмыльнулся Павел. — Темнота на меня, понимаешь, так действует... как на канарейку все равно, когда клетку накрыли. Раз — и заснул.

— Счастливая натура, боксер. Ладно, сидеть здесь дальше действительно нет смысла. Будем выходить.

Хорек вскочил, Багрянец с готовностью повернулся, и Сотник продолжал:

— Теперь слушайте, что говорю. Павел, автомат в руки бери.

Багрянец передвинул АК со спины на грудь.

— Проверь магазин, заряжен ли.

— Ну ты обижаешь, капитан!

— Проверь, говорю. Тебе воевать много приходилось? В боевых действиях участвовал?

— Да какие там боевые действия. Я все больше в этих... в боксерских действиях участвовал. Хотя мужика того завалил, когда ты в ресторане был, а? Очень боевое действие! И раньше, на свалке... Ёксель, да я опытный уже, оказывается, хлопец.

— Короче, слушай что я говорю. Проверил магазин? Теперь встань на одно колено вот здесь под стеной, целься в холодильник. Хорек, доставай свой пистолет.

— У меня... — начал мальчишка.

Сотник перебил:

— Знаю я, что у тебя. Ты его ночью опять взял и ремешком под штаниной пристегнул, дырку в ремне ножом ковырял, вроде я не заметил. Ладно уже, если ты от него отлипнуть не можешь, пока что держи у себя. По крайней мере, дай мне его проверить.

Игорь присел на корточки, протягивая руку. Хорек громко засопел и стянул штаны до колен. К правому бедру ремешком был прижат ПМ.

— Нога немеет? — спросил Сотник, пока мальчик расстегивал его. — Ты ж вены себе, наверное, все пережал.

Взяв «Макаров», Игорь выщелкнул магазин, передернул затвор и сделал контрольный спуск. Кладнул ударник. Мальчишка облегченно вздохнул, получив пистолет обратно — опасался, наверное, что капитан оружие не вернет.

— Знаешь, как держать правильно?

— Да знаю я, знаю, я же уже одного серого убил! — возмутился Хорек.

— Тише, в подвале услышать могут, если там кто-то есть. И через вентиляцию звук идет. Так... теперь вон в том углу присядь, тоже целься. Нет, вон там, говорю, если здесь будешь, я тебе линию огня перекрою. Все приготовились?

— Готов, — откликнулся Багрянец.

— И я!

— Если там какое-то движение, силуэты — сразу стреляйте, без раздумий. Потом выскакиваем и наверх прорываемся. Все, открываю...

Игорь достал «грач» из кобуры, фонарик положил на пол прямо под стенкой холодильника, чтобы луч уперся в нее, отошел вбок. Теперь, когда откроется проем, луч фонаря ударит в глаза тем, кто там может стоять, а они трое останутся в полутьме и смогут открыть огонь первыми. Поправив автомат на боку, он поднял «грач» перед собой и сдвинул кривой рычаг запорного механизма. Упершись в холодную металлическую стенку плечом, оглянулся. Хорек и Багрянец застыли, подняв оружие.

— Ну, давай устроим им ёксель всем, капитан! — напутствовал его боксер, и Сотник поднажал.

В подвале никого не было.

— Фухх! — Багрянец вытер лоб рукавом. — А столько готовились...

— За мной пока держитесь.

Взяв фонарик, Игорь стал подниматься по лестнице, за ним шел Павел, потом Хорек.

— Дай я вперед, — засопел мальчишка, пытаясь протиснуться мимо курсанта. — Багровый, вперед меня пусти!

— Сзади держись, Сурок, — Багрянец, выставив локоть, преградил ему путь.

— Сам ты сзади!

— Заткнулись оба! — приказал Игорь, и они смолкли.

Он уперся в люк теменем и очень-очень медленно, осторожно, чтобы не скрипнули петли, приподнял, сунув в щель пистолет.

И увидел кожаные сапоги с тупыми, будто срезанными, носками прямо перед собой. Сантиметрах так в десяти, не больше. Чужак стоял к люку боком, Игорь скосил глаза влево, вправо... Стена кухни, с другой стороны — груда битой посуды на полу. Он снова уставился вперед. Сапоги отличались от тех, что были на других чужаках, которых Игорю довелось рассмотреть. Во-первых, светлее, во-вторых, казались менее грубыми, кожа вроде помягче, в-третьих, поверху голенищ — меховые отвороты. И не жарко мужику в такой обуви летом?

— Капитан, — прошептали сзади, и сразу заткнулись, потому что до всех, находящихся на лестнице, донесся голос, произносящий чужие слова, — это чужак пробормотал что-то таким тоном, будто разговаривал сам с собой.

А ведь на кухне как-то слишком уж светло. Сейчас одиннадцать утра, электричества нет, окна здесь не такие большие, как в зале... собственно, окно только одно, и пусть даже его прикрывает занавеска — все равно света слишком много. Позади серого обломки, на полу пыль и мелкое крошево, наискось торчит почерневшая балка...

Короче говоря, они взорвали ресторан.

Чужак пошел прочь, сапоги пропали из виду. Опять появились в поле зрения — уже дальше, под стеной. Сотник был уверен, что если попытается опустить крышку, та непременно стукнет, и тогда его заметят. Вернее, услышат, но после все равно заметят, потому что спрятаться в тайнике, задвинув на место холодильную установку, они не успеют, а если и успеют, то серые будут знать, что в подвале есть скрытое помещение, и вскоре отыщут вход в него.

Меховые сапоги вновь стали перемещаться, Игорь повел за ними пистолетом. И замер, когда они обратились носками к люку. Позади было тихо, спутники, оценив серьезность ситуации, не шевелились и не издавали ни звука.

Чужак зашагал к люку.

Игорь не двигался, темя упиралось в крышку, ее край был приподнят над полом на несколько сантиметров.

Сапоги остановились прямо перед ним, тупые носки почти касались его лба.

Над ухом раздалось сопение. Скосив глаза, на самом краю поля зрения Игорь увидел короткий ствол ПМ.

Продолжая одной рукой держать «грач», Сотник отвел другую назад, локтем уперся в лоб Хорька и отпихнул его, но не сильно, чтобы тот не покатился по лестнице.

«Макаров» исчез из виду.

Один сапог качнулся вперед, стоптанный каблук, затем середина подошвы, потом носок оторвались от пола... и носок ткнулся в край крышки.

Сапоги исчезли из виду, когда споткнувшийся чужак едва не упал и, чтобы удержать равновесие, поспешно перешагнул через люк. Стук каблуков раздался сзади, донеслось восклицание. Игорь, уже понимая, что сейчас произойдет, начал поворачиваться, сидя на корточках на четвертой сверху ступеньке, стараясь, чтобы голова оставалась точно на том же уровне — чтобы крышка не качнулась и серый не понял: ее кто-то поддерживает снизу.

Сейчас-то он мог решить, будто она просто во что-то уперлась...

Он успел повернуться градусов на шестьдесят, когда крышка рванулась кверху.

Стало светлее. Игорь увидел Багрянца и Хорька, как-то ухитрившихся занять одну ступеньку немного ниже той, на которой скорчился он.

А еще увидел разодетого в темно-серые и черные меха чужака, который, наклонившись, откинул крышку люка.

Игорь распрямился с громким выдохом, вскинув руку с пистолетом. Ствол «грача» впечатался прямо в приоткрытый рот. Второй рукой Игорь схватил чужака за горло, выпрыгнув из подвала, опрокинул на спину и сам упал сверху.

Сзади громко засопел Хорек, завозился грузный, неповоротливый Багрянец. Прямо перед лицом Сотника оказалась круглощекая морда. Чужак попытался ударить, но Сотник успел первым. Уселся на противнике верхом. Взметнулась рука, сжимающая что-то длинное и темное — оно врезалось Игорю в висок. Из глаз полетели искры, он выпустил пистолет, заваливаясь набок. Чужак почти скинул его с себя, но тут рядом возник Багрянец. Огромный волосатый кулак его врезался в мясистый подбородок, и серый снова спикировал на спину. Зрачки закатились, в щелках глаз остались лишь матово-белые, будто вырезанные из слоновой кости белки.

— Вяжи его, — хрипло прошептал Игорь, приподнимаясь. — Кляп в рот засунь, найди тряпку какую-то. Я осмотрюсь, рядом другие могут быть.

Он слез с чужака, подобрав отлетевший к куче битой посуды «грач», на коленях развернулся к окну, прицелился в него.

— Щас! — возбужденно зашептал Багрянец сзади. — Полотенцем пасть ёкселю этому заткну!

У здания исчезла фасадная стена и треть крыши. Кирпичная кладка по краям пролома почернела, по обоям внутри тянулись темные полосы. Части потолка и крыши проломили мебель, участок боковой стены тоже обвалился — теперь из кухни был виден ресторанный зал. Куски перекрытия расколошматили стойку, стулья, столы — лишь один, чудом уцелевший, стоял посреди обломков. Скрепленные арматурой осколки бетона гирляндами свешивались сверху, в проломы на месте окон задувал ветерок.

Сзади возились, пыхтели и шепотом ругались. Игорь на коленях обошел остатки кухонного стола, целясь в оконный проем. Тот находился в обращенной к стрельбищу торцевой стене, пострадавшей меньше прочих. Занавеска была сдвинута. Подобравшись вплотную, он увидел трех чужаков, идущих прочь от здания. Все трое были в широченных, волнами спадающих на сапоги шароварах, на двоих — куртки, а на третьем рубаха с коротким рукавом и кожаная жилетка. В мускулистых смуглых руках он держал нагайку и оружие, отдаленно смахивающее на автомат, с торчащим вбок длинным кривым рычагом. Волосы с металлическим блеском были иссиня-черными, на затылке выбрит горизонтальный овал, внутри которого оставлен кружок растительности.

Черноволосый оглянулся — и Сотник понял, что это женщина! Плоскогрудая и с широкими плечами, но все-таки женщина, ошибки быть не могло. Она скользнула взглядом по зданию, мгновение казалось — сейчас заметит человека в окне, но нет, не заметила. Игорь не шевелился, целясь в нее из «грача». До троицы недалеко, и если эта амазонка все же его увидит, надо стрелять ей в голову, потому что, кто знает, может, жилетка на ней из броневой кожи и пулю «грача» задержит. А после валить ее спутников. С такого расстояния он, пожалуй, сможет быстро нанести три точных прицельных выстрела, ну а после...

А что после?

Отсюда Игорь не видел больше ни одного чужака, хотя это вовсе не значило, что их в округе нет. Скорее всего-таки есть. Они услышат выстрелы и прибегут, причем неизвестно, с какой стороны появятся.

Сзади раздался возбужденный шепот. Амазонка приостановилась, но тут рыжеватый веснушчатый мужчина слева что-то сказал ей — Игорь, конечно, ничего не понял, но тон чужака показался ему слегка игривым.

Амазонка развернулась и наподдала ему кулаком в живот. У рыжего подкосились ноги, он повалился на колени. Идущий с другой стороны рассмеялся, и женщина сделала в его направлении резкий жест — растопырив указательный и средний палец, ткнула ими, будто хотела выбить глаза. Он отскочил, а она зашагала дальше, в сторону мотеля. Рыжий встал, держась за живот, и мужчины пошли за воительницей.

Когда они исчезли из виду, Игорь поспешил назад. Багрянец оттаскивал Хорьку от чужака, связанного грязными полотенцами. Мальчишка отбивался, все норовил куснуть Павла за руку, и одновременно — пнуть лежащего навзничь пленника по ребрам.

— Он его допросить хотел, — доложил Багрянец, когда Сотник оказался возле них. — Допрос третьей степени, с применением пыток. Чтобы, значит, узнать, где батя. Сурок, увань уже наконец, достал!

— Хорек, отставить! — шепотом приказал Игорь.

— Да отпусти ты! — зашипел мальчишка. — Я этого не убью, я только...

— Ты его больше не тронешь, — перебил Игорь. Он и сам испытывал большое желание сделать со связанным что-нибудь очень жестокое, потому что лицо Тони то и дело возникало перед глазами... Но позже, сейчас не время.

— Я только узнаю..

— Не дури, Сурок, — перебил Павел. — Этих серых тысячи уже, ты ж видел, как они из воронок лезли, вроде тараканы из щели. Откуда он про твоего батю может знать?

— Может! Ты не командир, заткнись! Надо допросить...

— Да тихо ты! — Игорь зажал Хорьку рот. — Серые рядом. А этого мы допросим позже. Надо же еще как-то его понять... Это я тебе как командир говорю: допросим позже, сейчас пленного не трогать. Приказ ясен?

Хорек кивнул, потом отстранился и прошептал:

— Слушаюсь! А где серые?

— Павел, спиной кверху его, — приказал Игорь. — Хорек, принеси снизу ремни, в тайнике несколько валялось. Но по лестнице не топочи.

Хорек нырнул в люк, а Багрянец перевернул начавшего приходить в себя пленного на живот. Кровь из разбитого носа потекла по полу.

— Глянь, капитан, а ведь блондин, — заметил курсант. — Нет, ты видишь?

Игорь стащил с пленника меховую куртку. У того были светло-желтые волосы и крупные черты лица. Толстощекий, с мясистым подбородком и большим носом, он совсем не походил на серых из патруля.

Чужак заворочался, замычал сквозь стягивающее рот полотенце, и Багрянец пятерней вдавил его лицо в пол.

— Чем он меня ударил, кстати? — Сотник поискал взглядом и увидел откатившуюся в сторону трубку из темно-красного дерева. Поднял. На одном ее конце была грубо выплавленная из серебра пирамида с глазом в центре, несимметричная, с потеками металла. Вдоль трубки шла щель, откуда торчал витой шнурок. Это футляр, понял Игорь. Футляр, а внутри...

Он потянул — наружу с мягким шелестом поползла широкая полоса хорошо выскобленной кожи. На ней были письмена, похожие на древнеегипетские значки. Какие-то фигурки, кружочки с лучиками, полумесяцы, волны, всякие животные, рыбы, деревья и домики. А еще закорючки и непонятные значки.

Текст черный, но в начале каждого абзаца жирными красными линиями, будто кровью, выведена пирамида с глазом, у которого вместо зрачка спираль. Игорь пригляделся: глаз был заключен внутри змея. Изогнувшись овалом, тот кусал себя за хвост.

Он разматал кожу примерно на метр. Тянуть приходилось с усилием — в футляре была пружинка или что-то в этом роде. Иероглифы шли большими блоками, между ними рисунки. Стрелочки, непонятные значки... похоже на электрические схемы. Выглядели они совсем иначе, чем текст, накаляканный довольно неаккуратно, с помарками. Казалось, схемы эти на кожу откуда-то скопировали, тщательно перенесли каждый элемент, вычерчивая прямые

линии под линейку, а кривые — под лекала.

— Ты глянь, глянь, — Багрянец, не убирая руки с затылка блондина, ткнул пальцем в верхнюю схему. Сбоку от нее был нарисован лежащий человек, а от схемы шли три линии, которые на концах резко изгибались, вонзаясь ему в голову. Игорь, положив кожу на пол, склонился над ней. У человека на рисунке не было ни глаз, ни носа, зато был нарисован мозг — облачко извилистых линий.

Все три крючка заканчивались внутри мозга, в разных его частях. Рядом с каждым виднелись закорючки иероглифов.

— От гады! — с чувством произнес Багрянец и врезал чужаку кулаком между лопаток. — Ты гляди, что эти паскудники с людьми творят!

— А что они с людьми творят?

— Да ты не видишь? Ритуалы какие-то ёксельные, эти... Жертвоприношения! И еще хвастаются, рисуют себе на память. А что еще оно, по-твоему, такое?

— Не знаю, — покачал головой Игорь, вытаскивая кожу дальше из футляра. — Но что-то неприятное.

— Неприятное! Скажешь, тоже! У-у, морда чухонская... — Багрянец вновь занес руку для удара, но Сотник перехватил ее.

— Отставить бить «языка».

— Есть отставить бить «языка»! А заметил, капитан, везде у них глаз? Они на свои порталы, или как ты их там назвал, молятся, вот ей-богу! Только у этого еще в пирамиде глаз, как на долларе. И змеюка вон какой-то.

Над схемой и лежащим человеком был еще один рисунок — нечто вроде треноги с кубиком на верхнем конце. От кубика расходились волнистые линии, словно лучи. Сбоку от треноги стояли крошечные человечки, а выше был следующий рисунок: шатер, сверху торчит подобие антенны, два длинных уса, между ними — зигзаг молнии.

Из люка показался Хорек с ремнями в руках, и Сотник смотал кожу обратно в футляр. Пленник попытался вырваться, когда он стаскивал с него неумело завязанные полотенца и стягивал конечности ремнями, но Багрянец быстро подавил сопротивление, пару раз стукнув чужака пудовым кулачищем. В рот тому засунули скомканную тряпку, стянули полотенцем. Хорек раздобыл где-то моток проволоки, которую Игорь намотал поверх ремней, чтобы блондин уж точно не мог вырваться. Футляр с кожей он отдал Павлу, приказав спрятать получше и ни в коем случае не потерять.

— Боксер, вниз его тащим. Бросаем в подвале, люк прикрываем, сверху кладем всякий мусор.

— Зачем мусор? — спросил Багрянец, вместе с Игорем волоча серого по лестнице. Голова того стукалась о каждую ступеньку, но на это никто не обращал внимания.

— Затем, что мы на разведку пойдем, вернее — поползем, и если кто-то в это время на кухню заглянет, может вниз сунуться. Нам еще повезло, что тяжелые обломки после взрыва на люк не упали...

Когда они вернулись, Хорек пригнулся возле окна с «макаровым» в руках.

— Вот там и стой, — шепотом приказал ему Сотник. — Сторожи с той стороны, понял? Мальчик кивнул с серьезным видом и одними губами почти неслышно ответил:

— Слушаюсь!

— Боксер, во весь рост лучше не выпрямляться. Тем более — тебе.

— Ну, ты тоже не маленький, капитан.

— В общем, на карачках наружу через дверь, дальше я по коридору влево, ты — вправо, к залу. Ты смотришь, что со стороны мотеля, я — со стороны полигона.

Спустя несколько минут они вернулись и сели возле люка, на который положили пару кусков бетона и обломок столешницы. Хорек подошел к ним, пригибаясь, чтобы его не было видно в проломы, пристроился рядом.

— На полигоне тихо, — сказал Игорь, — хотя стенки они все обвалили. В башне наблюдения пост, трое. Кажется, с пулеметом или с каким-то таким большим оружием. А у

вас что?

— Я никого не видел, — сказал Хорек.

Багрянец ответил:

— А я видел. Кучу народу видел. Лагерь они там развернули, вокруг мотеля, а на крыше часовой. И грузовик наш стоит прямо у них в лагере, то есть на стоянке. Там кузов дощатый, щелей куча — так вроде стволы из тайника, которые мы наверху бросили, в кузове лежат. Ты прикинь, капитан, прямо возле нас — лагерь серых! Как мы теперь отсюда выберемся?

ГЛАВА 14

Постукивая «Королем Джунглей» по ладони, Кир выглянул из-за разгромленного уличного киоска на краю Савёловской площади и спросил:

— А что не так?

За спиной его был рюкзак, который он во время остановок не рисковал держать в автовозке, на боку висела катана. Яков Афанасьевич, вооруженный тесаком для рубки мяса, через пробитую стенку киоска забрался внутрь и разглядывал здание вокзала сквозь забранное решеткой окошко. На носу его поблескивали золотом маленькие круглые очки.

— Кир Иванович, да все же не так, — сказал он. — Вернее, очень многое.

Автовозка стояла в подворотне жилого дома, под которым приткнулся киоск, Маруся была привязана к ней сзади — последние несколько кварталов они ехали на движке.

— Ты сам разве не видишь ничего странного? Не фантастичного — странного?

Кир огляделся. Площадь пустовала, ветерок нес по асфальту мусор из перевернутых урн. Ясное, тихое утро, в такое приятно выйти на балкон своей квартиры босиком, в одних трусах, потянуться и сладко зевнуть, постоять, ощущая подошвами прохладный бетон, пошевелить пальцами ног, подышать полной грудью, окинуть благосклонным взглядом городской пейзаж — золотисто-желтый, пятнистый, озаренный солнцем и накрытый косыми тенями домов, да и уйти на кухню готовить кофе.

— Вижу странное, — сказал Кирилл. — Людей очень мало вокруг. То есть сейчас вообще никого.

— Правильно. А в Москве миллионы живут. Миллионы!

— До того как купол появился, жара стояла, очень много народу за город уехало.

— И все равно — оставшимся бы только на улицу всем выйти, они бы этих варханов затоптали. Но, допустим, испугалось большинство, затаилось по квартирам. Хотя сейчас уже из-за страха неизвестности, желания понять, что происходит, они на улицы вышли бы. Но ты же видишь: никого.

— В домах, по-моему, много людей прячется, — Кирилл кивнул на четырнадцатэтажку возле киоска. Большинство окон на нижних этажах были разбиты, на стене следы пуль, под ней на асфальте осколки бетона, расколота плитка и мелкая серая труха.

— Хотя дело даже не в гражданских, — продолжал Яков, не слушая его. — Не совсем в них, вернее. Мы в столице. Знаешь, сколько здесь военных, причем разного рода и назначения? Части и штабы, вот хотя бы на Матросской тишине, где тюрьма, казармы отдельного разведполка ВДВ есть, там же еще связистов полно и прочих сухопутчиков. А милиции — тьфу! — полиции в Москве сколько? Вэвэшники, плюс обычная полиция, плюс ОМОН, АЛЬФА, ВЫМПЕЛ, «гэбисты», ГРУ... Президентский полк, в конце концов! Куда он подевался, когда варханы твои из катапульты по Стене стреляли, будто в Средневековье?

— В Средневековье катапульт с моторами не было, — возразил Кирилл. — И потом, я позже вот что подумал: внутри Кремля тоже, наверное, портал открылся. А может, и не один, поэтому они там сопротивление толком оказать не смогли.

— Да это ладно, ты посчитай еще училища, академию ФСБ — везде есть оружие, автоматы, пистолеты, гранатометы, техника! А область?! Одна дивизия «Дзержинского» чего

стоит. Или вот в Ясенева целый комплекс СВР, база охрененная, как Пентагон...

— Так вот мы канонаду и слышали, — возразил Кирилл. — Долго ведь грохотало, и пожары были. Если варханы все это время из порталов своих прибывали, то их уже под куполом до фига. И сейчас еще — гарь чуешь? И вообще, что это за СВР? Так электронные базы данных по идентификации называют.

— Служба внешней разведки, — пояснил Яков Афанасьевич уже спокойнее. — Да в одном этом вокзале, думаю, немало линейной полиции и транспортной охраны сидело. А теперь не видно никого.

Кирилл залез в киоск, сел на продавленный стул у стены и пригляделись к зданию с распахнутыми дверями. С виду оно казалось неповрежденным, хотя окна по большей части выбиты. Под вокзалом стояли машины, большинство обгорели.

— Уже не дымится даже, — заметил он, — давно их спалили. Может, варханы ту технику жгут, которая под куполом не работает?

Яков продолжал гнуть свое:

— Армия и полиция сразу должны были за дело взяться. У них там порядок есть, четкие инструкции, связь полевая.

— И что они конкретно сделали бы?

— Заняли бы оборону. Уточнили ситуацию, начали действовать. То есть давить варханов. В одном ОМОНе московском сколько людей? И полно оружия: гранатометы, пулеметы... Они первыми должны среагировать на вторжение. Что им эти автопоезда с броневидами смешными? Дробовики какие-то... Да варханское оружие против нашего — тьфу, курам на смех, ты пойми! Даже электроружья, если рассудить, чепуха какая-то.

Кир скептически фыркнул и нагнулся, увидев под стеной киоска железный ящик, не замеченный мародерами.

— Ты не преувеличивай, — парировал он. — Военные действовать-то начнут, но — хаотично, панически, ни черта не понимая, не имея приказов от начальства. В такой-то ситуации, когда купол этот над головой и электроника повыврубалась, а из каких-то зеленых воронок по всему городу странные чуваки лезут?... Да половина, если не больше, тех же полицейских просто домой разбежится, семьи спасать и самим спастись. А ты мне про порядок и четкие инструкции. Ну какие еще инструкции... «Если над вами возник зеленый купол, который бьется молниями, лечь и ползти к ближайшему кладбищу, захватив лопату»?

Яков, качая головой, повернулся к нему.

— Ты, Кирилл, прости, пожалуйста, какой-то хиппи волосатый. Полагаешь, если сам разболтанный, так и все такие же? Не понимаешь, что есть люди с дисциплиной, ответственностью за других, с моралью, в конце концов. Не одни трусы и паникеры.

Кирилл на «хиппи» не обиделся, его вообще трудно было оскорбить — не очень-то он прислушивался к чужому мнению о себе.

— Ясно, что не одни, — согласился он. — Но их хватает. Нет, постреляли, конечно, какое-то сопротивление оказали, но в целом, если варханы такое уже проделывали, а мне именно так кажется, если у них все схвачено, обкатано, а для наших это впервые, если такое вот невероятное в городе происходит, то сопротивление захлебнется... Уже захлебнулось.

— Вероятное — невероятное... Если обнаружился противник, захватчик, то военные его уничтожать будут, а не раздумывать о невероятном. У среднестатистического солдата, Кир, равно как и сержанта, майора или капитана, с воображением не очень. Поэтому реакция не такая, как вот у тебя, да и у меня тоже. Они про «странное» и «фантастичное» особо размышлять не будут.

— Ну короче — вот! — устав от спора, Кирилл махнул рукой вокруг. — Я вижу то, что вижу. Ты, может, что-то другое видишь? Нет? Ну так и хватит болтать.

Он раскрыл железный ящик.

— О, инструменты. Нужны нам инструменты, Афанасьевич?

— Nique ta mere! — выпалил Яков. Смысл был непонятен, но он явно ругался.

— Что? — спросил Кир.

— Мать вашу, вот что! Это на французском... не обращай внимания, из меня иногда само выскакивает. Что ты там говорил — инструменты? Где?

Он оглянулся, и Кир ногой подпихнул к нему ящик, где лежали плоскогубцы, набор отверток, ключи и прочее в том же духе.

— Отнеси, наверное, в повозку, сейчас таким лучше не разбрасываться. Прав ты, я действительно болтаю много — просто потому, что растерян. Пойду разведу обстановку.

Кир встал со стула, поднял ящик.

— Какую еще обстановку?

— Вокзальную. И в подземном переходе вон, где метро. Хотя там, наверное, тоже закрыто. В общем, я туда и обратно. Ты ящик положи, только тихо, не звякая, и Маруське корму задай. Видишь, она мордой в борт тычется. И назад, чтобы видеть, когда я знак дам. Давай, Кир Иванович, время дорого, нам дальше надо, уже недалеко осталось.

Яков через пролом вылез из киоска и быстро пошел в сторону подземного перехода, откуда можно было попасть на станцию метро «Савёловская». Рано утром по дороге они миновали «Тимирязевскую» с «Дмитровской», и входы были перекрыты тяжелыми герметизаторами. Яков объяснил, что большинство станций метро при необходимости превращаются в бомбоубежища, и там, внизу, возможно, сидит сейчас куча народу. Или, наоборот, мало совсем — попробуй разберись, если снаружи к ним не достучаться.

Выбравшись из киоска, Кир подошел к автовозке. Маруська переступала с ноги на ногу и вообще проявляла беспокойство. Поставив ящик, он достал холщовый мешочек, раскрыл — внутри гайки с винтами. Вытащил все винты, побросал на дно ящика, нашел еще три большие гайки, сунул их в карман, а мешочек завязал и повесил на ремень. В повозке лежала пара больших черных пакетов для мусора, туго набитых травой, которую они нарвали еще за МКАДом. Кир раскрыл один, расправив горловину, положил сзади, и кобыла сразу сунулась в пакет мордой.

Все это время он размышлял: а что, если уйти? Зачем ему, в конце концов, этот агроном? Нет, повозку с лошадьёю он, конечно, уводить не будет, просто возьмет один сверток с едой, а когда Яков вернется — Кирилл и след простыл.

Он вернулся к киоску, наблюдая за площадью. Яков Афанасьевич как раз появился из подземного перехода и зашел к зданию вокзала. Кир вытащил гайки из кармана и стал поигрывать ими, перекачивая на ладони. Так что, может, и правда свалить по-тихому? Но что ему делать одному? Афанасьевич, по крайней мере, задал четкую цель: лэптоп, потом — Айзенбах, потом лаборатория Бурева. Кирилл вроде и сам раньше понимал, что разобраться в причинах происходящего можно благодаря данным на лэптопе, а еще — через олигарха и работников лаборатории, если кто-то из них жив... Понимал — но что он при этом собирался сделать? Сбежать из Москвы, выйти из-под купола. А вот появился агроном — и каким-то образом поменял у него в голове плюс на минус, вернул к более важным задачам, чем просто спасти свою шкуру. Да еще и план какой-то придумал с ходу, как лэптоп достать, во всяком случае, по дороге сюда сказал, что придумал.

Яков достиг здания вокзала, поднявшись по лестнице на крыльцо, встал сбоку от проема центральных дверей с выбитыми створками. Заглянул, подняв тесак, потом шагнул внутрь. Кирилл убрал гайки в карман, взял нож и выдвинул стальные «усы» рогатки. Вытащил резиновый жгут из рукояти, стал привязывать к ним. Так просто, на всякий случай...

А может, подумал он неожиданно, я и Айзенбаху в конечном счете не из страха подчинился? Работать на него потому стал, что он мне цели какие-то задавал?

Мысль была неприятной, и он тут же мысленно возразил: нет-нет, до того я сам себе хозяином был, и жизнь у меня была осмысленна. Я деньги хотел украсть.

Деньги украсть!

Сорвавшаяся с одного «уса» резинка больно щелкнула по пальцу, Кирилл ругнулся и стал привязывать ее снова. Вот это цель — стырить деньги! Вот это великий смысл! Денег на планете много, заполучить их часть — вообще не проблема. Но бытию это смысла совсем не

добавит, наоборот. Ну вот свалит он сейчас от Якова — а дальше что? Мыкаться одному по улицам этим пустынным да в канализации ночевать? По брошенным квартирам еду искать, драться за нее с такими же, как он, бродягами? Почему-то Яков Афанасьевич, невзирая на возраст, комплекцию, близорукость, на болтовню и суетливость, дарил Киру ощущение безопасности. Что-то было в агрономе такое...

Нет, надо пока что вместе держаться. С Яковым Кирилл хоть занят чем-то будет — чем-то важным. Ну и, помимо всего прочего, его сам агроном интриговал. Кир хотел разузнать о его прошлом не меньше, чем о варханах и причинах вторжения. Он не терпел загадок. Вернее, не так — он их очень любил, то есть любил разгадывать. Вытаскивать на свет скрытую информацию. Яков же Афанасьевич пока что составлял одну большую загадку. И он, и его план найти лэптоп. Потому что план у него, по словам агронома, был, вот только спутник не спешил этим планом с Кириллом делиться, обещая все рассказать позже.

Яков вышел из дверей, присел на корточки, склонив голову, накрыл ее руками. И замер. Кирилл, закончив с рогаткой, уставился в ту сторону. На улице никого, хотя ему показалось, что в здании далеко справа, в разбитом окне верхнего этажа возникло и тут же пропало лицо, что в соседнем окне скользнул силуэт, а чуть позже на крыше мелькнула фигура... В домах оставались люди, хотя и немного. Большинство куда-то делись.

Яков выпрямился и замахал. Оглядевшись, Кирилл быстро пошел к нему. Нож-рогатку он поднял перед собой, прижал к резиновому жгуту гайку, но натягивать не стал.

Когда пересек половину площади, Яков зашагал вдоль вокзала, и пришлось повернуть, обходя сгоревшие автомобили.

— Погоди! — окликнул Кир. — Я внутрь заглянуть хочу!

Агроном сделал решительный жест: «нет». Потом другой: «Иди за мной». Сунул тесак в самодельный чехол на левом боку и зашагал быстрее.

В результате они встретились только возле угла здания, и недовольный Кирилл спросил:

— Ну, в чем дело?

— Нельзя туда, — бросил Яков Афанасьевич. Был он бледен, на лбу выступил пот.

— Да в чем дело-то?

— Не надо тебе внутрь, — ровным голосом, не глядя на спутника, повторил агроном. — Давай посмотрим, что с другой стороны.

— Но я хочу знать, объясни...

— Прошу тебя, Кирилл, — не спрашивай сейчас. Я потом, потом все расскажу. Но заглядывать внутрь не надо.

— Надоели мне твои недомолвки. — Кир, разозлившись, схватил его за плечо. — Слышишь, агроном? Ты...

Он не договорил: рогатка полетела на асфальт, и Кирилл тоже туда полетел — ноги взметнулись к небу, он грохнулся боком, больно ударившись ногой о ножны. В рюкзаке что-то разбилось с глухим хлопком.

Дыхание перехватило. Яков Афанасьевич, швырнув Кира через бедро, зажал его руку, выгнув кисть в болевом захвате. Секунду ошарашенный Кирилл видел красное толстошее лицо прямо над собой, потом оно отодвинулось, и агроном вскричал, отпуская его:

— Прости, Кир Иванович! Извини, дорогой, я... Просто так вышло, не хотел я, случайно...

Он попытался поставить Кира на ноги, но тот оттолкнул его, вскочил сам.

— Ты вообще офонарел! Случайно, блин?!

— Это так, ну, рефлекс, я просто в юности дзюдо занимался! Не хочу, чтобы ты внутрь заглядывал, ради тебя же, пойми — тебе плохо будет, ну вот как мне сейчас плохо, только еще хуже...

— Да пошел ты со своим дзюдо! — заорал Кирилл.

Ответом ему было испуганное лошадиное ржание. Не просто испуганное — паническое. Следом из подворотни за киоском донеслись крик и тявканье.

— Маруська! — Яков бросился туда.

Кир, подхватив с асфальта рогатку, побежал следом. На ходу зарядил ее новой гайкой.

Он догнал пыхтящего Якова возле киоска. Пока они были на площади, тот закрывал от взгляда подворотню, а теперь она стала видна. Машина стояла на том же месте, сбоку от нее торчали дергающиеся лошадиные ноги, во дворе позади кричали, рычали и тявкали. Яков бросился мимо автовозки, а Кирилл с ходу вскочил на нее, до предела натянув резиновый жгут, прыгнул на заднюю часть — и увидел сверху горбатую гиену. Тварь, поставив на голову Маруськи передние лапы, приникла пастью к ее горлу, рвала, разбрызгивая красное. Свистнул жгут, тяжелая гайка врезалась гиене в загривок, там хрустнуло, она взвыла — и тут же тесак прорубил ей спину.

Тварь свалилась на Маруську, которая глянула на людей выпученным темным глазом — и, брыкнув напоследок, издохла. Яков вырвал из спины гиены тесак и ринулся дальше. Кирилл, спрыгнув, поспешил за ним, на ходу выуживая из кармана вторую гайку.

На краю небольшого дворика с перевернутым мусорным баком навзничь лежал человек в разорванной темно-синей форме ГИБДД. Рядом валялась палка, на конце пробитая большим гвоздем, к острому концу которого прилипли влажные клочья шерсти.

Размахивая тесаком, Яков наступал на двух гиен с окровавленными мордами, те пятились и рычали, скаля кривые клыки. Кир выстрелил на бегу, гайка стукнула в асфальт перед гиеной, срикошетив, ударила ее по лапе. Тварь взвизгнула, вторая хрипло залаяла. Выхватив катану, Кирилл бросился к ним. Яков прыгнул вперед, замахиваясь — и твари, разом повернувшись, рванулись прочь. Одна поджимала лапу.

Когда они исчезли на другой стороне двора, Яков склонился над раненым.

— Откуда этот ошейник? — спросил он у полицейского.

Сунув меч в ножны, Кирилл выпрямился и шагнул к ним. Гибдэдэшник лежал неподвижно, только сжатая в кулак левая рука раз за разом била по асфальту. Лицо, шею, сжатую большим кожаным ошейником, грудь и живот его заливала кровь. Яков сидел рядом, прямо в темно-красной луже, растекающейся из-под полицейского, просунув ладонь ему под затылок, заглядывал в глаза.

Крови было много, просто очень много. У Кирилла закружилась голова, он начал сглатывать, чтобы не стошнило, пошире расставил ноги, но не отводил взгляд от тела. Не потому, что хотел быть мужественным, а из практических соображений: скорее всего, в ближайшие дни кровь и умирающих людей он будет видеть часто, значит, надо привыкнуть к этому зрелищу, приучить к нему сознание. Почему люди боятся подобных картин? Да потому, что они грубо, резко напоминают, что твоё тело — просто мясистый бурдюк с кровью, что ты и сам смертен, *очень* смертен, что лишить тебя жизни совсем несложно. Теперь смерти вокруг будет много, пора привыкать, и поэтому он смотрел, не отворачивался, часто сглатывал и дышал носом, сцепив зубы.

— Откуда ошейник, браток? — повторил Яков.

— Я в похоронной команде... — пробормотал полицейский.

— В какой команде? — агроном приподнял голову умирающего. — О чем ты?

Кир присел с другой стороны от тела, но подальше, чтобы не мазаться в кровь. Пошарив по карманам, нашел сигареты.

— Они согнали... — полицейский захрипел, и понять его стало труднее. С каждым словом он бил по асфальту кулаком. — Как дым, сизый такой... тяжелый, у земли... Два этажа накрывает, три... Вниз сочится. Потом с верхних... Нас... Всех, кто там... Свозить тела...

— Ошейник надели варханы? — спросил Кирилл, но подумал, что умирающий вряд ли знает это слово, и добавил: — Эти, которые на город напали?

— Они базу ОМОНа накрыли! — хрипел полицейский. — Четыре цистерны... со всех сторон. Пустили, там все... Мечутся... Сколько трупов, боже мой, сколько трупов! Мы их стаскивали потом...

Он смолк. Бьющая по асфальту рука замерла. Яков нагнулся ниже, заглядывая в лицо,

прижал пальцы к шее. Встал, забыв тесак на асфальте, и пошел к автовозке, сильно сутулясь. Руки безвольно покачивались. Кирилл подобрал тесак, застегнул рюкзак, взял его за лямку и, волоча за собой, направился следом.

Агроном, глядя в стену, отвязывал труп Маруськи, рвал ремешок непослушными пальцами. Кир надел рюкзак, снова достал пачку сигарет, вытащил две, прикурил, одну сунул в зубы Якову. Тот кивнул. Сигарета повисла между губ, почти касаясь пухлого розового подбородка.

— Что ты видел на вокзале? — спросил Кирилл.

Агроном будто проснулся. Вскинул голову, сигарета дернулась, он судорожно затянулся, ноздрями выпустив дым. Вытащил сигарету из рта и сказал:

— Груда костей. Большая груда обгоревших костей посреди зала. Очень большая.

Кирилл затянулся несколько раз подряд. Тесак он положил на бортик. Яков взял оружие, вытер кровь о Маруськину траву и сунул тесак в чехол. Сбросив ненужные теперь пакеты на асфальт, полез в машину.

— Человеческих костей? — спросил Кирилл.

— Конечно, чьих еще? Тела стащили на вокзал и сожгли. Забирайся, поедem.

Кир, залезая на автовозку, мотнул головой в сторону двора.

— Этот про похоронные команды говорил. А возле торгового центра, ну, где машины ночью горели на перекрестке, я вроде видел одного вархана с таким коробом на спине... В играх огнеметчики ходят с похожими.

— В каких играх?

— Компьютерных.

— Понятно, — сказал Яков Афанасьевич, заводя мотор. — Они обеззараживают город.

— Что? — не понял Кирилл, но агроном промолчал.

Когда автовозка выкатилась из подворотни, Яков повел ее по самому краю вокзальной площади. Кир, увидев необычно длинную и широкую антенну над домами, выпрямился и приложил руку козырьком ко лбу.

Нет, конечно, это была не антенна. На вершине длинной треноги посверкивал красно-желтый огонь, он то угасал, то вспыхивал опять. Торчала эта штука на крыше высотного здания далеко от площади. Вспышки были разной длины и повторялись с разными промежутками — явно какой-то код.

Кирилл повернулся кругом, но других сигнальных вышек не заметил. Он снова опустился на лавку и тронул за плечо Якова, сидящего на передке телеги.

— Ты как, Афанасьевич?

Тот, не оборачиваясь, кивнул, и тогда Кир спросил:

— Куда едем?

— В одно тихое место возле вокзала.

— Что еще за место? У меня квартира на Вернадского, может, туда?

— Нет, мое место лучше. Там друг мой старинный сторожем работает. И живет, считай, там же. Он нас приютит. И поможет.

— В чем поможет?

— Лэптоп твой найти. Я примерно представляю, как его добыть, если машинка еще там, где ты описал.

— Да как ты можешь это себе представлять? — спросил Кирилл, снова закуривая. — Ты же агроном.

Яков Афанасьевич, обернувшись, глянул на него странно и сказал:

— Сейчас вопрос в другом. Сейчас нам надо пристанище себе найти, вот туда и едем. Не уверен, что друг мой на месте, но надеюсь.

— Это если он вообще еще жив, — возразил Кирилл, думая про груду обгоревших костей на вокзале.

— Леша-то... — протянул Яков. — Ну, Леша, думаю, жив.

ГЛАВА 15

На фоне зеленого неба даже самые привычные постройки выглядели таинственно и немного угрожающе, будто попали в обыденную реальность из страшной сказки.

Игорь, Багрянец и Хорек лежали в ресторанном зале, возле обрушившейся парадной стены, выглядывая из-за кучи битых кирпичей. Солнце едва перевалило зенит. Мотель был прямо впереди, перед ним — стоянка, на стоянке несколько шатров. В окнах мотеля иногда мелькали силуэты серых, во дворе их тоже хватало. Звенел большой точильный круг на треноге; босой чужак в одних штанах точил клинки, варханы то и дело подходили к нему, приносили новые и забирали наточенные. Кто-то чистил оружие, двое серых копались в моторе тачанки. Горел костер, над ним на вертеле висела освежеванная и выпотрошенная туша теленка без головы и ног.

Вокруг стоянки дугой выросли темные щиты высотой по грудь. В некоторых местах их не было, там появились тачанки, а под углом мотеля — броневик. Из квадратной башенки с откинутым люком торчал ствол пушки.

На крыше мотеля прохаживался часовой, а в центре ее высилась тренога, на которой поблескивал серебром большой металлический короб со сдвинутыми шторками на обращенной к ресторану стороне.

— Щиты из кожи кажись, а? — пробормотал Багрянец. — Видишь, капитан?

Игорь молча разглядывал лагерь врага.

— И маловато у них тех щитов. База, небось, второстепенная, снабжение их пожмотилось много щитов выделить. Они, получается, только стоянку окружают и к мотелю с двух сторон подходят, а с другой его стороны нет щитов.

— Это связисты, — объявил Сотник. — На крыше семафор. В кубе разжигают огонь или еще как-то свет создают, а шторки раздвигают в нужной последовательности. Там, наверное, зеркала, все это дает яркий свет. А на другой базе сигналы принимают и дальше передают.

— Во какие дела! — удивился Багрянец. — Ну ты смекалистый, капитан. Ладно, так что делать будем?

— У нас же гранатомет, — зашептал Хорек, лежащий с другой стороны от Сотника. Глаза его горели, мальчишка предвкушал бойню, которую, как он думал, собирался устроить командир в лагере серых. — Целых два! Мы с Сотником из гранатометов разом, а Багровый — с автомата их гасит и...

— Да ты гранатомет тот и не подымешь, — возразил Павел.

— Чего это! Он шесть с половиной килограммов весит, я знаю! А «калаш» — четыре, а...

— Да все равно — не сможешь толком выстрелить.

— Ну ладно, — неожиданно согласился Хорек. — Тогда ты с Сотником из гранатомета, а я с «калаша» их гашу...

Игорь сказал:

— Нет, так не выйдет.

— Но... А как тогда?

— Помолчи, и дай сообразить. Ну, для начала: обязательно нам на них нападать? Думаю...

Мальчишка с курсантом глядели на него.

— Думаю, да.

Хорек облегченно вздохнул.

— Во! Значит, вы двое с гранатометов гасите, а я...

— Молчи, сказал. Нам нужен транспорт.

— А может, и не нужен, — возразил Багрянец. — Что, если задами из ресторана выбраться, через окно кухни, — нас тогда с мотеля не увидят. Мы тогда... а, не, не выходит!

— Не выходит, — кивнул Сотник, — потому что на краю полигона, на башне

наблюдения, у них пост. С башни вся округа просматривается, ночью можно потихоньку выползти, но с вами двумя да с оружием я не рискну. Это во-первых, а во-вторых — отсюда пешком долго идти, а у нас еще стволы, пусть и немного теперь, но все равно. Что, бросать их? Ради чего мы тогда сюда вообще заявились?

— Стволы бросать нельзя, — солидно произнес Хорек. — Мы же не дураки.

— Значит, нужен транспорт. И в-третьих: у нас «язык». Захватили мы его по случайности, а когда еще такая случайность выпадет? Стало быть, пусть даже непонятно пока, как его допрашивать, все равно: бросать «языка» тоже нельзя. Он даже ценнее стволов.

— А тащить его за собой на привязи пешком — это вообще ни в какие ворота, — добавил Багрянец. — Выходит, нужно у них снова тачанку угнать? Та, которую мы возле въезда в клуб твой оставили, вон она, слева, ближе к броневнику, видишь? Я по борту узнал, он там продавлен был.

Игорь отполз немного назад, повернулся спиной к мотелю и присел, привалившись спиной к обломкам. Было жарковато. Он расстегнул рубашку и закатал рукава.

— Так что, капитан, будем тачанку у них тырить? Или грузовик наш?

— Не тачанку, и не грузовик, — возразил Игорь. — Броневик.

При этих словах глаза Хорька загорелись.

— А давай я! — горячо зашептал он. — Сотник, ну пожалуйста! Я проползу. Попроберусь там, я умею!

Увидев, как они с Багрянцем разом покачали головами, Хорек возбудился еще больше и даже попытался встать на колени, но Павел сгреб его за шиворот и заставил лечь обратно.

— Ну вы же не понимаете! Я в таких местах лазил! У нас на районе стройка заброшенная, высокая, двена... пятнадцать этажей! И еще у бати завод — там только два цеха работают, остальные нет, мы с пацанами туда, под забором дырка там, мимо сторожа и на крыши. Там такие крыши, о-о-о... — застонал Хорек сладострастно. — Я очень ползать люблю на верхотуринах всяких! По цехам ходил на спор, по краю прямо, сто рублей у Васьки выиграл. В колодцах там лазили, в этих... в вентиляциях, ну и вообще — везде! Ну пожалуйста, Сотник, я прямо к броневнику подберусь незаметно, в траве проползу и...

— И что? — спросил Игорь. — Сможешь броневик завести? Быстро, чтобы сразу свалить? А если там внутри кто-то?

— За все время никто из броневика не вылезал, не залазил, — возразил Багрянец. — Не, я не спорю, ясно, Сурок с такой махиной не справится.

Хорек вспыхнул:

— Сам ты!.. — но не договорил, замолчал, уставившись на машину возле мотеля. — Не смогу, наверно, — угрюмо заключил он. — Не смогу броневик завести. А как же тогда?

Игорь припомнил, как мальчишка мгновенно взлетел на кирпичную будку возле канала, и спросил, показав на остатки крыши:

— А туда залезть незаметно сможешь? Незаметно и быстро, и вниз, если понадобится, так же спуститься?

— А то! — вскочив на четвереньки, Хорек пополз в заднюю половину зала, но Игорь схватил его за полу рубашки и дернул назад.

— Не сейчас, подожди. Короче, слушайте внимательно. План опасный, но в такой ситуации безопасного плана просто не может быть. Главное, сделать надо все четко и вовремя. Багрянец, у тебя часы есть? Хорек, у тебя?

— Нет, — насупился тот, в то время как курсант показал дешевые часы на запястье.

— Нет, значит. Багрянец, сколько на твоих? — Игорь глянул на «ролекс», который снял с руки умершего Ростислава. — Двадцать семь минут второго, переставь свои, если другое показывают. Ладно, сейчас, дайте подумать... Значит, Хорек, мы с тобой будем ориентироваться по действиям Багрянца. Павел, ты стартуешь, твой выстрел будет сигналом.

— Какой выстрел? — спросил тот.

— Слушай, не перебивай. Точно в нужное время откроешь огонь из гранатомета. Прямо по лагерю. Хорь — ровно через минуту начинаешь стрелять из автомата. Дадим тебе АКСУ,

он легче. Когда Павел начнет, я буду за мотелем. Они все отвлекутся на эту сторону, и я по пожарной лестнице залезу. Ваши выстрелы заглушат мои, когда охранников там сниму, поэтому, Хорь, тебе через минуту и надо вступать, про себя до шестидесяти посчитаешь, понял? А дальше я вниз, прямо на...

Он замолчал, когда из мотеля широким шагом вышла черноволосая амазонка. Приблизившись к костру, окликнула сидящих вокруг. Они подняли головы, двое встали. Амазонка заговорила, к ним подошли еще двое. Она показала вверх, на треногу с коробом, потом сделала широкий жест, ткнула рукой в сторону ресторана... Багрянец догадался первым:

— «Языка» нашего хватились! Вот ей-богу, сейчас искать его начнут! Назад в тайник тикаем!

* * *

Портал возник неожиданно, да к тому же на уровне асфальта. Кирилл, открывший дверцу и сидевший, свесив наружу ноги, на краю автовозки, хорошо видел, как это произошло: пространство сморщилось, пошло извилистыми складками — и порвалось. Возникшая вслед за этим небольшая зеленая воронка была наполовину погружена в асфальт. Тот провалился, засвистел воздух, раздался громкий хлопок, обратная волна качнула автовозку — и все смолкло.

Машина ехала вдоль высокой бетонной стены за вокзалом. С другой стороны от дороги были кусты и пустырь, а дальше — жилые дома.

Яков Афанасьевич увеличил скорость, автовозка прокатила мимо портала. Кир подобрал ноги, когда из него выбралась горбатая гиена. Задержалась, скребя когтями по асфальту, и выскочила, будто из воды на берег. Кирилл «взвел» рогатку и прицелился.

— Афанасьич! — окликнул он, не поворачивая головы.

— Вижу!

Машина поехала немного быстрее. За гиеной на асфальт вылезла вторая, потом третья.

— Ты бы поднажал!

— Мы на «феррари», Кирилл? У моей автовозки другие достоинства, скорость к ним не относится.

Четвертая, самая мелкая и облезлая гиена выдралась из портала, а первые три оскалились вслед машине. Кирилл, стоя на коленях, что было сил натянул жгут и приготовился зарядить гайкой в морду той, что прыгнет первой. Но они не прыгнули — из-под асфальта донеслось шипение, и гиены ломанулись прочь, пробив кусты, понеслись через пустырь.

Кир от неожиданности выпустил жгут, и гайка улетела напрямик в портал, канула в кружащихся струях зеленого тумана. Шипение повторилось, что-то застучало под асфальтом — из портала лезли новые твари, но они не пытались выскочить на поверхность, как гиены, а сразу ныряли куда-то вниз. Шипение не смолкало.

— Помнишь такой звук? — спросил Кирилл и торопливо вытащил из мешочка на ремне новую гайку.

Яков не ответил. Автовозка удалялась от портала, плавно поворачивая вместе с дорогой, и вскоре изгиб бетонной стены скрыл зеленую воронку.

— Помню, — произнес наконец спутник. — Поэтому и хочу побыстрее оттуда уехать.

Впереди показалась круглая кирпичная башня с широким цилиндром-набалдашником. В основании — большой пролом, закрытый досками и листами жести, выше тоже хватает дыр. С одной стороны от башни громоздилась куча щебенки, с другой стояла приземистая постройка с шиферной крышей и надписью над дверями: СТАНЦИЯ ТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ.

— Это водокачка? — спросил Кирилл. — То есть водонапорная башня? Мы к ней, что ли, едем?

— К ней, — подтвердил Яков.

— И кем же твой друг там работает?

— Да ты б и сам мог догадаться, Кир Иванович. Он на СТО этом закрытом, ну и в башне, по совместительству, сторожем служит.

С пустыря на дорогу выехали пятеро велосипедистов. Опустив рогатку, Кирилл по качающемуся днищу подобрался к Якову, выглянул из-за его плеча. Подростки от четырнадцати до семнадцати, велосипеды одинаковые: большие туристические машины из дорогих. Будто магазин грабнули... Одеты по-разному — двое в спортивных костюмах, один с ярко-оранжевым ирокезом, в черной коже, остальные в джинсе. У некоторых на багажниках рюкзаки.

Они встали перед башней, глядя на приближающуюся автовозку. Яков стал подтормаживать, прошептал Киру:

— Рогатка в руках?

— Да, но...

— Заряжай быстрее.

— Хорошо, только...

Панк поднял большой черный пистолет и выстрелил в сторону повозки.

Яков отпрянул влево, Кирилл наклонился к правому борту. С гудением между ними пронеслась сигнальная ракета. Левое ухо заложило, Кир охнул, схватился за него — показалось, по уху сильно стукнули ладонью, он почти оглох.

Ракета унеслась за поворот ограды. Подростки с гиканьем покатили к автовозке, в руках появились дубинки, один поднял над головой фомку. Панк ехал впереди всех, отпустив рулевую вилку, заряжал пистолет.

— Стоять, щенки!!! — гулкий голос разнесся над пустырем и дорогой.

Стукнул выстрел, и переднее колесо велосипеда под одним из джинсовых ребят отлетело, соскочив с оси. Пацан носом пропахал асфальт, велик упал на него сверху. Все остановились, кроме панка, который круто повернул и вскинул руку с пистолетом, целясь в верхнюю часть башни. Только теперь Кир заметил, что из окна под крышей торчит ствол.

Опять хлопнул выстрел, пуля пролетела низко над головой панка, кажется, даже зацепила его гребень. Парень остановился, так и не выстрелив, уперся в асфальт ногами и опустил пистолет.

— Пошли вон! — прокричал усиленный мегафоном дребезжащий голос. — Следующую пулю ты в лоб схлопочешь, петух оранжевый! До семи считаю, причем четыре уже прошло! Пять! Шесть!

Панк развернул велосипед и, кинув взгляд в сторону автовозки, вкатился в просвет между кустами. Остальные поехали за ним.

Яков убрал ногу с тормоза, и машина тронулась.

— Петух, ты на гребень себе намотай: еще раз тут появись, я на поражение стрелять буду! — зловеще напутствовал голос уезжающих через пустырь подростков.

В зеленом небе над пустырем расцвела молния, протянулась к городу, расправляясь, словно огромная ловчая сеть, мазнула по крышам высоток бешено извивающимися, будто живыми отростками — и погасла. Спустя несколько секунд ушей достиг тихий треск.

Возле башни Яков остановил автовозку, спрыгнул на асфальт и сказал:

— Бери свертки, Кир Иванович. Ты молодой, тебе и тяжести таскать.

Когда Кирилл взял в каждую руку по пакету, из башни донесся шум. Вблизи стало видно, что пролом в основании не заколочен — доски и листы жести были сбиты в виде большой несимметричной двери, и теперь она со скрипом отворилась.

В полутьме за нею стоял сухонький лысый старичок с морщинистым, заросшим седой щетиной лицом и весело поблескивающими глазами.

— Якуша! — дребезжащим фальцетом воскликнул он. — Я знал, что ты ко мне наведаешься! Как увидел эту зеленую гадость над головой, так и понял: скоро тебя в гости ждать!

ГЛАВА 16

Кусачки они нашли в ящике с инструментами, в кладовке возле кухни, после того как шесть часов кряду просидели вместе с пленником в тайнике. Игорь рассудил, что за это время серые успеют обыскать всю округу, в том числе и ресторан. Вооружившись еще плоскогубцами, «грачом» и ножом, он нацепил камуфляжный комбез — их вместе с ремнями, армейскими ботинками и пустыми кобурами чужаки так и оставили в комнате за баром, в отличие от оружия, которое забрали в свой лагерь, — и пополз к воротам, через которые они попали на территорию клуба.

Начинать операцию при свете было бессмысленно, так что происходило это уже ночью. Вечером, осторожно выбравшись из тайника, они первым делом убедились, что чужаки прекратили поиски. Остаток вечера просидели в развалинах ресторана, трижды спускались в подвал, проверяя, как там блондин, но снять кляп и попытаться допросить серого даже при плотно закрытом люке не решились — пленный мог сразу закричать, и у мотеля его наверняка услышали бы.

Как показалось Сотнику, чужак их троих совсем не боялся. Трудно, конечно, понять, какие эмоции владеют человеком, если тот связан и с кляпом во рту, но в глазах его не было страха.

Оставив внизу Багрянца, Игорь с мальчишкой забрались на чердак, при этом гордый Хорек делился с командиром своим, судя по всему, и правда богатым опытом передвижения по всяким развалинам, новостроям и недостройкам. Улегшись на целом куске пола, они стали наблюдать за лагерем чужаков. Игорь снял с плеча ремень АКСУ, положил автомат рядом.

Серые ужинали, сидя на корточках вокруг костра с мисками в руках, мясо они брали руками, шумно жевали и чавкали. Четверо часовых прохаживались вдоль ряда щитов, на крыше один тип сидел, свесив ноги с края, и тоже ел из миски, которую передали наверх, а другой маячил у него за спиной.

— Беспечные они какие-то, — пробормотал Игорь. — Днем их товарищ пропал, они округу обыскали — и успокоились. Хотя посты дополнительные выставили, раньше на крыше только один дежурил, а под щитами — двое. Но все равно... может, потому что лагерь окраинный? Да и вообще это просто связисты...

Хорек спросил:

— Командир, батя жив еще, может быть, или нет?

— Откуда я знаю?

— Значит, мертвый он? Мертвый, да?

Игорь повернулся к мальчику.

— Я просто не знаю, Хорь.

— Но может или не может?

— Шансы на это есть, конечно.

Хорек опустил голову и, ткнувшись лбом в пол, сказал глухо:

— Это ты чтоб меня успокоить говоришь.

— Нет, — возразил Игорь. — Я же не няня тебе в детском саду, чтобы успокаивать. Чужаки не всех подряд убивают. Не знаю, зачем им заложники, но твой отец может быть у них в плену. Даже, скорее всего, так и есть.

Мальчишка вскинул голову. Ко лбу его прилипли цементные крошки.

— Правда? Почему «скорее всего»?

— Ты ведь не видел, как его убивали, видел только, как в тачанку кинули. Ну так с чего им его после убивать? Раз уж они его куда-то повезли в тачанке.

— Тогда можно его спасти! Ты мне поможешь, Сотник?

— Помогу, — серьезно ответил Игорь. — Позже — помогу. Но надо, чтобы для этого возможность появилась. Надо в город вернуться, осмотреться, понять, что происходит,

допросить того серого, все выяснить, собрать разведданные... Для этого надо быть терпеливым. А ты нетерпеливый. И плохо слушаешься приказов.

— Я хочу слушаться, честно, — заверил мальчик. — Только трудно. Но я буду стараться. Клянусь, Сотник! Ты командир, а я солдат. Разведчик-десантник... нет — диверсант! Есть же такие?

— Есть. Сейчас смотри внимательно, как с автоматом обращаться. Это переводчик огня, то есть предохранитель, нижнее положение — «одиночные», среднее — «автоматический». Вот так затворную раму на себя тянешь... отпускаешь, чтобы патрон в ствол загнать. Дальше целик с мушкой совмещаешь. На прицельной планке есть риски, видишь? Ставлю на «П», то есть постоянный прицел, больше здесь не трогай. Еще запомни: в магазин обычно заряжают каждый пятый с конца патрон трассирующий, чтобы видеть, что патроны заканчиваются. Магазины я проверил...

Пока он рассказывал и показывал, набежали тучи, и быстро стало темнеть. Зеленые молнии все чаще посверкивали в вышине, а ниже с треском проскальзывали обычные, белые.

— Дождь будет, — сказал Игорь. — Это и плохо, и хорошо... Ладно, ты уже не слезай, лежи здесь до начала операции. Я тебе куртку «языка» наверх брошу, накроешься, если польет.

— Долго лежать? — спросил Хорек.

— Долго.

— Скучно здесь, что мне делать?

— Ты диверсантом хочешь стать или нет? Помнишь, что я про разведданные говорил? Мы чужаков изучить должны. Вот лежи и наблюдай за их лагерем. Как часовые перемещаются, с каким ритмом, чем серые вообще там заняты. Видел, женщины среди них? За ними тоже смотри — раньше мы ведь женщин не замечали. Так же они себя ведут, как мужчины, или иначе как-то? Еду вроде мужик готовил — может, у них вообще нет какого-то распределения обязанностей между полами? Или есть? Вот и наблюдай. Все запоминай, обязательно, потом расска... доложишь. Приказ ясен?

— Ясен! То есть — слушаюсь! Наблюдать, доложить...

— Вот так вот. Все, дежурь, только куртку не забудь подхватить, когда снизу брошу.

Вскоре стемнело окончательно, и чужаки зажгли по периметру лагеря светильники — стеклянные полусферы на шестах. Внутри полусфер клубился синий свет.

Они прождали еще три часа. Чужаков в лагере поубавилось, они убрались в шатры и разошлись по комнатам мотеля, хотя часовые никуда не делись: четверо постоянно прохаживались вдоль щитов, иногда покидали периметр и обходили мотель, двое дежурили на крыше. Костер прогорел, большая россыпь углей алела между конусами шатров. В темноте Сотник не рисковал подниматься, но они с Хорьком пару раз тихо переговаривались через дыру в потолке.

После того как часы показали двенадцать ночи, из лагеря, раздвинув щиты, вышли пятеро. Игорь с Павлом замерли, осторожно выглядывая из-за обломков. Серые, освещая путь синими светильниками, направились к наблюдательной башенке на краю полигона. Вскоре они вернулись — то есть возвратились двое со светильниками и трое тех, кто дежурил на вышке, а ушедшая туда троица осталась. После смены поста из лагеря больше никто не выходил, и спустя еще час, отдав Багрянцу последние распоряжения, Игорь взял кусачки с плоскогубцами, оружие и пополз от ресторана к воротам, возле которых стояла будка охранника.

В небе грохотало, молнии пронзали тьму, хотя дождя не было. Игорь миновал ворота, но и за ними не рискнул встать, даже подняться на четвереньки — ползком двинулся вдоль ограды, пока мотель не остался далеко позади. Теперь он находился почти на прямой линии между Сотником и рестораном.

Вверху крепчала энергетическая буря, зеленые молнии вспыхивали вперемешку с белыми, землю заливал призрачный свет. Иногда они полыхали одновременно, а иногда словно переплетались, образуя гигантские виноградные лозы.

Игорь стал кромсать кусачками нижнюю часть сетки-рабицы, закрепленной на бетонных столбах, и отгибать проволоку плоскогубцами. Когда получилась достаточных размеров дыра, пролез в нее, пополз наискось от ограды — прямоком к задней стене мотеля. Там часть окон была темной, а в некоторых горел свет. Ближе к дальнему от ограды краю здания виднелась пожарная лестница, та самая, по которой наверх забрался Багрянец, чтобы следить за осматривающим территорию Сотником.

Молнии полыхали все чаще и делались они все длиннее, ярче, ветвистей. Всякий раз тучи наливались тяжелым мертвенным светом. Во время вспышек они казались твердыми, будто затянутые темным мхом камни, тысячи валунов, сросшихся в огромные груды, которые повисли высоко в небе. Еще немного, еще одна бесшумная зеленая молния — и на землю обрушится камнепад.

Игорь остановился метрах в двадцати от задней стены мотеля, когда вверху в очередной раз показался силуэт часового. Вдоль стены через равные промежутки горели синие светильники. Сотник поднял голову, оценивая ситуацию. Свет неяркий, но сверху все наверняка хорошо видно. Как и прежде, чужаков там двое — то один, то другой появляется над краем крыши, глядит вниз. Нечего и думать о том, чтобы в перерыве успеть забраться по пожарной лестнице. Можно нырнуть в одно из окон первого этажа, хотя они там везде закрытые. Придется бить стекло, звон наверняка услышат внутри... Да и на крыше услышат, и с другой стороны, на стоянке.

Игорь глянул на светящиеся стрелки часов и, устроившись за небольшой кочкой, стал ждать. С того момента, как он выполз из пролома в боковой стене ресторана, прошло двадцать семь минут, а он приказал Багрянцу начинать ровно через сорок.

Заморосил дождь — совсем слабый, едва заметный, но потихоньку усиливающийся. Игорь втянул голову в плечи, чтобы холодная влага меньше попадала на шею и не текла за воротник. Как не вовремя! Все последние дни — сухо и тепло, а тут...

На другой стороне мотеля рвануло, вспышка ярко высветила здание.

Он вскочил. Ведь еще рано! Почему чертов боксер начал сейчас?! Сотник рванулся вперед, на ходу вытащив нож. Кусачки и плоскогубцы он нацепил на ремень, на боку болталась кобура с пистолетом.

Еще один взрыв. А автомат не стреляет! Идиот Багрянец начал операцию раньше времени — ладно, но почему к нему не присоединился Хорек?! Весь план коту под хвост!

Игорь добежал до пожарной лестницы и полез, сунув нож в зубы. Он достиг середины лестницы, когда в небе будто перевернули божественное ведро, полное воды — поток ее обрушился на землю. Сотник взбирался, поднимая лицо кверху, и в первый момент чуть не захлебнулся. Влага попала в нос, капитан закашлялся, разинув рот, в горле забулькало, запершило. Руки скользили, Игорь едва не поехал вниз, повис на штангах, нашарил ногой перекладину и продолжил путь.

И понял — нож исчез! Выпал изо рта, когда он откашливался! Идиот, все идиоты, эти двое — кретины, неумехи, но и он не лучше, они без опыта, а он...

Огромная, необычайно яркая молния разорвала небо на тысячи черных клочков в тот миг, когда Игорь выпрямился на краю крыши. Мертвенно-зеленый свет озарил мокрый прямоугольник с небольшой надстройкой и два силуэта на другой стороне. Один серый подался вперед, упершись руками в низкую оградку, другой стоял на коленях, поднимая электроружье, — выцеливал, должно быть, гранатометчика, прячущегося в развалинах ресторана.

Грохнул четвертый взрыв. Внизу кричали и стреляли — но лишь одиночными, автомат Хорька молчал, и это было хуже всего, ведь Игорь потерял нож, значит, ему надо стрелять в часовых, но теперь «грач» не будет заглушен автоматными очередями, и внизу сразу поймут, что на крыше появился враг.

Он побежал, сорвав кусачки с ремня, сжимая пистолет в левой руке.

Еще один взрыв — пятый! А ведь в ящике, в стандартном деревянном зеленом ящике с маркировкой, находится шесть снарядов, и всего этих ящиков у них два, а значит, почти

половина гранат уже использована.

Чужак выстрелил из ружья в тот миг, когда Багрянец использовал шестую гранату. Только теперь курсант засадил ею не по лагерю серых, а по одному из верхних углов здания.

Мотель содрогнулся, по крыше забарабанила бетонная шрапнель, и угол провалился. Вставший во весь рост серый упал от толчка. Второй, стрелявший из ружья, начал подниматься с колен — но тут Сотник налетел на него и с размаху воткнул острый клюв кусачек в шею под затылком. Кувыркнувшись через оградку, серый полетел вниз. Игорь повернулся — первый как раз поднялся на ноги. Это оказалась светловолосая женщина в шароварах и коротком легком пальто, под которым виднелась портупья с пистолетами. В руках она держала нагайку. Сотник прыгнул, чтобы сбить женщину с ног, надеясь обойтись без «грача», но она взмахнула рукой, и нагайка словно бритва полоснула Игоря по лицу.

От боли его обдало жаром, спина мгновенно покрылась горячим потом. С криком он упал. Поднялся на колени. Женщина вновь замахнулась нагайкой, другой рукой выцарапывая пистолет из кобуры. Сотник воткнул ствол «грача» ей в живот и трижды выстрелил.

Внизу снова гроыхнуло — значит, стрелок с электроружьем не попал в Багрянца.

Выстрелы отбросили женщину, Игорь вскочил, прижимая ладонь к рассеченному лбу. Бронекожаная жилетка не спасла от выстрелов в упор: амазонка упала навзничь у оградки. Повернувшись, Игорь бросился к тому углу, который провалился от взрыва. Кроме прочего, это означало, что там здание стало ниже, и до земли теперь было ближе...

До земли и до стоящего с той стороны броневика.

Косые струи били в крышу, вода хлопотала в стоках. Ноги скользили, лицо жгло огнем. На бегу Сотник кинул взгляд вниз. Он зря опасался, на выстрелы из пистолета в лагере не обратили внимания: там царила сумятица, часть синих светильников упала, два шатра повалились, горела тачанка. Чужаки, прячась за щитами и машинами, стреляли по ресторану. Между шатрами лежали неподвижные тела, кто-то полз к мотелю, из окон которого тоже вели огонь. Некоторые щиты опрокинулись от взрыва. Пятеро серых мелкими перебежками, падая на землю и снова вскакивая, бежали к полуразрушенному зданию.

Где там Хорек, что с ним? И почему он не стреляет? Сунув «грач» в кобуру, Игорь полез вниз. Угол мотеля будто откусили огромные челюсти, под ногами темнела дыра, ведущая в комнату второго этажа. Игорь присел на сломанной кирпичной кладке. Он весь промок, вода текла по лицу, смешиваясь с кровью. Раскаленная жгучая линия проходила наискось, от лба до подбородка, прямо под левым глазом. Если бы удар нагайкой пришелся хоть немного выше...

Броневик был под ним, в нескольких метрах — покатым овальным колпак, склепанный из гнутых листов железа, в центре квадрат башенки с люком. Закрытым люком! А ведь днем он все время был распахнут! Что, если теперь заперт изнутри? Тогда всему конец!

Игорь уселся на кладке, свесив ноги. Бегущие к ресторану чужаки выстрелили залпом, пули и дробь ударили по зданию, алая молния впилась в него.

В проломе крыши застучал автомат, частые вспышки озарили лежащего с оружием в руках Хорька. Один чужак сразу упал, остальные залегли.

Гранатометный выстрел на мгновение высветил Павла, который пристроился за торчащим из пола обломком внутренней перегородки. Граната ударила в землю между атакующими, а дальше Игорь не видел: повис на руках, лицом к стене мотеля, оттолкнувшись от нее, разжал пальцы и полетел вниз. И свалился на покатым колпак броневика. Ударяясь коленями и локтями, покатился. Схватившись за скобу, повис над колесом, прикрытым железным крылом в форме полумесяца. Машина стояла левым бортом к мотелю, с другой стороны начинался полукруг щитов. Совсем рядом сновали серые, но Сотника никто не заметил — слишком большой хаос начался в лагере после выстрелов Багрянца, а теперь еще и Хорек открыл огонь.

Он полез вверх. Когда достиг башенки, сзади раздался возглас, Игорь кинул взгляд через плечо — возле упавшего шатра появилась амазонка с устройством, не похожим ни на электроружье, ни на пистолет-дробовик. Это была та самая, черноволосая, которую он видел

возле ресторана.

Она выстрелила. В железо рядом ударила пуля, колпак отозвался протяжным звоном. Игорь рванул люк — тот легко распахнулся. Сзади о землю застучали подошвы сапог.

В броневику было темно и пахло соляжкой. Совсем темно — ни черта не видеть!

АКСУ Хорька смолк. Гранатомет снова выстрелил, и тут же опять застучал автомат.

Ближний взрыв оглушил Игоря, комья земли больно заколотили по спине и затылку. Он развернулся и на задку съехал по скользкому от влаги куполу. Бежавшие к броневику чужаки попадали, контуженные взрывом. Игорь свалился на траву, вскочив, в два прыжка достиг ближайшего светильника, выдернул из почвы и рванул обратно.

Женщина, первая заметившая Сотника, встала на колени и подняла оружие, из которого вбок торчал кривой рычаг. Пригнувшись, Игорь нырнул за квадратный кожаный щит — один из немногих уцелевших. Грубая, толстая кожа в несколько слоев была натянута на железную раму, а та широкой петлей прикреплена к столбику на решетчатом основании.

Амазонка выстрелила, и в щит с глухим стуком ударила пуля. Он качнулся. Сотник вцепился в раму и резко выпрямился, наступив ногой на подставку. Когда он, напрягаясь изо всех сил, сдернул щит со столба, кровь сильнее побежала из раны, попала ему в рот, закапала с подбородка.

Взрыв грохнул в центре лагеря. Прикрываясь щитом, не выпуская из руки светильник, он устремился обратно к броневику. Женщина, стоя на коленях, рванула рычаг на себя, отпустила — оружие рывкнуло, будто пес, выплюнуло короткий язык огня. Амазонка снова передернула рычаг, еще раз... Пули били в щит, Игоря каждый раз мощно толкало в бок, ноги заплетались, он едва не падал, но бежал дальше. Четвертая пуля пошла выше, чуть не задев его, а потом он нырнул за броневик. Бросив щит, полез, хватаясь за скобы на борту одной рукой, другой прижимая к себе светильник. Длинный шест бил по коленям, цеплялся за броню.

Когда Игорь оказался на башне, женщина подскочила к машине, а за ней — еще трое чужаков. Сунув светильник в люк, Игорь встал на скобе. Вытащил «грач», упер локти в откинутую крышку и открыл огонь.

Он расстрелял восемь патронов. За это время АКСУ на крыше ресторана дважды смолкал и вновь начинал плевать пулями. Хорек палил короткими частыми очередями, как учил Сотник. Магазинов ему наверх передали полную сумку — должно хватить. Зато у Багрянца выстрелы уже почти закончились, Игорь слышал десять или одиннадцать — бегая вокруг броневика, он сбился со счета.

Чужаки, побежавшие к ресторану, были либо мертвы, либо отползали обратно. Те, что попытались прорваться к броневику, отступили и залегли позади шатров. Женщина с необычным оружием получила по меньшей мере три пули из «грача» и лежала неподвижно.

Игорь убрал пистолет в кобуру, и тут на чердаке ресторана испуганно завопил Хорек. «Осторожно! — расслышал Сотник. — Сверху!». Поднял голову — из окна второго этажа в него целились двое серых.

Он нырнул в люк. Пуля стукнула о броню, Игорь захлопнул крышку, крутанул запорное колесо. Невысокие железные перегородки делили броневик на три отсека: передний, где в синем свете поблескивали рычаги, средний, самый большой, и узкий задний. Из стенок торчали обтянутые кожей сиденья.

Сверху можно было попасть в любой отсек, к тому же в перегородках были круглые проходы. Вниз вел ряд скоб, но Игорь не сразу туда полез — окинул взглядом небольшой лафет у стены башенки. Задняя часть пушки с затвором на полметра вдавалась в нее, под лафетом была полка, где в ячейках лежали небольшие остроносые снаряды.

А вот и поворотный механизм: большая горизонтальная шестерня, насаженная на уходящую в пол отсека толстую ось и сцепленная зубьями с треугольными выступами, идущими кругом по стенке башни.

Сразу несколько пуль лязгнули по люку. Раздался глухой удар — один из чужаков спрыгнул на машину из окна. Гортанный возглас, выстрел, стук о броню...

Игорь соскользнул по оси, сжав ее ногами. Упал на четвереньки, схватив светильник, валяющийся на полу среднего отсека, через круглое отверстие проник в передний и уселся на твердое сиденье. Перед ним были деревянные и кожаные панели, рычаги, кнопки, толстые пузатые рукоятки, овальное рулевое колесо...

Еще один удар в люк. Выстрелы где-то сбоку. Лязг, скрип металла.

За узкой смотровой щелью впереди что-то мелькнуло. Одной рукой приставив к щели пистолет, Игорь второй схватился за торчащую из стены треугольную рукоятку. Рванул на себя. Вслед за ней из отверстия показался железный тросик. Затарахтел стартер — и внизу заработал двигатель. Рокот его заглушил выстрелы «грача», которыми Игорь сбил вскочившего на передок машины серого.

Пистолет смолк: закончились патроны.

Справа из пола торчал изогнутый рычаг с костяным набалдашником в виде черепа, слева — другой рычаг, короткий и прямой. Игорь сдвинул тот, что справа, а левый утопил в пол, перед тем вдавив большим пальцем кнопку на его торце.

Броневи́к дрогнул и покати́л... назад.

— Твою мать!!! — взревел он.

Машина наехала на поваленный шатер, подмяла его, начала поворачивать, когда Сотник коленом случайно задел низко расположенный руль, и задом въехала в стену мотеля. Она треснула, посыпались обломки. Снаружи стреляли и кричали, одна пуля, влетев в смотровую щель по левому борту, расколола деревянную панель с рядом кнопок и упала на пол. Сотник передернул рычаг, повернул руль в другую сторону. Броневи́к покати́л вперед, плавно поворачивая. Проехал по щитам, надвинулся бортом на тачанку — она накренилась, с хрустом треснула ось, вторая, и машина осела брюхом на сломанные колеса.

Лагерь остался позади, прямо по курсу был ресторан. Вспышка озарила стоящего в развалинах с гранатометом на плече Павла Багрянова — он сберег последний выстрел для финала операции.

Граната с гудением пронеслась мимо броневи́ка и разорвалась где-то позади, красные отблески легли на развалины. Своротив остатки фасадной стены, Сотник затормозил, слетел с сиденья и полез в низкий круглый проход в перегородке.

Вверху застучал и тут же смолк автомат. Игорь по скобам забрался в башню, крутанул запорное колесо. Прямо над головой раздался возглас, звуки ударов, ругань... Прекратив вращать колесо, он выхватил пистолет, выудил запасной магазин из кармашка на кобуре, но не успел перезарядить, сверху донеслось:

— Капитан, открывай, они сюда бегут!

Игорь снова провернул колесо, распахнул люк и высунулся. На краю башенки распластался чужак, голова его была неестественно вывернута. Багрянец на зад уполз, из лагеря стреляли, несколько чужаков короткими перебежками спешили к ресторану, возле мотеля заводили тачанку. В окнах его мелькали вспышки.

— Хорек где?! — крикнул Игорь, ладонью вбивая полный магазин в рукоять пистолета, и тут мальчишка спрыгнул на броневи́к откуда-то сверху.

— Патронов нету! — крикнул он.

— Внутрь!

— Есть!

— Пистолет мой возьми! Стреляй по окнам!

Хорек нырнул в люк, высунулся и выхватил у Сотника «грач». Сбоку Багрянец, хрипло выругавшись, распрямился, поднял на вытянутых руках тело пленного блондина. Свесившийся с башенки Игорь схватил «языка» за плечи, рванул кверху. Кровь из раны плеснулась сильнее, заливая нижнюю половину лица. Пули чужаков били в броневи́к, в землю вокруг, развалины ресторана наполняли лязг, шелест сыплющейся бетонной крошки, стук и дребезжание. Дождь лил как сумасшедший, вода klokотала между камнями, качала обломки мебели. Хорек начал стрелять по чужакам в окнах — их огонь был опасней всего. Игорь втащил наверх обмякшее тело, следом полез Павел, на шее которого висели сразу три

сумки, а на спине два АК. Пленный мешком свалился на дно броневика, Сотник мимо Хорька скользнул внутрь. Багрянец едва не сел задом на голову мальчишки, тот заорал, Павел втолкнул помощника в башенку и с такой силой захлопнул крышку люка, что от вибрирующего звона у всех троих заныли зубы.

Павел с Хорьком, пробравшись в заднюю часть машины, стали стрелять через смотровую щель, а Сотник уже вовсю двигал рычаги. Броневи́к дал задний ход, выехав из пролома, покотил к ограде клуба, преследуемый тачанками. Оглянувшись, Игорь крикнул:

— Хватит патроны переводить! Башню разверните, там шестерня вверху, сбоку кнопка, — и заряжайте пушку!

* * *

Передав управление Павлу, он осмотрел башенную пушку. Прямая наводка, дальность выстрела... сложно судить — метров триста, наверное, а может и пятьсот. Калибр что-то около восьмидесяти миллиметров. В задней части снаряда, то есть закругленного с одного конца стального цилиндра весом килограмма два с половиной — три, была плоская шайба с блестящим кругляшом в центре. Почему-то Сотник решил, что шайба эта — вовсе не капсюль. Он осторожно взялся за кромку, другой рукой крепче сжал цилиндр и провернул шайбу, которая достаточно легко сдвинулась против часовой стрелки. Снаряд оказался начинен грубым крупнозернистым порохом и картечью: мелкими камешками и железяками.

Пришедший в себя пленник лежал под перегородкой, разделяющей передний и центральный отсеки. Он не мычал, не дергался, зато вовсю стрелял глазами по сторонам, наблюдая за происходящим. Багрянец рулил, Хорек сидел позади с автоматом и смотрел, нет ли погони.

Горели тусклые синие светильники, найденные в ящиках под сиденьями. Сотник спустился, сказал Хорьку «Отставить наблюдать» и присел возле пленного. Взял синий светильник, сломал о колено треснувшую стойку и стал разглядывать колпак. Тот был не стеклянным, как он решил вначале, а из чего-то вроде слюды или, может, загустевшей древесной смолы. Под колпаком — мелкая труха, она-то и светилась.

Хорек, перебравшись в средний отсек с ломтем мяса в зубах, сел по-турецки на пол, положил автомат рядом и принялся шумно жевать.

В заднем отсеке в двух больших ящиках лежали обмотанные промасленными лоскутьями пайки: засушенные яблоко-луковицы, ломти солонины, сухари и какие-то зеленоватые брикеты, похожие на измельченную, высушенную и спрессованную траву. В одном ящике хранились патроны среднего калибра.

— Чего-то я не понимаю, — сказал Игорь, откладывая светильник.

Сквозь отверстие в перегородке виделось плечо Багрянца и рука, лежащая на баранке.

— Чего? — спросил Павел, быстро оглянувшись, и сразу опять уставился вперед сквозь смотровую щель.

— Мне неясна логика.

— Чего еще за логика?

— Мы вынесли их базу, угнали броневик... Легко. Это было легко, понимаешь?

— Ничего себе легко! Да ты, извиняй, охренел, капитан! Ты на лицо свое глянь!

С лицом у Игоря и правда было неладно. Удар нагайкой так глубоко рассек кожу, что шрам, наверное, останется на всю жизнь. С полчаса назад в заднем отсеке они отыскивали ящичек с какими-то склянками, Игорь, промыв рану водой из фляжки, долго эти склянки нюхал, мазал их содержимое на палец, капал на ладонь — и в конце концов залил рану быстро густеющей желтоватой субстанцией, запах которой показался ему типично медицинским. Вещество схватилось, стянуло кожу, кровь больше не текла, но говорил он с трудом, любое движение челюстей вызывало боль.

— Нас трое: ребенок, курсант... один я что-то умею, да и то на гражданке навыки потерял.

— Но у нас гранатомет был. Двенадцать гранат я по чухонцам выпустил, ты не видел, что ли, какой там шум поднялся в лагере?

— Правильно. За счет гранатомета и справились. И это при том, что вы вдвоем чуть всю операцию не провалили.

— Капитан, ну я же объяснял уже! — обиделся Павел.

Багрянец, как выяснилось, начал стрелять раньше времени потому, что сверху свалился автомат, громко стукнул о камни, и, как ему показалось, в лагере чужаков это услышали.

А упал автомат потому, что Хорек наверху заснул. Заснул — и упустил оружие в дыру в полу. Когда Багрянец выстрелил, он, конечно, проснулся, понял, что произошло, и полез вниз. Пока нашел «калаш», пока забрался обратно... Вот почему гранатометный огонь начался раньше положенного, а автоматный — позже. Хорошо еще, что АКСУ вообще стрелял после падения с такой высоты.

— Короче говоря, у меня впечатление, что они раньше с таким оружием, как гранатомет, не сталкивались, — заключил Игорь.

— У них же пушки вон есть.

— Стационарная пушка на машине — это совсем не гранатомет.

— Ну ладно, а те стволы, которые они у нас забрали? Там ведь тоже гранатомет был, так почему они из грузовика стволы не похватали... А! Серые, наверное, и пользоваться ими не умеют — ну точно!

— Так или иначе, базу мы легко взяли, если учесть, что мы не АЛЬФА и не ОМОН. Но при том — серые очень слаженно на город напали. Быстро, четко. Я думаю, они такое уже проделывали. Появлялись где-нибудь неожиданно из своих порталов, выбивали местных военных, гражданских хватали или убивали. И при этом — с базой мы справились. Почему такое противоречие? Серые вроде профессиональные воины, бывалые, а нам все удалось. Правда, тут именно серых не так много было... Но все равно странно.

Багрянец пожал плечами и больше в спор не вступал. А Хорек вдруг заснул. Именно вдруг — Игорь отвернулся к пленнику, который внимательно его разглядывал, а когда посмотрел вновь на мальчишку, тот уже растянулся на полу и дрых, уткнувшись лбом в перегородку.

Игорь вытащил из заднего отсека грубое шерстяное одеяло и накрыл ребенка. Выпив воды и съев шоколадку, с десяток которых Багрянец притащил в карманах из ресторана, проверил оружие. Повесил на плечо АК, в кобуру сунул заряженный «грач» и полез в передний отсек. Возле боковой щели было второе сиденье, он сел, устало вытянув ноги. Стояла глубокая ночь, Багрянец вел броневик по асфальтовой дороге, изредка объезжая брошенные машины. Путь освещал желтый свет фары, а по сторонам было совсем темно.

— Где мы, ты хоть примерно представляешь? — спросил Игорь, и Павел пожал плечами.

— Да ёксель его знает. Но к Москве движемся, факт. До МКАДа недалеко.

Игорь откинулся назад, прикрыв глаза, сказал:

— В Москве надо первым делом найти схрон.

ЧАСТЬ IV ВЫЖИВАНИЕ

ГЛАВА 17

В башне были широкий центральный колодец, идущая по кругу вдоль кирпичной стенки хлипкая лестница, а наверху — большая комната с полом из балок, на которых лежали скрипучие доски. В ней и жил друг Якова Афанасьевича Людозоли по имени Леша.

— Кушайте, кушайте, — дребезжал он, потирая морщинистые ладони, кивая, похлопывая Якова с Кириллом по плечам и лучась гостеприимством. — У меня тут хозяйство налажено...

Гости сидели за низким столом и ели суп. Леша поставил на стол салатницу со всякими соленьями, плетеную корзинку с хлебом, и две бутылки «Ессентуки», и еще какие-то закуски...

— Ну как, Яша? — спросил он, присаживаясь к столу и кашляя в кулак. — Хорошо я обосновался? Когда ты в последний раз ко мне заглядывал, тут еще такой мебелировки не было.

Кирилл огляделся. Для сторожки, а именно такую функцию выполняло это помещение, мебелировка была и правда неплохая. Плита на две конфорки, с газовым баллоном в нише за занавесочкой, широкая кровать, шкаф, зеркало на дощатой перегородке, отгораживающей часть помещения. Возле шкафа на стене крест-накрест висели ружья.

Проследив его взгляд, Яков пояснил:

— Леша у нас охотник знатный.

— Это все в прошлом! — замахал руками Леша. — Теперь-то я домосед, вернее, в квартирке своей почти не сижу — все больше здесь. Фирма одна, которая тем СТОА владеет и башню эту у города выкупила. Хотели они тут ресторан экзотический сделать, но городская архитектура последнее разрешение не дала, мол, постройка старая, ненадежная. Вот пока они ищут, кому там взятку сунуть, я сторожем у них, сразу на два объекта, организовал себе здесь квартирку, понимаешь. Уже больше года они эту проблему не решат, — а мне и хорошо, нравится такая работа.

— Так это вы из такого ружья тех велосипедистов прогнали? — спросил Кирилл.

— Да ну, эти, на стене — и не смотрите, старье, не стреляют давно.

— Плохо, — заметил Яков. — Сейчас оружие нам очень надо.

Леша хитро глянул на него, вскочил и поспешил к шкафчику возле плиты.

— Что это я — забыл совсем! Надо нам выпить за встречу, Якуша. У меня водка имеется.

— Кирилл не пьет, — сказал вслед агроном. — Только пиво.

— Вот пива нет! — Леша вернулся с бутылкой и тремя гранеными стаканами в руках. — Что, Кир, совсем не?.. А может, чуток?.. Ну, сам смотри, это дело добровольное, не люблю, когда уговаривают. Минералки тогда выпьешь.

С этими словами он плеснул граммов по сто в два стаканчика, один придвинул к Якову, сам подхватил второй. Кирилл налил себе «Ессентуки».

— Не знаю даже, за что выпить нам, Якуша... За победу, что ли? За победу над этими, как вы их там прозвали, — варханами? Или за что?

— За выживание, — сказал Яков.

— А, точно! За выживание!

Они выпили и стали с аппетитом закусывать. Кирилл, покончив с супом, откинулся на стуле, наблюдая за Лешей.

Сторож водонапорной башни был сухопарым морщинистым стариком, внешне — полной противоположностью Якова, но с похожей манерой поведения: такой же бодрый, подвижный до суетливости и разговорчивый, хлопочущий. А еще он казался на удивление гибким и ловким для своего возраста. Только голос слабый, дребезжащий, говорил Леша негромко, хотя и быстро, иногда сбивался на неразборчивую скороговорку, а еще — часто кашлял.

— Закурить можно? — спросил Кир, хлопая по карманам брюк.

Оживленно болтающие приятели замолкли, и Яков сказал, быстро глянув на хозяина:

— Нет, Кир Иванович, ты лучше...

— Да что там! — вскричал Леша, поднимаясь. — Ну, брось, Якуша, конечно, курите, тебе ж вон тоже сейчас захочется.

Он снова поспешил к кухонному шкафчику, Яков сказал вслед: «Да не надо, мы снаружи...», но старик уже нес большую хрустальную пепельницу.

— Брось, брось, думаешь, если я был вынужден отказаться от сигарет, так мне теперь мучительно больно смотреть, как другие курят? Наоборот — приятно!

Кирилл впервые услышал такое выражение: не обычное «прекратил», или «бросил курить», а «был вынужден отказаться». Обычно курильщики очень радуются, если им удастся бросить, потому что, в общем, все понимают, что это вредно, и смолят лишь потому, что не могут себя перебороть, — а тут сказано было с явным сожалением. Вот, мол, обстоятельства так сложились, что был вынужден отказаться, но если б не сложились они так — уж я бы о-го-го как курил, всю Москву задымил бы!

— У Леши курительный стаж лет сорок, — пояснил Яков, выискивая в карманах сигаретную пачку. — Но...

Он замолчал с явным смущением, даже покраснел слегка, снова бросил быстрый взгляд на друга, который с напряженной улыбкой крутил в пальцах пустой стаканчик, и добавил:

— Закончилась у меня пачка, Кирилл, доставай свои.

Недоумевая, что все это значит, Кир поднялся. Его куртка висела на гвоздике, вбитом в перегородку между зеркалом и фанерной дверью, ведущей во второе помещение. Под курткой лежал рюкзак с катаной. Автовозку они под руководством Леши загнали в здание СТО, которое сторож после тщательно запер, но рюкзак с самыми ценными своими вещами, катаной и ноутбуком, Кир там, конечно, не оставил.

Он нашел открытую пачку в кармане куртки, из рюкзака вытащил вторую, целую, вернувшись к столу, передал ее Якову, а из открытой достал сигарету для себя. Сел, прикурил от «зиппо».

В помещении постепенно становилось сумрачно — день заканчивался.

— Ну что, молодые люди, рассказывайте, — Леша, собрав пустые тарелки со стола, понес их к раковине, над которой из стены торчал кран.

— Что, и вода здесь есть? — спросил Кирилл.

— Как таковой воды нет, в смысле — есть, но это я сам бак на крыше приспособил, трубу сюда протянул. А к водопроводу башня не подключена, конечно. Хотя теперь и толку не было бы — в городских трубах воды не стало. Якуша, — сторож, вернувшись назад, снова сел, — ну так что с вами произошло?

Яков стал рассказывать, и говорил долго, Кир успел выкурить две сигареты, прежде чем агроном закончил. Леша слушал внимательно, часто перебивал, уточняя детали, переспрашивал, возражал или соглашался с выводами рассказчика. А когда Яков умолк — тоже замолчал. Ни слова не говоря, налил водку в два стаканчика и залпом опустошил свой. И вдруг весь сморщился, сжался на стуле, схватившись за шею, замер.

— Леша, что? — Яков подался вперед. — Что? Алексей...

Он вскочил, но старик махнул рукой и пробормотал хрипло:

— Всё, все, нормально, сиди. Сиди, говорю, прошло уже.

— Точно?

— Да сиди, сказал. Так, какой вывод мы можем сделать из твоего рассказа? — выпрямившись на стуле, Леша оглядел гостей. — А вывод такой: лэптоп надо искать.

— Ну да, ну правильно, — согласился Яков. — Я Кириллу то же самое сразу сказал.

— Кирюха, а ты согласен?

Тот пожал плечами.

— Наверное, согласен.

— Наверное? Не чувствую в твоём голосе уверенности и энтузиазма, юноша!

— Согласен, — повторил Кирилл. — Только как?

— Да вот, я гляжу, Якуша наш с таким видом сидит, будто у него уже план имеется.

— Имеется, — солидно кивнул агроном. — То место рядом с варханским лагерем, правильно? Ну, если лагерь за это время оттуда не снялся... но будем исходить из того, что нет. Варханы — не какие-нибудь зеленые человечки, они как мы. Значит — что?

Кирилл с Лешей молчали. Яков с видом превосходства оглядел их.

— Значит, переодеться в варханов надо!

— И это твой великий план? — изумился Кирилл, весь вечер ждавший, когда наконец Яков расскажет, что придумал, и успевший нафантазировать себе бог весть что. — Переодеться? Блин!

Наступила тишина. Леша поскреб ногтями заросшую седой щетиной щеку и вдруг улыбнулся.

— А ведь логично! — объявил он. — Есть еще порох в пороховницах, а мозги в мозговницах, а, Якуша? В сложившейся ситуации это ведь, пожалуй, единственное вменяемое решение. Тем более что... — он сделал жест в сторону перегородки, но тут Кир не выдержал.

— Да оно бредовое, это решение! И как мы вообще переоденемся, как...

— Одежда у варханов — ничего особого, — возразил Яков. — Леша, ты ж запасливый. Наверняка ведь найдется...

— Найдется! — задребезжал Леша, потирая ладони и ухмыляясь. — Ох и найдется! Я ведь — ты не поверишь, Якуша — я ведь одного этого вашего вархана намерен завалил!

Экий безумный старичок, подумал Кир, искоса наблюдая за сторожем. При такой бодрости и жизнерадостности он, наверное, до ста лет проживет. Только вот непонятно, что означала эта пантомима, когда Леше стало так плохо после стопки водки, что друг его даже со стула вскочил.

— Да ты что? — обрадовался Яков. — Ну, поздравляю с первым уловом! Когда успел? Как?

— А вот так. — Леша показал в ту сторону, где мимо башни тянулась бетонная ограда. — На путях. Местность разведывал, ну и вообще — изучал, что происходит. А там по шпалам трое шли. То ли машина их где-то рядом застряла, то ли еще что... К своему лагерю, по-моему, возвращались. Дальше там ведь лагерь вражеский небольшой, в курсе вы? Нет, не в курсе еще, конечно. В общем, шли они. Я за рельсом в стороне прилег, подпустил поближе и открыл огонь. Одного сразу завалил, второго ранил, по третьему мазанул. Они в меня из дробовиков, молниевых этих ружей не было у них. Да без толку, только картечь по рельсу тренькала. Третий раненого подхватил, уволок. Но мертвеца бросили. Я к нему, и пока те не вернулись, — раздел догола. Белье у них такое странное, не трусы, а вроде полотенце легкое, намотано по-особому, я похожее еще в семидесятые на Агашерской полосе у негров видел. Жаль, оружие дружки его с собой утащили, нож только остался. В общем, пошли глянем.

Вскочив, он поспешил вокруг стола. Заинтригованный Кир с улыбающимся Яковым направились за ним. Леша, встав на цыпочки, стащил с кухонного шкафчика подсвечник с пятью свечами, зажег их, распахнул фанерную дверь в перегородке и вступил в помещение за ней.

На клеенке у стены лежали плащ, штаны, длинный узкий треугольник из серой ткани, прошитый по краям черной нитью, перчатки без пальцев, рубашка с пуговицами в виде деревянных брусочков на петельках, и сапоги: короткие голенища, тупые мыски. Еще там была узкая сумочка-трубка с откидывающимся круглым клапаном на торце. Яков достал из кармана золотые очки, нацепив на нос, присел на корточки. Пощупав сапоги, сказал: «А подошва резиновая или каучуковая, я так и думал» — и подтянул к себе за полу рубашку. Осмотрев ее, открыл сумочку-трубку, достал маску с овальными стеклянными «глазами». У нее был короткий гофрированный хобот с квадратной коробочкой на конце. Кир не сразу понял, что это противогаз.

— И тут кожа, — заметил Яков, ощупывая маску. — Но каким-то лаком пропитана.

Кир повернулся к столу. Автомат с большим оптическим прицелом, охотничье ружье... На краю стола обнаружились широкие ножны из шершавой грубой кожи, из них торчала обмотанная бледно-зеленым шнурком рукоять.

— Ты из этого по тому панку? — Кир показал на ружье. — А вон то что за автомат?

— Автомат! Ну, молодежь! — задрезжал Леша. — Это «сайга», Кирюха, охотничий карабин. Нарезной! Но ты вот на это богатство погляди.

Он вытащил из-под стола большой брезентовый сверток, развернул — внутри была куча всякой одежды, а еще пара черных охотничьих сумок-наборов, сумки с противогазами, два пустых рюкзака, топорик с красной рукояткой, телескопическая лопатка, упаковки сухого спирта, фонари, фляжки, оптический прицел в футляре с прозрачной крышкой и три больших серебристых термоса.

— Откуда такая роскошь, Леша? — спросил Яков, подходя к ним.

— Из магазина, Якуша. Тут, за пустырем. Он уже мародерами был разграблен, но они заднюю кладовку не заметили, пропустили дверь в темноте, света-то нет, или спугнуло их что-то. Я в нее залез, там это все лежало. Тут как раз подростки появились, с петухом оранжевым во главе. Они последние три дня вроде как соседи мои, конкурируем, понимаешь, за территорию, вроде хищники в джунглях. Сунулись ко мне — так я из «сайги» в них. Ну, не прямо в них, над головами. Они отступили, только сигнальный пистолет им и достался, остальное я унес. С тех пор и не любит их вожак меня, петух этот драный.

— Ружье какое? — Яков склонился над столом. — К «сайге» припасов много? Слушай, а оптика-то ночная, ну ты даешь! А как...

Они заговорили на специфические темы, а Кирилл, разглядывая варханскую одежду, достал своего «Короля Джунглей».

— Это что у тебя? — Леша, отвлекшись от разговора, пригляделся. — «Джангл кинг»... А, нож для выживания, где всякая чепуха в рукоятку понапихана? Дешевые понты, юноша! Это ж склад какой-то, а не ножик. Вот у меня... — он выхватил из кучи небольшой нож с бело-черной покатой рукояткой. — Вот у меня простой пумовский «сильвер леон», это дело. Мой серебряный лев твоего короля джунглей сожрет.

— Ну и ладно, — ответил Кир с легкой досадой и отвернулся, проворчав напоследок: — Зато мой длиннее, а еще у меня меч.

Сунув нож в карман, он вытащил из-под клапана своего рюкзака катану, перешагнул через варханские шмотки и встал у окна. Небо над Москвой совсем посерело, кажется, скоро начнется ливень. Порывы ветра трепали кусты на пустыре, в сизой глубине над дальними крышами то вспыхивал, то гас огонек, а за вокзалом ему вторил другой — это что, захватчики сигналами обмениваются?

— Непонятно, почему в городе так пустынно, — произнес Кирилл, не оборачиваясь. Положив катану на подоконник, подался вперед, прижался лбом к стеклу.

Леша, кашлянув, ответил:

— Люди есть, прячутся просто. А так, варханы ведь газом народ потравили, я вам говорил.

— Но не всех же. Тогда бы кости горами по всему городу лежали.

Он повернулся. Угрюмо молчащий Яков ощупывал варханский плащ. Леша присел на

край стола, потирая горло.

— Ну, во-первых, многие в метро спустились, на станции, где бомбоубежища оборудованы, позапирались. Хотя это только в глупых книжках люди после ядерной войны там годами от радиации прячутся — без постоянной осушки метро затопит очень быстро. А во-вторых, не видели вы, что здесь вчера было. Я в башне своей сидел, шевельнуться боялся. Целый поток: толпища, да длинная — как река. Шли, шли...

Он замолчал, прикрыв глаза.

— Кто шел? — спросил Кирилл. Яков, бросив плащ на целлофан, поднял на друга глаза.

— Люди, — ответил тот. — Граждане обычные. Товарищи наши с вами, москвичи. Прямо вдоль этого забора, по пустырю — шли и шли, а по сторонам машины эти открытые и пешие с ружьями, конвой. Много конвоя, и собаки горбатые с ними на длинных ремешках. Гнали, гнали...

— Куда гнали? — спросил Яков.

— На юг.

Яков переглянулся с Кириллом.

— На юге Подольск. Но зачем варханам столько людей?

— Ума не приложу. Куда их ведут, что дальше делать собираются... Не знаю. Минимум из двух кварталов людей согнали. Вот поэтому теперь здесь и пустынно-в округе мало кто остался. Хотя есть наверняка и более населенные районы. И потом, ты что мне сказал, Якуша? Центр купола над Подольском, а если так, то выходит, большой кусок области накрыт: Домодедово, Климовск, Одинцово, Троицк, Апрелевка... аж до Звенигорода. Между ними деревни, поля, там плотность населения меньше в разы. В первые же дни в те направления из города очень многие устремились, вот еще почему тут теперь... нелюдно так.

Пламя свечей затрепетало на сквозняке. Яков, вдруг как-то очень постаревший, и Леша, в полутьме вообще похожий на дряхлое немощное привидение, потерянно молчали. Кирилл будто со стороны увидел эту старую кирпичную башню под быстро темнеющими небесами — между пустырем, где шелестели на ветру кусты и дрожала рябью грязная вода в лужах, и бетонной оградой, за которой тянулась железная дорога и стояли брошенные составы.

Он вновь прижался лбом к оконному стеклу, впитывая в себя картину разоренного города. Раздался визг, тьяканье, из-за магазина с выбитыми витринами на другой стороне пустыря показалась стая горбатых гиен, преследующая трех бродячих собак. Те, скуля, неслись прочь, гиены догоняли. Погоня миновала пустырь и свернула вдоль ограды.

— Ну, хватит! — решительно задребезжал Леша. — Если ничего не делать — то ничего и не будет. Давайте-ка примерим вещи эти. Я их постирал, заразы не бойтесь.

Вскоре, стоя посреди большой комнаты с плащом в руках, Яков сказал:

— М-да... Не выйдет.

Кир с Лешей сидели у стола, на котором лежала остальная варханская одежда.

— Что не выйдет? — спросил старик.

— Да вот, Лешенька, понимаешь, у меня план был такой: мы с тобой в варханов переодеваемся, а Кир Иванович у нас как бы пленник. Берем автовозку — она на тачанку смахивает — и на ней едем к центру. Кирилл то в повозке с нами сидит, то впереди идет, ну вроде как под надзором. Но вот теперь, я погляжу... Гм...

— Что не похож ты на вархана совсем, — заключил Кирилл.

— Полноват ты, будем говорить, Якуша, — согласился Леша. — Я, честно сказать, среди захватчиков ни одного, как ты, не видел.

— Ну что же, ну, полноват... Да толстяк я, вот что! Жирный боров! В сельской местности, понимаешь, на молочке да сметанке... Я молоко свежее из-под коровы очень люблю. К соседке утром зайдешь, когда она корову доит, кружку сунешь под вымя, чтоб прям с пенкой, с пузырями...

Агроном ущипнул себя за круглую розовую щечку и добавил:

— В общем, будем смотреть правде в глаза, а не в это самое... Не гожусь я на роль

вархана, от меня за квартал здоровым русским духом пахнет.

— Несет, — согласился Кир.

Леша покивал.

— Да, Якуша, из тебя вархана не выйдет, не тянут они, так сказать, на тебя. Ты пленником должен быть. А вот Кирюха наш — вот он как раз на захватчиков смахивает. И некая смугловатость в нем присутствует, и волосы темные, да и длинные, а среди захватчиков много лохматых. И худой, засушенный, что твоя вобла. Ну вылитый варханистый паренек! А ну, Кирюха свет Волосатович, примерь-ка разбойничье платье, не побрезгуй.

Кирилл разделся, натянул штаны — они оказались широки, пришлось использовать кушак, который он трижды обмотал вокруг поясницы и завязал сбоку на животе. Рубашку трогать не стал, поверх своей майки надел сразу плащ. Тот оказался неожиданно легким, а еще — широким, не стесняющим движения. Запах от плаща шел непривычный, но не сказать, что неприятный. Вроде как травами какими-то пахнет, хотя может, и чем-то другим.

Яков с Лешей отошли подальше, внимательно его разглядывая.

— А ведь и правда похож! — объявил Леша. — Ну-ка, возьми еще ружье в руки.

Он сбегал в комнату за перегородкой, вернулся с оружием и сунул его Киру. Снова отошел.

— Ну точно, один в один. Кирюха, а не согрешила ли твоя бабка с варханом? Шучу! Но правда похож, Якуша?

— А ты что наденешь? — спросил тот.

— Э-э, ты разве одежду на брезенте не видел? Там много чего найдется, сейчас, погодите.

Леша снова ушел за перегородку, закрыв дверь, и Кир сказал Якову:

— Дурацкий план. Вернее, не дурацкий, а такой... неказистый. Переодеться варханами, на автовозке прямо к ним в главное логово — опасно слишком.

— Любой план опасным будет, — возразил Яков. — Ну, что ты еще предложить можешь? Ничего.

— А если с нами кто-то из них заговорит?

Яков пожал плечами:

— Ну вот тогда по-настоящему опасно станет.

Дверь распахнулась, из нее шагнул сторож, облаченный в нулевую «горку», в защитных пластиковых наколенниках, перчатках без больших пальцев и камуфляжной бандане на голове. В руках — «сайга». Судя по тому, как топорщилась куртка из плотной палаточной ткани, под ней пряталась разгрузка.

— Ну что? — спросил он довольно. — Хорош?

— Хорош! — восхитился Яков. — Но на вархана совсем не похож!

Леша посерьезнел, повернулся к зеркалу на перегородке, прошелся перед ним, оглядывая себя с разных сторон, и махнул стволом «сайги».

— Да чего там, сойдет. Не буду сильно маячить, буду сидеть в телеге вашей тихонько, если мимо патруля вражеского поедem. А Кирилл во весь рост выпрямится, его в плаще ну совсем не отличить. И еще вот что я вам сказать хочу. — Положив оружие на стол и стянув бандану с седой головы, он уселся на стуле верхом, серьезно поглядел на гостей. — Выступать нам надо как можно быстрее. Потому что с каждым днем, с каждым даже часом шансы на то, что найдем лэптоп, уменьшаются. Если он цел, его кто угодно подобрать может.

— А вот если таки не найдем? — спросил Кирилл. — Вот, допустим, пробрались мы туда — а лэптопа нет. Что дальше?

— Тогда нужно к олигарху твоему идти, — ответил Яков. — Он, может, жив, может, нет, может, на том же месте, может, ушел... Но если, ты говоришь, у него офис большой, целая база с подвалами да охрана вооруженная — они могут там оборону держать. Или просто спрятаться. Как-то выжить, в общем. Надежда небольшая, но это хоть какая-то надежда. Поэтому в любом случае — есть лэптоп, нету лэптопа — после идем к олигарху и пытаемся из него информацию вытащить. Всю, что получится. Почему он работами в той лаборатории

заинтересовался, кто его надоумил... всё, в общем.

Яков зевнул.

— Устал я, честно сказать, поспать надо...

Со звоном посыпалось стекло в окне возле кухонного шкафа, и в комнату что-то влетело.

ГЛАВА 18

Выглянув в переднюю смотровую щель, Павел Багрянов сообщил:

— Какой-то автобус там, капитан. Чуть не поперек улицы стоит.

Был вечер. Хорек и пленник спали в среднем отсеке, первый в обнимку с АКСУ, отвернувшись к перегородке, второй — на спине посреди отсека. Игорь, дремавший на сиденье рядом с курсантом, поднял голову, взявшись за лежащий на коленях автомат.

Улица состояла из одинаковых панельных девятиэтажек, среди целых домов, словно больные зубы, торчали обгоревшие, с черными стенами. В проезде между зданиями, задом к улице, приткнулся мусоровоз, борт его разворотило взрывом, содержимое горой лежало на асфальте. Дальше, задними колесами на тротуаре, передними — на проезжей части, стоял небольшой покатый автобус, похожий на обмылок темно-синего цвета. Игоря он насторожил: явно не обычная машина, как-то очень уж обтекаемо смотрится, и окошки узкие, да и почему они закрыты этими тусклыми шторками, смахивающими на свинцовые?

— Тормози, но не останавливайся, — приказал он, поднимаясь.

— А ты куда, капитан?

— В башню.

— Думаешь пушкой по этому...

Багрянец не договорил.

Только позже Сотник понял: они специально оставили машину так, чтобы находящиеся внутри броневика решили, будто в автобусе может притаиться засада.

На самом деле засада, состоящая всего из двух человек, расположилась иначе. Один — снайпер — спрятался перед автобусом. А второй отошел метров на двадцать, укрылся в подъезде, пропустив приближающуюся машину, а когда та притормозила и все внимание находящихся внутри сосредоточилось на автобусе, шагнул наружу.

Игорь только выбрался из переднего отсека, когда раздался взрыв. В замкнутом пространстве он оглушил. Броневик будто получил пинок под зад — дернулся, корму приподняло, она вмялась, сквозь трещины проникли отблески огня.

Хорек заорал, пленник попытался сесть, мотая головой. Корма снова упала на асфальт, броневик накренился, будто припал на задние колеса, под днищем заскрежетало, и он встал. Мальчишка, не прекращая вопить, полез вслед за Игорем, взбирающимся по скобам в башню.

Пуля влетела через боковую щель, ударила в баранку прямо возле пальцев Павла. Багрянец, до того пялящийся в переднюю прорезь, перевел ошалевший взгляд на свою руку, схватился за автомат и полез в задний отсек.

— Боксер, наверх! — прокричал Сотник, вращая запорное колесо. Еще одного выстрела из гранатомета броня не выдержит, и тогда им конец.

Но выстрела не было. Может, жажнули одноразовой РПГ, и другой у них нет? Он распахнул люк, понимая, что может получить пулю в лоб, как только высунется, и крикнул:

— Павел, дай ту тряпку! Быстро!

Хорек попытался выползти наружу, Сотник пихнул его обратно. Из носа мальчишки текла кровь, он моргал, взгляд бессмысленный... контузия, не иначе. Хорек ведь ближе всех был к взрыву.

Багрянец схватил лоскут ткани, которым ранее был замотан паек чужаков, передал Сотнику.

— Капитан, там снайпер еще, он в щель стрелял!

— Знаю!

Игорь выставил наружу ствол АК с тряпкой и стал размахивать им.

Тишина, только потрескивало смятое железо. Связанный пленник на полу сел и замычал сквозь повязку. Хорек похлопал себя по уху и снова полез вверх. Он ужом скользнул мимо Игоря, который пристроился на краю снарядной полки возле лафета. Одной рукой он держался за скобу, а другой тыкал в люк стволом и потому не успел схватить мальчишку.

Тот встал на колени возле люка, поворачивая оружие, пытаясь выстрелить. Из-за контузии все наставления Сотника вылетели из его головы, и он позабыл снять АКСУ с предохранителя.

День был пасмурный, холодный, сплошная пелена облаков закрыла купол. Пахло гарью — дух ее царил над всем городом. Игорь, выставив из люка голову, схватил Хорька за штанину, дернул и повалил на броню. Забрал автомат. Внизу Багрянец опрокинул пленника на спину и поставил ногу ему на грудь. Понимая, что находится под прицелом, Сотник с двумя автоматами выбрался наружу, положил их сбоку от люка и сразу поднял руки. Хорек сел, вытянув ноги. Взгляд его блуждал, красные струйки бежали из ноздрей.

— Замри! — донеслось сзади. — Ты под прицелом!

Сотник не шевелился.

— Сколько вас? — голос прозвучал ближе. — Руки за голову!

— Трое, — сказал Игорь, сплетая пальцы на затылке. — Нет, четверо.

— Так трое или... Это что, ребенок?

— Ребенок. Четверо — потому что один «язык».

— Какой еще «язык»? — теперь говорили совсем рядом, человек стоял прямо за броневином.

— Вражеский боец, — пояснил Игорь. — А я — капитан разведроты.

Он не надеялся «задавить» незнакомца званием, как связиста в первый день нашествия или позже Багрянца — тех, кто устроил эту засаду, подобными штучками вряд ли проймешь. Но, по крайней мере, его слова заставят человека задуматься.

Все это время Игорь рыскал взглядом по улице впереди: да где же он?! Где снайпер? Ведь наверняка перед броневином, скорее всего, не по прямой, а сбоку... Ну да, конечно!

Это напоминало волшебство: вот только что никого там не было — а через мгновение неясное пятно на склоне кучи под задним бортом мусоровоза обратилось человеческим силуэтом. Боец стоял в положении для стрельбы с колена.

Игорь криво улыбнулся. Все правильно. Куда не хочется смотреть? На кучу мусора, к примеру. В подобных местах толковый снайпер и будет устраивать засаду — там, где взгляд нормального человека обычно не задерживается. Именно поэтому Багрянец не заметил бойца в смотровую щель. Даже если бы уставший курсант был бодр и насторожен, если бы он в тот момент специально выглядывал засаду — все равно вряд ли засек бы фигуру, наряженную в грязно-серый, с бледно-рыжими пятнами ржавчины камуфляж типа «леший». Основной цвет города — серый, то есть цвет сухого асфальта. В развалинах он иногда сменяется ржавым — цвет кирпича и песка. Именно таким и был костюм снайпера, именно такого цвета маскировочной лентой было обмотано его оружие. На расстоянии больше шести-семи метров фигура его полностью сливалась с фоном.

Стая ворон сорвалась с крыши, каркая, черным смерчем взмыла над домами и пропала из виду.

Хорек потянулся к автомату, и Сотник сказал:

— Не трогай!

— Вы двое — вниз! — приказал голос. — Кто там внутри, ствол бросай, тоже вылезай! Руки поднять!

Игорь, покосившись в люк, кивнул Багрянцу.

— Эй, а с серым че делать? — спросил тот, кладя автомат на сиденье. И при этом показал пальцем на свою кобуру.

Игорь покачал головой, прекрасно понимая, что если курсант, высунувшись на башню,

попытается стрелять, их с Хорьком тут же завалит снайпер. В такой ситуации никакой спец не станет смотреть, что одна из целей — ребенок.

Багрянец полез наружу, а голос сзади сказал:

— «Язык» пусть внутри остается. Не туда лезешь, правее! Ну!

Сотник спускался так, чтобы от снайпера его закрыла машина, но отдающий приказы это просек, и пришлось, подхватив Хорька, спрыгивать туда, где они будут как на ладони. Он поставил мальчишку рядом, положил руку ему на плечо и собрал в жменю клетчатую рубашку, чтобы Хорек не дернулся никуда. Тот начал приходить в себя — вытер рукавом нос, покрутил головой, потер лоб. Сверху запыхтел выбирающийся Багрянец.

Мальчишка подался вперед.

— Я его вижу! Сотник, гляди, вон, на куче, целится!

— Знаю, — ответил Игорь. — Стой на месте.

— А чего он в нас целится? Мы же свои! Дядька, мы свои, мы не серые!

Снайпер, в своем камуфляже напоминающий какого-то лохматого мусорного демона, стоял в той же позе. Багрянец соскочил на асфальт, потер предплечье.

— Капитан, это кто такие?

Сверху раздался шум — второй боец, которого они до сих пор не видели, полез на башенку.

— Не шевелиться всем троим! — прикрикнул он. — Иначе пуля в голову!

— О, какое дело... — протянул курсант, наконец заметив стрелка на мусорной куче.

Хорек крикнул:

— Гады вы! Своих убить хотите!

— Молчать! — донеслось сверху. Голос звучал глухо: человек сунулся в люк.

Потом застучали подошвы по скобам, и на асфальт спрыгнул мужчина в титановом шлеме и сером пятнистом камуфляже «сплав», с пистолетом Макарова в руках. На груди висел пристегнутый трехточечным ремнем пистолет-пулемет «бизон» с рамочным прикладом и глушителем.

Боец был молодой, не больше тридцати, среднего роста, лицо худое и ничем не примечательное. Встав так, чтобы не перекрывать линию огня снайперу, он оглядел трех людей перед собой, потом быстро обошел их.

— Не шевелитесь. Пацан, ты тоже.

Игоря сноровисто обыскали одной рукой. Хорек дернулся, Багрянец проворчал что-то. Когда спец вновь появился в поле зрения, у него было уже три пистолета. Два «грача», отобранные у курсанта с мальчишкой, он сунул в разгрузку, свой ПМ убрал в кобуру — и навел на них «бизон».

Игорь не опускал рук. В длинном цилиндре под стволом пистолета-пулемета могут быть ПБМ — патроны повышенной пробиваемости. Совсем нет уверенности, что снятая с чужака кожаная жилетка остановит такую пулю с сердечником из углеродистой стали. А вернее сказать — есть полная уверенность, что не остановит.

Хорек без спроса опустил руки и громко спросил:

— Сотник, это у него подствольник? Из него он броневики наш подбил? А почему там дырки нет, ну, спереди?

— Потому что это не подствольник, — ответил Игорь так же громко, чтобы спец слышал, — а шнековый магазин.

— Класс! Как трубчатый? Я знаю про трубчатый...

— Не трубчатый, в этом патроны по спирали. Когда стреляешь, держишься за него, как за цевье.

Спец крикнул, не поворачивая головы:

— Лабус, что у тебя?

— Чисто! — долетело от мусоровоза.

— Их трое, в машине еще один, связан! Подтягивайся!

Снайпер спустился с кучи мусора и быстро пошел к ним, повесив СВД за спину. В

правой руке пистолет. Из-за серых лент на шлеме лицо было плохо видно, хотя Сотник разглядел темные усы. Лабус был пониже ростом, чем напарник, коренастый, шире в плечах. Он остановился в паре метров сбоку от первого спеца, оглядел броневику и покачал головой:

— Ну и техника у этих...

Потер усы, стащил с головы шлем. Темные волосы с сединой, широкое крестьянское лицо — простодушное, молодое еще, но с морщинами. Такими были старшины рот в старых советских фильмах про десантников.

— Зачем в нас стреляли? — спросил Сотник. — Хотели машину захватить?

Спецы молчали, явно не очень хорошо представляя себе, что делать с этими тремя, появившимися из вражеского броневику.

— А чего гранату под днище не закатили? Пару штук всего и...

— Смотри, Курортник, — Лабус хмыкнул, — он нас учить решил. «Языка» мы хотели взять. Не убивать всех, а чтоб допросить потом. Ну и машину чтоб не совсем покорежило... А у вас «язык», стало быть, уже есть?

Багрянец шумно вздохнул.

— От мне имена-фамилии попадают последнее время! Один Сотник, другой Хорек... а теперь еще какие-то лабусы с курортниками. Ексель, ну почему курортник-то?

— Это позывные, — пояснил Игорь. Видя, что первый спец тоже слегка расслабился, он без спроса опустил руки, хотя вообще-то поступать так совсем не рекомендуется. — «Лабус» и «Курортник» — позывные для переговоров.

Хорек вскинул голову.

— Едут!

Все поглядели на него. Багрянец стал чесать лоб.

— Кто едет, пацан? — спросил Курортник, снимая шлем. — Ничего не слышу.

— Да едут же! Такой звук... — Хорек присел, приложил ладонь к асфальту. — Такой глухой! Сюда едут.

— Он у нас чуткий, — подтвердил Игорь.

— Раз говорит, значит, точно едет кто-то, — кивнул Багрянец. — У шкета слух, как у сурка.

Курортник, не отводя от них ствол «бизона», спросил:

— Капитан, говоришь?

— Капитан запаса, — уточнил Игорь. — Игорь Сотник.

— Ах, запаса... И как вы в этом БМП оказались, Игорь?

— Угнали мы его! — выкрикнул Хорек, вскакивая. — Вы что, дебилы совсем?! Мы кучу серых поубивали, броневику угнали, а вы нас за это в плен, да?!

Спецы снова переглянулись, и Лабус сказал:

— А вроде и я теперь слышу... Ну точно! Уходить надо.

— И все это бросить? — Игорь показал на машину. — Там припасы, оружие.

— Ну оружия у нас у самих... — возразил Курортник. — Да и припасов хватает.

— В такой ситуации любая жрачка лишней не будет, — сказал Лабус с интонациями крестьянина, рассуждающего о заготовках на зиму. — И боеприпас копить надо.

Теперь, когда оба сняли шлемы, стали хорошо видны различия между ними. У Лабуса лицо было более мягкое, выражение — добродушное. Курортник казался напряженным и собранным, рот изогнут уголками книзу. И вообще весь он был как сжатая пружина. Игорь отметил, что оба тщательно выбриты — в такой ситуации не каждый будет бриться.

— А вот «язык» нам точно нужен, — добавил Курортник. — Так, ладно... БМП ваш теперь не на ходу?

— Вряд ли, — подтвердил Игорь.

— Тогда нужно «языка» достать.

— А что, если подцепить их? — Лабус оглянулся. — К автобусу, да и оттянуть? Трос у нас лежит.

— Куда?

— Ну, куда... Закатить в тот зал.

— Не понял! — сказал Игорь. — Ваша машина ездит? Как? Все ж стало!

— Правильно, Костя, — Курортник, оглядев еще раз троицу перед собой, опустил «бизон»: — Так, хорошо, перевожу вас в статус «гражданские». Слушаться беспрекословно. За оружие не хвататься, увидим стволы в руках — стреляем на поражение. Это ясно?

— Ясно, ясно нам все, — нервно заговорил Багрянец. — Ты, слышь, гудит же, вон и я теперь слышу, а мы торчим посреди улицы — надо сваливать отсюда к ёкселю, хватит болтать уже!

Пока он говорил, Курортник по скобам полез на броневик. Присев на башенке, спросил:

— Машина на нейтрал переводится, чтоб колеса крутились? Какое вообще управление там?

— Переводится, ёксель, а как иначе? Рычаг кривой такой, его надо...

— Тебя как звать?

— Павел.

— Давай сюда, Павел. Игорь, мальчик — за Лабусом. Пошли!

Сотник с Хорьком побежали вслед за вторым спецом к темно-синему автобусу.

— Эй! — крикнул Игорь. — Почему автобус ездит?

— Экспериментальная модель! — откликнулся тот. — От ЭМИ защищен!

Льющийся из-за домов рокот становился все громче. Был он совсем низкий, от него дрожал асфальт, а из разбитых окон сыпались остатки стекла.

— Что там едет? — спросил Хорек. — Тачанки совсем не так гудят.

— БХМ! — бросил на ходу Лабус.

У автобуса оказались не раздвижные двери-гармошки, а откатывающиеся вбок стальные листы.

— Здесь стойте! — спец нырнул внутрь.

Сзади приглушенно заскрежетал стартер броневика — раз, второй, но двигатель не заводился. Из люка показался Курортник, встал на скобе под башенкой. На одном плече его висели АК, на втором «бизон». Следом показался Багрянец, он тащил пленника.

Высунувшийся из двери Лабус бросил Игорю свернутый трос.

— Сзади крюк, на тросе кольца. Пацан, хватай другой конец и к вашей машине тяни. Там метров пять всего, осторожно, когда я назад сдавать буду.

Асфальт тряся, с громким звоном сыпалось стекло. Игорь размотал трос, схватил один его конец, мальчишка потянул за другой.

Сотник набросил стальное кольцо на толстый металлический крюк, торчащий из-под бампера. Едва он успел это сделать, как автобус медленно покатил назад. Тогда он подхватил трос, чтоб не попал под колеса, и стал отходить. Рядом пятился Хорек.

Вскоре другой конец был приторочен к передку броневика, и Лабус повел автобус вперед. Трос натянулся, машина чужаков поехала. Багрянец, подталкивающий перед собой «языка», и Курортник с оружием быстро шли рядом. Правые колеса броневика прокатали по краю мусорной кучи, после чего Лабус увеличит скорость, и пришлось бежать.

Увидев, что в спешке спец не задвинул заднюю дверь, Игорь вспрыгнул на подножку и заглянул внутрь. В полутемном салоне он рассмотрел несколько сидений с подлокотниками, длинные металлические ящики под стенами, а над ними — погашенные мониторы. Ближе к водительскому месту, отгороженному решеткой с дверью, кабинка; в задней части салона две двухъярусные койки. Напоминало это одновременно машину для слежки из какого-то западного фильма про ФБР и тюремный автозак, вот только в автозаке не бывает ни сортира, ни мониторов, а для машины слежения слишком мало аппаратуры. Кто же такие эти спецы, интересно? Ни на омовцев обычных не смахивают, ни на армейских...

Игорь еще раз оглядел салон — и щелкнул пальцами, догадавшись, наконец, с кем имеет дело.

Миновав жилой дом, автобус повернул к скверику, в котором стояла церковь. В золотистом куполе зияла уродливая темная дыра. На стенах гарь, одна массивная дверная

створка в проеме перекосилась, другая вообще лежала на мощенной камнями площадке под входом.

Игорь кинул взгляд через плечо: Хорек спешил позади автобуса, Багрянец бежал рядом с броневиком, подталкивая чужака, а Курортника не видно — залез обратно, чтобы повернуть.

Он нырнул в салон, раскрыл один ящик. Дальнейшее заняло у него не больше нескольких секунд, и когда Сотник опять встал на подножке, автобус уже въезжал в церковь.

Рокот теперь лился справа — машины чужаков выкатывали на улицу, которую они только что покинули. Игорь, спрыгнув на прогоревший паркетный пол, огляделся. Иконостас, большой покосившийся крест на круглом бетонном основании, по сторонам — двери. Стены украшены пулевыми отверстиями и пятнами гари.

Автобус остановился прямо перед крестом. Броневику, прокатившись еще немного по инерции, тоже встал — целиком он в зал не въехал, задняя часть торчала из широких дверей.

— Толкаем! — из башни показался Курортник.

Все, кроме Багрянца, бросились в обход броневика. Павел оттащил «языка» к стенке, двумя быстрыми ударами сбил с ног и побежал на помощь.

— За пленником следи, Павлуха! — Лабус налег на покореженную корму машины.

— Я его так приласкал, что минут пять он теперь точно не встанет, — заверил Багрянец.

Совместными усилиями они смогли прокатить БМП еще метра на полтора, после чего он ткнулся в автобус. Машины перегородили весь зал, зато теперь можно было прикрыть двери.

Когда тяжеленную створку удалось поставить обратно в проем так, чтобы не падала, рокот чужих машин стал совсем громким.

— Прячемся за церковью, — сказал Курортник. — Павел, давай пленника в автобус пока!

Они с Багрянцем подбежали к чужаку, подняли и потащили к машине. Ноги того волочились по земле, голова болталась: курсант здорово его приложил.

Схватив Хорьку за руку, Игорь поспешил к дверям сбоку от иконостаса.

Построили церковь недавно, позади еще стояли штабеля с кирпичами, возле чугунной оградки, за которой начинался сквер, приткнулся сильно обгоревший вагончик строителей. Игорь собрался было нырнуть в него, но Курортник, выскочивший следом из задних дверей церкви, крикнул:

— Туда нельзя! За кирпичи давай!

Рокотало уже совсем близко. Из двери показался Лабус, потом Багрянец — и все присели за поддоном с кирпичами. Пригибаясь, Сотник с Хорьком подбежали к ним, опустили на корточки.

— Почему не в вагончик? — спросил Игорь.

Курортник, не поворачивая головы, ровным голосом сказал:

— Там кости.

— Чего? — не понял Павел.

— Внутри человеческие кости, — пояснил Лабус, лицо которого заметно напряглось. — Они там трупы жгли. По всему городу теперь такие кучи лежат.

— Едут! — зашипел Хорек. — Вон, вон! Броневику, а за ним... Это БХМ, да, БХМ? Что такое БХМ?

— Боевая Химическая Машина, — сказал Игорь.

— Она как танк, только старый!

— Не похож, — возразил Багрянец. — Гусениц нет.

У трехосной машины был прямоугольный корпус, сверху широкая квадратная башня. Из нее в три стороны торчали стволы, вперед — подлиннее, овальной формы, влево и вправо — короткие и круглые.

— Но почему она химическая? — спросил Хорек.

«Танк» катил медленно и тяжело, казалось, могучие колеса его должны проминать асфальт, оставляя глубокие колеи. Впереди ехал броневик, за БХМ шли, растянувшись длинной вереницей, оборванные люди, по сторонам — вооруженные чужаки. Сзади три тачанки, две с пулеметами.

— Что значит «химическая»? — шепотом повторил Хорек, но никто ему не ответил.

Колонна стала поворачивать вокруг церкви.

— Кто стащил тела в вагончик? — спросил Игорь.

— Гражданские, — ответил Курортник. Лицо у него стало еще более напряженным, кожа натянулась на скулах.

— Их заставили чужаки?

— Они формируют команды, — стал пояснять Лабус, — по десять-двенадцать человек. Несколько этих, как их назвать... Короче, захватчиков несколько за бригадой наблюдают, всегда хотя бы одна тачанка с ними. Стаскивают тела в кучу, с тачанки берут огнемёт, ручной. Сжигают. Еще мусорные баки жгут, помойки, ночью мы видели.

Рокот БХМ накрыл церковный дворик. Люди в толпе спотыкались, падали, им помогали подняться, но никто не пытался сбежать. Конвоиры постоянно смотрели по сторонам — выглядывать из-за кирпичей приходилось очень осторожно.

— Ты, Игорь, разве сам не знаешь, что в городе происходит? — спросил Лабус. — Противник ведь не вчера появился.

— Мы не в Москве были, за городом. Есть у вас бинокли?

— В автобусе.

— Тогда дай винтовку свою, хочу к ним присмотреться.

Игорь протянул руку, но Лабус перехватил его кисть, крепко сжал.

— Но-но, Игорек, не шали, мы тебе еще не настолько...

Спец замолчал, когда в его живот под застегнутой разгрузкой ткнулся ствол «Макарова». За кирпичами наступила тишина, все уставились на Игоря. Багрянец начал усиленно чесать лоб, Хорек сжал кулаки, мстительно осклабившись.

— Где ты пистолет взял? — спросил Курортник. Направить на Сотника «бизон» он не мог, так как Лабус находился между ними, но рука спеца медленно поползла к ножу на ремне, чего Игорь не видел.

— В вашем автобусе. Еще на улице, на ходу.

— Стало быть, завалить нас давно мог. — Лабус не отпускал его запястье.

— Мне это не нужно, мы союзники. А вот оружие — нужно.

— А нам нужно... — начал Курортник.

С криком «Командир, берегись!» Хорек прыгнул на него, зубами вцепился в руку, пальцы которой уже коснулись черной рукоятки ножа, и замолотил кулаками по плечу.

Курортник ударом локтя отбросил мальчишку. Лабус рванул кисть Игоря, одновременно подался назад и ребром ладони врезал по стволу. Курортник отпрянул от кирпичей, чтобы напарник не закрывал от него Сотника, но не успел вскинуть оснащенный глушителем «бизон», выстрел которого в колонне чужаков не услышали бы.

Не успел, потому что в дело вступил Павел Багрянов, курсант четвертого курса и победитель соревнований. С громким «хук!» он нанес четкий боксерский удар сбоку в голову Курортника, и тот мешком повалился на асфальт.

— Спокойно! — прошипел Игорь, вырывая руку из захвата и отталкивая Лабуса. — Всем замереть! Замри, сказал!

Они застыли: Хорек сидя на асфальте рядом с лежащим на боку Курортником, Багрянец — в боксерской позе, казавшейся нелепой и смешной, потому что здоровяк при этом сидел на корточках, а Лабус — наполовину вытащив ПМ из кобуры.

— Не дури, боец, — Игорь медленно опустил свое оружие. — Пистолет в кобуру засунь. Ну! Если начнем палить из «пээмов», они нас сразу услышат.

Лабус вдруг улыбнулся. Качнул головой, выпустил воздух ноздрями и отправил «Макаров» в кобуру.

— Ладно, капитан, — произнес он почти добродушно. — Я на самом деле тебе и так поверил, просто напарник у меня подозрительный мужик.

— Ну тогда хватит со мной как с девушкой обращаться. Я бы вас обоих тридцать раз мог застрелить. Дай винтовку, пока они не уехали, и товарища в чувства приведи.

Лабус потеревбил усы, хмыкнул с таким выражением, будто хотел сказать «Ну, что с тобой поделаешь», и перекинул через голову ремешок СВД. Сунув пистолет за ремень, Игорь взял ее, положил ствол на кирпичи и приник к прицелу.

— Павел, Хорек, и вы успокойтесь, — приказал он напоследок.

Он медленно провел оптикой по колонне, от замыкающих тачанок до броневика, на башне которого сидел чужак с электрическим длинностволом. Броневик ничем не отличался от угнанного с базы связистов, тачанки тоже были привычными, а вот «танк» впечатлял. Колеса у него были как у КРАЗа, корпус здоровенный и, наверное, очень тяжелый, его покрывали клепаные листы темного железа. В нижней части башни виднелись десантные люки... или не десантные, может, просто люки для экипажа.

Чужаки в колонне напоминали тех, что появились из портала, когда Игорь с Павлом и Хорьком прятались в ресторане. На большинстве были широкие шаровары и короткие куртки, хотя попадались и плащи.

Игорь глянул назад. Курортник, сидя по-турецки, держался за скулу, Лабус склонился к нему и что-то говорил. Багрянец опасливо поглядывал на них, а Хорек всюду пялился на колонну.

— Командир, моего батю видишь? Он там может быть!

В последнее время мальчик реже поминал отца, и Сотник надеялся, что его немного отпустило, но сейчас глаза мальчишки вновь лихорадочно блеснули.

— Я же не знаю, как он выглядит, — ответил Игорь.

Сзади донесся голос Курортника:

— Боксер, что ли?

— Мастер спорта, — подтвердил Павел.

— Мастер, твою мать... Как я это чувствую.

Хорек потянулся к СВД.

— Дай мне посмотреть!

— Убери руки, — ответил Сотник.

— Ну так сам его поищи! Он большой такой, волосы светлые, лицо красное, еще лысина у него! Видишь такого? Большой, ну как Багровый, два метра почти!

— Нет там такого, — сказал Игорь, поворачиваясь. Курортник пришел в себя, и хотя Лабус вроде бы успокоил его насчет намерений Сотника, сейчас лучше не находиться к ним обоим спиной.

— Какое звание? — спросил Игорь, встретившись с Курортником взглядом.

— Прапорщики оба. — Спец, морщась, трогал челюсть. — Вот вмазал, мастер спорта!

— А что ж мне делать было? — развел руками Багрянец. — Ты ж за ствол схватился.

— Да все за стволы в тот момент схватились.

Рокот колонны стихал, она выкатывала на улицу за сквером. Все ждали, и Лабус тоже — они хоть и были в одном звании, но Курортник в этой паре явно выполнял роль старшего.

— Звать вас как? — спросил Игорь.

Курортник, помолчав еще немного, произнес:

— Значит, так: надо пообщаться. Идем в церковь, там не барабан обычный, а башенка под куполом, в ней легко оборону держать. Все подходы видны. После разговора решим, что дальше делать. Я — Алексей Захаров, а Лабус у нас Константин Гордеев. Мы из внутренней охраны Федеральной службы безопасности.

ГЛАВА 19

На пол упал большой камень.

И тут же следом влетело что-то еще, быстро вращающееся. Оно врезалось в угол шкафа, разбившись, во все стороны полетели искры.

Яков отпрыгнул и присел. Леша, опрокинув стул, метнулся в комнату за перегородкой. Кирилл, сидящий на стуле у стола, пригнулся.

Шкаф уже полыхал вовсю. Еще один метательный снаряд влетел в комнату — Кир успел заметить, что это бутылка с горящим горлышком, — врезался в стол и разорвался брызгами пламени.

Хакер повалился на пол. На четвереньках обогнул стол, вскочил, закричал, ударяя себя ладонями по груди, наконец сумел потушить сигарету, выпавшую из рта за пазуху, и бросился к перегородке, за которой гудел огонь.

И едва не столкнулся с выбегающим наружу Лешей. На спине его был рюкзак, в руках — «сайга» и охотничье ружье.

— Там горит, вещи спасай! — приказал старик.

Кирилл нырнул в комнату. Окно было разбито, деревянный пол горел, плавилась, растекалась пузырящимися лужицами клеенка — хорошо, что варханской одежды там уже не было. Два рюкзака стояли под столом, огонь подбирался к ним. Кир схватил их.

Его катана лежала на подоконнике разбитого окна.

В другой комнате раздалась выстрелы. Кир бросил рюкзаки, прыгнул к стене и пошел вдоль нее, вытянув руку. Пол горел прямо под окном, языки пламени облизывали торчащую за край подоконника рукоять. Кир схватился за нее, обжигая запястье, отпрыгнул, мельком заметив в окне здание СТОА, на крыше которого стоял подросток в джинсе и раскручивал широкую пращу.

Прижав катану локтем к боку, он снова подхватил рюкзаки и выбежал из комнаты. Яков с охотничьим ружьем и Леша с «сайгой» припали к окнам, выставив наружу стволы. Кухонный шкаф пламенел, стол и часть пола тоже горели. Дым быстро заполнял помещение. Кирилл подбежал к сторожу, положив рюкзаки, стал пристегивать катану к ремню. Обожженная кисть болела.

Леша выстрелил. Джинсовый подросток опрокинулся навзничь, вложенная в пращу бутылка с горящим горлышком покатила по наклонной крыше. Держась за ногу, раненый пополз прочь и свалился с дальнего края крыши, а бутылка в этот момент упала с другой стороны.

Яков негодуя закричал, когда та разбилась об асфальт и растекшееся вокруг пламя поползло по стене здания.

— Автовозка моя! — он бросился к другому окну. — Оттуда никого не вижу, Леша, что здесь?!

— Прячутся, сволочи. — Старик оглянулся. — Баллон может взорваться.

Занавеска, прикрывающая нишу, где стоял подключенный к плите газовый баллон, горела, и потушить ее не было никакой возможности — в том месте огонь был самый сильный, оттуда валил дым и шел ощутимый жар.

— Надо уходить, Леша. — Яков подхватил один из рюкзаков.

— А как? — спросил Кир, накидывая на плечи лямки второго. — Они выход стерегут, наверное. Если у них какое-то оружие появилось, кроме сигнального пистолета...

— Вон он, петух драный! — Леша дважды выстрелил, но не попал в пронесшегося мимо башни на своем велосипеде панка с оранжевым гребнем. Прежде, чем скрыться за станцией техобслуживания, тот метнул бутылку прямоком в сбитую из досок, листов фанеры и жести дверь, закрывающую пролом в основании башни. Она сразу загорелась, дым и языки пламени поползли вдоль стены. Окно, из которого глядели все трое, находилось над проломом, и видно стало хуже.

А ко второму окну было уже не подступиться — теперь там полыхало не меньше, чем возле плиты. За дощатой перегородкой тоже гудел огонь, из двери валили серые клубы.

— Сукины дети! Что творят, что творят! — Леша рывком затянул узел банданы на затылке. — Ведь не с врагами дерутся, на своих нападают! Все, уходим. Без спешки, но

быстро, не паникуем. Рванет — так хоть башня моя им не достанется.

Он направился к двери, за которой начиналась лестница, идущая спиралью вдоль внутренней стены постройки.

— Но куда уходим? — спросил Кирилл.

— За мной, парни! — продребезжал Леша, и подошвы его охотничьих ботинок застучали по железным ступеням.

На первом этаже он сразу свернул под лестницу. В темном закутке была квадратная дверца, такая приземистая, что, не пригибаясь, войти туда смог бы только ребенок. Сорвав незапертый висячий замок, старик открыл ее и протиснулся внутрь. Яков с ружьем в руках пропустил Кирилла.

— Давай, я замыкать буду.

Прежде чем нырнуть в дверь, Кир оглянулся. Закрывающие пролом доски горели; башню наполнял дым, сверху его скопилось уже очень много, да и внизу висела гарь.

Квартира, дом бабы Пани, теперь башня... третье жилище он покидает за считанные дни, причем в последнем не успел даже переночевать. Возникло предчувствие, что теперь ему предстоит все время скакать по разным местам, как дичи какой-то, которую обложили охотники, — ни минуты покоя.

— За мной, Кирюха! — донеслось спереди, и он протиснулся вслед за Лешей.

Короткая лестница, глухая комната с трубами и вентилями... Потом они попали в бетонный желоб с плоским железным потолком. Желоб тянулся прямо, под легким уклоном. Луч фонаря в руках Леша плясал по стенам. Яков сзади сказал:

— Отсюда отойти подальше надо, потому что когда рванет, засыпать может.

— Вперед, — кивнул Леша. — Фонари пока не включайте, экономьте.

Кир едва не цеплял макушкой низкий железный потолок. Под ногами было сухо, лишь иногда попадались небольшие лужицы дурнопахнущей жижи.

— Пересохло-то как, а? — заметил сторож. — Я раньше заглядывал — тут всегда такие потоки... А теперь вот пустыня.

— Может, противогазы наденем? — предложил Кир. — Воняет.

— Ничего, пока терпимо. А в противогазе ты быстрым шагом долго идти не сможешь, если без привычки.

Луч фонаря выхватил из темноты решетку, перегораживающую желоб, но Лешу это не смутило.

— До этого места я доходил, — пояснил он, сворачивая. — Вот дальше не знаю что.

Фонарь осветил овальный темный проход, закрытый решетчатой дверью — без замков, но прикрученной к скобе на стенке проволокой. Леша повесил «сайгу» за спину, достал небольшие кусачки, перекусил проволоку и навалился на дверь. Со скрипом она отворилась, старик шагнул вперед. Когда за Кириллом в узкий коридор вошел Яков, сзади загромыhalo, желоб трянуло, и низкие раскаты, словно от грома, покатались по нему.

— Ну вот... — протянул Леша, пряча кусачки в боковое отделение рюкзака. — Башня-то моя хлипкая уже была, гнилая... А теперь и вовсе нет ее.

— Всё, назад не выбраться, — заметил Кир.

— Ничего, разберемся. Под землей часть пути пройдем, а может и весь.

Он пошел дальше. Позади Кира тихо пыхтел Яков. Коридор плавно загибался влево. Был он совсем узкий, но зато потолок повыше, чем в желобе. Через одинаковые промежутки в нем темнели небольшие круглые отверстия, вокруг которых с бетона свешивались какие-то жирные сопля, довольно мерзкие с виду.

— Я вначале подумал, ты эти подземные ходы знаешь, — сказал Кирилл старику, — а выходит, что нет. Ну и как мы до Красной площади под землей сможем дойти, если плана никакого нет, карты? Не выйдет, заблудимся. Да мы и сейчас не заблудились ли уже?

— Совсем ты, Кирюха, людям не привык доверять, — хмыкнул старик. — Хотя в чем-то и прав — тут заплутать легко. Но это если на нижние горизонты спуститься, а мы сейчас у самой поверхности, так что не робей. Главное, мы знаем: Красная площадь от нас на юге,

немного к востоку забирать надо. У меня компас, ориентироваться мы с Яковом умеем. Так что... Стоп!

Они встали.

— Что, Лешенька? — спросил Яков.

— Дыра тут, я и не заметил сразу — вроде просто пятно темноты под ногами.

— Это же первое правило диггера, — сказал Кир. — Вернее, третье: «Не видишь пола — не ступай».

— Да ладно, она неширокая, перешагнуть можно, — возразил Леша. — Раз... все, давайте за мной. Коридор вон скоро заканчивается.

Когда они оказались на другой стороне черной дыры в полу, Яков спросил:

— Третье, говоришь... А ты, Кирилл, откуда правила диггеров знаешь? Сам под землей лазал?

— Я? — удивился Кир. — Да ни в жизнь! Я подземелья не люблю. Просто читал про диггеров, у меня и в «Кубышке»... ну, в папке компьютерной про них куча инфы есть.

— Во как, — уважительно протянул Леша. — Компьютерной, значит. А какие еще правила, говори, раз уж мы сами диггерами стали?

Кир, то и дело уклоняясь от свисающих с потолка жирных сосулек, стал перечислять:

— Ну, во-первых, минимальное число людей в экспедиции — трое.

— Это как раз про нас.

— Дальше: не пить спиртное под землей. Не трогать оголенные провода, вообще любые железные штуки, даже если они совсем ржавые. Смотреть не только вниз, но и вверх. Лучше не пользоваться открытым огнем, а особенно если гнилью пахнет, мог газ скопиться. Видишь свет — осторожно, разберись, что светит. Слышишь шум в темноте — еще осторожней, пойми, что шумит. По гнилым доскам не ходить, под ними может быть дыра. И... А, дозиметр! Есть у нас дозиметр? Очень его советуют.

— Ну конечно есть, Кирюша. ДРГ у меня, не тикает пока.

— Лестница, — объявил Кирилл, глядя вперед над плечом старика. — Там лестница.

Они остановились. В неглубокой нише пряталась железная лестница, выходящая из квадратного проема в полу и исчезающая в таком же над головой. Кирилл вслед за Лешей подошел ближе. Под ногами, лишь немного ниже уровня пола, застыла маслянистая вода — в луче фонаря она казалось твердой черной поверхностью, не пропуская свет даже на миллиметр, и Кир, не удержавшись, плюнул в проем — убедиться, что это и правда жидкость.

Леша посмотрел вверх и решил:

— Давайте поднимемся.

Кирилл направился за ним, внизу пыхтел Яков. Узкий колодец над коридором закончился комнатенкой с низким потолком и наклонными стенами. В одной — решетка, а за ней...

Они затаили дыхание, глядя между толстыми прутьями. Возле длинного грузового вагона начинался варханский лагерь — там темнели кожаные щиты, дальше был шатер, рядом пыхала дымом из трубы железная печка на колесах. Перед сдвинутой заслонкой на приваренной к печке решетке лежали куски мяса, низкорослый вархан в закатанных до колен шароварах, босой и с голым торсом, при помощи длинной лопатки один за другим отправлял их в печку.

Лагерь начинался метрах в пятнадцати от торчащей между путями бетонной будки, в которой они очутились. Слева были вагоны, справа — только рельсы и шпалы, а дальше перрон, за которым стояли вокзальные постройки. В лагере, помимо пары костров, вокруг которых сидели и лежали варханы, горели несколько синих светильников, свет одного пробивался из шатра сквозь занавешивающие вход шкуры.

— Глядите, парни! — зашептал Леша, тыча пальцем вперед.

Вдоль вагона шли трое вооруженных... нет, не варханов — людей! То есть варханы, конечно, тоже люди, но они чужаки, а эти, судя по одежде и лицам, были свои. Москвичи,

русские... земляне! У всех троих на головах плотно облегающие грязно-серые тюрбаны, а на руках — фиолетовые повязки. Двое постарше, один молодой; они не спеша шагали один за другим, и у каждого было ружье с коротким стволом, но не электрическое, как показалось Киру, а обычное, хотя и варханское.

Троица достигла ряда щитов и свернула вдоль него. Двое молодых при этом повернули головы в сторону бетонной постройки, затем часовые развернулись обратно и пошли по шпалам соседнего пути.

— Это что значит? — спросил Леша. — Предатели!

— Какие-то они странные, — заметил Яков. — Видели, какие у них глаза? Как у... как...

— Как у рыб, — добавил Кир. — И почему все трое с бинтами на головах? Или это не бинты?

Раздались голоса. Сидящие вокруг костров варханы подняли головы, некоторые выпрямились. Через лагерь ковыляли, спотыкаясь, трое военных в порванном грязном камуфляже, со скрученными за спиной руками. Двое хромали, у одного нога совсем не гнулась, колено было в крови.

Леша завожился, рискуя привлечь внимание, сунулся к решетке, осмотрел ее, закрыв от спутников происходящее снаружи, и попятился.

— Не выйти, — прошептал он. — Что же делать?

— А что мы можем сделать? — удивился Кирилл. — Там же целый лагерь, их несколько десятков...

Когда старик повернулся, стало видно, что военных поставили на колени спиной к вагону. Одного качало. Перед ними прохаживалась пара вооруженных варханов.

Раздались гортанные голоса, из шатра выбрался высокий чужак в шароварах, сапогах и кителе.

— У него полосы на плече, — зашептал Яков. — Две, красные. Может, офицер? Раньше я почему-то не видел таких.

— Раньше они плащи носили, — напомнил Кир и, подумав, предположил: — В том месте, откуда они пришли, может быть холоднее, поэтому теперь они форму меняют.

Офицер подошел к военным. Тот, что с раненым коленом, подался вперед и плюнул ему под ноги. Чужак что-то сказал двум конвоирам, они коротко рассмеялись. Варханы со всего лагеря подходили ближе, наблюдая за происходящим. Конвоир поднял пистолет, но офицер сделал отрицательный жест, быстро повернулся и, шагнув назад, схватил за плечо одного из троих вооруженных москвичей, шагавших вдоль рельса. Те остановились. Офицер обратился к ним.

— Стрелять, — долетело до будки. — Стрелять!

Москвичи стояли не шевелясь.

— Они как роботы, — прошептал Кир, внимательно наблюдавший за лицами москвичей.

— Ты о чем? — спросил Леша.

— Кирилл имеет в виду... — Яков замолчал, когда «роботы» встали напротив троих военных.

— Стрелять! — повторил офицер и показал на пленников.

Остальные варханы с любопытством наблюдали. Москвичи подняли ружья.

— Вы чего?! — прохрипел один из стоящих на коленях. — Братки, что же вы...

Один из москвичей, тот, что постарше, вдруг зашатался. Ствол в его руках заходил ходуном. Молодые выстрелили, двое военных повалились под вагон, раненый вскочил, неловко отставляя поврежденную ногу, и быстро шагнувший вперед офицер ударил его ножом в живот. Военный упал на бок, а вархан развернулся к москвичам. Двое, выстрелив, застыли, а третий опустился на колени и слепо тыкал перед собой стволом. Замычав, он бросил оружие, схватился за голову. Тюрбан слетел, обнажив бритую макушку. На ней что-то темнело, похожее на три круглые раны.

Офицер, сунув в ножны извилистый нож, выхватил из рук конвоира оружие с торчащей вбок кривой рукоятью и выстрелил в голову лежащего на земле пленного. Клацнув рычагом, повернулся к москвичу и выстрелил в него. Тот упал. Остальные двое равнодушно смотрели на него.

Офицер произнес несколько непонятных слов. Они продолжали безучастно стоять. Он каркнул что-то — будто выругался. Ткнул одного стволом в плечо, показал на мертвеца, потом — в сторону будки. Повесив ружье за спину, москвич нагнулся, схватил убитого за плечи, второй подхватил его за ноги, и они потащили тело прочь из лагеря. Миновав щиты, приблизились к будке. Прячущиеся в ней наблюдатели затаили дыхание, но москвичи не заметили их — прошли мимо и скрылись из виду.

— Давайте обратно, вниз, — едва слышно произнес Леша. Голос у него был сдавленный.

ГЛАВА 20

В церковной башенке обнаружили четыре окна, из которых открывался вид на всю округу. Когда спутники поднялись туда, начался дождь, скверик возле церкви наполнился шелестом листвы и дробным перестуком капель. Багрянца с АК поставили дежурить возле одного окна, Хорька, получившего назад свой ПМ, — у другого, Лабус с СВД занял позицию у третьего, а Курортник с «бизоном» у четвертого. Игорь присел на краю открытого люка в центре помещения и положил рядом автомат. Чужака, едва очухавшегося после «ласки» Багрянца, они бросили на узкой лестнице, Сотник видел его внизу. У пленника были скованы запястья, от наручников шла длинная цепочка, захлестнутая за перила.

Свою историю капитан хотел завершить как можно быстрее — но не получилось. Курортник повернулся, услышав про стволы в тайнике:

— погоди, Игорь. Это что значит, откуда там...

— Алексей, твоего ФСБ уже нет, — перебил Сотник. — Забудь про службу на государство. Наш управляющий со своим отцом-генералом приторговывали оружием — это все, что я тебе расскажу. Мы с компаньоном ничего не знали, а когда узнали... Вот тогда все и началось. И хватит про это.

Он не стал упоминать, что между подставой партнеров и началом нашествия прошло значительное время, в которое уместились смерть Павла Вольтова, следствие и суд над Игорем.

Курортник смерил Игоря взглядом, однако возражать не стал, отвернулся к окну, бросив напоследок:

— Продолжай.

Сотник продолжил. Хорек несколько раз порывался перебить его, но замолкал под взглядом командира. Лабус, услышав, как Игорь упустил нож из зубов, хмыкнул:

— Со всеми казусы бывают, не переживай. Я как-то исхитрился гранатомет задом наперед на плечо положить в горячке... Ладно, так что дальше?

Закончив, Игорь перевел дух и сделал несколько глотков воды из фляжки, которую дал Лабус.

— Ну а вы? — спросил он. — Что с вами было?

— И кто вы такие вообще? — вклинился Багрянец. — Служба охраны ФСБ — это что значит? Чего охраняете, ФСБ свое?

— Опов, — ответил Лабус.

— Кто такие «опы»? — заинтересовался Хорек.

— Охраняемые персоны. В основном из наших, генералов всяких, полковников...

— Когда те в «горячие точки» ездят? — кивнул Сотник.

— И в «горячие точки» тоже. Нас вообще семь человек в отделении, но сейчас мы вдвоем поехали, потому что работа в Москве, близко, да и никто ничего не ждал.

— Какая работа?

Лабус посмотрел на Курортника. Взгляд того стал сосредоточенным, задумчивым. Он повернулся боком к окну. Дождь усилился, снаружи били косые струи, и правильный, с прямым носом и выступающим подбородком профиль Алексея Захарова чеканно выделялся на их фоне. Что-то его гложет, подумал Игорь. Как Хорька, только прапорщик человек сдержанный, дисциплинированный, да и попросту — взрослый. Конечно, в такой ситуации, как сейчас, любой ощутит себя не в своей тарелке. Одному Багрянцу, кажется, все пофигу — то есть сначала он сильно растерян был, а теперь приспособился. Хорошо, когда у тебя кулаки больше мозга, легче жизнь воспринимаешь. Хотя вот Константин Гордеев — явно поумней Павла, но тоже с виду не очень напряжен. Совсем иначе, чем боксер, но приспособился к положению дел, осознал их, принял — и теперь просто действует так, как считает нужным, и все тут. Флегматичный человек, рассудительный. А вот у Курортника в душе, похоже, целая буря бушует, но он ее тщательно закупорил, как в котле. Под давлением держит... Главное, чтоб крышку однажды не сорвало.

— Где служил, Игорь? — спросил Курортник, встав сбоку от окна, спиной к стене. — В каких местах бывал?

Сотник ответил.

— Что, и в Батуми во время «котла»? — удивился Лабус.

Игорь сухо кивнул — про армейское прошлое он не любил рассказывать, ни гражданским, ни другим военным.

— И выбрался, да не покалеченный? Ну ты молодцом, капитан. А Леху Боблова не знал? Он-то как раз не выбрался, из «мухи» в него азеры...

— Костя! — прикрикнул Курортник.

— А что? — Лабус погладил усы и пояснил остальным: — Не любит напарник всякие такие словечки... А я ж не в уничижительном смысле это, я просто чтоб покороче. Ну, ладно.

Он снова вопросительно глянул на Курортника, и тот кивнул, приняв решение:

— Ладно, рассказывай. Теперь уже все равно.

Лабус заговорил:

— Ну, в общем, мы сопровождали в Лефортовский СИЗО замначальника ФСБ. Там наш бывший изолятор. Ну, бывший — не бывший, а до сих пор наших клиентов иногда в нем держат.

— И что за клиент был? — спросил Игорь.

— Да неважно. Ну, Нака Гаргаев.

— Черный Нак? Он же убит, говорили. Люди из конкурирующего тейпа постарались.

Курортник отвернулся к окну, а Лабус хмыкнул:

— Кто говорил, бабки на лавке? Или в Интернете вычитал? Побольше там сиди — еще много чего узнаешь. У нас он, в том-то и работа была, чтоб все на кровников думали. В общем, зам ездил на допрос, мы его сопровождали. Так получилось, что вдвоем, остальное отделение на учениях полевых за городом, а нас из отпуска вытащили срочно. У нас автобус. — Лабус ткнул вниз пальцем. — Любое отделение охраны таким оснащено. В нем все причиндалы: оружие, снаряжение... На этой машине и прикатали. Хотя наш-то как раз автобус не такой, как у всех. Зам ездил в Лефортово тайно, очень тайно, то есть вплоть до того, что он с нами в автобусе сидел, а не в машине, как обычно. Операция с Гаргаевым потому что такая... тонкая была, мало кто про нее знал. Там вообще такая большая политика, что суши весла, почти никто не...

— Ну, хватит про это, — перебил Курортник, — ты так до вечера проговоришь. Короче, когда мы были в СИЗО, все и произошло. Оборонялись вместе с тюремной охраной. Сначала вроде легко было, техника у противника слабая, оружие тоже, только ружья эти необычные. Но связи толком нет, что происходит — непонятно. Три дня держали в тюрьме оборону. Они нас закидывали большими зажигательными снарядами, такой при ударе не взрывается, а скорее расплескивается, если кто рядом — сгорает как факел. Липкая горячая гадость пристает ко всему: бетону, камням. Долго горит, температура большая. Атаки на периметр мы отбивали, но в тюрьме начались пожары.

— Решили прорываться, но эки подняли бунт, — вставил Лабус.

— Бунт! — удивился Багрянец.

Курортник пожал плечами.

— Бунт, не бунт, а как-то они в суматохе из камер вырвались. Не все, но много. Часть охранников положили, попытались наружу ломануться. Восстания никто не ожидал, когда эки освободились, нашего зама они завалили, потому что он тогда в тюремном корпусе был, а нам приказал защищать следственный корпус. Нас зажали с двух сторон: снаружи противник, внутри толпа эков. Отогнали их, они куда-то на закрытые объекты нырнули. Костя потом предположил: вниз ушли, там же подземные уровни есть.

— Тут противник подогнал к тюрьме БХМ, — продолжал Лабус, — сразу несколько. Игорь, видел в прицел, там стволы по бокам? На них шланги насаживают и газом начинают окрестности поливать. Но сначала из переднего ствола, который овальный в срезе, стреляют такими газовыми патронами или капсулами — те, когда падают, разрываются, выплевывают облако.

— Но ведь противогазы... — начал Багрянец.

— Не действуют! — отрезал Курортник. — Маски этих чужих газ держат, а у наших фильтры забиваются почти сразу. Газ непонятный какой-то, тяжелый. Выше третьего-четвертого этажа не поднимается, даже если целое облако напустить.

Он достал из разгрузки пачку сигарет, а Костя продолжил:

— Газ таким густым сизым туманом висит над землей. Фильтры глохнут почти сразу, тогда человек либо задыхается, либо снимает маску... И задыхается еще быстрее. Судороги, рвота и конец.

— Товарищ прапорщик, а можно сигарету стрельнуть у вас? — спросил Багрянец. — Я два блока в ресторане нашел — так забыл оба там.

Курортник дал ему сигарету, они закурили.

— И мне! — шагнул от окна Хорек.

— А тебе рано еще, — отрезал Костя. — И не тяни руку — не дам!

— Хорь, следи за своей стороной, — велел Игорь, и насупившийся мальчик вернулся к окну. Игорь добавил: — Я видел маску одного чужака вблизи, даже фильтр раскрутил.

Спецы живо повернулись к нему, Алексей спросил:

— Что внутри?

— Какое-то абсорбирующее вещество незнакомое. Кашица зеленоватая, она пузырилась там. Понятия не имею, что это такое.

— А как вы спаслись из тюрьмы? — спросил Хорек.

Лабус ответил серьезно, будто взрослому:

— У нас и у охраны тюрьмы противогазы разных моделей. Наши газ чуть дольше держали. Когда началась атака БХМ, мы в автобусе наружу прорвались.

— А почему все машины стоят, а ваш автобус едет?

— Потому, парень, что это спецмашина, не просто защищенная от ЭМИ, *особо защищенная*, понимаешь? Новейшая опытная модель. Любимое детище того самого зама, он этот проект лично вел, потому в спецавтобусе в Лефортово и ездили. Все равно после появления купола он забарахлил, я больше суток в нем копался, пока запустил. В СИЗО особая подземная автомастерская есть с гаражом. Там нужные детали нашлись, кое-как запустил автобус. Так вот и спаслись. С нами еще четверо охранников, но они все отравились и погибли. Потом мы прятались по разным местам, наблюдали, что происходит. Противник десантируется через эти зеленые воронки, вы их наверняка видели. БХМ шныряют по всему городу, их всегда сопровождают машины боевого охранения и пешие. Накроют газом несколько домов — все, кто на нижних этажах или в подвалы спустились, гибнут.

— С омононовцами и прочими таким же способом справлялись, — предположил Игорь.

— А как иначе? Леха вот теорию выдвинул: у захватчиков сообщники где-то в верхах. Может, не в самом правительстве, но враги проинформированы о расположении главных военных и полицейских баз в столице. Шире — мест, где есть большое количество оружия.

Такие объекты после начала вторжения, в момент основной паники и неразберихи, окружали и заливали газом. После атаки газ опадает, просачивается через всякие трещины под землю. Если кто в канализации, в метро — им тоже конец почти гарантированный. Тех, кто выжил на верхних этажах многоэтажек, стгоняют вниз, одних сразу отстреливают, из других формируют бригады, которые стаскивают трупы в кучи, а третьих угоняют куда-то. Трупы жгут. Это все, что мы успели понять, но надо еще разведанные собирать, потому что вообще-то пока мало что ясно.

— Они угоняют людей? — Игорь выпрямился. — Куда? Это же важно. Для чего им пленники, их ведут в одно место или нет? Вообще есть логика какая-то? Кого из тех, кто не отравился, они убивают, кого угоняют?

Курортник выпустил ноздрями табачный дым.

— Людей гонят на юг, кажется. А, Костя?

— Не знаю, мы ж только ночью видели. Вроде в одном направлении всех уводят. К Красной площади, что ли?

— К Кремлю? — снова влез в разговор Хорек. — Надо ехать туда!

— Зачем это? — удивился Лабус.

— Чужаки забрали его отца, — пояснил Игорь. — Еще в первый день, он его с тех пор везде выглядывает. Хорь, сейчас мы к Кремлю не поедem.

Хорек поник, но возражать не стал — он вообще, получив пистолет, вел себя потише и больше слушался.

— Вы потому на броневик напали, что он один ехал?

Курортник бросил окуроч на пол и раздавил подошвой.

— Ну да. Мы вообще-то «языка» хотели взять, поэтому ручные гранаты не стали использовать. А то бы вам конец.

Все замолчали. Пленник внизу пошевелился, Игорь заглянул в люк. Блондин сидел на ступеньках в неудобной позе, иногда позвякивая цепочкой наручников, и смотрел вверх, часто моргая. Стягивающая рот повязка намокла от крови — Багрянец сквозь ткань разбил ему губы.

Что там за мысли в этой светловолосой голове, какие чувства? Одно Сотник мог сказать точно: чужак их не боится. Ничего, скоро начнет бояться, подумал он и отвернулся. Дождь почти стих, было пасмурно, прохладно и сыро, в помещение под куполом задувал промозглый ветероч.

— Парни, а как вы в охрану ФСБ попали? — нарушил молчание Багрянец. — Я б тоже хотел, туда спортсменов берут?

— В армии отслужили, — сказал Лабус, — подали в ФСБ документы, проверку прошли, после этого попали в штат учебного подразделения. Повысили квалификацию и получили прапорщиков. Стали работать. Так до капитана можно дойти. То есть можно и выше, но тогда надо академию ФСБ заканчивать. А ты хочешь, чтоб тебя за то, что ты спортсмен только, взяли?

Он улыбнулся. Игорь поднял голову, почувствовав пристальный взгляд. Курортник смотрел на него в упор.

— Капитан... Буду тебя капитаном называть, хоть ты и гражданский теперь. Что делать собирался?

— До того, как мы с РПГ и СВД в клешнях появились, — хмыкнул Лабус.

— Схрон подыскать, — ответил Игорь. — Думал, подвал под магазином каким-то или стройку. Обосноваться там, потом людей еще найти. Таких... — он искоса окинул взглядом Хорька с Багрянцем. — Нормальных, короче. А дальше... Я ж разведчик. Значит — разведывать. Ну и действовать потом.

— А как?! — Курортник подался к нему, так сжав пальцы на магазине «бизона», что побелели костяшки. — Я тоже думаю: действовать. Но как? Перестреливаться с противником, громить патрули? Что это даст? Несколько дней уже прошло! Что это значит? Всё, помощи не будет, сквозь купол не пройти, да?

Сотник кивнул.

— Точно мы этого не знаем, но если бы он был проницаем — тут бы уже столько наших было...

— Не пройти, — уверенно повторил Курортник. — И наружу выхода нет. Так что делать? Нужен план. Но мы больше силовики, мы таким не занимались. Нет у нас никакого плана!

Впервые в голосе его проявилась растерянность.

— А его сейчас и не может быть, — возразил Игорь. — Тут же все последовательно. Надо поставить четкие цели. Разработать под них стратегию. Для этого собрать тактические данные — то есть как можно больше информации о противнике, его методах, задачах, численности, структуре подчинения. Обо всем. Допрашивать «языка», делать вылазки. Обосноваться. Провиант, боезапас...

Снизу донеслось громкое звяканье, и он заглянул в люк. Пленник выпрямился и дергал цепочкой, соединяющей наручники с перилами.

— А ну застыл! — зло выкрикнул Хорек, подскочив к люку. — Замри, гад!

Игорь взял мальчика за плечо.

— Спокойнее, Хорь.

Чужак поднял к ним лицо и вопросительно замычал сквозь окровавленную повязку.

— По-моему, он хочет нам что-то сказать, — заметил Лабус. — Павел, держи ключ. Подними «языка» сюда и сними с его морды эту тряпку, слушаем парня...

ГЛАВА 21

— А это что такое? — спросил идущий впереди Леша.

Они остановились, когда раздался приглушенный шум. Донесся он из-за глухой металлической двери с засовом и квадратной решеткой на высоте лица, которой заканчивался коридор.

— Почему встали... — начал Яков, но Кирилл, оглянувшись, прижал палец к губам, и агроном умолк.

Стало темно — Леша выключил фонарик.

— «Слышишь шум в темноте — пойми, что шумит», — тихо пробормотал Кир.

Звуки усилились — плеск и цоканье. Кто-то бежал за дверью, да не один. Будто ледяной волной, Кира окатило страхом — как тогда, ночью в развалюхе бабы Пани. Он даже отпрянул слегка, и в спину ему уперлась ладонь Якова.

— Что ты? — едва слышно спросил агроном.

— Я... — начал Кирилл сдавленно, не в силах описать свои чувства. — Это та же тварь. Она будто излучает что-то. Только теперь их много!

Плеск и цоканье усилились, издавала их явно не одна и не две пары лап. Существа бежали мимо двери. Яков тоже ощутил темную волну, расходящуюся вокруг неведомых тварей: пальцы его судорожно сжали ткань куртки на спине Кира. А вот Леше все было нипочем. Он снова включил фонарик, направив луч в пол, бесшумно подобрался к двери и посмотрел между прутьями решетки. Звуки начали смолкать; вскинув фонарик, Леша направил луч наружу. Последнее едва слышное «цок-цок» донеслось из-за двери, и воцарилась тишина.

— Ну хорошо, — огляделся он, — убежали крысы, чего вы там застыли? Сейчас я замок открою, дальше пойдем.

— Это не крысы, — возразил Кир, стряхивая оцепенение. — Не так бежали.

— Посвети мне, Кирюха. Да нет, не включай, мой возьми.

Кир взял фонарь, и Леша склонился над засовом.

— Не вижу замка, — продребезжал он, дергая ржавый брус. — Что ж не открывается? Ржавчиной схватился... Не крысы, говоришь? И как же они «не так» бежали?

Кир не сразу сообразил, что последние слова обращены к нему. Он неопределенно

пожал плечами.

— Между цоканьем время проходило слишком большое. То есть как бы ритм не такой, как от крыс должен быть, — что-то более крупное.

— Много ты крыс слышал, — хмыкнул Леша. Повернулся к двери боком, упершись в стенку ногой, вцепился в засов и дернул. Тот рывком съехал в сторону, старика качнуло к стене. — Вот так! Якуша, готов?

— Всегда готов! — откликнулся тот.

— Кирюха, а ты посторонись, раз у тебя только холодное оружие.

Кир отступил назад, Яков с ружьем наизготовку протиснулся мимо него. Леша молодецким ударом ноги распахнул дверь, они сунулись в проем, выставив перед собой стволы, оглядели помещение. Кир взял фонарик с пола, осветил. Спутники вышли из коридора, и он шагнул за ними, отдав фонарь Леше.

Круглое помещение наполнял тихий-тихий шелест, будто эхо сотен шепотков. В стене темнели круглые отверстия в человеческий рост, Кир насчитал их дюжину — двенадцать больших труб сходились сюда со всех сторон. Шум доносился из них. Пол неровный — пологий конус, в центре которого начинался вертикальный колодец. Метрах в пяти над головой стены становились наклонными и сходились к пятну света далеко-далеко вверх. Сумеречного, серого дневного света.

— Так, ага, а ну-ка... — Леша скинул рюкзак, присел и расстегнул его.

Между трубами из стены выступали бетонные кубы, и Кир, тоже сняв рюкзак, присел на один. Достал свой фонарик, включил и положил так, чтоб тот освещал все помещение.

Яков, несколько раз глотнув из фляги, спросил:

— А ничего, Кир Иванович, твои правила дигтеров не говорят насчет курения под землей?

— Вроде нет. Я, по крайней мере, не помню.

— Ну, давай тогда по одной.

Пока они закуривали, Леша достал бинокль и уставился вверх. Кир спросил:

— Лестницу видите? Только она сломана, не подняться.

Железная лестница тянулась от светлого отверстия вдоль стены и обрывалась высоко над полом.

— В моем рюкзаке веревка лежит и «кошка» раскладная, — заметил Яков. — Можно было бы попытаться набросить.

— Завалено. — Леша опустил бинокль. Закашлялся, сплюнул и повернулся к спутникам. — Там вроде вентиляционного выхода. Отсюда трудно понять, но я так представляю: бетонный конус над землей, полый, в нем решетка. Видели такие — в парках где-нибудь или возле подземных переходов иногда? Вот там вверх что-то такое. Но! — убрав бинокль в рюкзак, он поднял указательный палец. — Будку эту наверху развалили. Обломки видны, а сбоку какая-то железяка торчит, не разобрать. Не то авто в будку врезалось, не то еще что-то. Может, там и не вылезти теперь.

Покачивая «сайгой», он пошел вдоль стены. Кирилл заметил, что походка у Леши стала менее пружинистая и бодрая.

— А может, и вылезти, — возразил Кир раздраженно. Ему очень хотелось выбраться из подземелий на поверхность.

Взяв фонарик, он на корточках, зажав сигарету в зубах, сполз к отверстию в центре пола.

— Осторожно, Кирилл, — предостерег Яков. — Тут тебе не компьютерная игра, вниз бахнешься — костей не соберешь.

— Ты не так должен был сказать, — тихо, чтоб Яков не слышал, проворчал Кир. — Ты должен был сказать: «Тут тебе не компьютерная игра, тут дэднишься — респауниться не получится, чекпоинтов нет»...

— Что-что? — спросил Яков.

— Говорю, дно видно, — ответил Кирилл, склонившись над дырой и освещая

уходящий вниз колодец. — Далеко, но видно.

Он щелчком отправил туда окурок, который ударился о стену, сыпанув угольками, отскочил и уже почти погасший упал на дно.

Там зажглись два крупных желтых глаза, уставились на Кира — и хотя до них было с десяток метров и лестница в колодце отсутствовала, он отшатнулся, едва не сверзившись вниз, поскользнулся и сел, выпустив фонарик. Хорошо, его удержал ремешок, который Кирилл предусмотрительно набросил на запястье.

Он дал задний ход, упираясь в пол каблуками. Железный ободок фонарика скреб по бетону. Когда Кирилл присел на куб, колени еще слегка дрожали.

— Леша, ты куда делся? — позвал Яков.

— Здесь я, — донесся из одной трубы слабый дребезжащий голосок.

— Что с тобой? — Яков поднялся. — Леша!

— Ничего, иду уже. За мной не ходи, Якуша, не надо, и Кира не пускай. Сейчас я, сейчас...

Старик говорил как-то сдавленно, и Кирилл тоже выпрямился, положив руку на катану. Почему-то вдруг почудилось: Лешу взяли в оборот варханы, приставили к затылку ствол и заставляют отвечать, чтобы его спутники думали, будто все в порядке.

Раздались шаги, он крепче сжал рукоять, едва не выхватил катану из ножен, когда старик появился из трубы... один. Ссутулившись и держась за горло, Леша подошел к ним.

— У тебя приступ? — спросил Яков.

— Какой приступ... тела там.

— Тела?

Леша достал из разгрузки под курткой флягу, открыл и принял к ней. Кир заметил, как тяжело, напряженно он глотает воду — будто каждое движение кадыка доставляло ему боль. Напившись, старик вытер рот рукавом, сунул флягу обратно и сказал:

— Мертвецы там лежат, парни. С десятка, я и считать не стал. Женщины тоже и, кажется, пара детишек.

— Далеко? — спросил Яков и помахал рукой с растопыренными пальцами. — Вроде я запаха не...

— Тут — «не», а там — «да»! — отрезал Леша. — Дальше эта труба с другой пересекаются под прямым углом. По второй идет углубление такое квадратное, в нем вода. Они в воде лежат.

— Утопленники, что ли? — спросил Кирилл.

— Нет. Позы характерные... и лица искаженные. Газ это. И чемоданы какие-то валяются, сумки. Я, конечно, не стал копаться, страшная слишком картина. Хотя на многое посмотрелся, но отвык. Тогда, помнишь, Якуша, привыкли — такие страсти видели, и ничего, а теперь... — старик содрогнулся, обхватил себя за плечи. — В общем, это вещи тех, кого газ варханов под землей настиг. Хорошо, нам в ту сторону не надо, нам в эту трубу.

Он кивнул на одно из отверстий, и Кир спросил:

— Почему именно в эту? По каким приметам ты определил?

Надев рюкзак, Леша пояснил:

— Ну, вообще-то трубы все одинаковые, но именно эта в юго-восточном направлении ведет. Идем.

Кир, глянув на светлое отверстие вверх, взялся за лямку.

— Учти, если заблудимся, то по твоей вине.

— Не заблудимся, — ответил Леша, шагая в трубу. — До самой Москворецкой так дойдем.

* * *

— Ну что, заблудились? — Если бы сарказм Кирилла был светом, то им можно было озарить всю московскую подземку. — Может, теперь дорогу у кого-то спросим? У крысы

встречной или еще у кого? Или можете у меня спросить... Афанасьевич, не хочешь спросить у меня, как отсюда выйти?

— Как отсюда выйти, Кирилл? — спросил Яков устало.

— Не знаю! — отрезал Кир и отвернулся.

Хорошо хоть фонарик горел ровно и ярко, и в запасе у них были еще два, и батарейки имелись, — а то от всего этого впору было впасть в депресняк. Теперь они находились внутри узкой, так что и не выпрямишься в полный рост, трубы, состоящей из широких бетонных колес, неровно пригнанных, с сыплющейся из щелей влажной землей. В некоторых местах капала вода.

Положив рюкзак под спину, Кир попытался вытянуть ноги, но они уперлись в противоположную стенку трубы. Хотелось спать, глаза слипались. Еще хотелось курить, но Яков запретил — от дыма Леше становилось хуже, хотя тот и крепился, мол, ему все нипочем. Агроном сидел рядом, прикрыв глаза, а старик уполз вперед по трубе, чтобы разведать обстановку.

— Когда были под той светлой дырой, надо было «кошку» на лестницу бросать, цепляться, выползать наверх, — продолжал Кир. — А вы... «До самой Москворецкой дойдем!» — он передразнил дребезжащий голосок старика.

Сбоку протянулась рука, схватила его за шиворот, дернула. Повернувшись, он едва не столкнулся носом с Яковым.

— Кирилл, я очень тебя прошу: не делай больше так, — произнес агроном. — Леша — он...

— «Хриплость или другие изменения голоса, боль и дискомфорт при глотании, частый кашель, кровяные прожилки в слюне», — перечислил Кир.

Еще несколько секунд Яков смотрел ему в глаза, потом отпустил.

— Много знаешь, память хорошая. Это тоже из твоей «Кубышки»?

— Да. А помню потому, что у меня мать умерла от рака, хотя и не горла, но я столько всего про него тогда прочел!.. Симптомы ясные.

Яков посмотрел вдоль трубы — фонарь старика горел далеко от них — и заговорил тише:

— Леша крепится, как может, но ему немного осталось. А ведь такой мужик сильный был... Быстрый, резкий, как выстрел! Поэтому проявляй уважение, Кирилл.

Кир отвернулся, чтобы не сказать в ответ какую-нибудь грубость. Из глубины трубы донесся голос Леша:

— Сюда идите, тут просвет!

На короточках они поспешили в ту сторону. Леша согнулся в три погибели над круглой решеткой в одном из бетонных колец, светил фонариком, поворачивая его из стороны в сторону.

— Это же метро! — воскликнул Кирилл, заметив, как блеснули вниз рельсы. — Тоннель метро. По нему можно на станцию... А решетку как снять?

Он вцепился в толстые прутья, подергал, потом лег, наклонил голову, осмотрел края отверстия. Концы прутьев были утоплены в бетон — не вырвать. И не сломать, конечно, а чтобы перепилить, столько времени понадобится...

Он поднял глаза на Лешу с Яковым.

— Никак. А в этой трубе что дальше, куда она ведет?

— В сортир ведет, — сказал Леша и закашлялся — мучительно, с судорожными хриплыми вздохами, схватившись за шею обеими руками.

Яков молчал, с жалостью глядя на друга.

Кир привстал, перешагнув через решетку, протиснулся мимо содрогающегося в спазмах Леша, снова опустился на четвереньки и пополз по трубе, включив фонарик.

Вскоре она закончилась, и к этому времени смолк кашель за спиной. Труба выходила под потолок облицованного плиткой длинного помещения с разбитыми писсуарами и сломанными перегородками кабинок, где стояли унитазы. Оглядев все это сквозь решетку с

тонкими прутьями, Кирилл кое-как перевернулся, ногами вышиб ее и спрыгнул. Прошелся вдоль стены с раковинами к двери в другом конце уборной.

Вскоре из отверстия под потолком высунулись Яков с Лешей.

— Замок есть, а ручки нет, — сказал Кир равнодушно, когда они подошли к нему. Голос звучал гулко, отдаваясь коротким эхом. — Выбить легко. Давайте, пушки свои приготовьте.

Спутники подняли оружие, а Кирилл попятился, с разбега врезался в дверь плечом — и вылетел вместе с ней в следующую комнату, оказавшуюся небольшим складом. Под одной стеной рядом стояли отбойные молотки, под другой — стеллаж, забитый обрезками труб, ящиками с гайками, винтами, гвоздями и шурупами.

— Что тут у нас? — Леша прошелся по помещению. Выглядел он больным: лицо бледное, походка вялая. — Так-так, ага... «Пропан-бутан», — прочитал старик надпись на баллоне, прислоненном в углу возле ящика, полного железных опилок.

Здесь были две двери: та, через которую они вошли, и другая, у стеллажа. Яков толкнул ее стволом ружья, заглянул, потом шагнул в проем. Кир, набрав пригоршню гаек из коробки, вошел за ним. Во второй клетушке уместились две койки, между ними — стол и стул без одной ножки. На столе пожелтевшая газета с рыбьими хребтами, а рядом, разложенные длинным зигзагом с отходящими в стороны «ветками», костяшки домино.

В дальней стене, рядом с вешалкой, где висели ватники, виднелась очередная дверь. Яков сразу пошел туда, а Кир присел на край койки. В комнату шагнул Леша. Вдвоем с Яковым они попытались открыть дверь — она немного сдвинулась и застряла.

— Кирюха! — позвал Леша.

Вздохнув, Кир подошел к ним, посветил в щель фонариком.

Снаружи было просторное помещение, заваленное всяким металлическим хламом, который громоздился до потолка и мешал двери раскрыться.

— Выше посвети, — сказал Леша и снова раскашлялся. Прижимая ко рту кулак, невнятно заговорил: — Лестницу вижу. Широкая, наверх идет... По всему — до поверхности недалеко совсем.

— Но как открыть? — возразил Кирилл.

Леша попятился и сел на койку.

— Там баллон есть, — заметил он неопределенно.

Яков вопросительно посмотрел на него, потом на Кирилла. Помедлив, тот произнес:

— Пропан-бутан, сжиженная смесь двух нефтяных газов, не ядовит, при смешении с воздухом образует взрывоопасную смесь.

— Вот именно, — подтвердил Леша. Голос у него был совсем слабый, едва слышный. — Именно что взрывоопасную. Можем спрятаться на складе, тут поджечь тряпье, баллон открыть...

— Опасно, — сказал Кир.

— Да жизнь-то теперь вообще опасная пошла. А как еще? Там, за лестницей, ход наверх точно есть.

— Тот ход тоже может быть чем-то перекрыт, — возразил Яков. — Но вообще, конечно, отчего бы и не взорвать?

— Ну вот, значит, подтащим его, — говоря это, Леша выпрямился. Взмахнул руками и вдруг повалился вбок. Если бы он упал назад, то очутился бы на койке, а так рухнул прямо на пол, ударившись головой о стену.

— Леша! — вскрикнул Яков, бросаясь к нему.

Кир тоже поспешил к старику. Тот кашлял, сжимая горло, пытался вдохнуть, извивался, выпучив глаза.

— Леша, как ты?! Леша!

Они подняли его, положили на кровать. Кир отнял руки старика от шеи. Леша засучил ногами, резко сел, едва не врезав ему лбом по носу, — и наконец с сипением втянул воздух.

— Дыши, Лешенька, дыши! — Яков трясущимися пальцами пытался открыть флажку. — Может, воды? Или не надо? Леша, как тебе помочь?!

Старик вдохнул снова — теперь это далось ему легче, — выдохнул, вдохнул...
— Это все из-за подземелий, из-за воздуха местного, спертый он тут, нехороший! — сокрушался Яков.

Они снова уложили Лешу на койку, и Кир накрыл его варханским плащом. Старик, слабо цапнув Якова за плечо, заставил того нагнуться и прошептал:

— Передохнуть бы, Якуша. Немного... совсем... потом... потом взорвем...

— Отдохни, отдохни! Надо тебе сейчас что-то, ты скажи? Поесть хочешь?

Леша покачал головой.

— Ему плотать должно быть больно совсем, — заметил Кирилл.

— Попить дай, — шепнул Леша.

Сделав несколько глотков из фляги, он прикрыл глаза и затих. Яков, попятившись, сел на койку рядом с Кириллом, успевшим снять рюкзак.

— Значит, отдохнем тут немного, Кир Иванович. Я понимаю, не нравятся тебе эти подземелья, но мы сейчас к цели ближе, чем раньше.

— Да мы крутились туда-сюда, зигзагами ходили, — возразил Кирилл.

— Но все равно на юго-восток двигались.

Кирилл молча изучал стену перед собой. Леша на другой койке тихо сопел.

— Ведь железный человек, — шепотом посетовал Яков. — Другой бы уже в больничке на химиотерапии загибался, а он живет. Каким мужиком крепким был — сутками мог идти, да по джунглям. А теперь...

Он повернул голову к молчащему Кириллу, помедлив, спросил:

— Что, Кир, надоели мы тебе оба? Два безумных старикашки...

— Ты еще не старик, — возразил Кирилл.

— Но близок к этому.

— Туда глядите, — прозвучало рядом, и они посмотрели на Лешу.

Тот лежал навзничь, подняв руку с вытянутым указательным пальцем.

— Лешенька, ты бы отдышал! — всполошился Яков.

— На том свете отдохну. — Старик сел, придерживаясь за стену, спустил с койки ноги. — Говорю же: поглядите вверх.

В потолке над его койкой был большой ржавый люк.

— Попробуем туда, — решил Леша. — Или так пролезем, или взорвем.

ГЛАВА 22

Пленник присел, мазнул пальцем по лицу там, где из разбитого Багрянцем рта текла кровь, и попытался нарисовать что-то на полу башенки. Остальные наблюдали. Чужак сморщился, когда стало ясно, что с рисунком ничего не выйдет, поднял на них взгляд и сказал, улыбаясь:

— Пенц.

Они молча ждали, что будет дальше.

— Пенц! — повторил чужак настойчиво и снова улыбнулся. — Пенц мека!

Он сделал вид, будто пишет на полу, стукнул себя в грудь.

— Мека. Пенц. Дака.

— Дать тебе карандаш? — спросил Игорь. — Хочешь нарисовать что-то? Написать?

— Пенц!

— Пусть на стене нацарапает, — пробурчал Хорек и, недоверчиво глядя на пленника, ногой подтолкнул к нему валяющийся на полу ржавый гвоздь.

Чужак сразу все понял — схватил его и стал корябать какие-то знаки.

— Это ж змеюка! — объявил Багрянец, приглядываясь. — Такую мы видели у него на этом... на рисунках, ну, в коже той свернутой.

Он пояснил удивленно молчащим спецам:

— Только там змеюка себя за хвост кусала, а тут нет.

Действительно, изображенная чужаком тварь, свернувшаяся овалом, разинула пасть, но до своего хвоста не дотянулась — оставалось небольшое расстояние.

— Что это такое? — спросил Хорек. — Почему такая змея?

— Змея, кусающая саму себя за хвост, это символ, — пояснил Игорь.

— Чего за символ?

— Бесконечности, кажется. Не помню, никогда этим не интересовался.

Чужак повернулся, и Хорек отскочил от него, схватившись за пистолет.

— Спокойно! — велел Игорь.

Пленник развел руки насколько позволяли наручники, потом свел их вместе и двумя пальцами ткнул в пространство между пастью и хвостом змея на стене. Снова развел руки.

— Бузбарос. Бузбарос валд! Вархан валд десатрат. Десатрат — бох! Бох! Бузбарос ата валд. Ата!

— Не понимаю совсем, — засопел Хорек. — Чего он болтает, гад? Бузбарос ата валд — это чего такое?

— Ата валд! Валд! — пленник снова широко развел руки и снова ткнул пальцами между пастью и хвостом змея.

— Может, «валд» — это как «ворлд», то есть мир? — предположил Игорь.

— А ата — еда? Он тогда хочет сказать, что весь мир между зубьями там у него?

— Между какими еще зубья... А, между зубами.

— Да, да, между зубами змеюки этой, ну, бузбароса...

— Бузбарос! — закивал чужак.

— И он его — ата, — добавил Хорек и закричал, когда чужак сунул гвоздь в карман шаровар. — А ну отдай! Командир, он хотел его спереть, а потом кого-то убить! Или наручники раскрыть!

Пленник после вопля Хорька поспешно протянул гвоздь, который парнишка забрал с победным видом. Чужак вопросительно глядел на людей. А они на него. В конце концов он часто закивал и присел на корточки, звякнув цепочкой о пол.

Игорь повернулся к спецам, и Курортник, переглянувшись с Лабусом, сказал:

— Нам двоим надо поговорить. Вы вниз пока спуститесь.

Внимательно оглядев их, Сотник кивнул:

— Ладно, решайте. Но пленник наш, уводим его с собой. Ждем внизу десять минут, потом уходим... либо с вами, либо без вас.

— Нам и пяти хватит, — хмыкнул Лабус.

Хорек хотел сам вести чужака, держа за конец цепочки, но Игорь велел заняться этим Багрянцу. Они спустились в церковный зал, через дверь вышли во двор, и мальчишка, оглянувшись на башенку, зашептал с напором:

— Командир, давай мы с ними! Они крутые!

— Так они еще могут с нами не захотеть, — возразил Багрянец, подтолкнув чужака к поддонам с кирпичами. — Видишь же: совещаться начали.

— А надо сказать им: мы с вами, и всё тут! Или... Опять там едут!

Они присели, Павел ударом кулака под колено заставил чужака опуститься на корточки, потом вообще опрокинул его на землю.

По улице двигалась колонна, но другая, состоящая из «химического танка», тачанки, броневика и пеших. Миновав сквер, машины начали плавно поворачивать к церкви. Игорь приказал Багрянцу:

— Тащи гранатомет из автобуса! Цепочку Хорьку брось!

Павел, низко пригибаясь, рванул к дверям. Донеслась команда, и приближающиеся чужаки начали доставать из сумок противогазы, натягивать на головы.

Багрянец появился вновь, он волок трубу гранатомета и зеленый ящик, на плече висели два АК, на другом — сумка.

— Командир, только две гранаты!

— Давай сюда. Где там спецы?

— Вниз сбежали, усатый сказал: попробуют БМП завести. Они не хотят свой автобус терять, много ценного, а броневик выезд перекрывает!

Игорь схватил гранатомет, но тут возбужденный Хорек выглянул слишком смело, и его заметили. И сразу пулеметчик на башне «танка» открыл огонь — пули врезались в кирпичи, пошли выше, ударили в стену церкви.

Багрянец без команды начал стрелять из АК. Возле башни «танка» появились двое серых, быстро нацепили шланги на боковые стволы БХМ и спрятались. Пулемет смолк, но теперь стреляли и пешие, пули стучали вокруг. Алая молния впиалась в стену под башенкой, посыпались осколки плитки и бетона.

— Прикрывайте меня! — крикнул Игорь, вставляя в РПГ гранату. Выступ на ней вошел в выемку на срезе ствола, раздался щелчок. Он взвел курок, положил трубу на плечо.

Хорек поднял ПМ, оскалившись, прицелился.

Оптики на гранатомете не было, а с планкой целиться сложнее, нет привычной сетки перед глазами, чтобы наложить ее на проекцию цели... Сотник медлил, а пули пропарывали воздух, и вдруг кирпичи на втором поддоне, стоящем в нескольких метрах слева, взорвались, когда туда впиалась алая молния. Посыпались обломки, один ударил Игоря в плечо.

Он взял поправку на ветер, приоткрыл рот — эх, нет беруш, теперь в голове сутки звенеть будет! — и вдавил спуск.

Одновременно с ним, а может, всего за мгновение до него, выстрелила пушка броневика.

Асфальт перед поддоном встал серой горой, из которой, словно из жерла вулкана, вырвались языки пламени.

Вышибной заряд бросил гранату вперед, на безопасном расстоянии от стрелка включился реактивный двигатель — и она пошла в цель. Но еще до включения реактивника навстречу покатила ударная: волна взрыва, которая отклонила гранату от первоначального курса, задрал ее нос. Граната пронеслась прямо над башней «танка», пролетев между домами на другой стороне улицы, исчезла из виду, чтобы взорваться где-то во дворах.

Ударная волна обрушилась на людей за поддоном, они упали.

Наступила тишина.

Игорь приподнялся, широко открыв рот. Чувствовал он себя как рыба, которую не только вытащили из воды, а еще и приложили с размаху головой о прибрежный валун. Но тишина не была полной — как сквозь толстый слой ваты доносились крики, звуки выстрелов, но все это было так далеко, так глухо, будто просачивалось в мир из какой-то другой реальности.

Его схватили за плечи, посадили. В поле зрения появился Курортник. Игорь мучительно сглотнул... и звуки обрушились на него вместе с яркими летними красками и запахами.

Он сидел, вытянув ноги, прямо перед ним привалился спиной к кирпичам пленный чужак, дальше неподвижно лежал Хорек, за вторым поддоном тяжело ворочался, зажимая уши, Павел.

— Заряжай! — кричал Курортник. — Заряжай, Сота!

Игорь потянулся к ящику, непослушными пальцами схватил гранату. Поднял, она едва не выскользнула из рук. Вставил в трубу гранатомета, которую Алексей уже положил на плечо, и отпрянул вбок. Щелчок, клацанье — выстрел. Тугая струя раскаленного воздуха вырвалась из РПГ сзади. Граната врезалась в башню броневика. Грохот взрыва еще не стих, раздалась короткая очередь «бизона» Курортника.

На тачанке привстал, подняв разрядник, вархан — и его тут же отбросило, голова откинулась, из горла брызнул темный фонтанчик. Враг спиной упал с машины, Игорь кинул взгляд через плечо — позади на одном колене стоял, подняв СВД, Лабус.

То и дело сглатывая, Сотник взялся за пистолет. Курортник перевел огонь на тачанку, которая остановилась, вся изрешеченная пулями. Хорек не шевелился, пленник, повернувшись к нему, сжимал мальчишкино плечо. Багрянец попытался стрелять, выругался, вырвал из приемника пустой магазин и полез в сумку за другим.

БХМ издала звук, какой бывает, если ударить ладонью по полой трубе, только гораздо громче. ПУММ!!! Что-то округлое вылетело из задранного наискось овального ствола, пронеслось по дуге и ударилось об асфальт за спинами людей. Раздался громкий хлопок, шипение — во все стороны поползли клубы плотного сизого газа.

Овальный ствол начал опускаться, и одновременно «танк» пополз вперед.

— Броневи́к запустили?! — крикнул Багрянец. — Нет?! Все равно отступаем!

Он развернулся, привставая, — и снова опустился на асфальт. Отступать было некуда: фронт газа катил на них сзади, он уже перекрыл вход в церковь.

Почти одновременно у Игоря и Курортника закончились патроны, но прежде чем они успели перезарядить оружие, под БХМ что-то взорвалось. «Танк» сильно качнулся, из-под днища плеснулось пламя, пошел дым. Машина встала. Через несколько секунд она с громким скрежетом поползла назад, и стало видно, что рванул канализационный люк, над которым в тот момент катил «танк». Люк подбросило вместе с кусками вывороченного асфальта, тяжелая крышка врезалась в днище.

Опять застучал АК Багрянца. Газ почти заполнил церковный двор, Игорь уже чувствовал его запах. ПУММ! Еще одна капсула вылетела из ствола и взорвалась на левом краю двора. Вспухло пузырем сизое месиво, поползло, быстро расширяясь. Через несколько секунд два газовых облака сольются в одно, накрыв людей большим полукругом.

Игорь кинул взгляд на пленника. Тот, стоя на коленях над оцепеневшим Хорьком, натягивал ему на голову противогаз, который достал из сумки, валяющейся рядом с пустым ящиком от гранат.

Из дыры на месте канализационного люка показались три человека с рюкзаками на спинах. Игорь чуть было не снял первого, очень уж напоминающего чужаков: с длинными темными волосами и в кожаном плаще. Но следом вылез другой, в «горке», с камуфляжной банданой на голове и знакомым оружием в руках, а потом еще толстяк с ружьем. Клубы газа от второй капсулы накатывали сбоку. Волосатый в плаще пополз от облака к дому, а человек в «горке» пригнулся, крутя головой. Сориентировался он на удивление быстро — и начал стрелять по машинам чужаков.

Огонь почти смолк, звучали лишь редкие одиночные выстрелы. Подскочивший Лабус схватил Хорька на руки и бросился вокруг церкви, между двумя сближающимися облаками газа. Одно из них почти целиком накрыло двор, дышать становилось все труднее. Пленник поднялся, не обращая внимания на повернувшийся к нему ствол АК, поспешил за Лабусом, волоча по асфальту свисающую с наручников цепочку. Крякнув, следом устремился Багрянец.

— Капитан! — крикнул он на ходу. — Товарищ прапорщик, отступаем!

Курортник с Игорем тоже побежали, задержав дыхание, едва успели шмыгнуть в узкий просвет между двумя сизыми клубящимися стенами в человеческий рост. Газ тек, как жидкое тесто, заполняя улицу перед церковью, двор, клубясь вокруг деревьев в сквере, потоком проливаясь в пролом на месте канализационного люка.

Когда облака остались позади, беглецы столкнулись с двумя людьми, так неожиданно появившимися из-под земли, — те вырулили к церковному входу с другой стороны.

Теперь газ отделил их от чужаков, но останавливаться все равно было нельзя. Кинув короткий взгляд на незнакомцев, Алексей крикнул: «За мной!», обращаясь и к ним, и к нагоняющим Багрянцу с Сотником. Процессию возглавляли Лабус с Хорьком на руках и чужак. За церковью рокотал двигатель БХМ, хотя выстрелы в той стороне смолкли окончательно — оставшиеся в живых чужаки теперь не видели осажденных.

Они опрокинули дверь и ввалились внутрь. Двигатель автобуса тихо урчал. Игорь встал сбоку от проема, контролируя подход к церкви. Багрянец затолкал «языка» в автобус, вслед за нырнувшим в салон Курортником, потом туда заскочил Лабус с Хорьком на руках. Автобус поехал, ткнулся в броневи́к, загудел — и стал выталкивать его из церкви через проем.

Игорь повернулся к незнакомцам у другой стены. Только сейчас он понял, что один — совсем старик, раньше сбивал с толку его боевой наряд, бандана, «горка» и пластиковые

наколенники. Толстяк тоже был в возрасте, хотя и помладше. Старик, из-за плеча которого торчал ствол, кашлял, содрагаясь всем телом, толстяк поддерживал его.

— Кир! — вдруг позвал он и огляделся. — Пойдите, где Кирилл? С нами был молодой парень, кто-то видел, куда он делся?

— Такой волосатый? — Лабус выглянул из автобуса, когда тот достиг дверного проема. Дальше поверхность под колесами шла с небольшим уклоном, и броневик сам покати́л вперед.

— Да, темные длинные волосы!

— Потом разберемся! Внутрь все, бегом!

Двое незнакомцев, а следом и Сотник запрыгнули в автобус, тот свернул — и помчал от церкви, так чтобы она оставалась между ним и чужаками. Курортник был за рулем, Багрянец навис над пленником, которого усадил на койку в задней части салона. Лабус склонился над Хорьком — тот пришел в себя и, лежа на другой койке, что-то возмущенно мычал из-под противогаза.

— Где Кирилл? — повторил толстяк, в то время как его спутник опять сильно закашлялся.

Костя махнул рукой.

— Он в суматохе не туда пополз, я в прицел видел — к скверу, а надо было обратно.

— Его накрыло газом?! — ахнул незнакомец. Второй прекратил кашлять и, держась одной рукой за горло, начал стягивать рюкзак со спины.

Лабус покачал головой.

— Не факт. Если рассудить, три варианта есть. Мог уползти за дом и сбежать, если в суматохе его не заметили. А могло и газом его накрыть. Либо в плен взяли.

Автобус резко повернул, скорость еще увеличилась.

— Мы должны вернуться! — заявил толстяк. — Вернуться и найти его. Отбить, если понадобится.

Костя изумленно воззрился на него. Переглянулся с Игорем, который стоял на подножке, подняв пистолет.

— Ты, отец, извини, псих. Мы тебя держать не станем, конечно, но назад не поедем — это я тебе за всех сказать могу.

— Но его надо найти! — растерялся толстяк. — Вы не понимаете, с его помощью можно выяснить, откуда появились захватчики! Парня обязательно надо найти!

Ему никто не ответил.

ЧАСТЬ V ВЫСТРЕЛ В ТЕМНОТУ

ГЛАВА 23

Одно Кирилл знал точно: сбежать надо как можно быстрее.

Только пока было непонятно: как?

Стук камней, окрики, шум шагов и лязг затворов разносились над Красной площадью. Под длинным навесом, где находился Кир, прямо на мостовой двумя рядами лежали матрацы, а на них — раненые варханы. Одни спали, вторые чистили оружие или точили ножи, третьи, собравшись кружком, играли в кости на расчерченных ромбами досках.

От пролома между Спасской башней и Мавзолеем вереница рабов тащила камни, из которых вокруг лагеря складывали стену. Кир мысленно называл их именно так — «рабами», а не «пленниками». На всех были кожаные ошейники, да к тому же за ними наблюдали надсмотрщики.

Насколько Кирилл мог разглядеть из-под навеса, стена высотой по грудь шла большим овалом. С внутренней стороны вдоль нее стояли стулья и табуретки, притащенные из окрестных домов, из Кремля и превратившегося в развалины ГУМа. Из-за этой стены удобно отбивать атаки противника... который вряд ли теперь появится. По крайней мере в таком количестве, чтобы всерьез рассчитывать на захват лагеря.

Кира уже почти не знобило, руки не тряслись — благодаря варханским микстурам организм справился с отравлением. Он поправил грязноватое одеяло, пытаясь улечься поудобнее на матрасе, повторяющем изгибы брусчатки. На парне были чужие штаны и рубаша, а плащ с кроссовками куда-то подевались, зато возле матраса лежали легкие кожаные мокасины. Рассчитывать на то, что маскарад продлится долго, не приходилось. До сих пор помогало то, что у церкви он дышал газа, и первые пару суток ему было совсем плохо, гораздо хуже, чем во время приступа «акклиматизации» в доме бабки Пани. Два дня Кирилл лежал пластом, и никто не пытался с ним заговорить — но теперь вполне могут, и тогда конец.

Варханов в лагере было несколько сотен, отсюда во все стороны разъезжались патрули, обозы с припасами под охраной. Над остатками Спасской башни торчала высоченная мачта семафора, иногда он начинал полахать ярким светом, посылая во все стороны сигналы. Кирилл уже научился определять офицеров, которые сменили плащи на кители с красными полосками, вшитыми в рукава на предплечьях. Как правило, полоска была одна, реже — две, и всего пару раз он видел чужаков с тремя. Примерно на десять-двенадцать рядовых приходился один однополосочный, которых Кирилл окрестил сержантами, а какое соотношение простых бойцов к двух- и трехполосочным, он разобраться пока не мог.

Один из игроков в кости перехватил его взгляд, махнул рукой и что-то произнес, приглашая присоединиться. Остальные уставились на Кира. Он покачал головой, замычал. Прижал ладонь ко рту, развел руками и отвернулся.

И подумал, уже в который раз: *«Что-то с ними не так»*.

Нет, понятно, это пришельцы из другого мира, со своими обычаями, привычками, мотивациями и целями (хотя цель-то как раз понятная — завоевать чужую землю, что может быть банальнее?). Но не только это, варханы еще чем-то отличаются от землян, они все... они какие-то... Но догадка ускользнула. Кир тихо выругался сквозь зубы.

Ближе к Лобному месту лежали мешки с цементом, четверо дюжих рабов под присмотром молодого вархана, сидящего на камнях с «калашом» в руках, замешивали раствор в железной бадье, другие ведрами разносили его вдоль стены. За их работой наблюдал, заложив руки за спину, высокий тип, из-за плеча его торчал ствол электроружья.

Только высшие чины носили такое оружие. Все офицеры в лагере были смугловатыми brunetami, с узкими глазами и стальным отливом волос. Среди рядовых смуглые попадались реже, больше половины — люди различной внешности, блондины, brunety, рыжие и шатены, худые и полные (хотя настоящих толстяков Кир не заметил ни разу), высокие и приземистые. Скорее всего, это его и спасало: он немного смахивал на варханов, но не так чтобы очень, и если бы орда состояла только из смуглых, Кира бы раскусили почти сразу.

А еще среди чужаков оказалось довольно много женщин, хотя одевались они как мужчины, повадки имели похожие, так что отличал он их не всегда.

На другом конце навеса показался доктор. Его сопровождали двое помощников в шароварах и грязно-серых фартуках, натянутых прямо на обнаженные торсы, мужчина и женщина. Он — угрюмый бородач, она — наголо обритая и с татуировкой, которой щеголяли многие раненые, — глазом со зрачком-спиралью. Такие наколки мелькали на спинах, на груди, на запястьях или предплечьях, а у медсестры она украшала темя.

Дородный доктор, высокий и широкоплечий, с большим мягким лицом и внушительным животом, в халате с меховой оторочкой, круглой кожаной шапочке и мокалинах, медленно двигался по проходу между матрацами. На шее его поблескивала цепь с треугольным медальоном. Помощники немного отставали, она держала поднос со стаканами, полными какой-то бурды, он нес изящный стул с изогнутыми резными ножками, явно очень дорогой — из Кремля, не иначе. На плече медбрата висела кожаная сумка.

Доктор относился к четвертой, самой малочисленной категории обитателей лагеря. Рядовые бойцы, офицеры, рабы и вот эти, как их назвать... ученые. Их было всего трое, они носили халаты, круглые шапочки и цепи с массивными треугольными медальонами.

Статус ученых был непонятен. Вчера Кир видел, как на площади разбирали большую катапульту, и работами руководил один из них. Он бегал, раздавая приказы, кричал на варханов и размахивал руками, и они вроде бы слушались, занятые катапультой бойцы выполняли указания... но вдруг офицер с двумя полосками ударил ученого, да так, что тот упал и встал не сразу.

Да и этот доктор со своими помощниками... Они его слушаются, подчиняются любому приказу, но не чудится ли Кириллу презрение в их глазах? Хотя, с другой стороны, ученые — не рабы. Ошейников у них нет, а свобода передвижения есть, и ночуют они не в дощатых загонах, как все пленники-москвичи, и едят не баланду, которую тем варят дважды в день.

Доктор останавливался возле раненых, говорил с ними, женщина подавала стакан с подноса, в некоторые он добавлял что-то из мешочков, висящих у него на поясе. Варханы брали стаканы охотно, выливали в горло мутную жидкость, ахали и охали, кто-то после этого сразу откидывался на спину, кто-то принимался массировать грудь или тереть шею, а один, с перебинтованной рукой, даже попытался встать, но помощники доктора быстро и довольно грубо уложили его обратно.

Кирилл был уверен: тогда, после боя, бойцы не обыскивали его, потому что на нем был офицерский плащ. Возможно, в том отряде не осталось ни одного офицера, а рядовые не рискнули копаться в рюкзаке на его спине? Ну а позже его не раскусили именно благодаря этому доктору, который прикрывал Кира в лазарете, который как-то так все повернул, что никто, включая помощников, не заметил, что на теле раненого нет татуировок, в том числе небольшого овала со спиралью, украшавшего запястье, кажется, всех варханов.

Раненый, лежащий через проход прямо напротив Кирилла, громко застонал. Кир и раньше обратил на него внимание — боец явно нуждался в скорой медицинской помощи, он часто вскрикивал от боли, извивался и дергался на матраце. Никто из соседей не обращал на него внимания, только иногда игроки в кости поглядывали с досадой, будто он мешал им. Да и на лицах проходящих мимо чужаков, когда они изредка бросали взгляд под навес, не было сочувствия, участия, сострадания — только равнодушие. Или презрение. Может, в орде считают, что плох тот вархан, который позволит себя ранить? И чем сильнее ранение, тем хуже боец?

Доктор с помощниками подошли к мечущемуся в бреду раненому, на одеяле которого в нижней части проступило пятно крови. Доктор отдал несколько приказов — медбрат, поставив стул, поспешил назад по проходу, а женщина с недовольным видом приблизилась к Киру и опустила поднос на камни возле его ног. Грудей у нее почти не было, будто с детства их крепко перетягивали повязкой, чтобы не росли. Медсестра показала на стаканы и презрительно бросила Кириллу несколько слов. Он молчал. Оправив фартук, бритая пошла вслед за напарником. Ягодицы под грубыми шароварами были крепкие и тощие, даже костлявые — не женщина, а тренажерная доска какая-то.

Проводив помощников взглядом, доктор переставил стул поближе к Кириллу. Сел и,

склонившись ниже, отчетливо произнес:

— Артем.

Треугольный медальон на его груди был размером с ладонь, на медальоне — глаз внутри свернувшегося овалом змея, который кусает самого себя за хвост.

— Артёма, — повторил доктор, внимательно глядя в глаза Кира. — Ар-те-мей Азенбаг.

— Что?! — прохрипел Кирилл и осекся. Сказать, что он удивился — значило обозвать Эверест холмом. Он просто офигел, охренел по полной программе. Замер, разинув рот и вытаращив на доктора глаза. Веснушчатый толстяк только что назвал имя и фамилию олигарха!

Доктор, увидев реакцию, разволновался. Он задышал громче, потер руки. Быстро оглянувшись, сунул Киру стакан с подноса и сказал:

— Здаро.

Потыкав Кира пальцем в грудь, продолжал настаивать:

— Здаро!

— Я не Здаро, — прошептал Кир, машинально поднося стакан к губам.

— Пай... Пей! Здаро!

Вархан прижал ладонь к донышку стакана и резко наклонил его, заставив Кира залпом выпить содержимое.

В голове вспыхнуло солнце. Свет полился из глаз, сделав все вокруг очень резким, ясным, отчетливо видимым. Жидкость раскаленной до звездных температур плазмой стекла по пищеводу в желудок, где вспыхнул костер — сотни, тысячи ревуших костров... Вспыхнули и погасли. И солнце в голове погасло, но свет его не исчез. Сознание прояснилось, звуки стали громче, краски насыщеннее, мозг заработал как новенький, хорошо смазанный мотор.

— Кир, — негромко произнес Кирилл, ткнув себя пальцем в грудь.

— Кыр, — сказал доктор. — Кыр здаро.

«Здоров» — понял Кирилл. Он хочет сказать, что я уже здоров. Или просто так здороваются?

— Ар-те-мей, — сказал доктор. — Был знат Ар-те-мей Азенбаг? Лазарич?

— Артемий, — поправил Кирилл. — Артемий Лазаревич.

— Лазарич! Был знат Лазарич?

— Да, я его знал.

Глаза доктора блеснули, он наклонился ниже, внимательно слушая.

— Кыр был знал Артемий, — раздельно повторил Кирилл. — А ты... Имя? Как звать? Я — Кир, ты?.. — украдкой оглянувшись, он коснулся пальцем груди доктора и сразу убрал руку. Я — Кир, ты...

— Явсен, — доктор еще добавил что-то вроде «пеор» или «пеон». Не то фамилию назвал, не то свое звание.

— Явсен Пеор? — переспросил Кир. — Ты — Пеор?

— Пеон, — поправил доктор. Он похлопал себя по груди, повторив несколько раз: «Явсен... Явсен...», затем потыкал пальцем вокруг, говоря: «Пеон, пеон, пеон...»

Кирилл понял это так, что «пеон» — не фамилия или второе имя Явсена, а звание, должность или статус, и в лагере есть другие пеоны. То есть — ученые?

— Можно мне еще? — спросил он и потянулся к стаканам на подносе, но доктор отвел его руку. Потер выпуклый лоб, пошевелил губами и спросил:

— Где Артемей Лазарич? Кыр знат где Артемей?

— Кыр знат, — ответил Кирилл. — Зачем Явсену Артемий?

Доктор замер, уставившись на него. Снова пошевелил губами и забормотал:

— Беда... опасно... важно... Важно! — он кивнул. — Много. Много важно Артемей. До Артемей. Идет до Артемей. Кыр идет Явсен до Артемей? Помоч. Помоч Явсен до Артемей. Будет валд... — он насупился, пытаясь подобрать слова. — Бузбарос ест валд! Валд... — Явсен широко развел руками. — Валд! — ткнул пальцем в змею на своем

медальоне. — Бузбарос. Валд — Земла. — Он показал одну ладонь, затем вторую. — Валд — Териана. Териана, Земла — быхх! — Явсен свел ладони вместе, потер ими друг о друга. — Земла, Териана. Беда! Помоч!

Доктор снова оглянулся, когда на другом конце прохода появились его помощники с носилками.

— После. — Он похлопал себя ладонью по губам. — Явсен здес после.

Помощники быстро приближались, доктор начал привставать, и Кир спросил шепотом:

— А мои вещи? Рюкзак... — он руками изобразил рюкзак, показал себе за спину, повел плечами.

— Клум? — спросил доктор.

— Там катана, ну, меч, и лэптоп. Главное — катана!

— Клум им града манкурат. Манкуратня. После.

Он повернулся навстречу помощникам, которые положили носилки рядом с мечущимся на матрасе раненым. Женщина пристально посмотрела на Кирилла и перевела подозрительный взгляд на доктора. Лишь сейчас Кир заметил, что у обоих помощников на ремнях висят ножи, а у этой тетке еще и пистолет в кобуре на боку. А вот у Явсена оружия не было.

Пеон, значит? Он вроде где-то читал... Ну да, у Джека Лондона в «Сердцах грех» — там пеонами называли зависимых крестьян, не рабов, но и не свободных, то есть «пеон» — это, кажется, вроде сокращения от какого-то испанского слова, «пионажа», что ли. И еще — манкураты, манкуратня. Почему-то Кирилл выделил эти слова из других, чем-то они ему не понравились. И тоже показались знакомыми.

Под руководством Явсена помощники переложили тяжелораненого на носилки, подняли и унесли. Доктор тоже ушел, взяв поднос и стул, Кир проводил его взглядом. Он пока мало что понимал. Очень это все неожиданно и странно. Но ведь Явсен точно спрашивал про Артемия Лазаревича Айзенбаха, ведь так? Если предположить, что это не ошибка, что Кирилл не перепутал имя олигарха с какими-то другими словами из языка варханов или из русского, просто неправильно заученного доктором... Вдруг тот хотел сказать «артель» или «артикуль», «лазарет» и «айсберг»? Да нет, глупость, понятно, что Явсен имел в виду именно бывшего работодателя Кира. Доктор знает про того и хочет с ним встретиться. «Кыр идет Явсен до Артемей», а? Ладно, пусть Кыр идет — но почему этот Явсен заговорил про Айзенбаха именно с Кириллом?

Потому что, когда отравившегося Кирилла притащили в лазарет, доктор быстро определил: раненый не из орды, а местный. Но не выдал. Почему? Потому что у него какие-то свои интересы. Ему нужно увидеть Артемия Лазаревича. И доктор предположил, что кто-то из местных его знает. Может, если выдавалась возможность, он любому попавшему в лагерь москвичу задавал такой вопрос? В конце концов, представляет ли он, сколько людей в Москве? И что шансы на то, что кого-то из попавших именно в этот лагерь судьба сводила с Айзенбахом, ничтожны?

Хотя, может, не так уж и ничтожны? То есть случайно столкнуться с приятелем олигарха, конечно, нелегко, но если Айзенбах довольно известная личность, то встретить человека, который мог бы назвать адрес центрального офиса «Старбайта», гораздо реальнее. Тогда выходит — доктор в курсе, что собой представляет Артемий Лазаревич... Но откуда?

И как это все связано с тем, что именно олигарх хотел выкрасть информацию по эксперименту, в результате которого началось нашествие? Да не просто выкрасть, он желал еще и стереть все данные из лабораторных компьютеров? В который раз Киру вспомнились слова Якова Афанасьевича: «Какая-то игра там велась, большая игра».

Он потер виски. Слишком мало данных, трудно понять логику, остается только предполагать. Куча вопросов. Явсен сам по себе или представляет какую-то силу? Может, всех пеонов? Или только часть? И кто такие эти пеоны? Зачем Явсену встречаться с Артемием? Какие вообще у него цели?

Как он может помочь Кириллу?

Что самому Киру надо?

Сбежать. Отсюда надо сбежать, прежде чем его раскроют, — а ведь рано или поздно раскроют, причем скорее рано. Доктор не может держать Кира в лазарете долго, помощники вот-вот поймут, что тот здоров, тетка вон уже косит с подозрением. А может, наплевать на доктора и сделать ноги этой же ночью? Если Кира пока что принимают за вархана, то передвигаться по лагерю он может относительно легко. Но выпустят ли его за периметр?

Под навесом показались трое рабов в ошейниках, со скованными ногами: веснушчатая девушка с короткими русыми косичками, сильно хромающая пожилая женщина и крупный усатый мужчина. Лицо его показалось Киру смутно знакомым. Писатель какой-то, что ли? Вроде раньше это лицо часто маячило в Сети на сайтах, связанных с фантастикой, а теперь его подзабыли, вышел из моды. Звения кандалами, рабы собирали накрытые крышками железные горшки, стоящие возле некоторых матрацев — в том числе возле того, на котором лежал Кирилл, ведь первые пару дней он не мог ходить. Вообще-то варханы отправляли естественные нужды где-то за проломом, в кремлевском дворе, но некоторые раненые не могли туда доковылять.

Рабы выносили горшки наружу, возвращались, ставили их возле матрацев и брали другие. Кир натянул одеяло до плеч и лег на бок, спиной к проходу. Этим троим он ничем помочь не мог и смотреть на них не хотел, особенно на усатого, который являл собой совсем жалкое зрелище.

Вдалеке от лагеря виднелись остатки дома: фасадная стена с просветами окон торчала из груды обломков. Там на третьем этаже он прятался с мальчиком Костей и его мамой, где-то там, возможно, до сих пор лежит лэптоп...

Над изломанной верхней частью стены что-то блеснуло.словно две крошечные искорки мигнули — и пропали. Кир прищурился, глядя в том направлении, но искры больше не возникали. Услышав шарканье ног прямо за спиной, он натянул одеяло на голову.

А ведь Явсен может быть шпионом. Вдруг он просто хочет вывести у Кирилла, где найти Артемия Лазаревича, который зачем-то нужен варханам? Может, так, а может, и нет... В любом случае, у Кира свои планы. Надо немного поспать. Потом дожидаться ночи. И ночью, при помощи Явсена или нет, бежать отсюда.

ГЛАВА 24

— Солнце сместилось, смотри, чтоб линзы не бликовали, — сказал Курортник, и Лабус опустил бинокль.

— Зря торчим тут, — заметил он. — Даже если объект в лагере, как его засечь? Там пленников больше сотни.

Стена с оконными проемами без стекол и несколькими целыми балконами оказалась самым удобным наблюдательным пунктом в округе. Они пробрались сюда ночью, обойдя два вражеских патруля и стационарный пост охраны на Ильинке, и лежали теперь на чудом сохранившемся перекрытии верхнего этажа, торчащем из стены со стороны двора. На перекрытии даже уцелел паркет и упавший набок шкафа, из которого высыпался ворох женского белья.

— Полковник говорил, у него волосы длинные, — припомнил Алексей. — Наверняка таких пленников не очень много.

— Ну и что, зато среди захватчиков полно волосатых. Да и парень этот был в их одежде. Вдруг он вражеского бойца теперь разыгрывает? Как там их старики называют... варханина? Может, среди них надо его выглядывать?

— Вархана, — поправил Курортник, — по-моему, так вернее. И что-то не верится мне. Это какое самообладание надо иметь и как ему повезти должно было, чтобы после боя с ходу под чужака закосить?

До них донеслись одиночные выстрелы, и Лабус снова поднял бинокль. Под входом в Мавзолей стояли кожаные щиты, возле которых постоянно дежурили варханы. А в Мавзолее

устроили оружейный склад. Туда доставляли стволы, отбитые у защитников города, складировали, наверное, пересчитывали там, как-то учитывали... Со склада оружие в небольшом количестве выдавали бойцам орды, и как раз сейчас семеро обучались стрельбе из АК.

Руководил дюжий мужик в рваном камуфляжном комбезе и кожаном ошейнике, босой, с перебинтованным плечом. Неловко двигая рукой, он показывал, как снаряжать магазин, патроны брал со столика, стоящего прямо на брусчатке. Потом стал демонстрировать работу с пистолетом. За здоровяком никто особо не приглядывал; серые увлеченно палили по сбитым из досок мишеням, и он вполне мог бы скосить чужаков очередью да и дать деру... но почему-то не делал этого. Может, семья у варханов в плену. Или думает, что бежать теперь вообще некуда.

Справа от Мавзолея над булыжной мостовой лениво вращалась большая дымно-зеленая воронка. Лабус еще раз осмотрел лагерь: овальная стена, которую строили пленники, около двадцати разномастных машин, шатры, множество чужаков между ними... Возле Лобного места появился шатер необычной формы — длинный прямоугольник с почти плоским верхом.

— А ведь по описанию полковника, лэптоп где-то в этом районе посеян, — заметил Курортник. — Может, прямо тут, под нами. Поискать, что ли?

— Это когда их патрули вокруг шастают? Потом, черт его знает, где именно он потерян, этот Кирилл толком не описал Якову дом. И к тому же — ну с чего лэптопу работать, когда все повырубалось?

— Яков клянется: он нужен, слишком ценная там информация, и надо хвататься за любой шанс вытащить ее с «винчестера». А ты заметил, что порталов почти не осталось?

Костя кивнул, не отрываясь от бинокля:

— Ага, раньше то загорались, то гасли в разных местах, а теперь не видно их. Ну, кроме этого, большого. И еще рогачи исчезли.

— Рогачи? А, коровы те. На это я не обратил внимания.

— Ясное дело, ты от сельских реалий далек, горожанин. А я вот думаю: в те дни их много было, а теперь совсем нет. Почему?

— Потому что в городе их нечем кормить?

— Точно. Скорее всего, рогачей перегнали в область. Кстати, на три часа, далеко, база противника вокруг «свечки». Видишь, круглая такая? На крыше какая-то штука.

— Семафор, — пояснил Курортник. — Это связисты. На шесть тоже семафор, за рекой. И левее немного.

— Точно. Капитан говорил, они свой броневик из лагеря связистов угнали. Окраинного, правда, а эти наверняка лучше охраняются. Ага, вижу: к связистам подъезжают три тачанки и БМП. И бойцы подходят, полтора десятка где-то. Патруль...

— Обычный их патруль, — согласился Алексей. — Третий уже за сегодня. Значит, как мы и прикинули: они разбивают лагерь, квартал вокруг зачищают, сжигают дома, по возможности — рушат. Между базами курсируют патрули, но разными маршрутами. Ну что, снимаем наблюдение?

— Да, пора возвращаться, — Костя привстал, но снова улегся, когда со стороны большого лагеря на Красной площади полился гул. — Леха, на портал гляди!

— Вижу.

Огромная дымная спираль клубилась, из центра ее били трескучие молнии. По всему лагерю чужаки поворачивались к portalу, опускались на колени, потом укладывались на мостовую лицами вниз, скрещивая ладони на затылках.

— Подожди, они что, молятся? — удивился Курортник.

Сквозь гул портала донесся хор заунывных голосов.

— Ага. Или просто защитная поза у них такая.

Воронка полыхнула изумрудом, и воздух со всех сторон устремился к portalу. Засвистел ветер, упал стоящий ближе к эпицентру шатер, кого-то поволокло по асфальту...

Центр спирали вскипел, в нем набух дымовой пузырь — и лопнул, выпустив сноп молний. Громовое «ГРУУХ!» разнеслось над Красной площадью — и портал исчез.

Скрипнув, качнулась стена с огрызком перекрытия, на котором лежали напарники. Посыпались остатки стекла, застучали падающие камешки.

— Э, а ну давай-ка вниз! — засуетился Лабус, вешая СВД за спину. — А то я, ты знаешь, высоту не очень...

Один за другим они скользнули в проем и полезли по пожарной лестнице, идущей сбоку от ряда окон. Теперь напарников можно было легко заметить с улицы, да и с площади, стоит кому-то кинуть взгляд в их направлении. С утра мимо наблюдательного пункта трижды проезжали патрули, недавно под охраной двух БМП прополз грузовик с прицепом, пушкой на колесном лафете, а следом проскочила машина с кожаной цистерной — Курортник предположил, что в ней перевозят газ, из которого заправляют БХМ. Может, воду, возразил на это Лабус. Или горючку. Или... да черт их знает, что там может быть. Вообще чувствовалось, что центр Москвы варханы заняли основательно.

Лабус с Курортником достигли второго этажа, когда сзади донесся гул мотора. Они замерли, повернув головы.

Мимо дома катил броневик, над люком которого торчала короткая мачта с тремя рупорами. От них вдоль мачты сбежали провода. За броневиком ехала пара тачанок с варханами-водителями, а перед ним шли четверо людей в обычной городской одежде. Сверху были накинuty кожаные куртки, какие носили рядовые бойцы орды. У троих на правой руке — фиолетовые повязки.

Пятый москвич, крупный светловолосый мужчина в безрукавке и джинсовом комбинезоне, с повязкой прямо на мощном бицепсе и с микрофоном в руках, сидел на краю башенки, привалившись спиной к мачте. Все столичные жители были в кожаных варханских шапках, под одной зоркий Лабус углядел что-то белое, похожее на край повязки. А еще ему показалось, что четверо из пяти, включая мужика на башенке, наголо обриты, во всяком случае, из-под шапок не торчали волосы.

Машины миновали руины здания, направляясь к Москворецкой набережной, когда из рупоров полился грубоватый сиплый голос:

— Москвичи! Теперь вам нечего бояться! Незачем скрываться! Не прячьтесь! Война окончена! Вступайте в Силы Городского Правопорядка! Вы получите пищу, кров, оружие и уверенность в завтрашнем дне! Не прячьтесь, выходите на улицы, идите в отряды СГП! Конец страху и голоду! В наших лагерях вас ждут горячая пища и вода, а также спокойствие и уверенность в завтрашнем дне!

Голос смолк. Машины уже поворачивали, когда он зазвучал вновь:

— Москвичи! Теперь не надо бояться, не надо прятаться! Выходите из развалин, война закончилась! Силы Городского Правопорядка ждут вас! Вы получите еду, крышу над головой, вам выдадут оружие и...

Слова далеко разносились по пустынным улицам, отражались от стен, эхо повторяло их в каменном лабиринте. Машины с людьми уже скрылись из виду, а Костя с Алексеем все еще слышали отголоски призывных выкриков.

Лабус спрыгнул с лестницы первым, выхватив ПМ, взбежал на кучу, состоящую из кусков бетона, гнутой арматуры и части ограждения — остатков балкона. Посмотрел вдоль улицы влево, вправо.

Курортник встал позади кучи, Костя оглянулся и кивнул:

— Чисто.

Большой осколок под его ногами зашатался, когда он начал поворачиваться. Из-под бетона торчало что-то покатоое, пластиковое, на нем была эмблема — надкусанное яблоко. Костя присел, схватился за край осколка. Пальцы почти коснулись пластика.

— За мной! — Алексей побежал вдоль стены, и Лабус спрыгнул на землю. Прислушался — и поспешил вслед за напарником, так и не заметив лежащего под бетонным осколком ноутбука.

Они нырнули во дворы возле Варварки, потом спустились в подземный переход «Китай-города», за ним прошли еще метров сто и свернули на север по Спасоглинищевскому переулку.

— Как думаешь, вытряс полковник что-нибудь у «языка»? — негромко спросил Лабус, выглядывая над «тойотой» с обгоревшими колесами. — Чисто.

— У него мало времени было, — ответил Курортник и перебежал к зеленому «форду».

— Ну, мало... Зато он лингвист, военный переводчик. Семь языков знает — сам говорил. Полиглот! А варханы болтают похоже, в смысле, на нас похоже, я вроде многие слова узнаю. Хотя все равно ни черта не понимаю.

— Говорю тебе: толком он пока ничего узнать не мог.

Прячась за машинами, они пересекли улицу, из-за поворота которой эхо донесло монотонный сиплый голос:

— ...Не прячьтесь, выходите к нам! Конец страху и голоду! Силы Городского Правопорядка...

— Вот же тоскливо они как... — пробормотал Лабус и вдруг усмехнулся. — А друг у него — ну, смешной старикан! Вчера, когда ты дежурил, он рассказывал, как в Ливии еще в семидесятые организовывал совместные операции, ну, как консультант. Там такие случаи были...

— Ладно, не отвлекайся. Чисто, пошли.

Впереди между домами виднелась небольшая школа. Во внутреннем дворе стоял спецавтобус, а рядом, наполовину скрытый в проломе стены, — отремонтированный броневик.

После боя у церкви сутки ушли на то, чтобы найти новое пристанище и потихоньку перевести туда машины. Из гаража забрали все, что можно. Костя при помощи Багрянца, инструментов и отборных матов сумел даже размонтировать генератор, который теперь стоял в школьной столовой, снабжая электричеством холодильники и электроплиту.

Когда спецы, удостоверившись, что поблизости никого нет и за ними не наблюдают, через калитку вошли во внутренний двор, из разбитого окна второго этажа высунулся Павел Багрянов с автоматом наготове. Он кивнул, и Лабус негромко спросил:

— Что здесь?

— Тихо, — откликнулся Багрянец. — Сурок на другом конце школы караулит, а «языка» в спортивном зале допрашивают.

* * *

Хорек, сжимая в каждой руке по банке кока-колы, шурша упаковками печенья и шоколадок в карманах, выбрался на большой бетонный козырек над центральным входом в здание. Колу и сладости он обнаружил еще вчера в холодильной установке позади школьной столовой и с тех пор потихоньку таскал оттуда.

Старые треники мальчик сменил на штаны из грубой плотной ткани, которые нашел в кабинете труда и подпоясал ремешком с кобурой; где лежал ПМ. Хорек оглядел пустую улицу, сел по-турецки, открыл банку и в три присеста ее выдул. Сгрыз два печенья, развернул шоколад. Его есть Хорек не собирался, плитка была нужна для дела: он принялся натирать ею вогнутое донышко банки. Достал из кармана пук сухой травы и тетрадку в клеточку, вырвал несколько страниц, смял, порвал на клочки, сложил вместе с травой горкой на бетоне. Сосредоточенно высунув язык, поглядел на солнце, висящее над стеклисто-зеленым куполом, и повернул банку так, чтобы отраженные надраенным серебристым донышком лучи сходились на заготовке для мини-костра.

Этот способ Хорек узнал от бати, тот рассказывал, что они так делали когда-то в стройотряде. Батя был умный... но дурак. Зато добрый. Иногда. А иногда такой злой, что потом синяки не сходили неделями. И сильный очень, самый сильный на свете. Только пьяница запойный. Скотина, гад — он тоже Хорька бросил, как и мать! Хотя нет, не бросил

— его варханы увели. Это мать бросила, а батя нет, он хороший. Только злой. Злой и добрый разом. В общем, Хорек испытывал к отцу очень противоречивые чувства. Иногда ненавидел его, так ненавидел... даже ножом как-то едва по горлу не полоснул, когда тот напился и заснул на полу прямо в прихожей. А иногда любил. И очень хотел, чтобы батя к нему вернулся, потому что тот был самым сильным на свете и не бросал его и зазря никогда не обижал. Хотя все же обижал, очень даже обижал, и именно что зазря — если напивался. А напивался он часто. Но все же, когда трезвый, он был к Хорьку добр — по-своему, грубовато, но искренне добр. И за это его Хорек любил. Но ненавидел за то, что батя был пьяницей, и когда напивался...

Хорек и сам не заметил, как от кучки травы и бумажек на бетоне пошел дымок. И, заметив, ощерил острые зубы: ага! Прав был отец, а Генка с Васьком смеялись над Хорьком, когда он стал рассказывать, что огонь можно по-всякому добывать, еще — при помощи презерватива его разжечь, если водой чистой наполнить... Смеялись тогда, сказали: батя твой дурак и алкаш, все мозги пропил. А Хорек, хотя в душе и был согласен, рассердился и полез на них, и Ваську всю мордень расколошматил. И Генке бы тоже расколошматил, но тот на два года старше, и потому Генка ему самому накостылял, нос разбил, губы разбил, глаз подбил, уши надрал... А Хорек тогда как схватит арматуру да как побежит за всеми пацанами, которые были с ними на крыше, а они как чесанут от него врассыпную по той крыше, а он — Васька по спине, да между лопаток, да по затылку... Хорек — он такой, он за батю горой, потому что тот его не бросил, как мамка!

Горело уже вовсю, и он опустил жестянку. Удивленно прислушался — что это за голос? Голос говорил:

— Москвичи! Приходите в лагеря Сил Городского Правопорядка, там вас ждут горячая еда и вода!

Хорька как током ударило — он вздрогнул, подскочил. Это же батя!!! Его голос!!! Встав на четвереньки, мальчик высунулся над краем козырька. Между домами медленно катила процессия: две тачанки с варханами, впереди броневи́к с рупорами на мачте. Перед броневи́ком шли четверо людей, а на башне сидел... Там сидел...

— Вам нечего бояться! Незачем скрываться! Вступайте в Силы Городского Правопорядка...

— Батя! — охнул Хорек и вскочил. — Батя!!!

Он метнулся на угол козырька, всхлипывая от переполнивших его чувств, упал пузом на край, свесил ноги и обхватил ими поддерживающую козырек колонну.

— Приходите к нам, в лагерях СГП вас ждут горячая еда и горячая вода, вам дадут оружие...

— Батя, я иду!

Сопя, как вскипающий чайник, Хорек скользнул вниз по колонне, на середине сорвался, шмякнулся копчиком на плитки, взвизгнул, вскочил и, прихрамывая, бросился по ступеням к броневи́ку, тачанкам и людям вокруг. К своему отцу, сидящему на башне с микрофоном в руках. Кобура с пистолетом колотилась о бедро.

* * *

Миновав раздевалку, Костя с Алексеем подошли к спортзалу, большому помещению с баскетбольными стояками, брусьями и турниками вдоль стен. При их появлении дежуривший у двери Леша встрепенулся, взявшись за АК на плече, потом кивнул и снова привалился к косяку, сложив руки на груди.

У стены спортзала стоял большой учительский стол, рядом с сигаретой в зубах восседал Яков. Перед ним лежала кожаная трубка, из которой торчала широкая полоса с текстом на варханском языке. Чтобы кожа не сворачивалась, Яков придавил ее гантелей.

На лавке под стеной сидел, осторожно трогая длинный шрам на лице, Игорь Сотник, а перед столом, будто провинившийся ученик, — пленный чужак.

Его звали Гярд. Это было первое, что выяснил полковник в отставке. Он был пеоном — это Яков выяснил во вторую очередь. Кто такие пеоны, пока что оставалось загадкой, но точно не военные. Скорее уж научники, такой вывод сделал Костя. Ему Гярд не нравился, невзирая на явную доброжелательность и готовность к сотрудничеству, которые тот проявлял. По словам Игоря, пленник нацепил на Хорька противогаз во время короткого боя у церкви... и все равно Лабус чужака конкретно невзлюбил.

Сунув окурок в пепельницу, Яков вскочил навстречу спецам.

— Нашли?!

Он прочел ответ на их лицах и, расстроенно махнув, рукой, плюхнулся обратно на стул.

— Эх, пропал Кирилл. А ведь умный парень был, нестандартный, интересный — и пропал! По моей вине!

— Да глупости, Якуша! — Леша зашагал к ним от двери. — Ты тут при чем? Молодежь, докладывайте: что видели?

Пленник сидел на прежнем месте, внимательно прислушиваясь. Руки он держал на коленях — со вчерашнего вечера при допросе Гярда не сковывали. Да и допросами это, по мнению Кости, трудно было назвать, скорее неторопливыми разговорами двух иностранцев, пытающихся понять друг друга.

— Портал рассосался, — объявил Курортник. — Тот, что над Красной площадью, большой. При этом мы наблюдали довольно странный ритуал.

— Что ж в нем странного? — Лабус все еще неприязненно разглядывал пленника. — Улеглись мужики мордами книзу и давай молиться.

Он присел на лавку рядом с Игорем, положив СВД на пол возле ног.

— Нет, Костя, ты недопонял. — Алексей, опершись о столешницу кулаками, помолчал, подбирая слова. — В общем, это был такой практический ритуал. При схлопывании портала локально меняется давление, он с силой засасывает воздух. Недолго, но в этот момент тебя может подхватить ветром. Что делают варханы? Ложатся на землю. И при этом они еще и молятся. То есть у них, как бы сказать...

— Религиозное отправление сопряжено с чисто практической мерой безопасности, — подсказал Яков.

— Религиозное отправление, — повторил Курортник. — Ну да, наверное, так можно сказать. Даже не сопряжено, а является одновременно и тем, и тем.

— Это интересно, да! — Яков энергично закивал и пыхнул табачным дымом в сторону чужака. — И еще вот что важно: порталы исчезают. Теперь их почти не осталось. И как же неприятель собирается перебрасывать в город новые соединения?

— Возможно, все уже переброшены, — предположил Сотник. — Или где-то порталы еще действуют. Мы пока не знаем главного: варханы ими управляют или те возникают и пропадают сами собой?

— То, что спонтанные порталы есть, как раз известно, — возразил Яков. — Мы, допустим, с Кириллом видели один, который прямо на уровне асфальта возник. Зачем противнику такой? Другой вопрос, что часть порталов могут быть неподконтрольными, а часть как-то управляются.

Костя оглядел стол. Там, помимо кожаного футляра, лежали карточки со всякими словами и рисунками: домик, человечек, автомат, солнце... Ну прямо как урок школьный, только училки с указкой не хватает. Лабус даже поежился слегка: он в детстве ненавидел школу. Предпочитал вместо уроков ходить с мальчишками на заброшенную военную базу в лесу неподалеку от родного городка возле Клязьмы, выискивать гильзы на стрельбище, разглядывать выцветшие фотографии на стенах в учебных помещениях: плацы, ряды солдат, Красная площадь с Мавзолеем, с которого машут руками солидные мужи из Политбюро ЦК КПСС, а мимо катят танки... Наверное, в то время маленький Костик Гордеев и захотел стать военным. И стал им, поскольку, как и Леха Захаров, привык добиваться своего.

— А у вас что, товарищ полковник? — спросил он, обращаясь к Якову по званию, хотя тот давным-давно ушел в отставку.

— Ну что же, есть кое-что! — Чувствовалось, что тема эта бывшему полковнику близка и интересна. — Двигаемся мы, продвигаемся. Хотя и медленно. Я, товарищи прапорщики... и товарищ капитан, понимаете ли, не просто лингвист, я интересовался сравнительным языкознанием в свое время, хотел даже преподавать, да не разрешили тогда...

— А чего ж, — перебил Костя, которого уже давно снедало любопытство, — то есть, извините, товарищ полковник, давно спросить хочу: почему агрономом стали?

Яков провел по столу ладонью, перемешивая карточки.

— Так уж вышло, Константин. После развала СССР всякое с людьми случалось, а у меня разочарование было громадное в жизни. И в системе нашей, и во всем человечестве... Понимаете, мы ведь с Лешей раньше были уверены, что занимаемся чем-то действительно важным, делаем нужное дело. Мы коммунистами настоящими были. Но постепенно все критичнее смотрели на происходящее вокруг, ну а когда Союз рухнул... Я тогда убедился, что на самом деле не был причастен ни к чему важному, что все это только игры политиков, в которых мы простые пешки. Ну, пусть мы с Лешей не очень простые, но все равно. Мне тогда хотелось забиться в глухую щель, заняться чем-то и правда простым, простым и понятным. Приносить людям вполне конкретную, зримую пользу, чтобы далеко от политики, от всего, с чем я раньше был связан. Вот я и получил второе образование... Ну ладно, я долго про это говорить могу, в общем, не сбивайте вы больше меня.

— Рассказывайте, — вставил Алексей. — А ты, Костя, помолчи пока.

— Я молчу, молчу, — согласился Лабус.

— Так вот, — продолжал Яков, — в языках индоевропейской группы, к которой относится и русский, есть различные ветви. Но в этих ветвях, в разных группах внутри языковой семьи сохраняется общее ядро, идущее от праиндоевропейского языка. Термины родства... Костя, по лицу твоему вижу, что как-то не очень ты понимаешь, а?

— Нет, праиндо это — все понятно! — бодро кивнул Лабус. — А что такое термины родства?

— Ну вот, «брат» — бразер, фрит, фра, бродар, фратр, — во многих языках звучание слова схожее. Знание языковых законов, формул изменения слов помогает мне понять Гярда.

— И что выяснили, товарищ полковник?

Яков жизнерадостно развел руками.

— Да практически ничего! Но вопрос в другом. У русского и варханского общие корни. Очень, очень древние корни. Вот чего я не могу объяснить! Как, почему они схожи? Выходит, мы уже пересекались?

— И варханы обучили древних индийцев своему языку? — добавил Курортник.

Лабус с легким удивлением покосился на напарника — надо же, знает, что именно древние индийцы на праязыке шпрехали? Хотя ведь если он «индо», так можно догадаться.

— Нет, это вряд ли, — покачал головой Яков. — Русский язык — отдаленный потомок индоарийской ветви праязыка. Но он сам по себе тоже был ветвью какого-то еще более древнего языка. И потому не в том дело, что наши языки от варханского произошли или наоборот, а в том, что корни одинаковые. То есть когда-то — четыре, пять тысяч лет назад! — был уже некий... контакт. Серьезный контакт, плотный, иначе корни не были бы так схожи. И в то же время — письменность у варханов развивалась совсем иначе, она ближе к египетской, что ли.

Хмыкнув в усы, Лабус поднялся.

— Ну ладно, в общем, пока результатов нет. Устал я и жрать хочется, надо перекусить. Леха, давай...

— Надо решить, что делать, — бросил Игорь, и все замолчали, глядя на него.

Как-то так получилось, что все — даже энергичный старик Леша, ушедший в отставку, как и Яков, в звании полковника, и Курортник с Лабусом тоже — быстро приняли его за старшего. Хотя Алексей с Костей сомневались поначалу, долго на эту тему между собой дискутировали, но после решили: если Сотник из разведки, да к тому же капитан, то пусть и командует, в конце концов, сейчас это главное — собирать разведданные.

— Яков Афанасьевич, сколько времени пройдет, прежде чем вы начнете его хоть как-то понимать? — спросил Игорь, поднимаясь. — Понимать и получать более-менее ясные сведения?

Полковник думал недолго.

— Три недели минимум. Самый минимум.

— То есть примерно через месяц у нас будут первые внятные данные. — Игорь обвел всех взглядом. — Долго. Значит, надо решать сейчас. Вернуть этого вашего Кирилла мы не можем, да и вообще неизвестно, жив ли он. Где лэптоп — тоже вопрос. У нас остается два пути, то есть две точки, где возможно быстро получить какую-то информацию о нашествии, о противнике, о причинах всего происходящего. Это научный центр в Подольске и база Айзенбаха.

— До Подольска далеко, — заметил Леша. — Километров пятьдесят. Главное, неизвестно, что на пути.

— А до офисного центра этого Артемия Лазаревича — рукой подать, — подхватил Лабус. — Ну, не совсем, учитывая все обстоятельства, но...

— Только мы не знаем, там ли он, и если да, то как его охраняют, — возразил Курортник. — Хотя вообще надо, конечно, туда отправиться. Сегодня же, я считаю.

— Согласен, — кивнул Леша.

— Да, — поддержал Яков.

Раздались шаги, все поглядели на Гярда. Улыбаясь, тот подошел к столу и протянул руку к фляжке Якова.

— Ну, ты! — Лабус пихнул его кулаком в грудь, пленник отшатнулся. — Тебе кто встать позволил?

— Ладно, пусть попьет, — сказал Курортник.

— Костик! — поддержал Яков. — Что ж нам его жаждой морить?

Пленник обескураженно переводил взгляд с одного на другого, потирая грудь.

— Добренькие все какие, — проворчал Лабус, отступив на шаг.

Гярд снова потянулся к фляге. Открыл, сделал несколько глотков, положил на место и, попятившись, опустился на стул.

— Значит, выступаем этой же ночью, — заключил Игорь. — Осталось разобраться с маршрутом.

— Под землю мы с Лешей ни ногой! — тут же произнес Яков, быстро покосившись на друга. — Ему хуже становится, и к тому же там крысоедов этих желтоглазых все больше. Они ведь действительно крыс жрут, те разбегаются с писком, будто мыши от кошки. Страшно подумать, что теперь внизу делается.

— Значит, разработаем наземный маршрут, — кивнул Игорь. — И автобус, и броневик на ходу, так что поедem. Багрянец дежурит в кабинете географии, там есть карта Москвы. Костя, Алексей, пойдemте, это лучше с вашей помощью.

— Хорь давно на посту? — спросил Лабус, вставая.

— Их обоих пора сменить, — Игорь вопросительно повернулся к старикам.

— А чего, подежурим, пусть пацан с курсантом отдыхают, — кивнул Леша. — Так, Якуша, пленника в кладовку опять, запереть крепко. А вы трое пока маршрутом занимаетесь.

ГЛАВА 25

Хорек подбежал к броневiku. Перед машиной шли четверо в обычной городской одежде, в варханских куртках и круглых кожаных шапочках, у троих под шапочками виднелись края бинтов, а на руках были фиолетовые повязки. Мальчишка попытался проскочить между ними, но четвертый, худосочный молодой человек в очках, схватил его и зашептал:

— Мальчик, беги! Беги отсюда! Не верь им...

— Пусти, debil!!! — взревел Хорек.

Очкарик был из тех, кого батя обзывал «интелихерами». Нервно оглянувшись, он продолжал:

— Это я речь написал, заставили, не верь, они...

Остальные трое схватить Хорька не пытались, только посмотрели на него с детским любопытством.

— Беги, мальчик... — снова завел свое очкастый, толкая его от броневика, с башни которого за происходящим равнодушно наблюдал отец. Наверное, не узнал сына — волосы ведь у того отросли немного, да и одежда новая.

— Ну же! — интелихер толкнул сильнее.

Хорек пнул его в колено, а после применил излюбленный прием: укусил за руку. Очкастый вскрикнул, мальчик вырвался, обежал его и взлетел на броневик, хватаясь за скобы.

Отец сидел на краю башни, свесив ноги, плечом упираясь в штангу с рупорами.

— Батя, ты как? — Хорек присел на корточки по другую сторону раскрытого люка. Отсюда были видны две тачанки за БМП, в каждой ехали по трое варханов, а в одной сидела перепуганная женщина с ребенком на руках, у борта лежал накрытый пальто старик.

— Чего молчишь? — Хорек дернул отца за повязку на руке. — Это зачем у тебя? Почему ты меня бросил?! Ты дурак! Бросил меня, где ты был?!

Отец сидел, широко расставив толстые ноги, правой рукой держал большой черный микрофон, от которого к мачте уходил провод, а левую положил на колено. И смотрел на сына пустыми глазами. Не совсем пустыми, в них была жизнь, теплилась какая-то мысль — но еле-еле. А еще в них было легкое любопытство. И выражение лица какое-то детское.

Хорек, заглянув глубже ему в зрачки, отпрянул. А батя, отвернувшись от сына, поднес микрофон ко рту.

В озаренном бледно-синим светом отсеке под люком что-то сдвинулось. Один вархан соскочил с телеги и стал догонять броневик. Вместо кожаной куртки на нем был китель с красной полоской на левом предплечье, а за спиной — электроружье.

— Москвичи! Хватит прятаться по развалинам... — произнес отец Хорька незнакомым голосом. То есть сам по себе голос был знакомый, грубый и сипловатый, но говорил батя иначе, равнодушно и с какими-то наивными, бесхитростными интонациями.

— Что ты делаешь?! — Хорек заехал ему кулаком в плечо, потом по лицу. И еще раз. И еще. — Ты что, меня не узнаешь?!

Он ударил в пятый раз, наотмашь, со всей силы — а силы у Хорька для его возраста было много, — и голова отца качнулась, с нее слетела шапочка, открыв повязку из серых бинтов. Наложили ее неумело, а может, поспешно, она сбилась, оголив череп над ушами. Там были дырки, залепленные чем-то густым и желтым. Дырки прямо в черепухе! Хорек ахнул от гнева и обиды: эти козлы, гниды, уроды просверлили батю череп!

— Ребенок, зачем ты меня бьешь? — спросил человек с дырявой головой, чем окончательно вывел Хорька из себя.

Ребенок?! Ребенок?! Нет, это не его батя! Это какой-то чужак, вернее, получужак, он не как варханы — но и не как нормальные люди, он...

— Что вы с ним сделали?! — завопил Хорек.

Вархан с электроружьем, забравшись на корпус броневика, шагнул к башенке.

— Держать! — произнес он. — Держать!

Дырявоголовый попытался сграбастать Хорька за шиворот. Выхватив пистолет, мальчик вмазал ему стволом по скуле и отскочил.

Из синей полутьмы люка возникло лицо вархана, взбирающегося по скобам внутри башни, и Хорек, тихо застонав от душевной боли, от обиды и от чувства одиночества — его бросили все, кинули, ни одного близкого человека во всем мире не осталось! — выстрелил в это лицо. Повернул пистолет и пустил пулю в вархана на броневике, но тот пригнулся, она прошла выше. Тогда Хорек прицелился в батю, то есть уже не в батю, а в этого незнакомца, прямо в сердце... и не смог вдавить курок. Громко засопев, он опустил ствол ниже и пальнул

в башню. Пуля, срикошетив от брони, впиалась в обтянутую голубой джинсой толстую ляжку.

Человек вскрикнул. Откинулся, выпустив микрофон, схватился за ногу — и соскользнул с башни. Когда он закричал от боли, то на миг снова стал батей Хорька, на большом грубом лице проступило знакомое выражение. Но длилось это совсем недолго, и на асфальт у колес броневика свалился уже дырявоголовый незнакомец: чужой, равнодушный и страшный.

На Хорька нацелился ствол электроружья, и его тут же обхватили сзади за пояс.

— Отвали! — взвизгнул он, едва не выпустив пистолет. Оглянувшись, увидел очкастого интеллихера, тоже забравшегося на броневик. Тот рванул мальчика на себя — и полетел на асфальт. Хорек упал сверху и потому совсем не ударился, но очкастый под ним охнул. — Да отпусти же!

Интеллихер поднялся, прижимая к себе Хорька. Броневик ехал мимо. Над краем башни показался вархан с ружьем, мальчик выстрелил, попал ему в плечо, враг отпрянул.

Очкастый повернулся к школе, и машины чужаков вышли из поля зрения.

— Отпусти, педик!

— Успокойся!

Интеллихер побежал, а Хорек вырывался что было сил.

— Мальчик, надо прятаться! Они как зомби, они просто...

Про зомби Хорек знал. Видел их в фильмах: корявые люди с гнилыми мордами, ковыляют, вытянув перед собой руки, и жрут мозги. Его батя, то есть уже не батя, совсем не такой, но все равно — он и правда теперь зомби! Только целый, не гнилой. А варханы — демоны, это Хорек уже давно понял.

Интеллихер добежал до лестницы, ведущей на школьное крыльцо под бетонным навесом, когда в них выстрелили из электроружья. Хорька как-то ударило током на стройке — он тогда едва коньки не отбросил. Надолго запомнил ощущение, будто тебя схватили сразу двадцать очень сильных рук и начали что было сил дергать в разные стороны. Сейчас произошло что-то подобное, только хуже. У него чуть зубы не посыпались из десен, глаза вылезли из орбит, все тело завибрировало, словно хотело распасться на кусочки. Если бы это продлилось хоть на пару секунд дольше — маленькое сердце Хорька разорвалось бы.

Интеллихер свалился перед лестницей, подмяв мальчика, и замер.

Хорек полез из-под него к выпавшему пистолету, который лежал на второй снизу ступени. Сотник учил, что надо считать выстрелы, и мальчик не забыл, даже в этой ситуации добросовестно считал их. Он знал: в магазине ПММ осталось восемь патронов, еще запасной магаз есть в кармашке на кобуре — патронов хватит перебить всех варханов в отряде. И Хорек тянулся к пистолету, пытаясь выбраться из-под своего спасителя. Который хоть и худой с виду, а оказался тяжелым, гад, и не выдерешься из-под него. А сзади гудели моторы и причитала женщина в тачанке, и ревел младенец, и что-то кричали на незнакомом языке, и мягко, вкрадчиво стучали подошвы мокасин об асфальт, они были все ближе, а Хорек тянулся, и уже пальцы коснулись рукояти, в которой ждали своего часа восемь латунных цилиндров, снаряженных полукруглыми комочками свинца калибром девять миллиметров, но тут на него упала тень...

Так и не схватив ПММ, он повернулся — вархан стоял над ним. Поднял ружье, но сразу опустил и вытащил нож. Узкий извилистый клинок тускло блеснул в свете солнца. Хорек задержался под истекающим кровью телом, вархан шагнул ближе, взял нож обратным хватом и, нагнувшись, нацелил в его шею.

Мальчик в последний миг отпрянул — клинок цокнул о нижнюю ступень. Схватив пистолет, Хорек выстрелил вархану в живот, потом в грудь. Чужак отшатнулся, шагнул назад, но не упал. Броневик и тачанки, повернув к школе, разъезжались, будто хотели окружить здание.

Вархан, выпустив нож, стянул с плеча ремень ружья, которое висело стволом книзу, начал поднимать его, но третья пуля из ПММ попала ему в голову.

Рука чужака судорожно сжала ружье, из него вырвался алый разряд, впиался в

интелихера, мешком лежащего на асфальте.

Тело взорвалось красным. Стоящего на коленях Хорька заляпало с ног до головы, темное и густое потекло по лицу, он завопил, выпуская последние пули по варханам, соскочившим с тачанок. «Демоны! Демоны!» — выкрикивал он с каждым выстрелом.

Над головой застучал автомат. Раздался дребезжащий голос:

— Пацан, сюда!

Сунув пистолет в кобуру, мальчик потянулся к электроружью. Пуля ударила в асфальт, другая — в мертвого чужака, третья в ступеньку.

— Хорь, ко мне!!!

Он схватил ружье и метнулся по лестнице к крыльцу.

Увидев, что появилось подкрепление, варханы попрыгали обратно в тачанки. Трое москвичей возле броневика остановились и крутили головами, явно не понимая, что им делать; дырявоголовый в джинсовом комбинезоне остался где-то за машинами, видно его не было.

Когда Хорек добежал до раскрытых дверей, за которыми на одном колене стоял Леша с автоматом в руках, пушка приближающегося к лестнице броневика нацелилась на них.

Над башней взлетел, стреляя искрами и оглушающе шипя, шар синего огня.

— Они сигнал дали, щас подмога будет! — Вскочив, Леша бросился вглубь школы. — Пацан, к нашим машинам бежим!

Выскочив во внутренний двор одновременно с растерянным Багрянцем, он скомандовал:

— Так, курсант, ты броневиком уже рулил — выводи наружу!

В этот момент через пролом на башню БМП спрыгнули Лабус и Курортник с Сотником.

— Где Яков? — спросил Игорь.

— А, молодежь! — Леша остановился возле автобуса. — Якуша пленника должен сюда вести.

Двор был квадратным, с одной стороны — створки ворот и раскрытая калитка в одной из них, с другой — пролом в стене здания, где, передом к воротам, стоял броневик. Автобус приткнулся сбоку, на клумбе.

С улицы доносились частые выстрелы, они звучали все громче. Неподалеку загудел мотор.

— Вы — в автобус! — приказал Леша. — Пленника к вам, а мы с Павлом и Яковым в броневик сядем.

БМП зарокотал и стал выползать из пролома. Стоящие на его корпусе Курортник с Игорем полезли вниз.

За калиткой показалась тачанка, с нее ударил пулемет Калашникова, явно отобранный у кого-то чужаками. Все попадали: Леша — за автобус, Курортник с Игорем — по сторонам от БМП, Лабус растянулся на башенке. В броневике Павел Багрянов, удерживая руль одной рукой, приставил ствол АК к смотровой щели и дал по тачанке очередь. Пули забарабанили по железному борту. Взревел мотор, тачанка умчалась вдоль школы, мгновенно исчезнув из виду.

Броневик остановился на середине двора. Вскочивший Курортник нырнул в автобус следом за Игорем и крикнул:

— Костя!

Но Лабус уже скрылся в проломе, откуда выкатила БМП. Донесся его голос:

— Заводи, а я помогу Якову с пленным!

Игорь с Курортником полезли в автобус.

* * *

Выпустив Гярда из кладовки, Яков приказал ему двигаться впереди и повел по длинному коридору. Льющийся из широких окон солнечный свет ярко озарял его. Они были

на середине коридора, когда снаружи открыли огонь из автомата. Стрелял крупный мужик в джинсовом комбинезоне, сидящий на башне броневика, который ехал вдоль боковой стены здания. Стрелял неточно, неумело, но окна в коридоре были большие...

Яков крикнул «Ложись!», в плечо ударила пуля, он охнул и упал.

Автомат рванули у него из рук.

АК висел на обычном, не трехточечном ремне, и Гярда, легко завладев оружием, прикладом врезал конвоиру по темени. Потом развернул автомат, прицелился Якову в голову и вдавил спусковой крючок.

Появившийся в конце коридора Лабус начал стрелять из «Макарова».

Рядом с Гярдом пронеслись пули. Чужак снова попытался выстрелить — но, не зная человеческого оружия, не снял АК с предохранителя.

Решив, что автомат сломан, Гярда отшвырнул его и рыбкой нырнул в окно. Вскочил, побежал к грузовику. Человек в джинсовом комбинезоне на башне БМП навел на пеона автомат, но узнал своего и не стал стрелять.

Когда Гярда скрылся за катившим вдоль здания броневиком, Лабус подбежал к Якову.

— Товарищ полковник, вы как? Да у вас кровь!

Яков поднялся, прижимая ладонь к плечу.

— Нормально. Стрелок с БМП попал... А Гярда ушел! Ладно, идем.

— Какое идем — бежим! — Схватив Якова под локоть, Костя потащил его к дверям, через которые попал в коридор.

* * *

В башне трофейной БМП Леша схватился за рукоять под казенником пушки, толкнул от себя. Клинь-затвор отъехал вниз, открыв ствол. Старик вогнал в него снаряд и дернул рукоять обратно, затвор лязгнул. Повернувшись на узкой полке, Леша перекинул рукоятку механического привода.

— Не тормози, Павлуха!

Башня повернулась вправо градусов на шестьдесят. Шестерни тяжело скрипели, медленно вращалась уходящая вниз толстая ось. БМП вышиб ворота и прокатился по створкам. Сбоку Леша увидел подъезжающий вдоль школьной стены неприятельский броневик с торчащей вверх рупорной мачтой. Ствол чужой пушки смотрел точно в башню, из которой высунулся старик.

— Ходу, Павлуха! — закричал он, преодолевая острую боль в горле. — Полный ход, курсант!!!

— Есть, товарищ полковник! — гаркнул Багрянец.

Мотор взревел, БМП рванул вперед. Из машины варханов выстрелили, но снаряд пронесся над башней.

Броневик с Павлом и Лешей, сломав лавку, выехал на школьный стадион возле здания. Что-то хрустнуло, зашипела ось, на которую была насажена большая шестерня, и башня перестала вращаться.

— От же чудо враждебной техники! — Леша рванул рукоять обратно, снова перекинул — но башня, повернувшись примерно на девяносто градусов, больше не двигалась.

Чужая машина оказалась почти за ними. Она стала поворачивать, ее ствол нацелился на уезжающий броневик, и тут в нее врезался выкатившийся из двора автобус.

Варханский броневик остановился. Автобус со слегка вмятым передком дал задний ход, из него по пояс высунулся Игорь Сотник с трубой гранатомета на плече.

— Близо! — крикнул ему Алексей. — Мы слишком...

Игорь и сам видел, что они слишком близко, но понимал: если промедлит, второй снаряд из пушки настигнет трофейную БМП, — и все равно выстрелил.

Он успел нырнуть внутрь, но не успел закрыть дверь, поэтому ударная волна близкого взрыва не размазала его по бортовой броне, зато изрядно оглушила.

Автобус качнулся, скрипнули рессоры. Алексей крутанул руль, зад пятящейся машины занесло вправо. Броневи́к перед ней стал меньше на высоту башни. Из дымящегося пролома высунулся человек в джинсовом комбинезоне, тут же исчез, его место занял вархан с ПК. Мачта, которая после взрыва ракетой взмыла в небо, рухнула на асфальт сбоку. Разлетелись обломки рупоров.

Курортник объехал взорванную машину. Трофейный броневи́к, проломив сетчатое ограждение за стадионом, исчез между домами.

Автобус пронесся сквозь оставленную им дыру, проехал мимо девятиэтажного дома. За ним стоял броневи́к.

Прокатившись еще немного, автобус встал, Курортник с Игорем выбрались из него. Откинулся люк на башне БМП, наружу высунулась голова с всклокоченными седыми волосами.

— Так! — продребезжал знакомый голосок. — Противник уничтожен! Где остальные?

Леша сел на краю башенки, из люка вылез Багрянец. Раздались шаги, из-за угла дома, скрывшего от них школу, показался Лабус, он помогал идти Якову.

— Якуша! — Леша полез вниз. — Ты ранен?!

— Ничего, ничего... — Яков, отойдя от Лабуса, привалился к броневику. — Шальную поймал, но в мясо, кость вроде не задело.

— Да ты откуда знать можешь? Пошли в автобус, там аптечка большая.

— По ощущениям догадываюсь, Лешенька. Пошли, пошли... А Гярда-то сбежал, упустил я его, расслабился. Годы, Леша, берут они свое.

Леша, поддерживая Якова, у которого слегка заплетались ноги, направился к раскрытым дверям автобуса, и тут его одолел приступ кашля. Он едва не уронил друга на асфальт, присел, мучительно содрогаясь, держась за шею.

Вид у стариков был совсем несчастный, Игорь даже сморщился от жалости к этим двоим, таким энергичным, опытным... и слабым. Он взял Якова за плечи и повел к автобусу. Навстречу из дверей выпрыгнул Курортник, поспешил к Леше, на ходу говоря:

— Отсюда быстро уезжать надо, там тачанки...

Лабус перебил:

— А где Хорек?

Все заозирались. Леша даже перестал кашлять. Выпрямился, продолжая держаться за горло, и хлопнул себя по морщинистому лбу:

— Он тогда еще пропал! В суматохе я не... Побежал за мной, но пропал куда-то. Я думал, он в автобусе с вами.

— А мы думали — с вами в броневи́ке. — Игорь посадил Якова на подножку.

— Так что, в школе пацана оставили? — возмутился Лабус. — Забыли хлопца, а?!

— Ты его так же там оставил, как и мы, — возразил Курортник.

— Надо его найти!

— Где? — спросил Алексей. — Он теперь где угодно может быть.

Из автобуса выглянул Игорь.

— Уезжаем, к противнику подкрепление подошло.

Со стороны школы доносился рокот моторов.

— Все равно надо вернуться, — возразил Лабус. — Мы что... варханы какие-то?

— Да не найдем мы его сейчас! — повысил голос Сотник. — Думаешь, нам хочется мальчишку бросать? Но он такой... он где угодно спрятаться мог, на любую крышу в округе залезть, на чердак, в подвал, в щель какую-нибудь забиться! А там уже полная школа варханов, и сейчас они за нами рванут. Короче: все по машинам, быстро! Хорек слышал наши разговоры про «Старбайт», если жив — придет туда. А если нет... Мы не можем здесь оставаться, и возвращаться тоже нельзя.

Лабус посмотрел на Курортника, который хмуро пожал плечами. Оглянулся на школу, плюнул в сердцах и полез в спецмашину.

— Я в БМП! — крикнул вслед Курортник. — Вы впереди, старайтесь держаться

дворов! И держите курс прямоком к «Старбайту»!

* * *

Солнце сползло за крыши, когда машины остановились в небольшой арке под шестиэтажным домом. Перед ними тянулась восьмиполосная асфальтовая дорога, всю ее занимали припаркованные или брошенные автомобили, одни — сожженные, другие с выбитыми окнами и спущенными шинами, третьи с виду вполне целые.

Автобус стоял впереди, БПМ за ним. Раздался стук. Сотник отодвинул дверь, и внутрь сунулся Леша, а следом вошел Курортник.

— То место? — спросил он.

Бледный Яков с забинтованным плечом, стоя рядом с водительским сиденьем, смотрел в лобовое окно.

— Сзади Гиляровского, слева Орлово-Давыдовский переулок, — прикинул он. — Да, то.

— Якуша, как плечо? — спросил Леша. — Вы пулю не доставали?

— Почему же, достали, — возразил Игорь. — Она прямо под кожей была. Яков, точного адреса вы не знаете, так откуда...

— Кирилл мне описывал: желтое двухэтажное здание в сотне метров от поворота на Орлово-Давыдовский переулок, если ехать от центра. Точного адреса он сам не помнил, вернее, никогда не знал.

Все снова посмотрели в окно. Напротив арки за машинами виднелась приземистая ярко-желтая двухэтажка в стиле ампира.

— Так, сейчас, — Костя достал бинокль, поднес к глазам. — Стар... байт, — медленно прочел он. — Старбайт, так над входом написано.

— Ну вот! — кивнул Яков. — Оно.

— Ну хорошо, тогда что мы имеем, — Курортник сощурился. — Два крыла, на окнах решетки. По центру арка во двор, за ним парковку вижу, перед зданием тоже парковка. Слева решетка на окне пробита.

— И стекла в некоторых окнах разбиты, — подхватил Лабус, не отрываясь от бинокля. — По-моему, в офисе уже мародеры побывали.

— Так что, выходит, здание брошено? — нахмурился Леша. — Ладно, все равно проверим. Стоп!

Все посмотрели на старика.

— Стоп! Стоп! — повторил тот.

— Что, Лешенька? — спросил Яков.

Леша потер горло, покашлял. Они ждали.

— Да вы что, ослепли?! — воскликнул он наконец. — Справа за машинами фонарь, сломанный, накренился. Что там на нем, а?

— Твою мать! — Лабус опустил бинокль. — Повешенный. Это варханин?

— Вархан, — поправил Игорь. — Нет, не он, обычный горожанин. Парень какой-то молодой. И еще — я теперь заметил, вон, в просвете... Костя, там ведь тоже?..

Лабус вновь поднял бинокль.

— Ага, — протянул он. — Там тоже какой-то мужик висит. И в арке, то есть дальше, за парковкой во дворе этого «Старбайта». И все наши. Слушайте, это... Что это такое?

Лабус замолчал. Солнце садилось, вечерело. Тело, висящее на фонарном столбе, качнулось в порыве ветра.

— Предупреждение, — сказал Леша.

— Думаешь... — начал Яков.

— Уверен. Вспомни, как негры, если хотели показать, что деревня под контролем их клана, вешали возле нее несколько человек из соперничающей группировки.

— Как пиратов в старину возле портов вздергивали, да? — заговорил Лабус. —

Видимо, это мародеры, которые пытались сунуться в здание. Это значит, внутри кто-то есть все-таки.

После этих слов все опять надолго замолчали. Игорь Сотник первым нарушил тишину:

— Машины надо отогнать назад, потом мы с Курортником и Лабусом пойдем на разведку.

ГЛАВА 26

Запах гречки висел над лагерем. На глазах Кира в котел над костром высыпали килограммов пятнадцать, не меньше. Днем он несколько раз видел, как к Мавзолею подъезжали небольшие обозы с продуктами: крупами и консервами, коробками сухарей и бутилированной водой; под окрики надсмотрщиков рабы уносили провиант в Мавзолей.

Близился вечер. Киру надоело лежать, да к тому же хотелось есть и еще больше — курить. Некоторые пленные смолили вовсю, и при виде того, как они достают траву из кисетов, неторопливо делают самокрутки (большой мягкий листок — вместо бумаги, мелкая травяная труха — вместо табака), смачно затягиваются и пускают струи дыма с терпким непривычным запахом, желание усиливалось.

Что же, все-таки, с ними не так, а? Почему варханы все время кажутся Киру какими-то... такими... странными? Ущербными? Да — ущербными! Он даже кивнул сам себе, подобрав наконец подходящее слово. Все они будто «усеченные». В чем причина?

Когда терпеть не осталось сил, Кирилл сел, откинув одеяло, и принялся натягивать мокасины.

Донеслись тихие шаги, и под навес вошел Явсен. Оглядевшись, извлек из-под халата тряпичный сверток, положил рядом с матрацем и тихо сказал:

— Есть.

От свертка аппетитно пахло. Кирилл потянулся к еде, но Явсен, усевшись прямо на мостовую, схватил его за руку. Кинул быстрый взгляд на раненых — в сторону доктора никто не смотрел — и вытащил короткий черный стилет. Кир дернулся, но тут же сообразил, что это не стилет, а карандаш.

На тыльной стороне его правого запястья Явсен нарисовал овал. Кирилл зашипел сквозь зубы: больно! Темная крошащаяся линия на коже пекла, словно огнем. Пеон изобразил в центре глаза зрачок-спираль и убрал карандаш в карман. Кожа вокруг рисунка порозовела, потом покраснела. Эскулап выудил из мешочка на поясе смоченную травяным настоем тряпицу, приложил к запястью, и жжение поутихло.

— Что, у всех такие рисунки? — тихо спросил Кирилл, понимая, что Явсен не разберет, о чем он. — Или это ты только мне нарисовал, а у них — наколки?

Явсен вместо ответа выхватил из-под халата серую повязку и накинул Киру на голову.

— Ты чего? — Кирилл отпрянул.

Пеон стянул повязку у него под подбородком, перехлестнул через голову раз, второй, потом стал завязывать узел на макушке.

— Да зачем... — промычал Кирилл и смолк, сообразив: вслед за татуировкой Явсен имитирует ранение. Такое, из-за которого боец якобы не может говорить.

Закончив с повязкой, пеон нахлобучил ему на голову круглую кожаную шапку и удовлетворенно кивнул.

— Здесь! — объявил он, зыркнув по сторонам. — Кыр быть здесь. Явсен быть здесь. Долго... назад... — он помолчал, шевеля губами. — Потом! Кыр быть ждать. Явсен потом здесь, идти Айзенбах. Да?

— Хорошо, — ответил Кирилл, до сих пор совсем не уверенный, стоит ли вести доктора к Артемию Лазаревичу. Вдруг Явсен — агент какой-то варханской разведслужбы, желающей выйти на олигарха?

— Хорошо, хорошо! — закивал пеон и выпрямился, когда со стороны Лобного места донеслось гудение моторов.

Раненые зашевелились, загомонили, кто-то, потушив самокрутку о брусчатку, поднялся и поковылял из-под навеса. Явсен, кивнув Киру, прошел между матрацами и скрылся из виду.

Рокот моторов стал громче. Кирилл развернул тряпицу — под ней лежали темная краюха, ломти вяленого мяса и два клубня, похожих разом на луковицы и яблоки.

Он взялся было за мясо, но на ощупь оно оказалось совсем твердым, и Кир передумал пробовать его сейчас. Оставил один клубень и кусок хлеба, все остальное сунул в карман. Приоткрыв рот так, что повязка натянулась, отгрыз от клубня маленький кусочек. Пожевал осторожно — ничего, даже вкусно. Похоже на кисло-сладкое яблоко, только потверже, и с легким привкусом картошки.

Отхватив кусок побольше, с трудом двигая стянутыми повязкой челюстями, он встал и вышел из-под навеса.

В лагере суетились: варханы сгоняли рабов поближе к Лобному месту, возле которого стоял длинный шатер, и заставляли сесть на мостовую. Вокруг толпы прохаживались надсмотрщики с плетками и палками. Другие варханы выстроились широкой дугой возле Кремлевской стены. Кирилл медленно пошел в их сторону, глядя поверх голов.

В возведенной рабами стене вокруг лагеря был широкий просвет, по краям которого постоянно дежурили два броневика. Между ними в лагерь въезжала вереница машин. В центре двигалась большая, на шести высоких колесах, тачанка, капот которой был накрыт броней, из-за чего она напоминала не то открытую карету, не то старинный автомобиль с покатым навесом в задней части. Возле водителя сидели двое варханов в кителях. Вместе с «каретой» в лагерь проникли три кожаные цистерны, несколько тачанок и покрытый листами клепаного железа трактор с широким скребком, между зубьями которого застряли куски бетона и битые кирпичи. Над кабиной торчала стрела крана, на тросе висел тройной крюк.

Следом показались несколько машин, каких раньше Кирилл у варханов не видел: вроде мотоциклеток, накрытых бронеколпаками, с прорезями спереди и по бокам. То есть бронециклетки... или бронециклы? Кир прикинул, что у них наверняка три колеса, на двух такую штуковину не очень-то поводишь.

Он остановился, когда несколько варханов гнали мимо толпу пленников. Пошел дальше. Большинство чужаков выстроились длинной дугой, спинами к лазарету, лицами к тачанке. Цистерны поставили под Кремлевской стеной, к одной сразу подъехала машина, похожая на танк, но с колесами вместо гусениц, их соединили толстым шлангом.

Двое варханов, сидевшие рядом с водителем «кареты», вышли наружу. Кирилл еще приблизился, теперь он стоял недалеко от Лобного места и длинного шатра, стараясь не привлекать к себе внимания, но так, чтобы видеть все происходящее.

Эти двое были офицерами — бледно-зеленые кители и брюки, короткие блестящие сапоги, на круглых шапках — козырьки. У одного, вернее, у одной (это оказалась низенькая черноволосая женщина в возрасте) на рукаве три красные полосы, а у ее спутника аж четыре. Свою фуражку он сразу снял, обнажив блестящий выпуклый череп.

Когда женщина распахнула дверцу в броневом колпаке, оттуда выбрался первый настоящий толстяк, которого Кирилл увидел среди варханов. Тоже в бледно-зеленом кителе и брюках, но с золотистыми лампасами. И полосы на рукаве были золотые — целых пять.

Кирилл шагнул ближе. За Толстяком показались двое высоких плечистых варханов в облегающих костюмах из поблескивающей темной кожи, с портупьями, где висели топоры и ножи. И в шлемах, имеющих форму головы ящерицы, с решетчатой пастью-забралом и узкими глазницами. Это было неожиданно, шлемы как-то очень дисгармонировали с остальным, ну словно brave пожарные нацепили фартучки домохозяек или спецназовец в полном боевом облачении вместо автомата держал саксофон.

Пятиполосочник поправил фуражку с золотой кокардой в виде овального глаза и зашагал к полукругу рядовых. Охранники пошли за ним, Лысый и женщина-офицер — по сторонам.

Усеченные, вот вы какие. Кирилл до сих пор не мог объяснить самому себе, что подразумевает под этим словом в отношении варханов, но оно хорошо подходило им,

странным образом определяя их тайную суть.

Навстречу вышел комендант лагеря, на кителе которого были три полосы. Никаких козыряний и других армейских жестов — офицер заговорил, но Толстый слушал недолго. По щекастому красному лицу было видно, что ему все это не очень интересно. Отстранив коменданта, он двинулся вдоль строя, потом свернул прямо в него и, не глядя на расступившихся бойцов, направился в сторону длинного шатра. Офицеры и охранники поспешили за ним.

Толстяк остановился, отдал приказ Лысому. Тот повернулся к коменданту, который поднял руку и что-то прокричал. Из-за шатра показался Явсен, а с ними — четверо вооруженных москвичей с фиолетовыми повязками на руках. Явсен широко вышагивал впереди, москвичи послушно, как цыплята за курицей, шли следом.

Охранники в плащах выскочили из-за Толстяка, один поднял руку ладонью вперед, у другого из-под плаща высунулся ствол. Толстяк недовольно заговорил с ними, один из «темных плащей» ответил — Кириллу показалось, что разговор ведется на повышенных тонах, хотя отсюда трудно было судить. Толстяк в конце концов смирился. Охранники подступили к пеону с москвичами и отобрали у них оружие с торчащими вбок кривыми рычагами. Разрядив их, отдали и вернулись на свое место за спиной Толстяка. Тот поманил Явсена — пеон подошел, протягивая скрученный трубкой лист бумаги. Гость его развернул, проглядел, поднял голову и выкрикнул: «Лежать!».

Москвичи попадали на землю.

«Встать!» «Сесть!» «Стрелять!»

Клацнули затворы.

Толстяк снова посмотрел на лист, подозвал пеона и отдал приказ. Доктор громко скомандовал: «Бежать! Влево!» — и показал рукой, какое именно направление имеет в виду. Люди с фиолетовыми повязками устремились туда.

Заложив руки за спину, пятиполосочник наблюдал с брюзгливым выражением лица. Затем развернулся и двинулся вокруг шатра, будто позабыв и про москвичей, и про пеона. Офицеры с охраной направились за ним, а Явсен подошел к москвичам, поднял их с мостовой и увел куда-то.

Кирилл попятился, когда понял, что весь командный состав направляется напрямик к нему, но бежать было поздно: четыре офицера и двое охранников были уже рядом.

Он замер, стоя спиной к шатру. Компания прошла мимо. Охранники скользнули по нему взглядом, женщина с комендантом и Толстый вообще не обратили внимания, а Лысый, повернув голову, глянул в упор. Кирилл стоял по стойке «смирно», хотя ни разу не видел, чтобы чужаки принимали ее, и смотрел прямо перед собой. Визитеры шли дальше, а Лысый остановился и что-то сказал Кириллу. Тот не моргал и даже не дышал, выкатил глаза, пытаясь изобразить доблестного и тупоумного вояку. Офицер шагнул к нему, снова произнес несколько слов. Надменное лицо с туго натянутой гладкой кожей и выступающим подбородком оказалось прямо перед Кириллом. Тот мекнул что-то неразборчиво, коснулся пальцами повязки, дескать, не может говорить. Офицер скривил тонкие губы и ухватился за нее, собираясь сорвать, но тут его окликнул Толстяк. Потеряв к Киру интерес, Лысый догнал остальных.

Кирилл тихо перевел дух. Все это время в шатре позади него неразборчиво бормотал испуганный детский голос, иногда раздавались звуки, похожие разом на всхлипывания и смешки, они были до того необычными, такими жалкими и будто отрешенными, что всякий раз дрожь пробегала по спине. Поведя плечами, он шагнул прочь от шатра, искоса наблюдая за офицерами. Те остановились возле толпы сидящих на брусчатке рабов, окруженных надсмотрщиками. Толстый отдал приказ, и пленных начали пересчитывать.

Кирилл, стараясь шагать ровно и неторопливо, удалился от шатра и присел на корточки возле костра с большим котлом, где варилась гречка. Рядом стояла варханка с длинным деревянным черпаком, делившая свое внимание между котлом и приехавшими в лагерь гостями. На Кирилла она не смотрела.

Раздались окрики, шелканье плетей. Надсмотрщики поднимали рабов, выстраивали шеренгами, закрепляли на ошейниках длинные ремни — из лагеря собирались увести примерно три четверти пленников. Комендант показал гостям на стол, который поставили возле Мавзолея, но Толстый сделал решительный жест и зашагал назад к карете. Перед машиной он остановился, сказал что-то Лысому, тот ответил. Лагерный комендант остался сзади, вид у него был растерянный.

Толстяк и женщина-трехполосочница сели в «карету», а Лысый пошел к тачанкам, приехавшим вместе с гостями.

Оставив в лагере БМП и три бронецикла, «карета» медленно поехала к Васильевскому спуску, следом потянулась вереница рабов, конвоируемая тачанками и пешими. Лысый, собрав вокруг себя рядовых, сухим каркающим голосом отдавал приказания.

Остальные начали расходиться, и тогда Кирилл прогулочным шагом вернулся к длинному шатру. Суэта в лагере спадала. На него по-прежнему не обращали внимания — со своими волосами, в плаще и широких шароварах он совсем не выделялся среди варханов.

Не дойдя до шатра, он остановился. Зачем ему туда? Надо бежать, и немедленно. Он посреди лагеря чужаков, но вместо того чтобы воспользоваться первой же возможностью, шастает туда-сюда...

И все-таки что за странные звуки доносились из шатра? Если там ребенок, его надо как-то вывести отсюда. Только как? Тут бы самому выйти...

Кир поглядел вдоль стены. Через каждые пятнадцать — двадцать метров за ней прохаживались часовые, в некоторых местах стояли пулеметы, обложенные мешками с песком. Просто перелезть через стену не выйдет, на него сразу обратят внимание, окликнут. Значит, остается тот проход. Как он охраняется? Две БМП, возле одной притулился бронецикл. В броневиках наверняка сидят чужаки. За день Кирилл несколько раз видел, как в обе стороны между БМП ходили варханы. Может он просто покинуть лагерь? Или его окликнут, остановят, захотят узнать, что рядовому-одиночке понадобилось за периметром?

Мучительно хотелось курить. А еще ему очень не хватало катаны. Это была вторая, после странных звуков, доносящихся из шатра, важная причина, почему он не мог прямо сейчас попытаться выйти из лагеря. Катана и рюкзак... там и лэптоп, и «Король Джунглей», но главная — катана. Киру казалось, если он бросит ее здесь, в нем что-то изменится в худшую сторону, сломается, причем навсегда.

Явсен сказал: «клум» находится в «граде манкурат». То есть в «манкуратне». Что за манкуратня? Уж не этот ли длинный шатер?

Поправив повязку на лице, он приблизился к шатру. Торцом тот почти примыкал к Лобному месту, с другой стороны был вход. Сначала Кир прислушался, потом откинул шкуру и шагнул внутрь, на скрипящие доски, настеленные прямо на брусчатку.

Перед ним поблескивала серебром машина размером с гроб, в форме капли: широкая и покатая с той стороны, где стоял Кир, и сужающаяся к другому концу.

Стоящая на четырех изогнутых тонких ножках, машина эта так разительно отличалась от всего остального в лагере, от всей варханской техники, что казалось — она сделана инопланетянами. «Капля» сплошь состояла из выпуклостей и углублений, плавные перекаты серебристого металла посверкивали мириадами искр.

С узкой стороны торчали три серебряных провода. Головой к машине на медицинской койке с колесиками лежал наголо обритый полный мужчина с темными усами — тот писатель, что выносил горшки из-под навеса. Над ушами и на темени его были прилеплены три круглые присоски, которыми заканчивались провода.

Помещение озарял свет синих светильников. По сторонам от «капли» стояли койки, на которых, пристегнутые ремнями, лежали трое подростков, молодой парень с синяками под обоими глазами, русая девушка и две женщины.

Все спали.

Писатель забормотал неразборчиво, потом захныкал, как ребенок. Кир подошел ближе. Мужчина лежал на спине, уставившись в потолок немигающими глазами, и, когда Кир

несколько раз провел над его лицом ладонью, не пошевелился.

— Помогите!

Он повернулся. На дальней койке, стоящей возле свисающих с потолка шкур, что отделяли это помещение от следующего, лежала веснушчатая девушка с русыми косичками. Кир вспомнил, что видел в лазарете и ее.

— Помогите! — повторила она, когда Кирилл склонился над койкой... и вскрикнула, разглядев его.

— Не бойся, — прошептал он. — Я не вархан.

— Нет, не трогайте меня!

— Послушай, я не чужак, я москвич. Я тебя освобожу.

— Ты... но... Пожалуйста, расстегни ремни!

На ремнях поблескивали большие железные пряжки. Кирилл дернул одну, сорвав ремешок с левой руки девушки, схватился за второй. Шкуры, возле которых он оказался, раздвинулись, и в комнату шагнула медсестра в шароварах и сером фартуке, с глазом-татуировкой на бритом темени. В руках ее был железный поднос, где лежали скальпели, пинцеты, молоточек и механическое сверло, похожее на штопор с двумя рычажками, которые надо поднять, чтобы вытащить пробку из бутылочного горлышка.

— Сукач! — выругалась женщина и швырнула поднос Киру в лицо. Он ладонью отбил его, инструменты разлетелись по деревянному полу.

Русоволосая девушка закричала. Кирилл ударил варханку в подбородок, она отшатнулась и, крутанувшись на носке левой ноги, словно каратистка, ступней правой вмазала ему по уху.

Кир свалился на девушку, которая пыталась сесть, свободной рукой расстегивая второй ремень.

Сзади его схватили за волосы, и рванули, воткнув острое колено в поясницу. Вскрикнув, он развернулся и локтем ударил варханку по голове. И увидел прямо перед собой ее напарника.

Женщина одной рукой держала Кира за волосы, тянула назад, упираясь второй ему в спину между лопаток, выгибала шею. А медбрат, не долго думая, всадил кулак ему в солнечное сплетение.

Дыхание перехватило, перед глазами засновали жужжащие огненные пчелы. Подкосились колени. Женщина позволила Киру опуститься на корточки — и ударила его ладонями по ушам.

После этого в голове у него осталась одна мысль: говорил тренер, надо коротко стричься. Длинные волосы — последнее дело в уличной драке.

Где-то причитала девушка, неразборчиво бормотал голос с детскими интонациями... Кирилл пришел в себя на койке, пристегнутый ремнями. Писателя рядом с серебристой машиной уже не было, его место заняла русоволосая. Она плакала, тихо подвывая. Над ней стояла варханка с механическим сверлом в руках.

Кирилл попал на другую сторону помещения, к спящим людям. Повязку с его головы сорвали, варханский плащ валялся на полу.

Качнулись шкуры, из-за них появился медбрат с миской, полной белой пены, и ножиком, смахивающим на опасную бритву. Откатив от стены койку с девушкой, варханы с двух сторон подступили к ней. Русоволосая зарыдала от ужаса, забилась в ремнях. Медсестра прижала ее голову к койке, медбрат достал из кармана на фартуке маленькую фляжку, раскрыл и сунул девушке под нос. Она подергалась еще немного, проскулила что-то жалобно — и затихла.

Вдвоем они быстро срезали косички, потом обрили русую голову. Подкатали койку к серебристой машине. Варханка повернула голову девушки набок и приставила сверло к черепу над ухом.

Кирилл отвел взгляд. Некоторое время до него доносились жужжащие и скребущие звуки, постукивание, затем раздались шелест и пиканье. Он снова покосился на установку.

Она мигала огнями — свет проступал прямо сквозь металл. Медсестра взялась за провода. Из центра присосок, если это вообще были присоски, торчали штырьки с красными тонкими головками. Варханка вставила их в дыры, плотно прижала кругляши к черепу. Медбрат ушел за шкуры, а женщина стала вытирать фартуком кровь со сверла. Обритая девушка лежала неподвижно.

Вархан опять появился с миской, полной пены, и бритвой. Вдвоем они направились к Кириллу. Он задергался, и подошедшая женщина ударила его кулаком по лицу. Кир плюнул в медсестру кровью. Медбрат схватил его за волосы, потянул книзу, вдавив затылок в койку. Вылил на темя пену из миски и широкими круговыми движениями размазал по макушке. Взялся за бритвенный нож.

Раздались шаги, варханы повернули головы. Медбрат не отпустил волосы Кира, и тот мог лишь скосить глаза.

Вошедший Явсен посмотрел на него, на помощников и быстро заговорил. Женщина бросила в ответ несколько слов таким тоном, будто обвиняла в чем-то пеона. Тот продолжил, гневно и повелительно, но на варханку это не произвело впечатления. Явсен оттолкнул медбрата, взялся за ремень, стягивающий ноги Кира, а медсестра крикнула «Сукач магара!» — и ударила пеона сверлом по голове. Явсен отшатнулся, снова заговорил, она закричала, пихнула его ладонью в грудь, он исчез из поля зрения...

И тут же появился опять. Взмахнул рукой. Темно-красное облачко плеснулось из шеи варханки. Медбрат рванул в обход койки, Явсен ударил по ней, и она углом заехала вархану между ног. Тот схватился за причинное место, разинув рот от боли, и пеон воткнул ему в небо длинный скальпель. Медбрат попытался. Скальпель вошел глубоко — лишь половина рукоятки торчала изо рта. Зубы клацнули о металл, вархан захрипел, вцепился в скальпель, но так и не сумел его вытащить — спиной сполз по шкурам, сел, засучил ногами, отталкивая койку, и затих. Голова склонилась на грудь, по подбородку и фартуку потекла кровь.

Явсен, что-то бормоча, начал отстегивать Кирилла. Освободил одну ногу, потом вторую, принялся за руки, хотя начать следовало именно с них. Когда левая оказалась на свободе, Кирилл, оттолкнув пеона, сел и сам взялся за последний ремень.

Варханка лежала на полу, вархан застыл под стеной из шкур. Кирилл, подхватив с пола плащ, показал на машину. Она тихо стрекотала, словно насекомое, по серебряным проводам к присоскам на темени и висках девушки пробегали пятнышки света.

— Помочь? — спросил он. — Можно помочь?

— Нет! Идет! — Явсен схватил Кирилла за плечо и потащил к стене из шкур. — Кыр, Явсен идет!

— Но эта девушка...

— Не помочь! Не помочь! Идет! Опасно!

Они пробежали через два темных помещения, заставленных ящиками, и в третьем, крайнем, остановились. На другой стороне шкуры были откинута, за ними виднелись ступени Лобного места.

Судя по лежащему на полу матрацу с одеялом, паре стульев и столу, Явсен здесь спал. Возле стола возвышалась вешалка с одеждой, под ней лежал рюкзак, из-под клапана торчала катана в ножнах.

Напялив плащ, Кирилл шагнул к вешалке и схватил катану.

— Кыр, Явсен идет! Идет быстро! — покрикивал пеон, вытаскивая из-под стола котомку с лямками, как у рюкзака.

— Да, да, идем, — Кирилл прицепил катану на пояс. — Рюкзак... то есть клум свой я тоже возьму. Кыр брать клум.

— Нет! Кыр — клум — опасно!

— Но там мои...

— Клум другой!

Явсен подскочил к вешалке, сорвал с нее вторую котомку, пустую, сунул в руки Кириллу. Меньше минуты ушло на то, чтобы переложить самое необходимое, после чего они

бросили выпотрошенный рюкзак за стол и вышли наружу.

— Тишь, — прошептал пеон, шагая вдоль шатра. — Кыр — тишь, Явсен — тишь. Идет.

Стало темнее, лагерь был озарен светом костров и синих светильников. Когда Кирилл с пеоном подошли к проходу между броневиками, доктор поднял руку, приветствуя двух рядовых, сидящих на башне с самокрутками в руках. Они равнодушно глянули на него, на Кира — и отвернулись. Возле второй БМП приткнулся бронецикл с раскрытой дверцей в боковой части бронеколпака, из проема торчал зад чужака, по пояс всунувшегося внутрь. Он чем-то лязгал и вполголоса ругался.

Донесся окрик, и Явсен с Киром оглянулись. К ним шагал лысый офицер-четыреполосочник в сопровождении пары рядовых.

Он бросил что-то повелительное. Кирилл покосился на Явсена. Пеон повел подбородком в сторону бронецикла и произнес одними губами:

— Бить. Бить!

Троица быстро приближалась. Явсен вытащил из-под халата пистолет, локтем толкнул Кирилла к машине и выстрелил.

Стрелок он был никудышный, да и расстояние для дроби великовато. Наверняка пеон метил в четырехполосочника — но большая часть дроби досталась идущему правее вархану. Боец повалился навзничь, а Лысый зашатался и упал на колени. Но не вскрикнул — только глухо замычал от боли. Его лоб, скула и правый глаз превратились в темно-красную кашу. Офицер потянул из кобуры револьвер с тонким стволом и выстрелил, не целясь.

У вархана, копающегося в бронецикле, оказались длинные, как у Кирилла, темные спутанные волосы. Быстро смекнув, что происходит, он развернулся, вскидывая нож с извилистым лезвием. Клинки катаны и ножа с лязгом столкнулись. Чужак прыгнул на Кира, тот ударил слева, справа, оттесняя противника, отбил выпад в грудь — и кончиком катаны чиркнул вархану по лбу. Чужак отшатнулся, спиной налетел на бронецикл, а Кир в длинном выпаде воткнул катану в его левое плечо прямо под ключицей. Нож полетел на мостовую, Кирилл выдернул катану, ребром левой ладони рубанул вархана по шее, схватил за волосы и рванул на себя. Шагнув в сторону, выставил ногу — чужак, перелетев через нее, растянулся на брусчатке.

Явсен, из запястья которого хлестала кровь, с разбегу перепрыгнул через раненого. Убрав катану в ножны, Кирилл сунулся в бронецикл. Как управлять этой штукой? Вряд ли сложнее, чем квадроциклом.

За ним с пыхтением полез Явсен. Позади кричали, слышался топот ног. Где тут ключ?! Ни черта не видно под этой броней! Прищурившись, Кир окинул взглядом рулевую вилку, напоминающую большую подкову, угловатую, с резиновыми насадками на концах. Вот! Он повернул узкую рукоятку — как комар, запищало магнето под сиденьем.

— Идти! — заорал Явсен над ухом, захлопывая дверцу прямо перед носом подбегающего бойца.

Кикстартер торчал под рулем слева. Кир передернул его, крутанул одну насадку на «подкове» — ничего не произошло, — другую... Машина, тихо урча, поехала.

В броню ударили кулаком, потом звонко застучали пули. Загудел двигатель БМП.

В бронецикле были три щели на высоте лица спереди, а сбоку — по две. Над передними узкая полка, на ней оружие с торчащим вбок кривым рычагом и жестяная коробка, полная патронов.

Кир наклонился, увидел возле рукоятки зажигания тумблер, перекинул его — мутно-желтый, тусклый луч фары выстрелил перед бронециклом. Машина выкатилась из лагеря. Сзади кричали чужаки и гудели моторы.

ГЛАВА 27

— Не понимаю, — Костя опустил пистолет.

Он стоял посреди пустого кабинета на первом этаже «Старбайта». Курортник

привалился к дверному косяку, Игорь Сотник остался в другом крыле, которое они осмотрели первым и где не обнаружили ни единой живой души.

— По одним комнатам явно пошастали, но по другим — нет. Если мародеров кто-то отпугивал — так где он?

Шурша устилавшими пол бумагами, Лабус обошел стол с компьютером и выглянул в окно. Почти стемнело, автобус в арке напротив был еле виден. Он раскрыл окно, встав коленом на подоконник, просунул руку между прутьями решетки и сделал жест: *«чисто, идите сюда»*. Подождал. В автобусе приоткрылась передняя дверь, наружу высунулась седая голова. Костя снова отжестукировал. Голова несколько раз кивнула и убралась обратно.

Он повернулся, окликнул:

— Леха!

Алексей стоял вполборота к выходу и молчал. Насторожившись, Костя пошел к другу. У двери замедлил шаг, поднял оружие, а возле Курортника опустился на одно колено. Резко качнулся вперед, выставив ствол «Макарова» наружу.

В конце длинного коридора, практически в таких же позах, что и спецы, застыли двое. Темно-синяя форма, желтые полосы на брюках и куртках, у обоих, насколько мог разглядеть Костя, — АКСУ. Один, опустившийся на колено, — моложе и стройнее, второй круглолицый и постарше.

Некоторое время было тихо, четыре ствола не шевелились, как и четыре человека. Потом Лабус спросил:

— Вы кто такие?

Молодой глянул на старшего и произнес:

— Это не мародеры.

— А то я не вижу, — проворчал тот.

— Ясно, кто они такие, — ответил на вопрос напарника Алексей. Его «бизон» тоже был поднят. — Охранники. Наверное, здесь есть система, которая сигнализирует, если кто-то появился. Тогда они снизу вылезают и... Вот откуда повешенные.

— Это значит, у них генератор внизу, — сообразил Костя. — Иначе ни черта работать не будет.

— Точно. Где ваш шеф? — повысил голос Алексей.

— Какой еще шеф? — спросил молодой.

— Не дури. Айзенбах где?

Старший переступил с ноги на ногу, молодой шумно втянул ноздрями воздух.

— Вам чего надо вообще?

— Он в этом здании? Нам надо к нему.

— Вам? — спросил старший. — Кто это — «вы»?

— Заинтересованные лица, — отрезал Лабус, осторожно поднимаясь с колена. — Нам с вашим шефом необходимо поговорить, что неясно? Приведите его сюда или отведите нас к нему.

Молодой охранник тоже выпрямился. Попятился за спину круглолицего, что-то прошептал. Напарник, слегка повернув голову, ответил. В конце коридора была глухая железная дверь, Костя с Алексеем проходили мимо нее трижды, с Игорем и без него, но вскрыть даже не попытались, по ней было видно: без взрывчатки пыхтеть придется очень долго.

— А ведь Кирилл этот говорил полковнику, что здесь не просто офисное здание, — громко, чтобы охранники слышали, обратился Курортник к Лабусу. — Еще и лаборатории. Но приборов мы нигде не видели. Что это значит?

— Значит, все внизу, — кивнул Костя. — Там и приборы, там и Айзенбах, и все его люди, кто выжил. Парни, хватит морозиться, делайте уже что-нибудь.

Молодой снова зашептал старшему, тот кивнул, и он исчез за дверью.

— Если он за подмогой... — начал Костя, но замолчал, уловив тихий звук шагов.

Круглолицый тоже его услышал, но повернуться не успел — ему в затылок ткнулся

ствол АК.

— Стой ровно! — негромко приказал Сотник, появившийся из ведущей во двор двери. — Повернись к стене. Встань на колени. Медленно!

— Медленно и печально, — добавил Лабус и, разгладив усы, вместе с Алексеем зашагал по коридору.

— ...Положи ствол, — продолжал Сотник. — Теперь руки за голову. И не шевелись.

За Игорем показались Яков с перебинтованным плечом, потом Леша и Багрянец.

— Долго вы, — заметил Лабус.

— Потому что машины во двор отогнали и спрятали как могли, — задребезжал Леша. — А тут на входе с капитаном нашим столкнулись. Что это за хлопчик?

«Хлопчик» стоял лицом к стене, сцепив на затылке пальцы. Рядом темнел прямоугольный проем, за которым едва угадывались ступени ведущей вниз лестницы.

— Охрана местная, — пояснил Алексей тихо. — Айзенбах, судя по всему, там.

— А вот сейчас и узнаем. — Лабус наклонился к круглолицему, положил руку ему на плечо.

— Ничего не скажу, — предупредил тот хрипло.

— Да у тебя выбор-то невелик, брат, — заметил Костя. — Вот смотри: мы по-любому туда спускаемся. У нас гранаты со слезоточивкой, противогазы. Если ты сейчас рассказываешь, что нас ждет, — спускаемся по возможности мирно. Если отмалчиваешься — тебя тут валим, бросаем гранаты, потом врываемся, валим всех, кто сопротивляться будет... Бессмысленные жертвы, брат. Так что выбирай. И говори тихо, чтоб внизу не услышали.

Костя достал нож и приставил клинок охраннику к горлу. На самом деле он не собрался убивать круглолицего: во-первых, в этом не было прямой необходимости, а Лабус не отличался кровожадностью, во-вторых, обученный обращению с оружием и хоть какой-то дисциплине взрослый мужчина, не мародер и бандит, в той ситуации, в которой все они находились, был полезен. Да и слезоточивых гранат у них не было.

Охранник молчал.

— Ну! — Сотник ткнул его стволом в затылок. — Сколько людей внизу? Тихо отвечай.

— Восемь... то есть семь, — прошептал круглолицый.

— Охрана, гражданские?

— Мы теперь все граждан... Да не тычь ты в меня! Пять охранников, ученый молодой, баба одна и шеф.

— Ты считать умеешь? — спросил Курортник. — Восемь получается, а не семь.

— Но я-то здесь! Внизу четверо из охраны, то есть трое, и Борисыч, шеф наш.

— Какие там помещения?

— Большой зал, вокруг комнаты. Под лестницей холл отдельный, закрытый. Дверь плотная, в зал звуки не...

— Вооружение? — перебил Алексей.

— АКСУ у всех. ПМ, дубинки, ножи.

Игорь кивнул Якову:

— Охраняйте с Багрянцем. Павел, у товарища полковника правая рука плохо действует, будь начеку. Мы вниз.

Он, Лабус, Курортник и Леша осторожно пошли по лестнице. Она оказалась на два пролета, скоро стало совсем темно, но фонарики не включали. Впрочем, нижние ступени озарял тусклый свет, льющийся из проема.

Игорь с Курортником двигались впереди, каждое мгновение ожидая, что на них бросятся люди, предупрежденные молодым охранником о вооруженных незнакомцах наверху. Но на лестнице они никого не встретили, зато слышали голос, который говорил с добродушными интонациями:

— Ну ты, Григоренко, глупый. Так и не определил, кто это? Какой камуфляж хоть?

Никакого закрытого холла, о котором толковал круглолицый, внизу не оказалось — он соврал, чтобы сбить их с толку. Лестница вывела на квадратную площадку в углу

просторного зала со столами, уставленными всякими приборами. Площадка, от которой вниз вела лесенка, была приподнята метра на полтора над полом.

Под потолком горели несколько тусклых лампочек. За длинным столом стоял парень в белом халате, с большими круглыми очками на носу. В руках у него был паяльник, над которым поднимался сизый дым.

Когда Сотник и Курортник шагнули на площадку, из двери недалеко от нее в зал вошел высокий полноватый мужчина со светлыми волосами, в остроносых штиблетах, темных костюмных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами, с кобурой под мышкой и сбившимся набекрень галстуком. За ним следовали трое парней в синей форме, среди них уже знакомый молодой охранник. Другие были похожи друг на друга почти как близнецы: тяжелые квадратные лица, низкие лбы, туповатые глазки и грузные широкоплечие фигуры.

Курортник с Игорем упали на одно колено, над ними подняли стволы Леша с Лабусом. Охранники, остановившись, тоже вскинули оружие — пистолеты и укороченные «калаши» с глушителями.

Несколько секунд стояла тишина, нарушаемая тихим стрекотом какого-то прибора да потрескиванием лампочки. Потом юноша в халате с громким стуком уронил паяльник на стол.

— Парни, мы с мирными целями, — громко произнес Лабус. — Хотим поговорить с Айзенбахом. С Артемием Лазаревичем вашим.

— И о чем же? — спросил светловолосый мужчина. Голос у него был доброжелательный, чуть ли не ласковый.

— О важном, — заверил Костя. — Если сейчас начнем палить друг в друга, хуже всем будет. Правильно я говорю, товарищ полковник?

Взгляд светловолосого метнулся к Леше, который после обращения Кости шагнул вперед.

— Правильно, прапорщик, — продребезжал он. — Мирно давайте. Всем опустить оружие... Не приказываю — предлагаю. Но предлагаю действительно. Медленно, без резкостей.

Охранники ждали. Светловолосый медлил, взгляд перебегал с одного непрошеного гостя на другого.

Наконец он сказал: «Хорошо» — и первый опустил пистолет.

С лестницы в зал проник приглушенный рокот, секунду спустя донесся бас Багрянца:

— Эй, тут варханы! Сюда давайте!

Леша с Лабусом попятились, Сотник и Курортник поднялись с колен. Рокот стал громче.

— Не стойте на пути! — беззлобно прикрикнул на них светловолосый и поспешил через зал. — Полковник, говорите, прапорщик... Ладно, поднимемся и поглядим, кто там пожаловал. Манкевич, Партизанов — за мной, Григоренко здесь.

Молодой охранник остался на месте, двое «быков» вслед за шефом устремились к лестнице.

Круглолицый и Багрянец с Яковом смотрели из окна в конце коридора, причем ствол АК в руках Якова Афанасьевича упирался в бок охранника.

— Миша! — укоризненно протянул светловолосый, когда они оглянулись.

— Ростислав Борисович, я...

— Ладно, помолчи теперь.

Вежливо улыбнувшись Якову и окинув взглядом крепкую фигуру Багрянца, шеф охранников подступил к окну, оттеснив круглолицего Мишу.

— Это что за чудило? — удивился он.

Окно было широкое — Сотник, Лабус, Курортник и Леша уместились перед ним. Яков с Багрянцем отошли к стене, поглядывая на «быков» и круглолицего, оставшихся у железной двери. Яков левой рукой сжимал автомат.

Игорь сказал:

— Скажи своим парням, чтобы смирно себя вели.

— Так и вы смирно себя ведите, — со смешком откликнулся Ростислав Борисович. Оглянулся и добавил: — Слышали? За стволы не хватайтесь.

По тротуару вдоль ряда брошенных автомобилей к зданию катила небольшая, накрытая броневым колпаком машина. На передке горела фара. Машина громко тарахтела, звук далеко разносился по сумеречной улице.

— Такого у них раньше не видел, — заметил Курортник.

— Варханская техника, — проворчал Лабус. — Щели впереди смотровые... Я бы из винтаря смог попасть, но он в автобусе.

Машина остановилась, фара погасла. Раскрылась дверца в броневом колпаке, наружу вышли двое варханов, огляделись, заглянули за угол соседнего со «Старбайтом» дома и стали вручную закатывать туда машину. На одном чужаке был длинный халат с меховой оторочкой, на втором, обладателе лохматых темных волос, — плащ, а под ним широкие шаровары. У обоих за спинами котомки, оружия не видно, хотя оно могло скрываться под плащом и халатом.

Затем они поспешили к «Старбайту», на ходу то и дело оглядываясь. Лабус поднял ПМ, Ростислав Борисович потянулся к пистолету в кобуре, и тут Леша воскликнул:

— Это ж Кирюха! Якуша, глянь!

Яков протиснулся между ними, достал из кармана очки, нацепил на нос.

— Зрение у меня уже не... Да, он! Не стрелять!

— Кирилл Мерсер? — поразился Ростислав Борисович. — Откуда вы его знаете?

Гости свернули к дверям, исчезнув из поля зрения.

— Откуда? — повторил светловолосый, отворачиваясь от окна.

— Просто столкнулись, — пояснил Яков. — Кирилл и указал нам это место.

Хлопнула дверь, раздались шаги. Сотник, Курортник и Лабус, разом включив фонарики, пустили лучи в лица двоих, появившихся в коридоре.

Кирилл сощурился, Явсен прикрыл глаза левой ладонью — правую руку, кое-как перемотанную куском тряпки, он сунул за пазуху.

— Кирюша! — оттолкнув охранников, Яков бросился к нему, схватил за руку и потащил от Явсена. — Думал, ты погиб! Молодец, выжил, не запропал в кутерьме этой!

— Я... — начал Кир. — Что они делают?!

— Лежать! Мордой в пол! Не шевелиться! — Курортник с Лабусом одновременно бросились к чужаку, который недоуменно заморгал — и, получив подсечку, свалился на колени. Удар прикладом в затылок опрокинул его лицом вниз. Костя присел, вывернул ему руки за спину и щелкнул наручниками, в то время как Алексей контролировал ситуацию, целясь вархану в голову.

— Эй, вы чего! — закричал Кир. — Это не... Он — пеон, он мне помог!

— Знаем, что пеон, — отрезал Сотник.

Кирилл повернул к нему голову.

— Откуда?

— У нас, Кирюха, уже был один, тоже так добренько себя вел, лыбился, падла, — вступил в разговор Леша. — А потом сбежал, чуть Якушу не пришиб.

— Но он помог мне убежать из их лагеря! И он Айзенбаха откуда-то знает — спрашивал про него, хотел встретиться! И... Лагойда?!

Кир замолчал, наконец разглядев за спиной Игоря Сотника светловолосого мужчину, стоящего в затемненном углу коридора.

— Да, Кирилл, — улыбнулся тот, и Яков заметил, как Кир сжался, подавшись назад.

Ростислав Борисович Лагойда вышел из-за Игоря, продолжая улыбаться — только теперь в улыбке этой было что-то неприятное.

— Так ты говоришь, этот вархан спрашивал про шефа? — Лагойда шагнул к Кириллу. — И ты привел его прямо сюда?

Все обернулись к окну, когда с улицы донесся рокот. Там зажглась фара, потом вторая,

третья, четвертая... Машины одна за другой выруливали из-за поворота. Впереди двигался трактор со скребком, в котором лежали обломки скамейки, урна, куски асфальта и поверх всего этого — мотоцикл с вывернутым набекрень рулем.

— Тачанки, — объявил Багрянец, прижавшийся лбом к стеклу. — Три штуки... не, четыре! И еще такие ж маленькие тачки, ну, вроде той, на которой эти двое прикатили. О, и БТР за ними, прям по тротуару, надо ж, втиснулся!

Лагойда схватил Кира за шиворот, потянул на себе, зашипев:

— Твоя работа!

— Нет! — крикнул Кирилл. — Они не могли... Мы оторвались, они не могли за нами проследить!

— Врешь. Ты и этот, который с тобой пришел, вы оба их агенты! Шпионы!

Ростислав Борисович охнул, когда Кирилл указательным пальцем ткнул в локоть той руки, которая сграбастала его за шиворот. Пальцы светловолосого разжались сами собой, и Кир отступил на шаг, взявшись за катану.

— Мы оторвались! — громко повторил он, переводя взгляд с Лагойды на Сотника, с того — на Якова, а после на Лешу. — Но Явсен, этот пеон, знал про Айзенбаха. Это значит, что могут знать и другие. Только почему? — голос его стал недоуменным. — Что им надо от Артемия Лазаревича? Это он послал меня выкрасть инфу, хотел, чтобы я запустил в лабораторные машины вирус... А теперь варханы ищут его. Что все это значит?!

Снаружи гудели двигатели и раздавались голоса, говорящие на чужом языке.

— Отступаем, — решил Игорь. — Через парковку во дворе, потом...

Взревели моторы. Три тачанки и четыре бронецикла рванулись вперед, разъезжаясь, из других машин посыпали бойцы. Часть машин свернули во двор, и спустя несколько секунд здание было окружено. Со всех сторон в него уперлись лучи фар — стоящим в коридоре пришлось присесть, чтобы скрыться из виду.

Явсен, лежащий со скованными за спиной руками, поднял голову.

— Лазарич! Явсен, Лазарич — говорить! Говорить быть быстро! Важно! Важно говорить!

Манкевич с Партизановым и Миша нырнули в проем железной двери. Сидящий на корточках Курортник, заглянув на темную лестницу, спросил у Лагойды:

— У вас есть гранатометы? Ручные гранаты, пулеметы?

— Ничего такого, — сказал тот. — Из автоматике только АКСУ и ПМ.

— А другой выход из подземного этажа?

— Один имеется. Только его завалило.

— Капитан, мы там в ловушке будем, — сказал Костя.

— Мы уже в ловушке! — отрезал Игорь. — Все вниз, запремся. Могут не найти, хотя если они специально сюда приехали... Все равно нам сейчас больше некуда. Лабус, Курортник, тащите пленного.

* * *

У Хорька были бинокль, электроружье, АКСУ, пистолет, несколько запасных магазинов, кока-кола и печенье — а значит, Хорек был во всеоружии.

Когда они с Лешей бежали по школьному коридору, мальчишка вдруг понял, что натворил. Враги узнали, что в школе кто-то есть, и из-за него все могут погибнуть — и Леша, и Лабус, и Сотник тоже! Командир погибнет из-за Хорька! А если спасутся — как он покажется им на глаза? Лабус молча дернет себя за ус, Сотник глянет хмуро и отвернется... А потом они прогонят Хорька. Кинут его, как кинула мамка, а за ней и батя, уйдут — навсегда! И снова он будет один.

Снаружи донеслись выстрелы, потом рвануло. Леша торопился, кашляя, прижимая кулак ко рту. Хорек приотстал. Потом еще. А когда старик достиг конца коридора, шмыгнул в дверь одного из классов.

Ряды парт, чистая доска, учительский стол с деревянным стаканом, из которого торчат карандаши и ручки. Хорек ненавидел школу. Ненавидел почти так же, как батю, когда тот напивался.

Звуки выстрелов стали тише, но тут же снова усилились. Зарокотали моторы. Пыхтя под весом оружия, Хорек пересек класс, отдернул занавеску. И присел, когда мимо, совсем рядом, пронеслась тачанка с тремя врагами. Машина мгновенно исчезла из виду, но он разглядел их силуэты и оружие в руках. Демоны, вот кто они такие! Городские демоны! Про них говорил сын заводского электрика, нервный дерганый Димон, самый умный в их компании. Они сидели на чердаке и резались в карты, пока не стемнело, и тогда Димон — под шелест дождя и тихий клекот голубей где-то в глубине большого бетонного чердака — стал рассказывать про городских демонов. Они выглядят как люди, только странные. Они маскируются — часто совсем не отличить. Некоторые бомжи — демоны. Живут в канализациях, в подвалах, выходят на свет вечером, рано утром, во время дождя. В сумерках. Крадут людей, чаще — детей. Пьют их кровь и едят мозги.

Еще Димон говорил, что демоны ждут Знака. Знак будет означать, что началось Время Демонов. Тогда они захватят город.

Тут как раз в темных глубинах чердака что-то зашелестело, всем стало страшно и, чтобы скрыть это, над Димоном начали смеяться. А потом Хорек, Генка и Васек принялись его бить, чтоб отомстить за страх. У Димона, конечно, тут же случился приступ э-ли-пепсии, и Хорьку с Васьком пришлось вести его домой. А через два месяца старший брат Димона кого-то покалечил в драке на пустыре, его посадили, и вскоре семья их переехала.

После этого городские демоны иногда снились Хорьку. Причем часто они были в противогазах. Димон упоминал, что демоны, долго жившие в канализации, не умеют дышать обычным воздухом и на поверхности ходят в масках.

И вот теперь — демоны напали. Купол — это Знак. Началось Время Демонов. Они убили много людей, остальных увели к себе в канализацию, а еще забрали батю и перделали его в зомби.

Димон говорил, что демона очень трудно уничтожить, для этого ему надо отрезать голову. И вот тут Димон оказался неправ, Хорек уже видел: демонов убить легко. Если они без бронекожи, то не сложнее, чем обычных людей.

Окна в рамах зазвенели, когда с другой стороны школы прозвучал взрыв.

Хорек раскрыл окно, забравшись на подоконник, выставил вперед ствол ружья и, как заправский истребитель демонов, быстро повернул его влево-вправо. Никого. Он полез вниз. Демонское ружье было не очень тяжелое, а вот АКСУ — тяжеленный, плечо под ремнем уже болело. Хорек спрыгнул на газон и побежал вокруг здания. Сотник с Лабусом и Лешей, и остальные, может быть, умирают сейчас — он должен их спасти! Спасти и защитить.

Нет, они не умирали.

Они ехали прочь через стадион, и за ними мчали демоны на своей машине. Откуда у демонов могли взяться машины — из канализации, что ли? — про это Хорек не думал, он не очень умел анализировать, делать выводы.

Зато он твердо знал одно: надо защитить командира с остальными.

Хорек припустил вдоль края стадиона в сторону, куда укатили машины. Сердце колотилось в груди, он с сипом вдыхал воздух и с хрипом выдыхал его, перед глазами кружились темные точки. При всех недостатках Хорька, у него имелось одно неоспоримое достоинство: он был сильным человеком. Поэтому он бежал вперед, не останавливаясь.

...И вот теперь мальчик сидел на площадке между первым и вторым этажами большого дома, наблюдая через окно, как демоны подступают к желтому зданию, в котором спрятались командир, Лабус и остальные. Хорек решил, что отныне он будет спасителем. Спасти и защитить — вот его девиз. Он всегда будет рядом, невидимый для друзей. Чтобы когда-нибудь выйти к ним из развалин, повзрослевшим, небритым... похожим на батю. Выйти и по-братски обняться с Сотником.

Демоны окружили здание. Хорек положил ружье на подоконник, прицелился в одного,

самого главного, — тот стоял прямо на кабине большого трактора со скребком и подъемным краном, сцепив руки за спиной. Башка демона была обмотана бинтами.

Но мальчик не выстрелил. Командир много раз повторял ему: сначала думай, потом делай. За то небольшое время, пока они были знакомы, Лабус тоже кое-чему научил Хорька. И тот вдруг сообразил: он ведь не убьет всех. Успеет выстрелить несколько раз, но демонов вон сколько-они вбегут в здание, и ему некуда будет деться, выход-то один. Демоны его поймают, выпьют кровь и съедят мозги. Или переделают в зомби, как батю. Значит, надо перебраться на другое место, лучше всего — на крышу вон того магазина позади дома, где спрятались друзья. Оттуда лучше видно, а сбежать из магазина можно разными путями.

И Истребитель Демонов, забросив электроружье на плечо, сгибаясь под весом оружия, тяжело дыша и посапывая, поспешил вниз. Его маленькое сердце колотилось испуганно и быстро. Его маленькую душу наполнял страх. Но в его маленькой и до сих пор совсем бестолковой жизни появилась очень важная цель.

ГЛАВА 28

Командер Максар прыгнул на асфальт. Голова раскалывалась, правая половина лица горела огнем. Он не был уверен, что скрытый под бинтом глаз еще видит. Казалось, в глазницу вставлен пышущий жаром уголек, жгучая боль шла от него пульсациями — под череп, в глубину, раскаляя мозг командера, наполняя его гневом и яростью.

Очень хорошо контролируемой, сдержанной яростью.

Горели синие светильники, в полутьме переговаривались солдаты, гудели моторы. Максар по привычке сцепил руки за спиной. Он не сказал ни слова и не сделал ни единого жеста, но из темного дверного проема мгновенно вынырнул мастер-капитан Сафон.

— Здание оцеплено, проверено. На этажах пусто.

Показалось, или в голосе капитана действительно сквозит презрение? Здоровым глазом Максар впился в его лицо, и Сафон едва заметно подался назад.

Уголек в глазнице ярко вспыхнул, командер сцепил зубы. Был бы он обычным человеком, то закричал бы от боли и, возможно, упал. Но Максар бер'Грон — потомственный берсер, воин Орды, лучший из лучших, рожденный убивать и быть убитым. Никакая боль, вообще ничто в мирах не способно вырвать крик из его рта и выдавить слезы из его глаз.

Хотя теперь он осквернен. Какой-то пеон подстрелил его, яд с картечи проник в тело. Если бы тёмник, приехавший с ними в главный лагерь, не использовал свои снадобья, командер был бы уже мертв.

А ведь он рассчитывал стать комендантом нового Бастиона, который скоро возникнет в центре оккупированной зоны, оттеснить ленивого жирного Косту, любителя браги, жратвы и мальчигов. Теперь этому не суждено случиться — как бы ни были сильны покровители клана Гронов в Ставке, они не могут сделать комендантом того, кто был ранен не в бою, не рукою сильного вражеского воина, а в собственном лагере — выстрелом презренного пеона! Теперь место, на которое может претендовать Максар, это мастер охраны Бастиона, не выше.

Сафон ждал приказа. И все вокруг ждали — три десятка солдат и трое сержантов. А Максар медлил. Он не знал точно, кого преследует. От агента на Териане поступили лишь координаты, по которым в этом мире находился тот, с кем терианские еретики-повстанцы поддерживали связь. Они поставили под удар все подполье, потому что понимали: Земля — последний мир на великом Пути, и когда сияющий змей Бузбарос укусит себя за хвост, когда Путь Орды замкнется в Кольцо, — тогда необходимость поддерживать работу порталных машин исчезнет, и миры сольются в единое суперпространство, подчиненное Орде.

Уголек в глазнице будто задрожал, рассылая вокруг пульсации боли, но изуродованное ядовитой картечью лицо Максара бер'Грона осталось невозмутимым. Капитан Сафон немного отступил, глядя за спину командера. Зашевелились солдаты, вскинул голову появившийся в дверях дома сержант.

Так вот в чем дело. Неподалеку вот-вот раскроется Око, а поврежденный глаз

командера ощущает рябь на ткани пространства.

Солдаты начали опускаться на колени, кто-то лег, хотя по силе ряби было понятно, что Око небольшое, а значит, не требует того варианта ритуала, когда надо лечь. И, как определил преклонивший колена Максар, Око не относилось к мерцающим, тем, что сами собой возникают и пропадают в зоне оккупации вскоре после ее открытия. Особый звук — не обычный гул, но тонкое, едва различимое гудение — сказал ему, что это Око открывается при помощи одной из мобильных машин, которыми во всей Орде могли пользоваться только тёмники.

Максар бер'Грон оказался прав. Небольшое Око раскрылось прямо над тротуаром неподалеку, и упругая, но не слишком сильная волна воздуха качнула командера. Как и все, он склонил голову, но, в отличие от других, сразу поднял ее. Выпрямился.

Из Ока вышел тёмник — сутулый старик в черных одеждах и сапогах с острыми, загнутыми кверху носками. В руке его был свиток.

Тёмник... Максар недолго любил их, как и многие берсеры, потомственные воины, с детства обучавшиеся искусству войны. Тёмники загрязняют мозги древними знаниями. Но они, без сомнения, нужны Орде. Пеоны, также владеющие сведениями, оставшимися со времен, когда правили Проклятые, по натуре предатели, потому что являются порождением чужой расы, но тёмником может стать лишь потомственный берсер.

Приблизившись к Максару, старик поджал губы и удивленно оглядел его.

— Бер'Грон... Ты осквернен.

Командер молчал. Тёмник кивнул, отступил немного, всматриваясь в лицо Максара, вернее, в половину лица, не скрытую бинтами, задумчиво похлопал свитком по ладони и заговорил вновь:

— Мое имя Эйзикил, бер'Грон. Я направлен сюда нашими друзьями в Ставке, чтоб помочь тебе в восхождении на Бастион, но теперь... — Он покачал свитком, твердой кожаной трубкой, в которой тёмники и пеоны хранили древние знания, сведения про порталные машины и другие устройства. — Но теперь, думаю... Что ж, вопрос с Бастионом мы оставим на потом. Координаты, переданные нашим человеком из стана терианских еретиков, подтверждены. Это Око намеренно раскрыто рядом с логовом их агента.

Какое-то движение произошло позади него. В дымных зеленых спиралях Ока мелькнули тени, потом в нем что-то плеснулось.

А после Око сдвинулось. Максар бер'Грон моргнул. Он впервые видел такое!

Вновь рябь прошла по ткани пространства. Подул ветер. Тёмник по имени Эйзикил оглянулся — бросился к Оку, подобрав полы черных одежд. В этот момент оно с тихим хлопком исчезло. Старик вскинул руки, словно в ритуальном приветствии. Порыв ветра пронесся над улицей, с разных сторон раздались удивленные возгласы солдат. Максар сделал шаг вслед тёмнику, а тот повернулся — худое морщинистое лицо его подергивалось.

— Что? — спросил Максар.

Старик быстро заговорил:

— Я понял, командер! Чтоб раскрыть Око неподалеку от места, координаты которого передал наш агент в стане еретиков, мы были вынуждены отвезти машину далеко от терианского Бастиона. Сейчас на Териане, — Эйзикил ткнул большим пальцем себе за спину, — машина стоит посреди кварталов Дикого города. Воспользовавшись этим, еретики напали на нее. Напали и захватили одну из наших мобильных машин!

— Сколько людей было у вас с собой? — спросил Максар.

— Больше двух десятков солдат, из них пятеро берсеров. Четыре боевые повозки и еще... Теперь это неважно, командер. Если машина захвачена, если еретики решились на такое, то лишь с единственной целью — чтобы вывести своего агента из этого мира прежде, чем мы доберемся до него. Твои люди уже обыскали здание, командер?

Максар кинул взгляд на капитана, который доложил:

— Внутри никого, но там есть подвал. — Сафон сделал короткий жест стоящему в дверях сержанту и, когда тот подошел, спросил: — Что с подвалом?

— Пробиться не смогли, — сказал сержант. — Надо ломать пол.

Судя по щекастому лицу и рыжеватым волосам, он происходил не из Ангулема. Обращался сержант только к капитану, потому что за прямой взгляд в лицо мастера-берсера или тёмника его могли убить на месте.

Максар и Эйзикил посмотрели друг на друга.

— Если еретики решились атаковать наш отряд, чтобы захватить *ворсиб*, то они... — начал тёмник, но командер не дослушал.

Ворсибами назывались мобильные порталные машины — с помощью одной из таких и прибыл этот старик. А теперь ее выкрали, и на памяти Максара такое произошло впервые. Развернувшись, он приказал:

— Сафон — все внутрь! Пробейтесь в подвал!

ГЛАВА 29

— Эту дверь трудно сломать, — заверил Лагойда, входя в зал с длинными столами, уставленными приборами. — И над нами слой бетона в восемьдесят сантиметров, к тому же там не обычная арматура, усиленная. В общем... Денис, что здесь?

Молодой человек в белом халате и больших круглых очках поднял глаза. Стекла в очках были затемненными, хотя лампочки не слишком ярко озаряли помещение.

— А что здесь может быть? — пожал он узкими плечами. — Я, как и прежде, ничего не могу настроить после...

— Лазарич! Лазарич — говорить! — пеон попытался протиснуться между Кириллом и Яковом с Лешей. — Явсен, Лазарич...

Ученый (по возрасту он тянул скорее на лаборанта, чем ученого) едва не подскочил, увидев его.

— Это же пеон!

— Откуда такое слово знаешь, парень? — спросил Леша.

— Я...

— Лазарич!

Они замерли посреди зала. Леша наскоро представил их друг другу, Кирилл постарался запомнить имена и прозвища. Яков с Лешей стояли по сторонам от него, Курортник и Лабус — за спиной у Явсена, рядом Игорь с Багрянцем. Лагойда со своими людьми — перед ними. По знаку Ростислава Борисовича «быки» Манкевич с Партизановым и молодой Григоренко, обойдя гостей, вернулись к площадке с лестницей, хотя круглолицый Миша остался возле шефа. Игорь кивнул Багрянцу, тот отошел к стене, повернулся к ней спиной, чтобы видеть всех находящихся в подвале. Оружия никто не доставал, но в зале висело напряжение.

— Явсен очень хотел поговорить с Артемием Лазаревичем, — произнес Кирилл, ни к кому конкретно не обращаясь. — Что-то сообщить ему.

— Он хотел навести на нас варханов, — отрезал Лагойда. — И навел!

— Нет. Он помогал мне в лагере. Помогал маскироваться, а потом — сбежать.

— Кирилл, у нас был «язык», — Яков осторожно тронул раненое плечо. — Он тоже вел себя мирно. Хотел сотрудничать, даже помог мальчику во время газовой атаки. А потом...

— Потом набросился на Якушу, едва не убил, только прапорщик и спас, — вставил Леша, поведя подбородком в сторону Лабуса, который, хмыкнув, погладил усы. — Так что, Кирюха, не будь наивным.

— Я не наивный! — повысил голос Кирилл. — Но я видел в лагере: пеоны вроде рабов. Не совсем, но похожи. И среди них могут быть такие, которые действуют против хозяев. Явсен — из них.

— Интересно, почему ты так его защищаешь? — спросил Лагойда.

С лестницы донесся глухой быстрый стук — колотили в железную дверь наверху.

— О, как бьются, — заметил Леша. — Слышь, как тебя... Борисыч, какая б там толстая дверь ни была, а все равно они ее раздолбают. Или взорвут. Ты сказал, отсюда другой выход

есть?

Ростислав Борисович еще пару секунд в упор смотрел на Кирилла, потом отвел взгляд и махнул рукой на другой конец зала.

— На краю нашей парковки есть будка, ход ведет туда. Но дальше расположен магазин, два дня назад между ним и стоянкой начался бой, кто-то напал на варханский патруль. Мы не вмешивались, но было несколько взрывов, и будка обрушилась.

— Ну так можно там выйти или нет? — спросил Леша.

— Можно, но надо разгребать.

Глухие удары смолкли, наступила тишина. Явсен повторил, просительно заглядывая в глаза Кирилла:

— Лазарич!

— Ты ведь почти не умеешь по-русски... — начал Кир.

— Зато я знаю их язык, — негромко произнес Денис за спиной Лагойды.

Вверху что-то обрушилось, и всё вокруг дрогнуло. Замигали лампочки, скрипнули столы, присевшие люди схватились за них. Проникший сквозь перекрытие грохот заглушил голос Дениса, и Кир подумал, что мог услышаться.

Удары в дверь прекратились, сверху полился тяжелый низкий рокот. Лабус по-прежнему караулил Явсена, а Сотник и Курортник повернулись к площадке с дверью, за которой начиналась лестница. Перед площадкой, подняв оружие, стояли охранники «Старбайта».

— Ростислав Борисович, что нам делать? — спросил Григоренко.

— Караулить и молчать! — рявкнул Лагойда.

Выпрямившись, Кирилл обратился к Денису:

— Ты знаешь их язык? Или я не так тебя понял?

— Точно ты понял, Кирюха! — вскричал Леша. — Так он и сказал!

— Немного, — кивнул ученый. — Совсем немного.

— Где Айзенбах? — спросил Игорь у Лагойды. — В какой комнате? Слушай, Ростислав, у тебя нет выбора — веди нас к нему.

— И нет времени, — добавил Курортник. — Веди, иначе мы сами пойдем.

Светловолосый быстро переводил взгляд с одного на другого. Наконец сказал:

— Вам это ничего не даст. Шеф...

Вверху грохнуло, и снова все содрогнулось. Две из пяти лампочек погасли, в зале стало сумеречно. Последовал второй удар, за ним третий.

— Сломали фасадную стену, — объявил Лабус. — Наверное, трактор свой загнали прямо в дом. На нем кран, видели? На крюки повесили что-то тяжелое, поднимают и...

Очередной удар заглушил его голос. Теперь в потолок колотили с периодичностью в четыре-пять секунд, и Кирилл очень живо представил себе стоящую в проломе стены варханскую машину, стрелу крана, трос и тройной крюк, на который подвешено что-то железное и тяжелое. Водитель двигает рычаг, прижимает и отпускает педаль, гудит лебедка, трос с грузом поднимается — и обрушивается на пол.

— Манкевич, Партизанов, Григоренко! — крикнул Лагойда. — Ко второму выходу, разбирать завал! Миша — со мной. Ты! — он показал на Багрянца. — Тоже к завалу, быстро!

Павел глянул на Сотника, тот кивнул, и курсант поспешил к дальней двери вслед за охранниками.

— Так что с шефом твоим, Борисыч, я так и не понял? — спросил Леша. Он и Яков по-прежнему стояли по сторонам от Кирилла.

— Сейчас увидите, — сказал Ростислав Борисович, направляясь к двери.

— Явсен Лазарич идти! — заявил пеон и широкими шагами двинулся следом.

Пересекая вместе с остальными короткий коридор, Кирилл, слегка приотстав, поравнялся с Денисом.

— Ты сказал, что знаешь их язык. Откуда?

Ученый казался парнем слегка не от мира сего — смотрит прямо перед собой, губы

поджаты, движения скупые, сдержанные, словно постоянно боится что-нибудь зацепить, опрокинуть, разбить. И очки эти темные... зачем, при таком-то освещении? Хотя Кирилл понимал, что и сам не слишком обычный человек, поэтому снисходительно относился к чужим странностям.

— Откуда? — повторил он.

— У нас ведь была связь, — ровным голосом произнес Денис, не глядя на него. — Через передатчик. Я изучал, вникал.

Прежде чем Кир успел задать следующий вопрос, коридор привел в длинную комнату г-образной формы. Сервант с телевизором, стол, стулья... Ближе к дальнему концу помещения стояла металлическая койка на высоких ножках с колесиками.

Там под одеялом лежал Артемий Лазаревич Айзенбах. Голова замотана бинтами, от капельницы трубка идет к катетеру на сгибе локтя. Лежащая поверх одеяла рука была неестественно худой, да еще и с легким синеватым отливом — казалось, она принадлежит мертвецу.

Кирилл подошел к койке. Лицо у Айзенбаха было совсем бледным, глаза закрыты. Кир поднял вопросительный взгляд на Лагойду, за спиной которого маячил Миша, но начальник службы безопасности «Старбайта» смотрел на Сотника с Курортником и Лабусом, вставших по другую сторону кровати.

— Что с ним? — спросил Кирилл.

Сзади зашуршали. Во второй половине комнаты, невидимой от входной двери, возле прикрученной к стене раковины с краном стоял стеклянный медицинский шкаф, полный склянок и флаконов. Перед ним на стуле спала, тихо посапывая, красивая темноволосая женщина в таком же, как у Дениса, халате.

— Лазарич? — громко спросил Явсен.

Женщина вздрогнула, подняла голову. Протерев глаза, вскочила и бросилась к гостям со словами: «Вам сюда нельзя!»

— Виктория, помолчи, — сказал Лагойда, но она оттолкнула его.

— Уходите! Тёма болен, его нельзя...

— Артем не просто болен, он вот-вот умрет, — безжалостно отрезал Лагойда. — Не мешай нам.

— Что с ним? — спросил Игорь.

— Мы были снаружи, когда все началось, — ответил Ростислав Борисович. — В нескольких кварталах, мы как раз ехали в офис, потому что должен был появиться... этот. — Он кивнул на Кирилла. — Машина встала. Потом появились варханы. Когда мы прорывались к офису, шеф попал под их машину. Получил переломы и очень сильное сотрясение.

— А вчера вечером было кровоизлияние! — всхлипнула Виктория. Она держала Айзенбаха за руку и гладила ее, кусая губы.

Яков переглянулся с Кириллом.

— Немного совсем опоздали, Кирюша, если бы вчера...

— Ростислав Борисыч! — зычно крикнул один «бычок» из зала. — Мы расчищаем, но они дверь уже почти сломали!

— Значит — поторопитесь! — ответил Лагойда.

— Он может говорить? — Кир нагнулся над койкой, заглядывая в лицо умирающего. — Артемий! Что это была за программа? Та, которую я должен был залить на лабораторные машины? Это вирус? Зачем...

— Прекратите, Тёма ничего не слышит! Он в коме, вы что, не понимаете?! — Слезы катились по лицу Виктории. — Он на грани смерти. На грани! Нужен хороший медицинский центр, оборудование, лекарства, врачи! Мы должны вывезти его отсюда! Я говорила им, но они не хотят!

— Из-под купола не выйти, — возразил Кирилл и потребовал у Лагойды с Денисом: — Если он не говорит — отвечайте вы! Что все это означает? Откуда ты знаешь их язык? Как...

— Да заткнись ты! — презрительно бросил Лагойда. — Из-за тебя, сука, все

произошло! Это я тебе сейчас вопросы задавать буду!

Позади него раздался звук удара, короткий крик охранника Миши, и через мгновение в затылок Лагойды уперся ствол «грача».

— Не стреляйте! — крикнула Виктория, пытаясь закрыть Айзенбаха от Сотника.

— Ты будешь отвечать на вопросы, а не задавать их, — сказал Игорь. — Как варханы связались с вами?

Леша с Яковом и Кириллом остались на месте, а Курортник быстро переместился вбок, нацелив «бизон» в голову стонущего Миши. Лабус тем временем оттащил Явсена к изголовью кровати, чтоб видеть и пеона, и Лагойду с охранником.

— Ничего я вам не скажу! — скривился Лагойда.

— Пусть этот отвечает, — Кирилл ткнул пальцем в Дениса.

— Да, они связались с нами, — произнес тот, ни на кого не глядя. — То есть не берсеры, а...

— Берсеры? — перебил Яков. Он подался вперед, внимательно слушая.

— Мне кажется, слово звучит именно так. Варханы — так называется все племя. А берсеры — это их потомственные военные. Они из Ангулема, который... не знаю, как сказать. Трудно было перевести, в общем, Ангулем — это Столбовой мир, так они его называют. Еще в Орде есть...

— Орда? — теперь его перебил Игорь.

— Если вы будете постоянно перебивать, я прекращу рассказывать, — произнес Денис куда-то в сторону. — Да, это Орда. Орда из места под названием Ангулем. По дороге сюда они прошли через другие... другие реальности. Это длится... Вот со временем самые большие проблемы. Очень трудно было понять, возникали странные нестыковки. Но это длится веками — Орда захватывает реальности. Она состоит из берсеров, то есть воинов Ангулема, и тех, кто присоединился к ней, обитателей других реальностей. Почему-то захватчики называют Землю «крайним миром». Не знаю, что это значит.

Прежде чем Кирилл успел задать вопрос, заговорил Яков:

— Почему наши языки схожи?

Вверху громыхнуло особенно сильно, и шум заглушил ответ Дениса. С потолка посыпались струйки пыли. Виктория, охнув, низко склонилась над Айзенбахом, остальные пригнулись.

— Что ты сказал, малый? — спросил Леша.

— Кажется, варханы считают Землю своей колонией. Потерянной колонией.

Все недоуменно воззрились на ученого.

— Потерянной колонией, — растерянно повторил Кир.

— Вроде того. Когда-то они были здесь. Или не они. Это трудно понять, но кто-то из Ангулема побывал на Земле и оставил поселение.

— Лежать! — Курортник, быстро нагнувшись, ткнул Мишу стволом в затылок. — Не шевелиться!

— Ты сказал, они связались с вами, — напомнил Кир.

— Денис, молчи! — крикнул Лагойда. — Если ты...

— Заткнись! — Игорь вдавил ствол «грача» ему в шею.

Ростислав Борисович громко скрипнул зубами.

— И что, убьешь меня?! Когда у нас есть общий враг, просто возьмешь и пристрелишь кого-то из своих?!

Игорь промолчал, вместо него ответил Курортник:

— Если не хочешь делиться информацией — значит, ты не «свой».

И вновь Денис заговорил, ни на кого не глядя:

— У нас много различного оборудования, Артемий Лазаревич всегда закупал самое новое и дорогое. Ну и... Мне опять сложно объяснить. В общем, некоторое время назад мы стали регистрировать поток частиц. Понимаете, частицы высокой энергии...

— Денис! — крикнул Лагойда. — Если скажешь еще хоть слово...

Удар в голову бросил его на колени. Игорь упер ствол «грача» Лагойде в темя, и он замолчал.

— Поток был определенным образом модулирован, — продолжал Денис, — нам словно передавали что-то. Мы занялись расшифровкой. Дали обратный сигнал. В конце концов, смогли наладить... Это как межпространственное радио, понимаете? Как будто говоришь по радио с иностранцем, чей язык плохо понятен, но все же... все же немного понятен. Я изучил его. И я могу... могу попробовать... — он повернулся к Явсену и что-то произнес.

Пеон вскинул голову. Подался к Денису, звякнув наручниками за спиной, и выпалил в ответ несколько слов.

— Освободите ему руки, — сказал ученый. — Он просит, чтобы ему освободили руки.

— Снимите наручники, — обратился Кирилл к Лабусу.

— Кирюха... — начал Леша.

— Я говорил вам, он не предатель! Думаете, я такой наивный? Вы хотите, чтобы он помогал, или нет? Он же многое может рассказать! Снимите!

Леша с Яковом переглянулись, и старик сказал:

— Слышь, прапорщик... Костя, ладно, сними наручники.

Лабус поглядел на Курортника, на Игоря, пожал плечами. Щелкнул замок, звякнула цепочка. Явсен потряс руками и снова заговорил с ученым на своем языке.

— Он говорит, что принадлежит к той группе, которая с нами связалась, — перевел Денис. Спросил что-то у Явсена, внимательно выслушал ответ, задал еще несколько вопросов — на чужом языке парень говорил медленно, сбиваясь и поправляя самого себя. Помолчав, он обдумал рассказанное пеоном и стал пояснять:

— Они называются... трудно перевести, но это похоже на «еретики». Смысл не совсем такой, но... Еретики выступают против Орды. Это... это как...

— Подполье, — предположил Игорь.

— Да, точно. Сейчас, подождите еще немного. — Денис снова заговорил с пеоном. Кирилл, поймав на себе пристальный взгляд, повернул голову к Ростиславу Борисовичу, который, не моргая, смотрел на него.

— Что? — спросил Кир. — Думаешь, из-за меня все это произошло?

— А из-за кого? — вскинулся Лагойда. — Если бы ты тогда слил программу на их машины...

— Так что это была за программа? Денис, слышишь? Меня посылали в лабораторию Буревого. Буревого Вениамин Павлович, начальник лаборатории, где была запущена та машина, из-за которой возник купол. На моем ноутбуке была программа, которую я должен был...

Серия быстрых ударов в потолок прервала его. Потом грохочущие звуки вновь стали размеренными, с перерывами в несколько секунд. Денис сказал:

— Знаю, я был в группе, которая конвертировала код.

— Конвертировала код? — не понял Кирилл.

— Еретики переслали нам эту программу в виде длинного кода. У них другие машины. Фотонные кристаллы, компьютеры Ангюлема основаны на них. Программа изначально была написана на таком компьютере. Мы перекодировали... Это сложный метавирус, он должен был уничтожить софт в лаборатории Буревого. По словам еретиков, там готовился проект, который открыл бы... Нет, не так: он надломил бы пространство. — По мере того как Денис говорил, голос его становился все более воодушевленным, исчезала скованность движений, он даже начал жестикулировать. — Когда я разъяснял все это Артемию Лазаревичу, то придумал аналогию. Представьте, что наш мир — как яйцо. Покрыт скорлупой. Варханы хотели проникнуть сюда, но не могли пробиться. Им надо было, чтобы яйцо надкололи изнутри.

— Чтобы кто-то отсюда включил установку? — понял Кир. — Они связались с Буревым, как еретики связались с вами, только раньше. Передали схему, по ней он создал установку... Но зачем? Он что, не понимал, к чему это приведет?

— Я не знаю, что он понимал, а что нет, — огрызнулся Денис. — Но я точно знаю: еретики хотели, чтобы мы помешали включению установки. Объяснили нам последствия. Купол — это как пузырек, вспухший на поверхности яйца. В этом месте пространство становится более тонким и ломким. Под куполом начинают возникать так называемые мерцающие порталы, и тогда...

Он замолчал, когда после особо сильного удара с потолка вновь посыпались струйки цемента и свет в подвале мигнул.

— Ростислав Борисович, сюда! — завопил снаружи Григоренко. — Мы почти...

Новый удар прервал его. Вверху громко хрустнуло, и по потолку пробежала трещина.

— Выходим! — Курортник схватил за шиворот охранника Мишу, поднял на ноги и толкнул к дверям. — Кто раненого понесет?

— По-моему, он мертв, — сказал Кирилл, во время рассказа Дениса искоса наблюдавший за Айзенбахом.

Виктория все это время держала Артемия за руку и, кусая губы, переводила взгляд с одного мужчины на другого. Теперь она вскрикнула, склонилась над телом, сжала бледно-синее запястье, ища пульс.

Явсен вновь заговорил, Яков принялся отступать к дверям вслед за Игорем, который поднял с колен Лагойду и толкал его перед собой.

— Кирюха, уходим! — скомандовал Леша. — Дамочка, вы тоже давайте!

— Я никуда не пойду! — отрезала женщина.

Стена в торце комнаты за спиной Кирилла проломилась. Со звоном упал медицинский шкаф, мелкой прозрачной волной разлетелись осколки. В клубах пыли возникли силуэты, часто застучали выстрелы, мелькнули вспышки. Кир повалился на пол и пополз, над ним пули ударили в спину Виктории, бросили на койку. Закричав, женщина обхватила ее, прижалась к мертвецу. Заскрипели колесики, койка поехала — и перевернулась набок. Два тела растянулись на полу в ворохе простыней и одеял, которые быстро темнели от крови.

Из пролома ударили желтые лучи света. У двери застучало оружие Курортника и Лабуса.

Кир встал на четвереньки, схватил за халат присевшего возле стены Дениса и потянул прочь от пролома. Ученый, оттолкнув его руку, пополз сам.

— Кирюха, осторожно!

Кто-то подскочил к нему, Кир увидел ноги в широких шароварах прямо перед собой и встал на колени, выдергивая катану из ножен. Ствол электроружья уперся ему в лоб, но вархан не выстрелил — отлетел к стене, когда сбоку прыгнул Леша.

В комнате клубилась пыль, лучи света качались, вспыхивали и гасли. Из пролома лезли варханы, стучали выстрелы, кто-то кричал.

Кирилл поднял катану. Леша, надрывно кашляя, сжимал горло невысокого рыжевато-чужака, который в свою очередь душил его. Кир полоснул вархана по ногам, и оба упали — но Леша повалился сверху, привстав, ударил чужака затылком о пол. Где-то рядом взревел Багрянец. Из коридора донесся крик Якова.

— Якуша! — Леша вскочил на колени. В руке его возник большой армейский нож, опустился — клинок вошел в шею вархана.

Кирилл начал выпрямляться, рядом, упираясь в стенку, встал Денис. От двери полилось гудение, и ученый крикнул:

— Портал! Они...

Вбежавший в комнату Багрянец дал короткую очередь из АК над их головами, подскочил к серванту и с хриплым ревом опрокинул его. Затем перевернул стол, присел за баррикадой и начал стрелять в лезущих из-за угла чужаков. Почти сразу в автомате закончились патроны, и здоровяк стал хлопать по карманам, ища запасной магазин.

— Отходите, мы там разгребли! — крикнул Павел. — Я за вами, где капитан?!

— Он уже снаружи! — ответил Кир.

— Как?! Почему я не видел?!

Пыль заклубилась, плеснул зеленый свет — и Кирилл едва не опрокинуло потоком воздуха. В волосах затрещали искры. Прямо перед дверью, за которой был ведущий в большой зал коридор, в полуметре над полом повисла изумрудная овальная воронка. Сквозь дымные спирали что-то проглядывало, там сновали какие-то тени, одна стала четче — и наружу выпрыгнул человек с длинными светлыми усами и кудрявыми волосами, в широком балахоне до колен, светло-желтых сапогах и брюках-галифе. Вскинув оружие с торчащей вбок кривой рукоятью, он выстрелил в вархана, показавшегося из-за угла, за которым был пролом в стене.

— Хлар! — выкрикнул усач, призывно махая рукой. — Ача хлар!

Он передернул затвор. Оглянувшийся Багрянец решил, что к чужакам пришла подмога, и бросился на незнакомца, клацая разряженным АК. Врезался в грудь усача, отбросил и вместе с ним исчез в зеленом дыму.

Сразу трое вархан высунулись из-за угла. Кирилл упал на колени позади баррикады, заставив Дениса присесть.

Рядом, перезаряжая пистолет, на корточки опустился Леша. Из портала за их спинами показался старик, одетый так же, как и усатый, следом высунулся морщинистый великан с ежиком белых как снег волос. В руках первого было оружие с кривой рукоятью, у белобрысого — два больших пистолета. Выкрикнув что-то, он вскинул их. Кирилл, Леша и Денис повалились на пол, над головами взвизгнула картечь.

Денис вскочил и бросился к порталу.

— Это еретики! — крикнул он. Чужаки расступились, ученый прыгнул между ними — и пропал из виду.

Кроме Кирилла с Лешей и двух незнакомцев в этой части комнаты никого не осталось. Из-за угла то и дело высовывались варханы, стреляли и прятались, пули били в сервант, в столешницу. Из зала доносились крики и грохот — кажется, чужаки наконец сломали железную дверь. Великан перезаряжал пистолет, старик, встав на одно колено, целился над столом. Он трижды выстрелил, быстро передергивая кривой рычаг. Между ним и великаном из портала высунулся усач, закричал, делая призывные жесты.

— Кирюха, давай туда! — крикнул Леша, на корточках ковыляя к порталу.

— Но мы не знаем... — начал Кир.

— Здесь нельзя оставаться!

— Мы понятия не имеем, что за ним! Там же другой мир, я не...

— За мной, говорю, кончат нас здесь!

— Мы не знаем, что там!!! — в отчаянии завопил Кирилл. — Это... это как выстрел в темноту! В полную темноту — там все, что угодно, может быть!

— Разберемся, Кирюха! За мной!

Пуля ударила в край стола, вырванная ею щепка впилась в щеку. Портал подернулся рябью, цвет его изменился, стал мутноватым. Усач, пятясь, снова поманил их.

Из двери за порталом выпрыгнул вархан, перекатившись, встал на одно колено и вскинул автомат.

Теперь чужаки были с двух сторон — отступать некуда. Кирилл бросился вслед за Лешей. Пуля чиркнула по волосам, Кирилл пригнулся... И прыгнул в портал.

ОТ АВТОРА

«Нашествие», прежде всего — интерактивный роман, главы которого появлялись в Интернете по мере их создания.

Что значит — интерактивный? А то, что все читатели, желающие принять в нем участие, предлагали свои варианты развития сюжета, голосовали за те, которые больше понравились, и оставляли отзывы. К примеру, по моему плану Игорю с Кириллом предстояло встретиться еще во второй части, но почему-то большинство читавших «Нашествие»

категорически высказывалось против этой встречи, и она откладывалась из главы в главу — пока пути героев не пересеклись уже в самом финале, да и то лишь для того, чтобы почти сразу разойтись.

Или другой пример: я понятия не имел, что Игорю необходимо отправиться в его бывший стрелковый клуб за оружием. Этот ход (вполне естественный для Сотника в той ситуации) возник именно благодаря читателям романа, указавшим на его логичность.

Имена тех людей, влияние которых в этой книге наиболее сильно, перечислены в начале. А другие писали отзывы на отдельные части (и даже рисовали рисунки!), некоторые из которых я и привожу ниже:

Алексей Захаров ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЛОКБАСТЕР

Какая главная задача первых глав любого романа, претендующего на массовую популярность? Естественно — увлечь читателя, «поташить» его дальше по тексту. И с этой задачей первая часть «Нашествия» справляется: прежде всего, она интригует. Каким образом автор добился этого, при том что история-то развивается вполне неторопливо?

Во-первых, персонажи. Образы раскрываются с первых строк, два главных героя четко и ясно очерчены. Кирилл Мерсер — студент-хакер несколько не от мира сего, длинные волосы, потёртые джинсы... Он рассеянный и себе на уме. Этаким хиппи с ноутбуком в одной руке и катаной в другой. Игорь Сотник — сильный, крупный, похож на «былинного богатыря», сдержанный и решительный... Автор не копается в психологии персонажей, но с ходу делает их яркими, хорошо представимыми. Их мотивации, цели, причины их поступков легко понять, а значит — им сопереживаешь, за приключениями их интересно следить.

Это первый способ, с помощью которого автор сумел создать занимательное начало, ну а второй, естественно, интригующий сюжет. Пока что понятно следующее: из-за сбоя во время научного эксперимента Москву накрыло неким энергетическим (ведь там бьют молнии) куполом, под которым появилось несколько «порталов». Через порталы началось вторжение неких «чужаков», скорее всего — визитеров из параллельной вселенной... Вот, собственно, и всё! Кто они такие, и почему в противогазах? Почему при неразвитой технике (дизельные «тачанки», не слишком мощное оружие) они хорошо подготовлены к нападению, то есть, как можно предположить, проделывали подобное раньше? Неужели все параллельные миры (а, судя по всему, их много) такие отсталые? Чего, в конце концов, хотят чужаки? Захватить Москву — зачем? Нет, за их действиями явно стоит какая-то другая, более глобальная и зловещая цель...

Все эти вопросы в первой части остаются нераскрытыми, и чтобы узнать ответы на них, большинство читателей, как мне кажется, станет читать «Нашествие» дальше. Скорее всего, нас ожидает нечто масштабное и зрелищное — этаким блокбастер, только не киношный, а литературный.

Посмотрим!

Максим и Евгений Фетисовы БЕГИ, ЛОЛА, БЕГИ!

«Конец света/Выживание» (инструкция по выживанию):

- 1) взять с собой фонарь, нож, рулон туалетной бумаги, деньги (два последних наименования особенно важны);
- 2) ликвидировать всех родственников (желательно руками врага), чтобы они не отягощали ваше спасение;
- 3) крадучись, двигаться от своего дома (неважно, если ваш дом не в эпицентре);
- 4) найти транспорт (желательно на дизельном двигателе);
- 5) вооружиться (подойдет все — от куска трубы до орбитальной пушки), чтобы отомстить врагу за смерть родственников;
- 6) собрать себе команду, чтобы захватчикам было кого убивать;

7) приступить к мести (по возможности спасти мир).

В свое время, будучи учениками начальных классов, мы играли в компьютерную игру под названием «Half-Life». Так вот, сюжет «Нашествия» очень походит на сценарий этой игры. Там тоже в результате научного эксперимента, вышедшего из-под контроля, в наш мир через открывшиеся порталы хлынули злобные пришельцы в противогазах. Они привезли с собой и таранайки со стальными башнями, имеющими прорези для пулеметов, и ужасных монстров. И даже главный герой был отнюдь не накачанный коммандос, а всего лишь физик-ядерщик с плохим зрением. Вот только есть одно существенное НО...

В отличие от игрового героя, главные персонажи книги — Кирилл и Игорь — не обвешаны пушками с ног до головы. Они не носят суперкостюмов и не обладают какими-то сверхспособностями. И они не бегут сломя голову спасать всех и каждого от злобных интервентов, именуемых варханами. Вместо этого герои часто наблюдают из укрытия, как враги убивают случайного прохожего, и трясутся лишь за свою жизнь. И никого не спасают... да просто потому, что они люди, обычные люди, как мы с вами и как все те, кто встречается им на пути.

Тут нет бесконечной пальбы во все стороны, нет сотен трупов. Здесь каждая пуля — это смерть. Андрею Левицкому удалось передать «тяжесть» оружия, его смертоносность, будь то нож «Король Джунглей» или пистолет ПМ. Читатель сразу понимает, что в руках персонажа не простая побрякушка, а оружие, которым запросто можно убить. Но не будем залезать так глубоко в эти тонкости. Те, кому интересно, прочитают и сами. А если коротко...

Каждый из героев идет к своей цели, попутно встречая таких же, как он, — выживших. И мы, глазами главных персонажей, видим все стороны их поведения — от безумной паники и до героизма.

И ведь это только начало. А что еще ждет нас дальше!

Нравится вам жанр постапокалипсиса или нет — не важно. «Нашествие» — главная жанровая книга этого года. И от нее уже не скрыться. Так что, говоря словами одного из персонажей: «Открыфай, бапка, фашисты пришли!»

Елена Балова АПОФЕОЗ ВОЙНЫ

...Слова вроде *«Кто я, в конце концов, такой — мокрица, кролик, мышь дрожащая, или — человек?»* могли бы, пожалуй, стать не только внутренним размышлением литературного персонажа, но и — запросто — эпиграфом к виртуальным баталиям читателей, разворачивающимся в комментариях к тексту «Нашествия». Народ жаждет одновременно хлеба, зрелищ, масштабных военных действий против захватчиков, блистательных выпадов доморощенных самураев-одиночек, — и кто бы вспомнил современную мудрость: нормальные герои всегда идут в обход!..

Ставшие нам уже почти родными Кирилл Мерсер и Игорь Сотник — вполне нормальные герои, плоть от плоти породившего их общества, и первые дни Нашествия, когда перед войсками варханов всё разбегается и пылает, аккуратно обходят их стороною; к вящей радости читателя, внутренняя логика повествования при этом ничуть не страдает. Сотник, как бывалый боец, умеет прятаться и выжидать (для того, кто хоронится прямо под носом противника, двое суток в окружении — не срок). Кирилла наконец-то сбивает с ног запоздавшая нервная горячка — но последняя улыбка Судьбы, обращенная к нему, всё ещё не погасла, и загадочный агроном Яков, на поверку оказавшийся лингвистом, дзюдоистом и бог знает кем ещё, по-прежнему рядом... Именно он, «тёмная лошадка» сюжета, станет первым свидетелем того, как варханы зачищают захваченный город... Не хватает только воронов, зловещих предвестников беды, — кстати, летающих пришельцев среди тварей-из-другого-мира пока вообще не было замечено, может быть, появятся ещё, для полноты картины?..

...А больше, собственно, и говорить не о чем, — читать надо, иначе рискует повториться анекдот про «мне Рабинович напел». Потому что третья часть «Москвы-2016» несколько отходит от торжества чистого экшена — хотя и стычки с врагом, и даже

кинематографичные погони присутствуют здесь в большом количестве.

Знаю, многие будут утверждать: ничего особенно атмосферного в тексте нет, ну подумаешь — графическое изображение груды обгорелых костей на фоне опустевших улиц, и даже без длинных кровавых подробностей; мы — народ искушённый и знающий толк в ужастиках, мы-то не испугаемся мерцания жёлтых звериных глаз в ночи и не станем судорожно втягивать ноги под одеяло, услышав тихое шипение под полом...

Возражать тем читателям, которые уверены в этом, я не стану — и автору не посоветую.

Придёт время Нашествия — и вы умрёте первыми!

Олег Швемер ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ «НАШЕСТВИЯ»

Автор продолжает разворачивать перед нами выживание героев под зеленым куполом. Выхода наружу нет, проверено, терпеть агрессора больше нет сил, нужно во что бы то ни стало дать отпор, врезать, так сказать, по серым гадам нашим русским пенделем! К Киру и Якову присоединяется новый персонаж, некто Леша, битый жизнью старый волк, сослуживец Якова, прошедший не одну «горячую точку» еще в далекие годы холодной войны. Он стар и болен, но его душевный оптимизм вселяет надежду. Он лихо управляется с оружием, смело дает отпор как напавшему врагу вархану, так и банде молодых отмороженных мародеров. И последние в свою очередь, совсем озверев, устраивают жесткое нападение с последующим поджогом водонапорной башни, в которой наш старик Лешка устроил свое логово. В окна летят бутылки с «коктейлем Молотова», спасения нет, есть только люк, ведущий в подземелье. Автор показывает нам измученного Кира с его внутренней проблемой, борьбой, он понимает, что отчасти все произошло из-за него, что поиск лэптопа даст многие результаты, но нужно ли все это? Помогут ли два старика ему в решении этой проблемы и нужно ли ее решать? Когда кругом один сплошной хаос, когда тысячами гибнут люди, когда повсюду груды человеческих костей?

А тем временем Сотник и его команда продолжают путешествие на броневике чужаков и попадают в засаду, устроенную двумя спецками ФСБ, уже известными читателю по романам вселенной «S.T.A.L.K.E.R.» («Воины зоны» и «Пуля-Квант», созданные Алексеем Боблом). После небольшой перепалки команды объединяются и бросают все силы на борьбу с общим врагом — варханами. Четвертая часть пестрит боевыми сценами, уличными перестрелками и страшными картинками разрушенной столицы. Жители прячутся в квартирах и отказываются от помощи, полностью разуверившись в силе государственных служб. Вместе со спецками Сотник скрывается в подземном секретном бункере, но нагрянувшая бригада врага в сопровождении Боевой Химической Машины рушит их планы, и после длительной осады герои вынуждены отступать. Вот тут и происходит кульминация: линии героев пересекаются, и все бы ничего, да вот только в облаке отравляющего газа теряется Кир. Скорее всего, он попал в плен, хотя на нем одежда варханов и во всем этом месиве он может остаться целым и невредимым. Поживем, как говорится, увидим. Нашествие продолжается, бой идет не на жизнь, а на смерть.

Глеб Острожский ФИНАЛ

Что хочет автор показать, а что хочет читатель увидеть? Часто их цели противоположны и, к сожалению, редко совпадают. Хотя только в случае совпадения можно говорить, что книга удалась.

Итак, что показал нам автор в завершающей части.

Во-первых, мы узнаем, что варханы вполне себе обычные ребята, которые играют в кости в свободное от ратных дел время. У варханов есть иерархическая система сродни многим системам, существовавшим на Земле. Язык варханов имеет общие корни с индоевропейской семьей языков. В войсках варханов, подобно многим империалистическим

войскам, служат как представители титульной нации, так и воины из колониальных территорий.

Во-вторых, оказывается, что и у варханов есть внутренняя оппозиция (повстанцы), цели которых, как и у всех повстанцев, подпортить жизнь власти. Впоследствии таких оппозиционеров называют либо борцами с режимом, либо группкой заговорщиков. Как их запомнят потомки, прямо зависит от того, удастся мятеж или нет.

В общем, теперь варханы нам как родные, и мы уже их понимаем и готовы наблюдать за ними не только как за чудищами лесными или, как решил для себя психически неуравновешенный Хорёк, городскими демонами.

Хотел ли это узнать читатель? Конечно. Ведь понять причину происходящего было главной целью, ради которой листал он страницы (кликал по экрану мышкой) с момента завязки сюжета в первой части. Тем большим становилось это желание, когда он видел, что книга подходит к концу, а герои все еще бродят по полуразрушенной Москве и периодически вступают в схватки с врагом, во время которых их главной целью становится удрать героично, но быстро.

Но ведь существует и вторая цель у нормального ценителя авантюрной литературы — увидеть, как «наши победят». Конечно, читатель знает, что это не последняя книга, поэтому победа будет не сейчас, но возникает обычный вопрос: «А к этой победе мы опять будем идти путем длинной чреды бессмысленных столкновений, пролистывая которые мы не теряем нить сюжета?». Если это так, вторую книгу он или в руки не возьмет, или... возьмет другую.

И тут автор не оплошал, на последних страницах он отправляет главного героя в... Ну это прочитавшие знают, а остальным зачем портить удовольствие? Поэтому кажется, автору удалось выполнить свою цель и заинтересовать второй книгой.

Вывод простой: цели и автора и читателя совпали. Поэтому первый станет писать следующий том, а второй — внимательно его читать.